

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ

Под редакцией
Л.А. Тутова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Экономический факультет

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ

Учебное пособие

2-е издание, переработанное и дополненное

Под редакцией доктора философских наук Л.А. Тутова

Москва
2021

УДК 330(075.8)
ББК 65я73
Ф51

Ф51 Философия и методология экономики: учеб. пособие / под ред. Л.А. Тутова. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. — 432 с.

ISBN 978-5-906932-88-4

Учебное пособие направлено на формирование целостного взгляда на современную экономическую науку, ее место среди других социально-гуманитарных дисциплин. В издании продемонстрированы возможности философской рефлексии в постижении сущности экономических событий и процессов и обоснован статус философии и методологии экономики как научного направления. Учебное пособие состоит из введения, пяти частей, включающих 19 глав, заключения и глоссария.

Для аспирантов и слушателей образовательных организаций высшего образования, преподавателей, студентов магистратуры, а также всех интересующихся проблемами философии и методологии экономики.

УДК 330(075.8)
ББК 65я73

ISBN 978-5-906932-88-4

© Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сведения об авторах.....	10
Введение.....	11

ЧАСТЬ I ЭКОНОМИКА И НАУКА

ГЛАВА 1. ЭКОНОМИКА КАК НАУКА. МЕСТО ЭКОНОМИКИ В СИСТЕМЕ НАУК. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ С ФИЛОСОФИЕЙ, СОЦИОЛОГИЕЙ, МИРОВОЗЗРЕНИЕМ, ИДЕОЛОГИЕЙ.....	15
1.1. ИСТОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	15
1.2. ЭКОНОМИКА КАК НАУКА.....	17
1.3. МЕСТО ЭКОНОМИКИ В СИСТЕМЕ НАУК.....	21
<i>Выводы.....</i>	25
<i>Проблемный блок.....</i>	26
<i>Приложение 1.1.....</i>	27
<i>Рекомендуемая литература.....</i>	28
ГЛАВА 2. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	31
2.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ДО ПОЯВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ.....	32
2.2. МЕРКАНТИЛИЗМ — ПЕРВАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ.....	34
2.3. КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ.....	36
2.4. НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА.....	41
2.5. ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	48
2.6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ: САМОБЫТНОСТЬ И СВЯЗЬ С МИРОВОЙ НАУКОЙ.....	50
<i>Выводы.....</i>	53
<i>Проблемный блок.....</i>	55
<i>Рекомендуемая литература.....</i>	56
ГЛАВА 3. ЭКОНОМИКА КАК НАУКА И КАК ИСКУССТВО.....	57
3.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭКОНОМИКИ КАК ИСКУССТВА.....	57
3.2. СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ ЭКОНОМИКИ КАК НАУКИ И КАК ИСКУССТВА.....	61

ГЛАВА 7. ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА.	104
7.1. ЭКОНОМИКА И ХОЗЯЙСТВО	104
7.2. ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРЕДМЕТНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ	107
7.3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА	111
7.4. ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА И ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ	114
<i>Выводы</i>	117
<i>Проблемный блок</i>	118
<i>Приложение 7.1.</i>	118
<i>Рекомендуемая литература</i>	118

ЧАСТЬ III

ЭКОНОМИКА И ОНТОЛОГИЯ

ГЛАВА 8. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ. ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЭКОНОМИКЕ ...	120
8.1. ПОНЯТИЯ ОНТОЛОГИИ, НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОНТОЛОГИИ	120
8.2. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	127
8.3. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ ..	131
<i>Выводы</i>	141
<i>Проблемный блок</i>	142
<i>Приложение 8.1.</i>	142
<i>Рекомендуемая литература</i>	143
ГЛАВА 9. ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕРМИНИЗМА В ЭКОНОМИКЕ	146
9.1. К ИСТОРИИ ВОПРОСА: ОТ АБСОЛЮТНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА И ИНДЕТЕРМИНИЗМА К ОТНОСИТЕЛЬНОМУ (ВЕРОЯТНОСТНОМУ) ДЕТЕРМИНИЗМУ	147
9.2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИЧИННОСТИ В XX в.: ВЕРОЯТНОСТЬ, ХАОС, ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ	153
9.3. ДЕТЕРМИНИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ОТ ВОЛОНТАРИЗМА К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ, СОЦИАЛЬНОМУ И КУЛЬТУРНОМУ ДЕТЕРМИНИЗМУ	154
9.4. ДЕТЕРМИНИЗМ В ЭКОНОМИКЕ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ, ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ	164
<i>Выводы</i>	170
<i>Проблемный блок</i>	171
<i>Рекомендуемая литература</i>	172

ЧАСТЬ IV

ЭКОНОМИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

ГЛАВА 10. ЭКОНОМИКА И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ.	176
10.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ.	177
10.2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ УРОВНИ.	178
10.3. ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.	179
10.4. ЦЕЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.	182
10.5. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТЕОРИЙ.	183
10.6. ПОЗИТИВНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ.	183
<i>Выводы.</i>	184
<i>Проблемный блок.</i>	185
<i>Приложение 10.1.</i>	185
<i>Рекомендуемая литература.</i>	186
ГЛАВА 11. СПЕЦИФИКА МЕТОДОВ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.	188
11.1. ПОНЯТИЕ НАУЧНОГО МЕТОДА И МЕТОДОЛОГИИ.	188
11.2. МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.	197
11.3. МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.	198
11.4. ОБЪЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.	206
<i>Выводы.</i>	209
<i>Проблемный блок.</i>	210
<i>Приложение 11.1.</i>	210
<i>Рекомендуемая литература.</i>	211
ГЛАВА 12. ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ.	214
12.1. ОБЩЕЕ ПОНИМАНИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ.	214
12.2. РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.	215
12.3. НОВЫЕ ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ.	218
<i>Выводы.</i>	222
<i>Проблемный блок.</i>	223
<i>Приложение 12.1.</i>	223
<i>Рекомендуемая литература.</i>	224
ГЛАВА 13. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ.	225
13.1. «СПОР О МЕТОДЕ» И КОНЦЕПЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА.	226
13.2. КРИТИКА УСТАНОВКИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА.	234

<i>Выводы</i>	238
<i>Проблемный блок</i>	238
<i>Приложение 13.1.</i>	239
<i>Рекомендуемая литература</i>	240
ГЛАВА 14. ЭКОНОМИКА И МАТЕМАТИКА. ПРОБЛЕМА ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ГРАНИЦ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ	243
14.1. К ИСТОРИИ ВОПРОСА	243
14.2. ЭКОНОМИКА И МАТЕМАТИКА: ПРОБЛЕМАТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ	248
14.3. ТИПЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ	251
<i>Выводы</i>	255
<i>Проблемный блок</i>	256
<i>Приложение 14.1.</i>	257
<i>Рекомендуемая литература</i>	258
 ЧАСТЬ V ЭКОНОМИКА И ЧЕЛОВЕК	
ГЛАВА 15. ЧЕЛОВЕК В ЭКОНОМИКЕ. МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА	261
15.1. ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ЭКОНОМИКЕ. СПЕЦИФИКА ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ	261
15.2. ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	265
15.3. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАБОЧЕЙ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ	270
15.4. ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА	272
<i>Выводы</i>	274
<i>Проблемный блок</i>	275
<i>Приложение 15.1.</i>	275
<i>Рекомендуемая литература</i>	277
ГЛАВА 16. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК ..	280
16.1. РАННИЕ МОДЕЛИ НОМО ECONOMICUS И НОМО SOCIOLOGICUS. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ ...	282
16.2. НОМО SOCIOLOGICUS: СУЩНОСТЬ КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	288
16.3. ЧЕЛОВЕК В ДОРЫНОЧНЫХ ЭКОНОМИКАХ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ ЧЕЛОВЕКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО	296

16.4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОРТО- И ТРАНСДЕТЕРМИНИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РЫНОЧНЫХ И ДОРЫНОЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ	304
16.5. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ МОДЕЛЕЙ НОМО ECONOMICUS И НОМО SOCIOLOGICUS. СОВРЕМЕННЫЕ ВЕРСИИ МОДЕЛЕЙ: REMM, SRSM, RREEMM И OSAM	309
<i>Выводы</i>	320
<i>Проблемный блок</i>	321
<i>Приложение 16.1.</i>	322
<i>Рекомендуемая литература</i>	324
ГЛАВА 17. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК ..	328
17.1. К ИСТОРИИ ВОПРОСА	328
17.2. ЭКОНОМИКА И ПСИХОЛОГИЯ: РАЗЛИЧИЯ И ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ	334
17.3. МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В ПСИХОЛОГИИ. ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ЦЕЛОМ	339
17.4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА	343
17.5. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЭФФЕКТЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	350
<i>Выводы</i>	352
<i>Проблемный блок</i>	353
<i>Приложение 17.1.</i>	353
<i>Рекомендуемая литература</i>	354
ГЛАВА 18. МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	358
18.1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАДИЦИОННОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА	359
18.2. РЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ТОРСТЕЙНА ВЕБЛЕНА	361
18.3. МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНО-РАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА В ТРАДИЦИОННОМ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ	362
18.4. ДИХОТОМИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО В ТРАКТОВКЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА	363
18.5. МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА В НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	365
18.6. МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА В ТЕОРИИ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК	367
18.7. ЧЕЛОВЕК В НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	368
18.8. ЧЕЛОВЕК В ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ ИСПОЛНИТЕЛЯ	369
<i>Выводы</i>	371
<i>Проблемный блок</i>	372

<i>Приложение 18.1.</i>	372
<i>Рекомендуемая литература</i>	372
ГЛАВА 19. ЭКОНОМИКА И ЭТИКА.	375
19.1. ЭКОНОМИЯ, ЭКОНОМИКА И ЭТИКА: ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, РАЗРЫВ, ПОИСК ВЗАИМОСВЯЗИ.	375
19.2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭТИКИ	383
<i>Выводы</i>	389
<i>Проблемный блок</i>	390
<i>Рекомендуемая литература</i>	390
Заключение	392
Глоссарий.	395
Список литературы	410
Литература на русском языке	410
Литература на иностранном языке	428
Интернет-источники	431

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иловайская (Гаврина) Елена Геннадьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 3 (в соавт.); 19 (в соавт.)).

Ермакова Антонина Васильевна — кандидат философских наук, доцент (гл. 2 (в соавт.); 4 (в соавт.); 6 (в соавт.)).

Николаева Ульяна Геннадьевна — доктор экономических наук, старший научный сотрудник кафедры народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 9 (в соавт.); 16).

Рогожникова Варвара Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 2 (в соавт.); 4 (в соавт.); 6 (в соавт.); гл. 8 (в соавт.); 9 (в соавт.); 11 (в соавт.); 13; 14 (в соавт.); 15 (в соавт.); 17).

Тутов Леонид Арнольдович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (введение; гл. 1 (в соавт.); 3 (в соавт.); 5 (в соавт.); 7 (в соавт.); 8 (в соавт.); 10; 11 (в соавт.); 12; 14 (в соавт.); 15 (в соавт.); 18 (в соавт.); заключение; общее редактирование).

Шаститко Андрей Евгеньевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 18 (в соавт.)).

Шулевский Николай Борисович — доктор философских наук, профессор кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 7 (в соавт.); 9 (в соавт.); 11 (в соавт.)).

Юдина Тамара Николаевна — доктор экономических наук, старший научный сотрудник кафедры теории и технологий управления факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 1 (в соавт.); 3 (в соавт.); 5 (в соавт.), 19 (в соавт.)).

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию предлагается переработанная версия одного из первых учебных пособий для аспирантов экономических факультетов, посвященных философии и методологии экономики. Основой для данной работы стал учебный курс по «Истории и философии науки», который авторы пособия читали в течение нескольких лет для аспирантов и студентов магистратуры экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в целях подготовки к экзамену кандидатского минимума. Однако реализация данного проекта была бы невозможной, если бы в 2013 г. на экономическом факультете МГУ не была создана кафедра философии и методологии экономики. Появление кафедры позволило объединить усилия единомышленников, работающих в различных подразделениях экономического и философского факультетов, и подготовить данное пособие, которое мы рассматриваем не только как необходимый учебный материал, но и как важный этап в теоретическом становлении кафедры.

Основным принципом при создании учебного пособия было стремление достичь методологического единства при изложении основных идей и сформировать системный взгляд на предметную область. Сделать это было нелегко, поскольку авторы данной работы, приступая к ней, имели разное представление о том, что такое философия и методология экономики и каков научный статус искомого исследовательского направления. В результате многочисленных обсуждений подготовленных материалов пособия удалось выработать единую позицию на предмет философии и методологии экономики. Однако различия в понимании и трактовке отдельных положений авторами сохраняются, что является характерным для научного дискурса. Теоретические трудности в подготовке работы были связаны также с тем, что история данного научного направления насчитывает совсем немного времени как в нашей стране, так и за рубежом. Возникновение философии и методологии экономики (*Philosophy and Economics*) связывают с работами, первые из которых были опубликованы более 40 лет назад в журнале «Философия и экономика» Кембриджского университета. Позднее появились статьи в «Эразмовском журнале философии экономики» Роттердамского

университета. Значительную роль в развитии философии и методологии сыграл журнал Международного сообщества экономического метода, известный как «Журнал экономической методологии». В это же время стали создаваться научные центры и кафедры в ведущих европейских университетах. Кроме того, в Гарвардском, Стэнфордском и Оксфордском университетах в учебных планах имеются программы по предмету «Философия экономики».

Необходимо отметить взаимосвязь «методологического бума» в экономике (1970–1980-х гг.) и развития современной философии науки. При этом именно постпозитивизм (К.Р. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, С. Тулмин) в значительной степени повлиял на рост интереса к экономической теории в западной философии. Данные мыслители предложили новый подход к пониманию роста знания, основанный на методологическом плюрализме. Для экономической теории это означало отказ от идеи выделения чистой теории и принципа априоризма. С конца 1970-х гг. наблюдается большой поток публикаций в разных журналах, появляются монографии и антологии, проходят тематические конференции, публикуется фундаментальная работа М. Блауга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют» (1980 г.).

В России на факультете экономических наук НИУ «Высшая школа экономики» проводятся активные исследования по методологии экономики. Кроме того, научные исследования и учебные курсы в рамках дисциплины «Философия экономики» ведутся в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова, Российском университете дружбы народов, Воронежском государственном аграрном университете имени К.Д. Глинки.

Это свидетельствует о востребованности данного направления и во многом связано с кризисом, охватившим современную экономическую теорию, сталкивающуюся с целым рядом теоретических и практических проблем и парадоксов, которые невозможно разрешить, основываясь исключительно на положениях существующей парадигмы.

Многообразные направления неортодоксальной экономической теории (неоавстрийская школа, традиционный институционализм, марксизм, посткейнсианство и проч.) предлагают собственные варианты ответа на данный вопрос, однако по разным причинам пока не могут дать удовлетворительных решений.

Данная ситуация нашла отражение в учебном процессе. Традиционные курсы по микро- и макроэкономике, основанные на неоклассической теории, поверхностно отражают процессы, происходящие в экономике, а ознакомление студентов и аспирантов экономического факультета даже с наиболее важными из подходов, альтернативных

неоклассике, происходит поверхностно и, как правило, на факультативной основе. Тем не менее владение всем спектром аналитического инструментария, предоставляемого альтернативными подходами, предполагает глубокие познания в сфере философско-методологических аспектов экономической теории, поскольку данные подходы часто имеют взаимоисключающий характер.

Подготовка учебного пособия является не только адекватным ответом на теоретические и практические потребности современного экономического сообщества, но также продолжает традиции изучения философских оснований экономической жизни, заложенные в Московском университете более столетия назад, когда С.Н. Булгаковым была защищена докторская диссертация и опубликована книга «Философия хозяйства».

Учебное пособие состоит из введения, пяти частей, включающих 19 глав, заключения и глоссария. Завершает пособие список рекомендованной литературы. Каждая глава разделена на параграфы и включает список основных понятий темы, фрагменты из истории вопроса, проблемный блок и выводы, список основной и дополнительной литературы, приложение с фрагментами текстов из первоисточников. Текст снабжен отсылками на источники, номера которых, заключенные в квадратные скобки, соответствуют номерам из списка основной литературы к главе. Ряд глав содержит кейсы.

В части I «Экономика и наука» определено место экономики в системе наук и показаны ее взаимосвязи с другими социально-гуманитарными науками. В данной части представлено философское осмысление возникновения и показана историческая эволюция экономической науки. Раскрыта природа экономического знания как строгой теоретической науки и как прикладной области — искусства хозяйствования. Самостоятельная глава посвящена характеристике науки как сложного общественного института.

Часть II «Экономика и философия» образует теоретическое ядро учебного пособия, поскольку в нем определяются предметные рамки философии и методологии экономики, раскрыты ее взаимоотношения с прикладными направлениями экономики, показаны точки пересечения философии экономики и философии хозяйства.

В части III «Экономика и онтология» даны подходы к решению основных онтологических проблем экономики, осуществлена проекция пространственно-временных характеристик в сферу экономики, раскрыта природа экономического детерминизма.

Часть IV «Экономика и методология» дает представление как об универсальных методах познания, так и о специфических экономических

методах. Значительное место отведено проблемам экономической рациональности и таким ее типам, как функциональная и инструментальная рациональность. Дана оценка методологического индивидуализма как всеобщего принципа построения современной экономической теории. Показана роль математического инструментария в экономике и обозначены границы применения математики для экономической науки.

Часть V «Экономика и человек» посвящена моделям человека, рассмотренным как «жесткое ядро» и системообразующий принцип любой экономической теории. Раскрыты взаимоотношения моделей человека в экономике и социологии, экономике и психологии. Отдельная глава отведена институциональной модели человека как интегрирующей различные дисциплинарные подходы. Завершает часть и в целом пособие глава, в которой показаны сложные взаимоотношения экономики и этики и пути их оптимизации.

Авторы надеются, что учебное пособие найдет заинтересованный отклик в российских университетах, широкой научной общественности и будет способствовать формированию целостного взгляда на современную экономическую науку и ее будущее благодаря философскому осмыслению наиболее интересных и сложных проблем экономики.

ЧАСТЬ I

ЭКОНОМИКА И НАУКА

ГЛАВА 1

ЭКОНОМИКА КАК НАУКА. МЕСТО ЭКОНОМИКИ В СИСТЕМЕ НАУК. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ С ФИЛОСОФИЕЙ, СОЦИОЛОГИЕЙ, МИРОВОЗЗРЕНИЕМ, ИДЕОЛОГИЕЙ

Термины: античная экономическая наука, нано-, микро-, мезо-, макро-, мега- и глобальная экономики, политическая экономия, социокультурно-экономические отношения, экономика, экономия, экономическая мысль, экономическая наука, экономикс.

1.1. ИСТОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Исторически сложилось представление о том, что все науки возникли из философии. Подобная точка зрения подтверждается реальными примерами. Так, Аристотель выделял теоретическую, практическую и творческую философию. Теоретическая философия включала математику, физику и метафизику. Практическая философия — этику, политику и экономию. Творческая философия — эстетику и риторику. Таким образом, античная экономика рассматривалась как практическая философия, изучающая жизнедеятельность человека и человечества в сфере хозяйства.

Тем не менее такая трактовка философии не предполагает, что современное научное знание может в широком смысле называться философией. Философия изучает мир с позиции всеобщего. Конкретные же науки, в том числе экономика, — с точки зрения особенного. Они обращают внимание на отдельные стороны реальности. В то же время

необходимо отметить междисциплинарные экспансии, которые осуществляют различные науки. Хорошей иллюстрацией является экономический империализм, предполагающий использование и даже «навязывание» экономической методологии другим социально-гуманитарным дисциплинам.

С возникновением первых цивилизаций около 3 тыс. лет до н.э. хозяйственная жизнедеятельность человека сопровождается ее рефлексией в форме экономической мысли [13, с. 43]. Так, в XXI в. до н.э. в Древнем Египте появляется «Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», а в XVIII в. до н.э. — Законы Хаммурапи как памятники древней экономической мысли, не выделенной в специальную область знаний. Само понятие экономической мысли является более широким по сравнению с экономической наукой. Изначально экономическая мысль еще не связана с самостоятельным учением, в ней не выделяются устойчивые связи между хозяйственными явлениями. Она малодоступна для философского обобщения.

В IV в. до н.э. началось формирование античной экономической науки — ойкономикос (по-русски — домострой). «Ойкономикос» — сочинение древнегреческого философа и историка *Ксенофонта Афинского* (ок. 430—356 (5) гг. до н.э.). В первой главе трактата Ксенофонт дает определение экономической науки как науки и одновременно искусства «хорошего управления хозяйством» или «как получать пользу от всего, чем владеешь» [9, с. 197]. Такое понимание сохраняет актуальность и в наше время.

Другой древнегреческий философ *Аристотель* (384—322 гг. до н.э.) в своем научном труде «Политика» выделил два вида хозяйственной деятельности и, соответственно, два пути развития хозяйства: ойкономикос и хрематистику. Под ойкономикос Аристотель позиционировал естественный вид жизнедеятельности хозяйствующего человека по воспроизводству общественно полезных благ, не нарушающий экологию и нравственность (например, земледелие, рыболовство, охоту, скотоводство, мелкую торговлю). Хрематистика как «искусство делания денег», по Аристотелю, — противоестественная деятельность в целях получения хрематы — наживы путем ростовщичества, спекуляций. В то же время у Аристотеля есть две трактовки хрематистики, раскрывающие ее противоречивую природу: допустимая для общественно полезного производства и недопустимая, основанная на ростовщичестве [2, с. 42].

Позже экономическая мысль также развивалась в трудах философов и богословов Средневековья, в трактатах и памфлетах эпохи Возрождения и Нового времени, однако собственно научная мысль об

экономической действительности возникает, по общему убеждению историков экономических учений, в XVIII в., в работах меркантилистов и представителей классической политической экономии.

1.2. ЭКОНОМИКА КАК НАУКА

Прежде чем определить место экономики среди других наук, необходимо ответить на вопрос: является ли экономика наукой? Ведь даже классик экономической науки А. Смит относил ее к области нравственных знаний. В XX в. лауреат Нобелевской премии по экономике М. Алле в работе «Экономика как наука» утверждал: «Констатация объективной возможности превращения экономики в *настоящую науку* (курсив мой. — *Авт.*), естественно, не означает, что экономику, взятую в целом и в ее нынешнем состоянии, можно уже рассматривать как науку» [1, с. 28]. По М. Алле, причиной того, что экономику в настоящее время нельзя позиционировать как «настоящую науку», является ее «исходный материал», тесно связанный с интересами и идеологиями.

Обосновать научный статус экономики можно, если показать ее соответствие существующим критериям научности. Однако имеются объективные сложности, связанные с тем, что общественные науки в англосаксонской традиции не относят к области строгого научного знания, так как одним из критериев научности является использование количественных методов.

Если обратиться к пониманию науки, изложенному авторитетным австрийским методологом Й. Шумпетером, то «наука — это любая отрасль знания, в которой действуют люди (так называемые исследователи или ученые), занятые совершенствованием имеющегося в ней запаса фактов и методов и в силу этого осознающие факты и овладевающие методами их анализа лучше, чем “профаны” и простые “практики”» [19, с. 8]. Однако Й. Шумпетер не ограничивается только данным определением, а предлагает еще два: «1) наука — это усовершенствованный здравый смысл; 2) наука — это знание, вооруженное инструментами» [19, с. 8]. Подобная многоаспектная трактовка науки позволяет нам воспринимать экономику как науку.

В современной философии науки сформировались универсальные критерии научности. К ним относятся: «формальная непротиворечивость, причинно-следственная связанность, опытная проверяемость, рациональность, воспроизводимость, интересубъективность и т.п.» [6, с. 25]. Можно предложить целый ряд критериев научности, которые учитывают дисциплинарную принадлежность знания, исторический контекст, связаны с парадигмальным подходом и традициями

научно-исследовательских программ. Однако возможности таких критериев ограничены теми принципами, на основе которых они отделяют научное знание от ненаучного.

Представляют интерес критерии научности, основанные на принципе предпочтительности. Заметим, что принцип предпочтительности часто используется в экономической науке. Речь идет об экстралогических и неэмпирических критериях научности. По мнению отечественного специалиста в области философии науки В.В. Ильина, к подобным критериям относятся «простота, красота, эвристичность, конструктивность, нетривиальность, информативность, логическое единство, концептуальная и когерентная обоснованность, оптимальность, эстетичность, прагматичность и т.п.» [6, с. 68]. Перечисленные критерии не позволяют нам однозначно ответить на вопрос о том, является ли экономика наукой.

В качестве инструмента по определению научного статуса экономики можно использовать подход с позиции *научно-исследовательских программ* И. Лакатоса [11], когда прогрессивное состояние науки воспринимается как наличие ряда конкурирующих теорий. Такая позиция представляется предпочтительной по сравнению с парадигмальным подходом Т. Куна [10, с. 11] по следующим основаниям: во-первых, более точно отражает состояние дел в экономической теории как определенной области исследований общественных явлений; во-вторых, позволяет системно увидеть стыки между различными исследовательскими программами и основания и степень преодолемости различий, в том числе посредством перекрестного заимствования.

Разрешить вопрос о научном статусе экономики можно с помощью использования принципов верифицируемости и фальсифицируемости как критериев демаркации научного и ненаучного знания. Данные принципы получили развитие в позитивистской философии. Принцип верифицируемости предполагает возможности эмпирической проверки научного знания. А принцип фальсифицируемости утверждает, что путь к истине лежит через выбраковку ложных суждений, поэтому любая научная теория должна содержать положения, которые можно опровергнуть. Оба принципа имеют ограничения, прежде всего потому, что сами не поддаются проверке с позиции своих постулатов, лишая экономическую теорию мировоззренческой функции. Однако принцип фальсифицируемости вызывает повышенный интерес среди мыслителей и, как утверждает М. Блауг, «современные экономисты на самом деле разделяют методологию фальсификационизма: несмотря на некоторые расхождения во мнениях, особенно по поводу прямой проверки фундаментальных предпосылок, представители основного течения экономической мысли

отказываются принимать всерьез любую экономическую теорию, если она не отражается на определенные прогнозы экономических событий, и в конечном счете судят об экономических теориях по точности сделанных на их основе предсказаний» [4, с. 19–20].

Попытаемся оценить научный статус экономики с точки зрения ее соответствия основаниям науки на различных этапах развития науки Нового времени. Выделяют классическую, неклассическую и постнеклассическую науку.

К *онтологическим основаниям классики* следует отнести: антитеологизм, механистический детерминизм, объективизм, антиперсонализм. К *гносеологическим основаниям* — интерсубъективный подход, экспериментальную проверяемость, математическое моделирование, дедуктивно-аксиоматический метод. Лидеры классической науки — механика, математика и анатомия. В рамках экономической теории существовала школа, которая была признана классической. Классики экономики заимствовали свой метод из естествознания, например А. Смит — из физики, а Ф. Кенэ — из анатомии.

К *онтологическим основаниям неклассической науки* следует отнести: принцип относительности, индетерминизм, структурно-системный и эволюционные подходы. К *гносеологическим основаниям* — неразрывность субъекта и объекта исследования, вероятность характера знания и отсутствие универсальной методологии, использование нерациональных методов познания, частичную опытную проверяемость. Лидер неклассической науки — квантовая физика. Особенности неклассического этапа развития науки нашли отражение в экономической теории. Ведущий представитель неоклассического направления экономической теории — А. Маршалл придерживался неопозитивистских установок в области методологии экономической науки. Экономическая наука — это лишь способ получения знания, инструмент познания.

К *онтологическим основаниям постнеклассической науки* относят: представление мира как организма; присутствие человека в знании; целесообразность, целостность и системность; иерархичность и сложную взаимосвязанность, эволюционизм в новых формах. К *гносеологическим основаниям* — проблемную предметность; парадигмальность и партикулярность научного знания; методологический плюрализм; проективизм, телеологизм; контекстуальный подход. На данном этапе развития науки лидерами являются биология, экология, синергетика, глобалистика, науки о человеке, фокусирующие предмет своего исследования на сверхсложных системах, неотъемлемой частью которых является человек.

Постнеклассический этап развития науки можно соотнести с возникновением неоклассического синтеза микроэкономики и макроэкономики, реализованного П. Самуэльсоном (автором учебника «Экономикс» (1948)). Данное направление до недавнего времени претендовало на статус *mainstream* (от англ. «основное течение») в экономической теории. Однако очевидно, что оно плохо согласуется с основными принципами постнеклассической науки. Это может означать, что либо пришло время для кардинального переосмысления предмета и метода экономической теории, либо сами принципы научного знания потеряли универсальный характер, либо мы имеем дело с новым этапом взаимоотношений экономической теории и современной парадигмы научного знания. Таким образом, экономика как наука — это неоднаправленное, многовариантное движение к истине, ключ к пониманию хозяйственной жизни. В контексте общественно полезного хозяйства экономика — это система жизнедеятельности человека и человечества, связанная с воспроизводством благ, решением проблемы богатства.

Экономика как наука имеет соответствующие атрибуты: предмет, методы экономического анализа и систему экономических понятий. Однако до сих пор, в XXI в., отсутствует согласие между учеными по поводу трактовки самого понятия «экономика», которое является предметом дискуссии. Для Аристотеля, А. Смита, Н.Д. Кондратьева, Я. Корнаи и многих других экономика отождествляется с богатством. И.Т. Посошков выделяет в богатстве вещественное начало и невестественное начало — правду. Ю.М. Осипов считает, что сущность экономики скрывается в понятии «стоимость». Ряд мыслителей (*С. Брю, М. Блауг, К. Макконнелл*) связывают экономику прежде всего с поведением людей или их выбором (К. Эклунд). По мнению К. Поланьи, экономисты определяют институты и формы их взаимодействия. А. Маршалл связывает экономику с созданием основ благосостояния. Существуют попытки синтезировать марксистский и неоклассический подходы, как это сделал А.И. Самсин, когда экономика рассматривается как совокупность общественных отношений, связанных с производством и распределением, а также обменом и потреблением материальных и нематериальных благ в ситуации ограниченных ресурсов.

Если классифицировать различные подходы, то можно обнаружить, с одной стороны, отождествление понятий «экономика» и «хозяйство», а с другой — их противопоставление и даже рассмотрение как антиподов. (Различные подходы к анализу взаимоотношений хозяйства и экономики будут рассмотрены в гл. 7.)

Другой подход к трактовке экономики также предполагает выделение двух линий в ее понимании: одна характеризует экономику с

позиции материального богатства; другая — с точки зрения типа поведения людей, мотивированного исключительно их частными интересами. Поэтому выделяют две базовые картины экономической реальности: продуктовую и поведенческую. (Онтологические аспекты экономики будут рассмотрены в гл. 8.)

Итак, экономика — это наука, изучающая формы хозяйственной деятельности, направленной на повышение благосостояние индивида и общества.

1.3. МЕСТО ЭКОНОМИКИ В СИСТЕМЕ НАУК

Специалисты в области философии и методологии науки в структуре научного знания не ограничиваются выделением двух классов наук (естественных и гуманитарных), а выявляют как минимум четыре. Такой подход связан со специфическими характеристиками рациональности, присущей каждому классу наук. Экономике относят к социально-гуманитарным наукам. Выделяют также логико-математические, естественно-научные и инженерно-технические науки.

В российской науке в соответствии с классификатором Российской академии наук существует иной подход, учитывающий области исследования и отраслевой признак. Соответственно выделяют естественные, технические, медицинские, сельскохозяйственные, общественные и гуманитарные науки. Экономические науки расположены вместе с юридическими, педагогическими, психологическими, социологическими и политическими науками в разделе общественных наук, занимая при этом особое место, так как наряду с социальными факторами учитывают биологическую природу человека, рассматривая ее как данность. Кроме того, использование математического аппарата сближает ее с естественными науками.

Основные функции экономической науки. Познавательная и прогностическая функции экономической науки состоят в описании, обобщении и объяснении, а главным образом — в анализе и прогнозе экономических процессов. Экономическая наука находит и описывает тенденции и законы, на основе которых происходит изменение окружающей экономической действительности, делает прогнозы и предлагает пути использования открытых ею законов на практике.

Методологическая функция фундаментальных экономических наук (например, экономической теории, политической экономии, институциональной экономики). Экономическая теория является теоретико-методологической основой для ряда прикладных экономических наук: отраслевых (экономики инноваций, аграрной экономики, сферы услуг,

финансов и др.); функциональных (маркетинга, менеджмента, логистики, бухгалтерского учета и аудита); междисциплинарных (экономической географии, демографии, статистики). Она разрабатывает научный инструментарий, необходимый для исследований всем прикладным экономическим наукам.

Практическая функция экономической науки. Она разрабатывает методы рационального хозяйствования, служит теоретической основой научного обоснования экономической политики правительства, диктует необходимость определенного поведения хозяйствующих субъектов.

Общие проблемы связи экономической теории с философией, социологией и другими социально-гуманитарными науками, идеологией, мировоззрением. Вопрос о взаимоотношениях экономической теории и философии предполагает критическое переосмысление ряда точек зрения, в том числе Й. Шумпетера, который недооценивал роль философии по отношению к экономике и писал:

«Аналитические исследования даже тех экономистов, которые придерживались вполне определенных взглядов: Локка, Юма, Кенэ, и прежде всего Маркса, фактически не испытывали на себе влияния философии своих творцов» [19, с. 38]. Философские основания экономики представлены у него как «не более чем ненужные украшения, которые затушевывают истинный процесс филиации научных идей» [19, с. 38]. Позволим не согласиться с таким утверждением, учитывая теоретико-методологические сложности, которые испытывает современная экономическая наука, и в отдельной главе (гл. 7) попытаемся найти их точки соприкосновения. Экономическая наука также тесно связана с такими социально-гуманитарными науками, как психология, политология, социология, поскольку предмет ее исследования имеет содержательное пересечение с предметом вышеперечисленных научных дисциплин.

Все они изучают поведение человека, но каждая из них акцентирует внимание на определенном аспекте. В то же время экономическая наука, исследуя сферу хозяйственной жизнедеятельности человека, учитывает психологические, социальные, политические и правовые факторы. Как учение о фундаментальных основах поведения хозяйствующих субъектов в сфере воспроизводства благ она тесно связана с психологией, которая, в свою очередь, сопряжена с такими естественными дисциплинами, как биология и генетика. Открытия Дж. Акерлофа, Дж. Стиглица, Д. Канемана, В. Смита «в этой области могут дать ответ на важнейший вопрос общественного развития: в какой мере поведение людей продиктовано наследственностью, а в какой — условиями существования» [14, с. 10].

Особые взаимоотношения имеет экономическая наука с социологией, поскольку их взаимодействие раскрывает сложные связи экономической стороны жизни с различными общественными явлениями. Необходимо также отметить близость их проблематики и длительное существование в рамках единого предметного поля фактически до маржиналистской революции. Раскрыть связь экономической науки и социологии непросто, так как существуют множество трактовок предмета последней. Известный английский ученый, автор многочисленных трудов по социологии Э. Гидденс дает следующее определение: «Социология — это изучение общественной жизни человека, изучение групп и обществ» [5, с. 24]. Российский специалист в области социальной философии В.С. Барулин предлагает другой подход к пониманию предмета социологии, осуществляя движение мысли от общества к человеку: «...Наука об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах и группах, рассматриваемых в их связи с общественным целым» [3, с. 640]. Лучше понять связь экономической науки и социологии можно, если мы сузим предмет социологии до экономической социологии и будем рассматривать «экономическое действие как форму социального действия» [17, с. 53]. По мнению В.В. Радаева, представление экономической деятельности как формы социальной деятельности возможно, поскольку она, «во-первых, содержит в себе внутреннее субъективное смысловое единство; во-вторых, по этому смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на эти действия. Иными словами, с социальным действием мы имеем дело тогда (и только тогда), когда оно внутренне мотивированно, а его субъект ожидает от других людей определенной ответной реакции (последнее выражается не только в наблюдаемом поведении, но и в мысленной деятельности или даже в отказе от всякого действия)» [17, с. 53]. Но не только деятельностный аспект объединяет экономическую теорию и социологию. У них есть общий проблемный ряд, в том числе: «структура хозяйственной мотивации и типы рациональности, предприниматели как социальная группа, типы хозяйственных организаций, проблемы социальной стратификации и расслоения, понятия собственности и власти, распределения и справедливости, обмена и самоутверждения, проблема формирования экономических идеологий и типы идеологических систем, модели эволюции экономики и общества, труд и проблема занятости, образование и экономика, проблемы пола и экономика, религия и экономическая жизнь, проблема синтеза экономических и социологических подходов» [19, с. 72].

Наблюдается тесная взаимосвязь экономики и права, что нашло отражение в возникновении нового научного направления — экономики

права. Юридические нормы являются своеобразными рамками (ограничительными и расширительными), «правилами игры» — институтами, в которых функционирует экономика. Институты же — продукт взаимодействия главных сфер жизнедеятельности человека: экономики, политики, идеологии как основных сторон институциональной матрицы (согласно теории институциональных матриц *Д. Норта* и *С.Г. Кирдиной*).

Экономическая теория связана также непосредственно с историческими науками, такими как всеобщая история, история экономики, история экономической мысли. Принцип историзма показал свою продуктивность в последнее время в такой области, как история и методология экономической науки.

На органическую связь экономической науки с мировоззрением людей обращали внимание многие экономисты. Действительно, господствующее в обществе мировоззрение и уровень его развития оказывают влияние на формирование основных предпосылок экономических теорий и используемого инструментария. Однако роль мировоззрения для разных направлений экономической теории на различных этапах не одинакова. Влияние неопозитивистских установок привело к превращению экономической науки в «ящик с инструментами» и отказу от мировоззренческой функции, что явилось причиной возникновения противоречий и парадоксов при объяснении хозяйственной реальности и вновь актуализировало взаимодействие экономики и мировоззрения. Со своей стороны, экономическая наука способствует проникновению основных экономических ценностей в мировоззрение, позволяет получить системный взгляд на хозяйство и изменяет поведение индивида в целом. Представляет интерес точка зрения С.Н. Булгакова, который раскрыл взаимоотношения экономической науки и мировоззрения на примере учения физиократов. С.Н. Булгаков отмечал, что особенностью мировоззрения физиократов является его целостность. Он сделал вывод, что учение физиократов предстает не только как экономическая теория, но и как экономическая политика и философия экономической жизни, поскольку экономическое мировоззрение выводится им из общего мировоззрения [8, с. 47]. Другие экономисты писали по отдельным вопросам экономической жизни, не развивавшим общих основ мировоззрения.

Исследованию связи экономической науки и идеологии как совокупности господствующих идей и идеалов, верований, культурных традиций посвящено много работ (М. Алле «Экономика как наука»; К. Манхейм «Идеология и утопия»; М. Фридман «Капитализм и свобода»; Ф. Хайек «Дорога к рабству»; Й. Шумпетер «Капитализм, социализм и

демократия»); накоплен значительный не только теоретический, но и эмпирический материал. Недавнее прошлое отечественной экономической науки является хорошей иллюстрацией того, что может произойти с наукой, если идеология полностью ее подчиняет, лишая объективности и искажая природу научного знания. Советская экономическая наука в своей общетеоретической части более чем за 70 лет превратилась в изолированную от мировой науки мыслительную конструкцию — «служанку» идеологии. Говоря о сущности экономической науки, М. Алле в своей работе «Экономика как наука» видит причину «ненастоящести» данной науки в том, что в ней присутствует идеология [1, с. 28]. Экономическая наука едва ли сможет полностью избавиться от влияния идеологии, так же как и идеология не свободна от влияния хозяйственной реальности. Решение проблемы может быть связано с достижением состояния, когда идеология сопряжена с основными постулатами экономической теории, претендующей на статус доминирующей научно-исследовательской программы. Необходимо также различать частичную и тотальную идеологию. Частичная идеология взаимосвязана с фундаментальным принципом современной экономической теории — методологическим индивидуализмом, поскольку соотносится с индивидом или группой и является сознательной трансформацией ими каких-либо представлений для достижения поставленных целей. Тотальная идеология является надличностной и определяется идеологией крупной социальной общности на конкретном этапе исторического развития. Такая идеология связана с культурными и историческими факторами и выходит за пределы экономической сферы, иногда значительно деформируя последнюю.

Только многоаспектное понимание экономики как науки, учет взаимосвязи экономики с философией, социологией, психологией, правом, историей, мировоззрением, идеологией дают ключ к ответу на многие вопросы, возникающие на всех уровнях экономического знания: нано- (на уровне хозяйствующего человека); микро- (на уровне домашних хозяйств и фирм); мезо- (на уровне отраслевых рынков и регионов); макро- (на уровне национальной экономики); мегаэкономики (на уровне мировой экономики). В свою очередь, выделение такого количества уровней позволяет преодолеть противоречивость и искусственность деления экономики на микро- и макроэкономику.

Выводы

1. Экономика как наука — это многовариантное движение к истине в виде различных школ, направлений, теорий, дающих ключ

к пониманию хозяйственной жизни. Объект экономики, как любой общественной науки, меняется вследствие изменения хозяйственной реальности. Мировоззренческие установки авторов экономических теорий и господствующие идеологии формируют фильтры на пути восприятия реальности.

2. Специфика экономической рациональности позволяет нам сделать вывод о том, что экономическая наука занимает особое место среди общественных наук, так как наряду с социокультурными факторами учитывает биологическую природу человека, а использование количественных методов сближает ее с естественными науками.
3. Поскольку современная экономическая теория плохо согласуется с основными принципами постнеклассической науки, а альтернативные экономические теории не обладают достаточным методологическим потенциалом, пришло время как для кардинального переосмысления предмета и метода экономической теории, так и для взаимоотношений экономической теории и современной парадигмы научного знания в целом.
4. Современное экономическое знание все больше приобретает междисциплинарный характер за счет методологического взаимодействия с другими дисциплинами, границы между которыми становятся условными и подвижными. Только на этой основе возможно продуктивное развитие экономической науки.

Проблемный блок

1. Место экономики в современной науке.
2. «Жесткое ядро» современной экономической теории.
3. Причины кризиса неоклассической экономической теории.
4. Новая экономика и новая постиндустриальная экономика знаний как альтернативы неоклассике.
5. Нано-, микро-, мезо-, макро-, мега- и глобальная экономики: основания выделения уровней.
6. Взаимоотношения между общеэкономической теорией и прикладными экономическими направлениями.
7. Принципы и границы взаимоотношений экономики и естественных наук.

Приложение 1.1

Аристотель о ростовщичестве, хремате как основе хрематистики

«Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег» [2, с. 395]. «...проценты являются денежными знаками, происшедшими от денежных знаков. Этот род наживы (хрематы. — *Авт.*) оказывается по преимуществу противным природе» [2, с. 395].

Подходы к пониманию предмета экономики

Карл Поланьи о современном понятии «экономика»

В прежние эпохи «экономика как таковая оставалась безымянной... за экономикой не было закреплено никакого слова — знака». «...только двести лет назад эзотерическая секта французских мыслителей (К. Поланьи имел в виду физиократов. — *Авт.*) изобрела термин и назвала себя экономистами» [15, с. 19].

Действительно, в эпоху Просвещения появляется, во-первых, современное понятие экономики, родившееся во Франции, и, во-вторых, современная экономическая наука в Англии в лице классической английской политической экономии А. Смита и Д. Рикардо. Вслед за К. Поланьи, его знаковой статьей «Аристотель открывает экономику» можно утверждать, что современное слово «экономика» берет начало не от Ксенофонта и Аристотеля [15, с. 30–31], а от французской школы физиократов, когда два аристотелевских понятия «ойкономикос-домострой» и «хрематистика» были соединены и получилось одно понятие — «экономика», на самом деле означающее хрематистику.

Карл Маркс о предмете политической экономии

Предметом марксистской политической экономии являются не просто производственные (экономические) отношения между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Таким предметом можно позиционировать отношения, опосредующие воспроизводство материальной жизни индивида и общества. Действительно, еще К. Маркс писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от

их воли не зависящие отношения — производственные отношения... Совокупность этих отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка...» [12, с. 537].

С.Н. Булгаков о началах «политико-экономической литературы» и о «целостном общем мировоззрении» [8]

«...Съ эпохи меркантилизма начинается политико-экономическая литература в собственномъ смысле слова, т.е. начинается тотъ потокъ монографій, посвященныхъ общимъ и частнымъ вопросамъ экономической жизни, который съ техъ поръ все увеличивается и расширяется. Трактаты о деньгахъ, торговле, промышленности, земледелии, о разныхъ сторонахъ хозяйственной жизни изъ-подъ пера меркантилистовъ появляются уже въ весьма большомъ количестве...» [8, с. 19].

«Особенностью міровоззрѣнія фізіократовъ является то, что въ немъ мы имеемъ более или менее целостное общее міровоззрѣніе. Въ ученіи меркантилистовъ и последующихъ экономистовъ мы имели дело съ экономическими писателями, писавшими по отдельнымъ вопросамъ экономической жизни, но не развивавшими в этихъ своихъ мнѣніяхъ общихъ основъ міровоззрѣнія...

Фізіократія представляется не только экономической теоріей и экономической политикой, но и философіей экономической жизни. Вопросы экономического міровоззрѣнія выводятся въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ, связаны с ним неразрывно, такъ что нельзя излагать фізіократовъ, не касаясь вместе съ темъ основныхъ устоевъ міровоззрѣнія...» [8, с. 47].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. *Алле М.* Экономика как наука [Текст] / М. Алле; пер. с фр. И.А. Егорова. — М.: Наука для общества: РГГУ, 1995. — 168 с.
2. *Аристотель.* Политика [Текст] / Аристотель; пер. С.А. Жебелева // Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1984. — Т. 4. — 830 с.
3. *Барулин В.С.* Социальная философия [Текст]: учебник / В.С. Барулин. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — 560 с.
4. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют [Текст]: пер. с англ. / М. Блауг; науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. — 416 с.
5. *Гидденс Э.* Социология [Текст]: пер. с англ. / Э. Гидденс. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.

6. *Ильин В.В.* Критерии научности знания [Текст]: монография / В.В. Ильин. — М.: Высшая школа, 1989. — 129 с.
7. Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли [Текст] / под ред. В.А. Жамина. — Вып. 1. — М.: Экономика, 1989. — 381 с.
8. Исторія економічних учень: лекції проф. С.Н. Булгакова, читані в Московському Комерційному Інституті в 1912/13. Часть вторая. Изданіе четвертое. — М.: Типо-литографія Н.А. Яшкина, 1914.
9. *Ксенофонт.* Домострой [Текст] / Ксенофонт // Воспоминания о Сократе. — М.: Наука, 1993. — 593 с.
10. *Кун Т.* Структура научных революций [Текст] / Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налетова; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с.
11. *Лакатос И.* Методология исследовательских программ [Текст]: пер. с англ. / И. Лакатос. — М.: Аст, 2003. — 380 с.
12. *Маркс К.* Введение [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — Т. 46. — Ч. I. — 471 с.
13. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков [Текст]: в 5 т. / редкол.: А.Г. Худокормов, Г.Г. Фетисов. — М.: Мысль, 2004. — Т. 1. От зари цивилизации до капитализма / отв. ред. Г.Г. Фетисов. — 718 с.
14. *Ольсевич Ю.Я.* Психологические основы экономического поведения [Текст] / Ю.Я. Ольсевич. — М.: ИНФРА-М, 2014. — 413 с.
15. *Поланьи К.* Аристотель открывает экономику [Текст] / К. Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р.М. Нуреева. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. — С. 79–110.
16. *Поппер К.Р.* Логика и рост научного знания [Текст]: пер. с англ. / К.Р. Поппер. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.
17. *Радаев В.В.* Экономическая социология [Текст]: учебник для вузов / В.В. Радаев. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. — 603 с.
18. *Тутов Л.А.* Философия хозяйства. Опыт духовного преображения [Текст] / Л.А. Тутов. — М.: ТЕИС, 2003. — 279 с.
19. *Шумпетер Й.* История экономического анализа [Текст]: в 3 т. / Й. Шумпетер; пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. — СПб.: Экономическая школа, 2001. — Т. 1. — 552 с.; Т. 2. — 504 с.; Т. 3. — 688 с.
20. *Юдина Т.Н.* Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России [Текст]: монография / Т.Н. Юдина. — М.: ТЕИС, 2014. — 448 с.

Дополнительная литература

Американская социология. Перспективы, проблемы, методы [Текст] / под ред. Г.В. Осиповой. — М.: Прогресс, 1972. — 390 с.

Манхейм К. Идеология и утопия [Текст] / К. Манхейм // Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. — М.: Юрист, 1994. — 693 с.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки [Текст] / П. Фейерабенд. — М.: Прогресс, 1986. — 543 с.

Философия [Текст]: энцикл. словарь / под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.

Фридман М. Капитализм и свобода [Текст]: пер. с англ. / М. Фридман. — М.: Новое изд-во, 2006. — 240 с.

Хайек Ф. Дорога к рабству [Текст]: пер. с англ. / Ф. Хайек. — М.: Новое изд-во, 2005. — 264 с.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Текст]: пер. с англ. / Й. Шумпетер; предисл. В.С. Автономова. — М.: ЭКСМО, 2007. — 864 с.

Brown R. Understanding Industrial Organizations: theoretical perspectives in industrial sociology [Text] / R. Brown. — London: Routledge, 1992. — 280 p.

Polanyi K. The Great Transformation [Text] / K. Polanyi. — New York: Farrar & Rinehart, 1944. — 270 p.

The Handbook of economic sociology [Text] / ed. By Neil J. Smelser and Richard Swedberg. — New York: Princeton University Press; Russell Sage Foundation, 1994. — 752 p.

ГЛАВА 2

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Термины: экономика и хозяйственная деятельность, парадигма, научно-исследовательская программа, философские основания и философские проблемы экономической науки.

Среди подходов к изучению философских проблем экономической науки и ее эволюции представляет интерес ставшее уже принятым в науковедении выделение в истории науки таких этапов, как доклассический, классический, неклассический и постнеклассический (см. работы *В.И. Стёпина, В.В. Ильина, В.П. Кохановского* и др.). Этот подход позволяет выявить специфические для каждого периода формы научного знания, фундаментальные идеи, методологические особенности исследования; выделить основные парадигмы научного мышления, их связь с культурой и социальными отношениями эпохи. Такой подход был применен прежде всего для естественных наук, которые раньше оформились как самостоятельные дисциплины и на протяжении нескольких столетий служили образцом научности. Философское осмысление всей науки как целостного развивающегося феномена, актуальное сегодня, побуждает применить единый подход не только к естественным, но и к социально-гуманитарным наукам, в частности к экономике, что позволило бы более четко увидеть влияние общенаучных парадигм на развитие экономической науки, и особенно ее методологического инструментария¹.

¹ Выделение этапов развития, соответствующих общенаучной периодизации, в истории экономической мысли пока не является общепринятым. Более распространено исследование конкретных экономических школ и направлений. Одной из первых попыток такого рода является работа О.В. Карамовой [6].

2.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ДО ПОЯВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Научную теорию отличают два главных признака: анализ и логическая систематизация его результатов. Первые экономические теории в таком понимании заявляют о себе лишь во второй половине XVII в. До этого, как свидетельствуют письменные источники, начиная с III в. до н.э. экономическая мысль развивается как составная часть других областей знания: философии, государственного управления, юриспруденции, богословия.

Непосредственной онтологической предпосылкой возникновения экономической мысли можно считать саму экономическую деятельность, которая является частью действительности. Первые работы, связанные с осмыслением этой деятельности, появляются на Древнем Востоке и в Древней Греции. Как и представители других частных наук, экономисты обнаружили предмет своих исследований в повседневной практике людей; оставалось выделить его в специальную область исследований, разработать методы его познания и процедуры обоснования экономических истин.

Предметом экономической мысли Древнего Востока были хозяйственные отношения в масштабах государства (макроэкономика в современной терминологии), ее главной проблемой — богатство государства (понимаемое преимущественно как земля и налоги с населяющих ее людей), основной целью — способы увеличения государственного богатства (земледелие, торговля, управление, война). Важнейшим способом регулирования хозяйственной жизни было соблюдение государственных предписаний, традиций, моральных норм. Общий подход к осмыслению экономических отношений — нормативный, предполагающий соотнесение их с мысленной, идеальной нормой — какими они должны быть, в свою очередь обусловленной принятой картиной мира и системой социальных ценностей.

В Древней Греции и Древнем Риме, где преобладала частная собственность и развитый рынок, значительно большее внимание привлекают проблемы ведения частного хозяйства (что соответствует современному понятию микроэкономики). В то же время, как и древние восточные государства, античные Греция и Рим представляли собой общества традиционного типа с натуральным хозяйством, общинными традициями и прочными мировоззренчески-этическими установками. Хозяйственная деятельность индивида с его частными интересами должна была оцениваться обществом, быть нормативной, т.е. соответствовать нормам, не разрушающим общий порядок жизни, а укрепляющим его. Поэтому

проблема норм экономического поведения индивида оказывается в центре внимания философско-экономической мысли. Главное назначение успешной экономической деятельности, с точки зрения античных философов, — обеспечить средства для нормальной жизни (в достатке, прежде всего без голода) и остановиться, поскольку достойная цель для свободного человека — служение обществу и совершенствование в философии и искусствах.

Древнегреческие мыслители рассматривали понятия «богатство», «деньги», «разделение труда» как «основной принцип строения государств», благодаря которому люди в обществе могут удовлетворять разнообразные потребности (Платон). Предметом размышления становится понятие «товар», который, являясь продуктом труда одного человека, способен удовлетворять потребность в нем другого человека и обладает вместе с тем способностью к обмену продукта на продукт. Античные философы вводят объединяющее эти две способности понятие «ценность». Это повлекло за собой постановку важной экономико-теоретической проблемы: *чем измеряется ценность товаров?* Ответ античные философы находили в своей философии.

ПРОБЛЕМА. Обмен обусловлен наличием разных потребностей обменивающихся. Возможность обмена предполагает равенство, соизмеримость. Обменивающиеся вещи разнородны и потому несоизмеримы. И все же они соизмеряются и обмениваются к удовольствию их владельцев. На каком основании?

На основании общефилософской концепции Платона и Аристотеля (при существенном различии их философских систем), согласно которой каждая вещь определяется свойственной ей идеей. Идея не может быть воспринята органами чувств, но разум способен ее постичь и установить равенство вещей. Искусственно созданным для такого соизмерения инструментом Аристотель считает деньги.

Таким образом, экономическая проблема получила временное решение в рамках философии.

Экономическая мысль Средневековья развивалась в русле теоретических традиций античной философии, римского права и христианских ценностей. В экономике сосуществовали натуральное и рыночное хозяйства. Общественное устройство продолжало оставаться традиционным с сословно-корпоративной социальной структурой. Главным в подходе к оценке хозяйственных явлений было сохранение сложившегося порядка вещей. Идеал находили в Священном Писании и трудах отцов Церкви. В традиционном обществе экономическая мысль развивалась в рамках морально-философских представлений (получивших наименование аристотелевской традиции).

2.2. МЕРКАНТИЛИЗМ — ПЕРВАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Меркантилизм (итал. *il mercante* — торговец) представляет собой экономическую политику европейских государств в период первоначального накопления капитала и соответствующее экономическое учение, выдвинутое авторами ряда трактатов. В его развитии выделяют два этапа: ранний (монетарный), относящийся к XIV—XVI вв., и поздний (мануфактурный), существовавший с конца XVI — XVII в. Главным предметом внимания становится *развитие внешней торговли*, которой немало способствовали Великие географические открытия, в результате чего стали осваиваться новые территории и устанавливаться новые торговые связи. Поиск средств обогащения нации выдвигается на передний план теоретических исследований (*макроуровень*). Государство представляется как активный участник экономических процессов (что воплощается в политике меркантилизма, направленной на приток денежных средств в страну). Основным способом государственного регулирования экономики становится *протекционизм* (политика защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции).

КУРЬЕЗЫ ПОЛИТИКИ ПРОТЕКЦИОНИЗМА. В целях поддержания национального рыболовства в Англии в XVI в. существовали два «рыбных дня» в неделю, когда мясо есть запрещалось. В XVII в. для поддержки национальной суконной промышленности предписывалось хоронить покойников только в шерстяной одежде.

Вводится понятие «национальное богатство», которое заменяет теологический термин «общее благо». Совершенствуется искусство экономического анализа, появляются понятия «торговый баланс» (соотношение стоимостей ввозимых и вывозимых товаров и услуг) и «общий торговый баланс страны». Формируется эмпирический, опирающийся на опыт метод экономических исследований (как общенаучный он развивается английским философом Френсисом Бэконом). Необходимость решения практических задач, связанных с обогащением нации, сопровождается отказом от абстрактных категорий (например, «справедливая цена»). Меняется сам подход к исследованию экономических явлений: вместо нормативного, предписывающего появляется прагматический, ориентированный прежде всего на получение полезных результатов.

Экономика европейских стран все больше ориентируется на проблемы государственного хозяйства (сбор налогов, чеканка денег и т.п.), что

закрепляется новым термином «политическая экономия» (А. Монкретьен «Трактат о политической экономии» (1615)). Обогащение нации понимается как *накопление денег*, всеобщего эквивалента материального богатства. У поздних меркантилистов появляется понимание *активной роли денег* как капитала, т.е. средства, позволяющего получать прибыль. Поздние меркантилисты подходят и к идее важности рыночной экономики внутри страны. Для ведения экономической политики общие философские представления нормативного характера о том, что должно быть, малопригодны; *необходимо* знание о том, что существует реально, т.е. *знание позитивное*, которое выявляет устойчивые, повторяющиеся, закономерные связи между экономическими явлениями, обобщает их, производит научный анализ. Знание это, как в любой другой науке, достигается непросто. Можно ли сказать, что путь первых установленных законов в общую копилку экономического знания был прямолинейным? История свидетельствует — нет.

ПРИМЕР. «Хорошие» и «плохие» деньги. Еще в XIV в. в работе «Трактат о происхождении, природе, законе и разновидности денег» Николай Орезм отметил, что «хорошие» деньги — монеты, полновесные по содержанию в них золота или серебра, в обращении вытесняются «плохими» деньгами, т.е. монетами, равноценными по номиналу, но фактически содержащими соответствующего металла меньше. Об этом наблюдении забыли: рынок был относительно неразвит, потребность в подобного рода знании не слишком актуальна. В XVI в. Николай Коперник, активно интересовавшийся экономическими проблемами, «переоткрыл» этот закон, но в науке он стал «законом Грешема», который «переоткрыл» его еще раз в XVII в., когда сознание для его восприятия «дозрело».

Подобного рода ситуации не раз наблюдались в истории науки. Тем не менее, глядя на историю экономической науки ретроспективно, можно увидеть общие тенденции ее эволюции. Среди факторов, влиявших на эволюцию экономической науки, главными являются следующие. Это прежде всего появление новых проблем, вызванных развитием экономики как хозяйственной деятельности и требующих теоретического осмысления, что находит свое выражение в изменении предметной области внимания экономистов, тематики исследования, аспектов рассмотрения, решаемых задачах. Существенное воздействие оказывает развитие философского мировоззрения и достижения других наук, в первую очередь естественных, благодаря которым формировалась новая философско-мировоззренческая картина мира и новые методы ее исследования. И, наконец, эволюция внутренней логики развития самой экономической теории.

2.3. КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Признание в качестве науки экономика получила с возникновением *классической политической экономии* (впервые это выражение употребил К. Маркс, во многом сам следовавший в изучении экономики капитализма сложившимся до него научным традициям этой школы). Время существования классической политической экономии относят ко второй половине XVII — концу XIX в. К. Маркс считал началом классического периода конец XVII в. (*У. Петти* и *П. Буагильбер*), а завершением — первую треть XIX в. (*Д. Рикардо* и *С. де Сисмонди*). В западной литературе «классическую школу» относят ко второй половине XVIII в. и первой половине XIX в. — от А. Смита до Дж. Милля, иногда включая сюда физиократов и К. Маркса. Дж. М. Кейнс причислил к «классикам» экономистов XX в. А. Маршалла и А. Пигу [5, с. 43]. За столь долгий исторический период экономическая мысль прошла несколько этапов в своем развитии и реализовалась в ряде экономических теорий, нередко весьма полемично относившихся друг к другу, но тем не менее опиравшихся на общие философские и общенаучные основания, общую категориальную систему и методологические принципы. И. Лакатос (1922–1974) предложил для обозначения совокупности научных теорий, развивающихся на базе единых методологических принципов, понятие научно-исследовательской программы [9]. О. В. Карамова, применяя к классической политэкономии это понятие, перечисляет следующие школы, складывающиеся в ее рамках: историческая, утопический социализм, экономический романтизм, марксизм, маржинализм (первого этапа) и австрийская школа [6, с. 54]. Другой подход содержится в учебном пособии «История экономических учений» под редакцией В. С. Автономова [5], согласно которому историческая школа, заявившая о себе в 1840-е гг. в Германии, занимает особое самостоятельное место в истории экономических учений. Это — некий третий путь между классической политической экономией (Д. Рикардо, А. Смит, Дж. С. Милль и др.) и утопическим социализмом.

Предметная область и проблематика. В этот исторический период происходит зарождение и укрепление капиталистического способа хозяйствования — он проходит путь от мануфактурной стадии до индустриальной. Экономическая наука того времени, как и философия, исходит из представления о естественном порядке, который обеспечивает достижение общественного и личного благосостояния. Каждый индивид преследует свой личный интерес, а в результате взаимодействия этих интересов достигается оптимальный результат — равновесное состояние экономики без какого-либо вмешательства со стороны

государства. Как и меркантилистов, классиков политэкономии интересуется макроэкономика (общественный продукт, совокупный доход). Но главной сферой изучения становится не торговля, а производство и распределение материальных благ, что является теоретическим вызовом меркантилизму.

Вместе с тем в рамках классической политэкономии формируются различные течения и школы, отличающиеся своим видением предметной области экономики, методами исследования и объяснения явлений хозяйственной жизни и принципов построения теоретической системы. С самого начала наметились два варианта видения главной предметной области экономической науки. Первый отводил эту роль (в отличие от меркантилизма) производству как сфере создания богатства (*Ж. Пемми, Ф. Кенэ, Д. Рикардо, К. Маркс*). Второй в центр внимания ставил сферу обмена и рыночного саморегулирования и выступал за ограничение государственного вмешательства в экономику (принцип *laissez-fair*). А. Смит полагал, что именно рынок способен обеспечить равновесное развитие экономики, когда спрос равен предложению. Однако позже, особенно в XX в., в связи со ставшей очевидной невозможностью рынка обеспечить сбалансированность хозяйственной жизни, особенно в периоды кризисов, проблема участия государства становится особенно актуальной.

Классики политэкономии исходили из убеждения, что богатство создается в производственной сфере (в промышленности или сельском хозяйстве) и главным его источником является труд (хотя на этот счет существовали некоторые различия во взглядах). Центральным понятием их теорий является «стоимость», мерилом которой служат затраты труда на производство товара. Эта категория является базовой для других категорий — «цена», «прибыль», «процент», «рента»; на ее основании дается объяснение природы денег. Стоимость создавала объективную основу для обмена товарами, каждый из которых, таким образом, обладал меновой стоимостью (это главный предмет анализа классиков), но при условии полезности для покупателя, т.е. если он обладал потребительной стоимостью, а потребности у покупателей разные, субъективные, что обязательно сказывается на ценах, по которым продаются товары. Как подсчитать стоимость товаров? (А. Смит сводил стоимость к «естественной цене товара», которую представлял как сумму доходов, — концепция, которую К. Маркс назвал «догмой Смита».)

Как меновые стоимости соизмеряются в разные периоды времени? Как соизмерить полезность разных продуктов? И как влияет их полезность на цены продуктов? Последние вопросы выдвинулись на передний план экономического анализа позже, в конце XIX в., в ходе

«маржиналистской революции» (когда теория отказалась от стоимости как базовой категории и цены товаров стали выводиться непосредственно из субъективных оценок).

В отличие от меркантилистов классики политэкономии понимали капитал не только как источник дохода, но и как фактор производства, продукт прошлого труда, производственный или товарный запас. Появилось деление капитала в зависимости от способа его употребления на основной и оборотный.

Онтологические основания классической политэкономии. Картина экономической реальности, которая задается системой базовых категорий и построенных на их основе идеальных объектов (моделей), позволяющих выявить свойства и закономерности изучаемых объектов, называется **онтологической** [1]. На формирование общей картины экономической реальности в теориях классиков, и особенно методов ее исследования, большое влияние оказали философия и наука Нового времени. Онтологическая реальность в теориях классической политэкономии представлялась как объективная, пронизанная «естественными законами» (подобно законам, открытым передовой наукой того времени — механикой). А мир экономики, как и мир природный, представлялся упорядоченным и познаваемым разумом. Гарантом истинности человеческих знаний о мире подразумевался, как полагал «отец» европейского рационализма Р. Декарт, Бог, сотворивший мир и человека с его разумом. Люди Нового времени были еще достаточно набожны, в том числе и классики политэкономии. Поэтому за «невидимой рукой» рынка А. Смита проглядывает рука Всевышнего, озабоченного сохранением мировой (и экономической) гармонии. Рациональным является и «экономический человек», субъект экономических отношений, стремящийся к получению максимальной выгоды. Образ, как оказалось позже, далекий от реальности, но адекватный мировидению теоретиков эпохи Просвещения.

Классическая наука при построении онтологической реальности исходила из принципов универсальности (всеобщего характера) экономических законов, однозначного их детерминизма, признавая в качестве первичной необходимость (а не случайность или вероятность) в экономических процессах, а также опиралась на принцип элементаризма (представление о том, что целое равно сумме элементов) и представление о линейно-кумулятивном развитии науки.

В рамках классической политической экономики формируется продуктовая картина мира, в центре которой — проблемы производства. Как отмечает О.И. Ананьин, продуктовая онтология выступает основой классической политической экономики, марксизма, кейнсианства и монетаризма [2].

Методологические основания и методологические проблемы классической политэкономии. Философия Нового времени оказала влияние на методологию экономической науки, прежде всего в понимании соотношения субъекта и объекта познания. Предмет научного познания — экономика как объект — «вещь сама по себе», стоящая вне познающего субъекта. Познание его происходит без учета условий его изучения субъектом, который понимается как абстрактный (трансцендентальный) познающий индивид. Он полностью исключен (вместе с субъективно-личностными аспектами познавательной деятельности) из системы знания. Экономическая наука ориентируется на методологические нормы классического типа рациональности: абсолютную определенность (однозначность) научных понятий, суждений, теорий; абсолютную истину как возможность и цель научного познания; опору на чувственный опыт как источник позитивного знания; доказательность научных законов и теорий.

Если для меркантилистов при изучении экономических явлений был типичен описательный подход, то классики политэкономии опираются на методы рационального анализа, используя логическое абстрагирование для выявления базовых категорий (в первую очередь стоимости), и далее, используя метод дедукции (логический путь умозаключения от общего к частному), строят систему категорий, моделирующих экономическую реальность. Логика научных абстракций воспринималась как логика самой экономической жизни. Наиболее очевидным было такое понимание у Д. Рикардо (позже Й. Шумпетер называл это «рикардианским пороком»). Критиковал подобное «спрямление» соотношения теории и практики и Т. Мальтус. В то же время разработке универсального метода научного познания на базе экономической теории придавалось большое значение в марксистском учении.

Классическая политэкономия в качестве своей основы использовала научно-методологическую парадигму, сформированную на базе естествознания того времени, т.е. науки о природе (*парадигма* — понятие, введенное Т. Куном для обозначения совокупности научных достижений, использующихся научным сообществом в качестве образца для научных исследований) [8]. Но так как *экономическая практика* — это человеческая деятельность, явление культуры, имеющее историческое измерение, она не может исследоваться средствами, предназначенными для познания природы. Каким должен быть метод, соответствующий изучению экономической реальности? Еще Дж. Стюарт в работе «Исследование принципов политической экономии» (1767), различая экономику как науку («собрание абстрактных истин») и экономику как искусство (учитывающее конкретные обстоятельства), особо указывал на необходимость

учитывать историческую изменчивость и разнообразие условий хозяйственной деятельности. Однако предложенный им подход оказался слишком сложным, отягощенным многими частностями и оговорками. В результате он уступил место модели А. Смита с ее стремлением к простоте и универсальности теоретических принципов. Но эта внутренняя для экономической науки методологическая проблема — соотношение логического и исторического методов познания — осталась. В конце XIX в. она в острой форме напомнила о себе в так называемом спор о методе между представителями немецкой исторической школы и австрийскими неоклассиками. Принятому в естественных науках и в классической политэкономии методу описания и рационального объяснения был противопоставлен метод понимания, включающий историческое знание. Г. Шмоллер (1838–1917), который возглавил новую историческую школу, выступил с критикой абстрактного метода («метода изоляции», по его выражению) классической политэкономии в защиту тезиса о единстве и равнозначности всех элементов общественной системы в их воздействии на экономику. В 1880–1890-е гг. возникла полемика между Г. Шмоллером, отстаивавшим исторический подход к изучению экономики, эмпирический и индуктивный методы исследования, и К. Менгером, основателем австрийской школы, который резко выступил против «историков» в защиту универсальности экономических законов и теоретических методов их исследования. Этот спор в конечном счете способствовал формированию неоклассической школы и началу «маржиналистской революции», а также положил начало еще одному направлению, шедшему на смену классической политэкономии, — *институционализму*, который имел свои истоки в исторической школе.

Марксизм: критика и завершение классической политической экономии.

Среди критиков политической экономии особое место занимает экономическое учение К. Маркса (1818–1883) и его основной труд «Капитал» (изд. 1859–1894). К. Маркс создал принципиально новое направление в экономической науке. Его учение вырастает из классической политэкономии как из своего источника [10]. Система категорий, которую выстраивает Маркс при изучении капиталистического способа производства, исследование товарных отношений как основы, создающей богатство современного общества, рациональность метода анализа и т.п. — все это сближает марксистское экономическое учение с классической традицией. Нередко экономическую теорию Маркса называют «завершением классической политэкономии» [14]. Но таково ли действительное место и значение марксизма в развитии мировой экономической мысли? В чем революционность марксистской экономической теории и принципиальное отличие ее от классической политэкономии? Экономические

отношения капитализма исследуются К. Марксом с позиции выработанного им совместно с Ф. Энгельсом (1820—1895) пролетарского мировоззрения, философской основой которого является созданное ими материалистическое понимание истории, или исторический материализм. Принципиально иначе понимает Маркс главную цель, которой должна служить философия, — не объяснять, а переделывать мир [13]. И эту цель — обоснование необходимости переделки мира — он ставит в своих исследованиях капиталистической экономики. Не случайно экономическую работу «К критике политической экономии» (1859) [12] он предваряет философским предисловием, в котором поясняет, с какой общеполитической и социальной позиции должна изучаться система капиталистических отношений. Согласно этой позиции главной задачей теории является обоснование исторической миссии рабочего класса как могильщика капитала и строителя нового коммунистического общества, чему К. Маркс посвятил всю свою научную и практическую деятельность (в частности, как создатель совместно с Ф. Энгельсом международного Союза коммунистов (1847) и Первого Интернационала (1864)).

Основой исследовательского метода «Капитала» является рационализм, или, как его называют, логический метод, или еще конкретнее — диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному, выработанный К. Марксом для изучения общих законов капиталистических производственных отношений. Соблюдение принципа историзма и строгое следование логическому методу образуют единство исторического и логического подходов, что представляет диалектическое решение «спора о методах», возникшего в экономической науке. В итоге развития экономической мысли XIX в. произошла «двойственная революция», в результате которой образовались две ведущие ветви мировой экономической теории — западный *mainstream economics* и марксистское экономическое учение [17, с. 38].

Глубина исследования Марксом экономических отношений современного ему капитализма, тем не менее, не избавила дальнейшую судьбу его теории от кризисов развития конца XIX — XX в., связанных как с эволюцией мировых экономических процессов, так и с противоречиями во взглядах последователей марксизма.

2.4. НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

Качественно новый этап в развитии науки связывают с эпохой кризиса классической рациональности (конец XIX в. — 1960-е гг.). Она основана на существенно отличающемся от классической науки фундаменте,

сформированном открытиями радикального характера, главным образом в естественных науках и математике. Реальный мир оказался значительно сложнее, чем его образ в классической науке. Объектами изучения, наряду с макромиром, становятся микромир и мегамир. Вместо изолированных объектов изучаются сложные системы. Если в классической науке предполагалось изучение объекта самого по себе и абстрагирование от любых характеристик познающего субъекта, то на новом этапе развития науки оказалось невозможным даже в естественных дисциплинах исключить субъект и средства, которые он привлекает для изучения, из «тела» знания (субъектно-объектное знание). Предметом науки становится не реальность «в чистом виде», а некоторый ее срез, определяемый принятыми концептуальными принципами и способами его освоения. Непосредственный предмет научного познания превращается, таким образом, из «вещи самой по себе» в абстрактный объект. Наука изучает не неизменные вещи, а вещи в конкретных условиях их существования. На абсолютную (однозначную для всех) истину наука больше не претендует, достаточно относительной (односторонней, неполной). Оказалось возможным создание равноправных описаний одного и того же объекта в теориях, использующих разные концептуально-методологические подходы. Вместо «нормативного догматизма» (объективная истина одна) допускается «разумный скептицизм» (может быть и несколько истин).

Иное понимание законов. Однозначный детерминизм сменяется вероятностным. Вместе с утратой представления об универсальности научных законов и теорий все более очевидным становится ограниченный характер сферы их действия. Динамические (однозначные) законы в качестве приоритетных сменяются статистическими и вероятностными. Их уже не требуется доказывать, достаточно подтвердить принятыми в науке способами (верифицировать).

Единственный универсальный метод больше не требуется, да он и невозможен. Для получения нужного результата допускаются разные методы (*методологический плюрализм*).

Если раньше преобладала точка зрения, что каждая дисциплина развивается по своим внутренним законам (интернализм), то с развитием неоклассической науки становится более заметным влияние на ее эволюцию как внутренних, так и социокультурных факторов (экстернализм). В этот период начинают активно развиваться науки об обществе, происходит формирование концептуально-методологических подходов к исследованию социальных явлений. Существенное влияние на данный процесс оказывают фрайбургская (баденская) школа неокантианства (с разработкой теории ценностей и методов гуманитарных наук) и

иррационалистическое течение в европейской философии «философия жизни». Принципиальным отличием неклассики от науки классического периода выступает ценностной фактор при определении главной задачи научного познания: классики сосредоточивали свое внимание на вопросе «что есть?» (знание — объективная реальность), новая наука — на вопросе «что должно быть?».

Эти изменения в онтологических, методологических и аксиологических основаниях неклассической науки просматриваются и в философских основаниях экономики соответствующего периода. За это время в экономической науке происходит две революции — маржиналистская, осуществлявшаяся в несколько этапов, и кейнсианская. Возникает большое количество разнообразных научных школ и исследовательских программ. Следуя предложенной О.В. Карамовой классификации, неклассическая экономическая наука представлена следующими научно-исследовательскими программами.

1. Неоклассика, включающая школы: маржинализм (второй волны), австрийская школа (первой волны), неолиберализм, монетаризм, теория предложения, теория рациональных ожиданий, «новая классическая макроэкономика» («новая классика»).
2. Кейнсианство, включающее научную школу неокейнсианства.
3. Институционализм, включающий школу традиционного американского институционализма, теорию индустриального общества Дж. Гэлбрейта, теорию коллективного капитализма Г. Минца, теорию «менеджеральной революции» А.А. Бэрли, «азиатскую драму» К.Г. Мюрдаля и экономический империализм как отдельную школу [7, с. 55].

Большое количество школ и теорий с различным набором средств научного познания свидетельствует о том, что проблемное поле экономических исследований расширилось и усложнилось, и о том, что многие проблемы, ставшие актуальными в новых условиях, оказались нерешаемы устаревшими методами классической политэкономии.

В экономической теории происходит *смена онтологического основания*. Внимание классиков политэкономии было сосредоточено на проблемах производства, объективного процесса создания и движения его материального продукта. В конце XIX — начале XX в. в экономической науке происходит переориентация фокуса внимания с продукта экономической деятельности на процессы принятия решений. Объектом изучения становится не реальный экономический мир, а ожидаемый, проектируемый. Экономическую картину этого периода О.И. Ананьин [2] называет «поведенческой», поскольку в ее центре находится поведение человека.

Пользуясь понятием «парадигма», которое ввел в научный оборот Т. Кун, названным им также дисциплинарной матрицей, т.е. определенным набором проблем и методов для их решения, общим для всех занимающихся данной дисциплиной, можно сказать, что на рубеже XIX—XX вв. в экономической науке происходит смена парадигмы. Классическая политэкономия в качестве господствующей теории уступает место (и наименование) маржинализму (экономикс). Вместо главного для классиков вопроса о том, что представляют собой реальные экономические явления, какова их сущность, маржиналисты сосредоточивают свое внимание на вопросе, как взаимосвязаны экономические явления между собой. В таком подходе чувствуется влияние заявившей о себе в начале века философии позитивизма с его радикальным отказом от исследования наукой сущности явлений и причинно-следственных связей между ними и переносом акцента на связи функциональные. Исследование многообразных процессов изменений одних явлений в связи с изменениями других (т.е. исследование предельных — маржинальных — величин) становится главным. Стоимость как базовая категория экономической теории заменяется категорией субъективной полезности. Сфера производства уступает первичное место в экономической теории сфере потребления (спроса), где отдельные индивиды через рынок осуществляют взаимодействие друг с другом. В центре внимания — микроэкономика (отдельная фирма, отдельный потребитель, максимизация прибыли и минимизация затрат при максимальной экономической свободе субъектов).

В качестве главного принципа экономикс утверждает не принцип исходной категории, как это было в классической политэкономии, а принцип равновесия экономики как системы (первым, кто разработал теорию общего экономического равновесия, был Л. Вальрас) и модель рационального (максимизирующего) человека.

Решение проблемы равновесности экономической системы на микро- и макроуровне предполагает умение измерить и сопоставить величины взаимодействующих факторов. Успехи математики к тому времени сформировали условия широкого применения ее в экономике. Моделирование экономических процессов на основе математических методов позволило упростить представление о реальных процессах и явлениях, абстрагируясь от их социальных форм, т.е. исследовать модель «чистой экономики» вне ее социальных, качественных характеристик (термин Л. Вальраса — «элементы чистой политической экономики» (1874)). Усложнение научно-исследовательского инструментария сопровождается изменением и расширением предмета экономической науки. Возникают новые самостоятельные экономические дисциплины с обособленным предметом, но общим объектом.

Маржинализм прошел плодотворный путь развития, породив ряд школ и направлений, поставил немало важных проблем и продвинул вперед теорию и методологию экономической науки, а также способствовал образованию мирового научного сообщества экономистов. Его учение о предельных величинах (предельной полезности и предельной производительности) и постановка проблемы альтернативного экономического выбора на базе ограниченных ресурсов легли в основу почти всех новейших концепций микроэкономики. Однако ряд важнейших сторон экономической действительности остался вне поля его внимания, как это было и с классической политэкономией. В теориях маржинализма слабо отразилась новая стадия в развитии экономики XX в., обусловившая новые принципы взаимоотношения государства и экономики: усиление государственного регулирования в период Первой мировой войны, в преодолении мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., вызванного «провалами» рынка; новая роль государства в планировании и выполнении пятилетних планов развития в послереволюционной России. Закономерным этапом в эволюции экономической науки стало появление кейнсианской теории вмешательства государства в экономику.

Институционализм — еще одно течение экономической мысли, возникшее к концу XIX в. на основе критики старой исторической школы в лице *Ф. Листа* и его последователей, новой исторической школы *Г. Шмоллера* — американский институционализм *Т. Веблена*, *У.К. Митчелла*, *Дж.Р. Коммонса* и институционализм 1940—1960-х гг. *Г. Минца*, *У. Ростоу*, *Дж. Гэлбрейта* и др. С позиций институционализма поведение человека зависит от институтов — норм и правил сообщества, в котором живет индивид. Такой подход позволил сформулировать расширенную модель человеческого поведения — модель институционального человека — и заложил основы для институциональной картины мира в экономике. Кроме того, институционализм предложил использовать экономическую теорию как инструмент решения конкретных социальных проблем, например, проблемы воздействия технологий на общество, что привело, в частности, к экспансии экономической теории в область социологии [5]. Институционалисты использовали в своих исследованиях междисциплинарный и исторический подходы. В отличие от классической политической экономии, они также рассматривали функциональные, а не причинно-следственные взаимосвязи между экономикой и другими сферами жизни общества (политикой, культурой и т.д.), представляли экономические процессы не с точки зрения методологического индивидуализма, а с позиции методологического холизма [14].

В отличие от институционализма, **кейнсианская революция** — это революция в пределах маржинализма. Переход в развитии экономической

мысли от одной господствующей парадигмы к другой, принципиально отличающейся от предыдущей, совершается, как в целом в развитии научной мысли, скачками, революционным путем. При этом неизбежно прохождение через кризисные периоды, когда господствующая теория перестает давать убедительные ответы на требующие решения актуальные проблемы. Первый такой кризис западной экономической теории (кризис неоклассики) (1920–1930) произошел на фоне мирового экономического кризиса и Великой депрессии (1929–1933). Предложенная Дж.М. Кейнсом «теория регулируемой экономики» («Общая теория занятости, процента и денег») сформулировала ряд новых принципов, которые позволили теоретически и практически преодолеть недостатки маржинализма, добиться значительных успехов в национальной экономике (прежде всего в США) и создать новую платформу для дальнейшего развития мировой экономической мысли.

Критика Дж.М. Кейнсом классической теории не имела целью сокрушить основы капиталистической экономики; напротив, он предложил способы укрепить их. Он не отрицал важности рыночных отношений как основы капиталистического хозяйства и эффективности рыночного механизма, но в противовес классике отрицал способность рыночной экономики к саморегулированию. По его мнению, рынок сам по себе не способен решить проблемы безработицы, инфляции, низких темпов экономического роста, кризисов. Для решения этих проблем в новых условиях необходимо вмешательство государства. Кейнс отверг принципы методологического индивидуализма и ориентацию на микроэкономику. Кейнсианство создало принципиально новый анализ макроэкономических взаимосвязей (ввело в научный оборот макроэкономические величины и их количественные взаимосвязи).

Система макроэкономического регулирования, предложенная Кейнсом, и реализация его концепции после Второй мировой войны привели экономику западных стран в состояние, которое называли «золотым веком» («теория регулируемой экономики»). Однако это не избавило кейнсианство от критики, прежде всего со стороны неоклассиков, наиболее видными теоретиками которых были экономисты новой австрийской школы (*Л.Ч. Роббинс, Дж.Э. Мид, Л. Мизес, Ф. Хайек* и др.). Критике подверглись в первую очередь любые вмешательства в свободу экономических решений, отрицалась возможность анализа на макроуровне и вероятность каких-либо прогнозов (выбор отдельных индивидов нельзя предсказать). Были выдвинуты аргументы против главных идей кейнсианства: концепции совокупного спроса; объяснения причин безработицы низким уровнем спроса; концепции регулирования валюты для создания умеренной инфляции и снижения безработицы.

В 1970-е гг. начинается новый кризис западной экономической теории (второй кризис XX в., как называет его Дж. Робинсон, лидер левого кейнсианства). В экономической науке происходит то, что получило наименование *монетаристской контрреволюции*. Выдвигается требование дать полную свободу бизнесу, покончить с идеями «регулируемого капитализма» (с ересью «кейнсианства»). Это происходит на фоне экономического спада в западных странах, приведшего к ухудшению конъюнктуры. Кейнсианство не смогло предложить меры по выходу из кризиса и найти решение новых проблем (в частности, таких как стагфляция). Использование кейнсианских рецептов в экономике привело к разрастанию государственного сектора, увеличению расходов по его поддержанию, усилило налоговое бремя. В то же время благодаря развитию микропроцессорных и компьютерных технологий возросла конкурентоспособность средних и малых фирм и появились новые возможности для эффективного саморегулирования рынка.

В оппозиции к кейнсианству оказались неолиберальные теории, требующие ограничения или исключения государственного вмешательства в экономику (теории рыночного фундаментализма): американские монетаристы (во главе с М. Фридменом), а также школа «рациональных ожиданий», или новая классическая теория (*Р. Лукас, Т. Сарджент, Н. Уоллес, Э. Прескотт*), экономическая теория предложения (*М. Фелдштейн, А. Лаффер*). Главное внимание монетаристы уделяли сфере денежного обращения и его стабильности (главный тезис монетаристов «деньги имеют значение» принадлежит М. Фридмену, термин «монетаризм» введен в современную экономическую теорию К. Бруннером). Опору для своей теории монетаристы находят в количественной теории денег Д. Рикардо, Д. Юма, Р. Кантильона, Г. Торнтона. На формирование монетаризма кроме М. Фридмена оказали заметное влияние *Г. Саймонс, И. Фишер, Ф. Найт* и др. Монетаризм оказался востребованным в качестве основной теории в США и Великобритании при разработке экономической политики, направленной против обострения инфляции и ухудшения состояния экономики.

С позиций господствующих либертарианских теорий недоступно объяснение многих явлений современной экономики. В то же время экономическая политика, основанная на их рекомендациях (Вашингтонский консенсус), привела к негативным для ряда стран последствиям в годы «азиатского кризиса» (1997–1998) и в настоящее время. Кризисному состоянию экономики способствовала господствующая идеология «рыночного фундаментализма». Специалисты предрекают затяжной кризис экономической теории Запада.

Вместе с тем на фоне кризисных явлений в мировой экономике отмечается оживление интереса к марксистской теории в ряде стран, в частности в Германии. Опубликовано новое издание «Капитала». Предпринимаются попытки изучения и преподавания политической экономики на «классической основе». Современный интерес к марксизму вызван и его социальной направленностью, так как проблемы социальной несправедливости и обездоленности становятся особо острыми в периоды кризисов.

2.5. ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

С конца XX в. в развитии мировой науки начинается период, получивший наименование постнеклассического. В это время происходят революционные изменения во многих областях знания, особенно в вычислительной технике, в получении и хранении знаний, появляется микроэлектроника, нанoeлектроника; объектами изучения становятся сверхсложные, саморазвивающиеся системы, требующие междисциплинарных исследований. В основе нового типа научного знания — вероятностные представления, случайность, нестабильные, нелинейные взаимосвязи. Преобладающей становится идея о синтезе научных знаний, утверждается парадигма целостности (мироздания, биосферы, ноосферы, общества, человека). Человек оказывается не вне объекта изучения, а внутри него; возрастает необходимость учета влияния субъекта на объект, значимость человеческого фактора в научных исследованиях. Предмет научного познания понимается как сконструированная реальность, допускающая различные описания одного и того же объекта, что зависит лишь от творческой воли ученого. Подлинный субъект научного познания — профессиональное научное сообщество (научный коллектив). Научные законы понимаются как идеализация, схема реальности, обладающие вероятностно-истинным характером. Целью познания становится получение не истины, а практически полезной гипотезы. Ценностно-целевые установки исследователя оказываются напрямую связанными с венаучными, социальными ценностями.

Все эти процессы находят отражение в современной экономической науке. Усиливается ее практическая направленность. Усложняется само экономическое познание, что связано с пониманием постоянной включенности субъекта в объект. Меняются **онтологические основания** экономической науки: внимание концентрируется на условиях экономической деятельности: организационных структур, характера их

изменений, исторически обусловленных стереотипов и норм поведения [1]. При этом все три основных экономических картины мира — продуктовая, поведенческая и институциональная — сосуществуют. Растет неудовлетворенность неоклассическими концепциями с их чрезмерной математизацией и неспособностью объяснить причины экономического развития. Совершенствуется методологический инструментарий, ускоряются темпы новых разработок. Среди важнейших аспектов развития экономической теории — усовершенствование математического инструментария, разработка базовых моделей, охват теорией новых сфер экономической жизни, невиданные ранее масштабы обработки эмпирических данных. На базе макро- и микроэкономики интенсивно разрабатываются синтезирующие их теории. Возникает потребность в привлечении методов и категориального аппарата смежных дисциплин, прежде всего социальных, для исследования экономических проблем.

В экономическом сообществе набирают авторитет новые направления: эволюционная и поведенческая экономика, нейроэкономика, когнитивная экономика, экологическая экономика, неoinституционализм (см. подробнее гл. 18). «Старые» институционалисты стремились использовать для изучения экономики методы социологии и других наук. Неoinституционалисты идут дальше: они утверждают, что проблемы других наук должны и могут решаться только благодаря экономическому подходу. Подобное расширение экономического подхода и применение его к внерыночным сферам получили наименование *экономического империализма*. Неoinституциональное направление выдвинулось в авангард современной экономической науки (восемь ученых этого направления или близких ему стали лауреатами Нобелевской премии). С другой стороны, в 1970—1990-х гг. продолжает существовать и развиваться институционализм, в пространство анализа которого входят проблемы, связанные с глобализацией, научно-техническим прогрессом, становлением информационного общества и развитием сферы услуг. К этому направлению относятся концепция экономики знаний *П. Друкера*, работы, посвященные проблеме качества жизни (*Дж. Гэлбрейт*, *Э. Тоффлер*, *Р. Арон*), теория постиндустриального общества *Дж. Белла* [14].

В настоящее время в экономической науке сосуществует большое количество школ и направлений, защищающих конкурирующие концепции, — научно-исследовательских программ. М. Блауг соотносит это понятие с каждой конкурирующей теорией и предсказывает еще большее увеличение их числа в ближайшем будущем. О.В. Кармова предлагает свою классификацию действующих экономических теорий и группирует их в две основные научно-исследовательские программы:

неоинституциональная теория, включающая теорию транзакционных издержек, теорию прав собственности, теорию общественного выбора, новую экономическую историю и теорию контрактов; эволюционная теория, включающая шумпетерианство, институционально-эволюционная теорию, теорию самоорганизации (синергия) [7, с. 55–56]. Современный экономист Д. Родрик отмечает, что «экономическая наука — это набор моделей» [15, с. 249], сила которых в их разнообразии. Другие исследователи считают главными качествами современной экономической теории однородность, единство подхода, господство «основного течения», ядром которого является неоклассический подход. В то время как «теоретические направления, использующие иные модели мира или человека... имеют тенденцию со временем выпадать из основного течения и на их место приходят новейшие приложения неоклассической теории...» [5, с. 756].

Специалисты, несмотря на обилие теорий, отмечают признаки затяжного кризиса экономической науки. Эмпирические исследования многообразных экономических явлений не дали надежных обобщений, пригодных для построения единой теории и создания новой парадигмы. Попытки создания науки, которая открывала бы общие законы экономического роста и развития, генерировала бы «большие теории» и способна была бы отвечать на главные вопросы, вероятно, остались в прошлом [2]. Есть и еще одно обстоятельство, которое не создает заинтересованности в теориях такого рода. Оно обусловлено новой функцией экономической теории, которую та приобрела в современной экономической системе и на которую указал Дж. Гэлбрейт, а именно современные огромные организации, обладающие властью, преследуют вовсе не общественные интересы, а свои собственные. И соответственно они имеют возможность оказывать воздействие и на научные дисциплины, поставив их на службу своим интересам [4, с. 2–3].

В этих условиях представляют интерес идеи, предложенные в истории русской экономической мысли.

2.6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ: САМОБЫТНОСТЬ И СВЯЗЬ С МИРОВОЙ НАУКОЙ

Находясь под сильным влиянием европейской науки, российская экономическая мысль была ориентирована на отечественные проблемы социального характера. При этом российские экономисты высказали немало оригинальных идей и концепций.

В истории отечественной экономической мысли существовало много научных школ, течений, направлений, что представляет определенные

трудности при их классификации и допускает различные подходы [5, с. 330–478; 7, с. 56–60; 14]. Вместе с тем можно увидеть и общие черты российской экономической науки, характеризующие ее методологические, аксиологические, этические основания. Главная идея русской философии, оказавшая влияние на формирование отечественной экономической мысли, — утверждение единства человека (не только материального, но и духовного) с миром, Вселенной, что отразилось в таких понятиях, как соборность, всеединство, космизм. Эта идея позволила сформировать принципы универсализма, аксиологический и ценностно-этический подходы и нашла свое выражение в самобытном направлении отечественной экономической науки — философии хозяйства (подробнее об этом см. гл. 7).

Вольное экономическое общество, созданное в 1765 г. в Петербурге, просуществовало до 1917 г. В сферу его интересов входили практические вопросы сельского хозяйства, а также проблемы денежного обращения, кредита, финансов, торговли, экономической роли государства и хозяйственных прав различных слоев российского общества. В 1890-е гг. в России стали публиковаться первые работы *маржиналистского* направления (например, работа М.И. Туган-Барановского «Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности» (1890)). Появились оригинальные идеи, вошедшие в золотой фонд мировой экономической науки.

Своеобразие отечественной экономической мысли особенно проявилось в связи с обсуждением проблемы исторического пути развития России. Еще в 1840-е гг. идею российской самобытности высказали *славянофилы*. Экономической опорой особого пути развития, по их мнению, должна была стать крестьянская община. Идея, что каждая нация имеет свою особую историю и экономику, получила обоснование в концепции *культурно-исторических типов* (или «локальных цивилизаций») Н.Я. Данилевского («Россия и Европа» (1871)). А.И. Герцен в 1840-е гг. сформулировал теорию *русского социализма*, минуя капитализм и сохраняя общинный тип хозяйства. Путь к социализму через крестьянскую и рабочую общину как особый, российский путь развития обосновывал в своих экономических работах Н.Г. Чернышевский («Капитал и труд» (1859), «Очерки политэкономии (по Миллю)» (1861)).

Сочувствие к трудящемуся человеку, его тяжелой жизни свойственно не только классической русской литературе, но и экономической науке. В 1870-е гг. идеи крестьянского социализма нашли отражение в работах теоретиков народничества (*П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, П.Н. Ткачева* и др.) и экономистов, находившихся под влиянием идей «новой исторической школы» и симпатизировавших народникам.

Историко-этический метод исследования и опора на факты, которые давала хорошо поставленная земская статистика при изучении «крестьянского вопроса», отличают работы представителей этой школы в России (*А. Постникова, И. Иванюкова*) конца XIX в.

Из других проблем, решением которых занимались отечественные ученые, являвшиеся сторонниками исторической школы, нужно отметить проблемы роли государства в экономике (*С.Ю. Витте, И.И. Янжул*).

Концепции институционалистского направления развиваются в России в начале XX в. Идеи *П.Б. Струве, С.Н. Булгакова, М.И. Туган-Барановского* оказались востребованными в дальнейшем развитии мировой экономической мысли, например концепция «идеальных типов хозяйственного строя» *П.Б. Струве* и его подход к обработке данных; экономическая теория *С.Н. Булгакова* «философия хозяйства» (подробнее см. гл. 7).

Советское правительство в 1920-е гг. относилось к отечественным экономистам маржиналистского направления как к буржуазным специалистам, приобщая их к строительству социализма. К экономистам институционального направления, которые занимались социальными проблемами, отношение было хуже — от них постарались быстрее избавиться, главным образом выслав за границу.

Трагической оказалась судьба организационно-производственной школы (*А. Челинцев, Н. Макаров, А. Чаянов, А. Рыбников, А. Минин*), которая еще до революции начала разрабатывать теорию трудового крестьянского хозяйства. Главным понятием этой теории был трудопотребительский баланс, опиравшийся на принцип максимизации потребления и занятости семьи, являвшейся целью семейного хозяйства (в отличие от капиталистической фирмы с ее целью максимизации прибыли). В 1930-е гг. школа была разогнана, *А. Чаянов* в 1938 г. расстрелян. Его теория семейных хозяйств была забыта в советское время, но хорошо известна в Европе и оказалась особенно актуальной для развивающихся стран.

Из последних достижений мирового уровня отечественной экономической мысли необходимо назвать теорию «больших циклов» *Н. Кондратьева*, а также создание моделей экономического роста, связанных с работой над перспективным планированием (*В. Базаров, Г. Фельдман, Н. Кондратьев* (погиб в тюрьме в 1938 г., не успев закончить обобщающую работу, дающую синтез достижений экономической науки)). *А. Богданов*, создатель тектологии (науки об общих законах организации, предвосхитившей кибернетику), разработал модель народно-хозяйственного плана, положил начало разработке межотраслевого баланса, в создании

которого приняли участие Л. Крицман, П.И. Попов, В. Леонтьев. Однако в 1929 г. по решению И.В. Сталина работа по созданию межотраслевого баланса в стране была приостановлена. В. Леонтьев, оказавшийся в это время за рубежом, продолжил разработку межотраслевого баланса, за что позже был удостоен Нобелевской премии.

Выдающимся достижением советского периода была разработка Л. Канторовичем теории линейного программирования (1939), раскритикованной за применение в экономике «буржуазных» математических методов. Лишь во времена «хрущевской оттепели» математические методы в экономике стали применяться вновь. За разработку линейного программирования Л. Канторовичу (совместно с американцем Т. Купмансом) была присуждена Нобелевская премия.

Что касается разработки экономической теории в методологическом плане, то она ограничивалась марксистской школой. И пожалуй, наиболее интересные идеи в этом отношении выдвинули философы (Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев и др.), давшие свое понимание исследовательского метода К. Маркса при анализе законов капиталистической экономики.

Современная российская экономическая наука, по мнению Л. Григорьева [3], находится в ситуации «двух дискурсов»: первый — мировой дискурс как пространство обсуждения экономических проблем, важных и интересных всем странам; второй — национальный, включающий проблемы, представляющие интерес в основном только для России. Если рассматривать российскую экономическую науку в контексте многообразия школ, подходов и теорий в рамках экономической науки в целом, то здесь следует отметить, что в России присутствуют представители неомарксизма (например, А.В. Бузгалин), неoinституционализма (например, А.Е. Шаститко, Л.А. Тутов), неоклассической экономической теории — таких, правда, не очень много, как отмечает А.А. Мальцев [11], поведенческой экономики (например, Р.И. Капелюшников), риторики экономической науки (например, Д.Е. Расков) и других направлений современной экономической науки.

Выводы

1. Философские проблемы возникновения и развития экономической науки можно рассматривать в связи с формированием в рамках последней дисциплинарных онтологий — продуктовой, поведенческой, институциональной, — которые, в свою очередь, основаны на определенных нормах и идеалах научного

исследования. Эти нормы и идеалы в каждую конкретную эпоху задаются и мировоззрением ученых-экономистов, и общим состоянием развития научного знания в целом, и философскими идеями. Влияние философии на формирование экономической науки объясняется тем, что философы предлагают целостный подход к пониманию мира и человека в нем, выявляют наиболее важные познавательные проблемы и определяют стратегии их решения.

2. На этапе возникновения экономической науки влияние философии и естественных наук (медицины, биологии, физики) было преимущественным, поскольку к XVIII в. философия и естествознание представляли собой теоретически и методологически состоявшиеся способы познания мира. После того как экономическая наука обрела предметную, теоретико-методологическую и институциональную самостоятельность, появились самые разные экономические теории, для которых мы по-прежнему можем выделить философские основания: онтологические, гносеологические, методологические, логические, аксиологические. Эти основания позволяют на более общем уровне, чем уровень самих экономических теорий, оценить их возможности и границы, определить вклад экономистов в общую картину мира, а также выявить динамику взаимосвязи между экономикой, другими науками и вненаучным знанием.
3. Среди факторов, влияющих на эволюцию экономической науки, главными выступают следующие: 1) появление новых проблем, вызванных развитием экономики как хозяйственной деятельности и требующих теоретического осмысления, что находит свое выражение в изменении предметной области внимания экономистов, тематики исследования, аспектов рассмотрения, решаемых задачах; 2) развитие философского мировоззрения; 3) достижения других наук, в первую очередь естественных, благодаря которым формировалась новая философская картина мира и новые методы ее исследования; 4) эволюция внутренней логики развития самой экономической теории.
4. Первой научно-исследовательской программой в экономике является классическая политическая экономия, в рамках которой формируются различные течения и школы, отличающиеся своим видением предметной области экономики, методами исследования и объяснения явлений хозяйственной жизни и принципов построения теоретической системы. Политическая экономия ориентировалась на картину мира, которую формировала наука и

философия классического периода, и методы исследования, которые предлагали естественные науки, особенно механика. В неклассический период экономическая теория испытала серьезное влияние как со стороны новых теорий и методов естественных наук, так и со стороны получивших мощное развитие социально-гуманитарных дисциплин и философии позитивизма. С развитием постнеклассической науки, особенно в связи с успехами вычислительной техники, новыми способами получения и хранения знаний, появлением сверхсложных саморазвивающихся систем, меняются основания экономической теории. Происходит становление нового типа экономического рационализма: вероятностно-плюралистического вместо однозначно-дедуктивного. В развитии экономики возрастает роль междисциплинарных исследований.

5. На протяжении всей истории развития экономической мысли происходила внутренняя борьба между оппозиционными школами и теориями: классической политэкономии с меркантилизмом, немецкой исторической школы с австрийскими неоклассиками, кейнсианства с неоклассикой, монетаристов с кейнсианством. Все это способствовало развитию экономической теории, выходу ее через кризисы к новым парадигмам.

Проблемный блок

1. Принцип «исходной категории» в классической политэкономии и в марксистской экономической теории: сходство и различие.
2. Принцип историзма в экономической науке: специфика понимания у славянофилов, в марксистской политэкономии, в немецкой исторической школе.
3. Принцип *laissez-faire* и его историческая судьба.
4. «Крест Маршалла» как решение спора двух альтернативных теорий.
5. Методологические споры в истории экономической науки.
6. Причинно-следственный анализ в экономической науке и функциональный метод.
7. Эволюция предмета экономической теории: классическая, неклассическая, постнеклассическая науки.
8. Методологические особенности экономической науки в классический, неклассический, постнеклассический периоды.
9. Кризисы экономической теории и их причины.
10. Специфика российской экономической науки.

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. *Ананьин О.И.* Онтологические предпосылки экономических теорий [Текст] / О.И. Ананьин. — М.: ИЭ РАН, 2013. — 50 с.
2. *Ананьин О.И.* Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ [Текст] / О.И. Ананьин. — М.: Наука, 2005. — 244 с.
3. *Григорьев Л.* Два дискурса в российской экономической науке [Текст] / Л. Григорьев // Вопросы экономики. — 2017. — № 9. — С. 135–157.
4. *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества: пер. с англ. [Текст] / Дж. Гэлбрейт. — М.: Прогресс, 1976. — 406 с.
5. История экономических учений [Текст]: учеб. пособие / под ред. В. Автномова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 784 с.
6. *Карамова О.В.* Философия, история и методология экономической науки [Текст] / О.В. Карамова. — М.: Спутник, 2007. — 208 с.
7. *Карамова О.В.* Этапы развития и периодизация российской экономической науки [Текст] / О.В. Карамова // Экономические науки. — 2012. — № 3 (88). — С. 56–60.
8. *Кун Т.* Структура научных революций [Текст] / Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налетова; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с.
9. *Лакатос И.* Методология исследовательских программ [Текст] / И. Лака-тос. — М.: Аст, 2003. — 380 с.
10. *Ленин В.И.* Три источника и три составные части марксизма [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. — 5-е изд. — Т. 23. — С. 40–43.
11. *Мальцев А.А.* Теоретико-методологические взгляды экономистов России и Беларуси: эффект колеи? [Текст] / А.А. Мальцев // Журнал экономической теории. — Т. 17. — № 3. — С. 560–573.
12. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — Т. 13. — С. 5–9.
13. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 1–4.
14. *Покидченко М.Г.* История экономических учений [Текст]: учеб. пособие / М.Г. Покидченко, И.Г. Чаплыгина. — М.: ИНФРА-М, 2013. — 271 с.
15. *Родрик Д.* Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки» [Текст] / Д. Родрик. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 256 с.
16. *Стёпин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения [Текст] / В.С. Стёпин // Постнеклассика: философия, наука, культура. — СПб.: Мирь, 2001. — С. 249–295.
17. *Худокормов А.Г.* Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке) [Текст] / А.Г. Худокормов. — М.: ИЭ РАН, 2012. — 38 с.

Дополнительная литература

Канке В.А. Философия экономической науки [Текст]: учеб. пособие / В.А. Канке. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 384 с.

ГЛАВА 3

ЭКОНОМИКА КАК НАУКА И КАК ИСКУССТВО

Термины: экономика, наука, искусство, критерии научности знания, объективность.

В контексте современного развития хозяйственной деятельности возникает вопрос взаимоотношения экономики как искусства и экономики как науки, их синтеза и влияния полученного комбинированного метода на повышение эффективности экономической политики.

Предпосылкой рассмотрения экономики как сочетания прикладной науки и научного знания является изменение основ экономического знания. В настоящее время это изменение направлено прежде всего на поиск наиболее оптимальных и эффективных путей решения практических проблем с использованием передового теоретического опыта и научных разработок не только в сфере экономики, но и в смежных областях: психологии, философии, социологии, биологии, физике. На эти изменения указывал в своих исследованиях нобелевский лауреат по экономике 2013 г. Р. Шиллер, утверждая, что исследования процессов экономической деятельности становятся второстепенными, экономика «вынужденно сосредоточена скорее на политике, нежели на открытии фундаментальных знаний» [19]. Эту мысль развивает и Д. Коландер, который пишет о том, что при проведении исследований на первом месте стоят методы позитивной науки и «самая последняя прикладная работа в экономике изначально использует формалистический метод аргументации и изложения, что приводит к точным результатам» [18, р. 194].

В рамках данной главы мы рассмотрим природу знания экономики как искусства, раскроем взаимоотношения экономики как науки и экономики как искусства, покажем, какие возможности приобретает экономика как знание, представляющее собой синтез этих двух подходов.

3.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭКОНОМИКИ КАК ИСКУССТВА

Экономика как искусство зародилась вместе с домашним хозяйством и представляла собой мастерство ведения хозяйства, характеризующееся высокой эффективностью управления, знанием правил хозяйственной

деятельности и их эффективного применения. Первоначально экономические знания носили характер советов и рекомендаций и передавались устно из поколения в поколение. Позднее, в Древней Греции, эти знания начинают оформляться в виде отдельных трудов.

Впервые экономика как искусство была наиболее полно и детально рассмотрена в работе древнегреческого философа Ксенофонта «Домострой». Ксенофонт определял экономику или домоводство как науку об искусстве ведения хозяйства, под которым подразумевается все имущество человека, которым он пользуется в своей хозяйственной деятельности. При этом он давал следующую характеристику этой науке: «Домоводство есть название какой-то науки, а эта наука, как мы определили, есть такая, при помощи которой люди могут обогащать хозяйство, а хозяйство, согласно нашему определению, есть все без исключения имущество, а имуществом каждого мы назвали то, что полезно ему в жизни, а полезное, как мы нашли, — это все, чем человек умеет пользоваться» [7, с. 215]. Иными словами, экономика как искусство связана с умением индивида пользоваться собственностью. Необходимо отметить, что понятие собственности следует рассматривать на двух уровнях:

- первый уровень — домохозяйство, где человеку принадлежит дом, слуги, участки земли, а также хозяйственные постройки, мастерские, места на рынках, т.е. все имущество, приносящее прибыль;
- второй уровень — государство как собственность, принадлежащая правителю.

В рамках первого уровня экономика как искусство рассматривает самые разнообразные вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью индивида, направленные на улучшения хозяйства и получение прибыли. Так, в «Домострое» содержатся практические рекомендации по строительству дома, земледелию, приучению жены вести домашнее хозяйство, хранению продуктов, подбору и обучению слуг и т.д. В качестве примера можно привести совет о том, как необходимо поощрять хороших работников. В домашних хозяйствах, где хозяева одинаково относятся к плохим и хорошим работникам, у людей, хорошо и качественно выполняющих свою работу, появляется чувство несправедливости, они не видят заслуженную награду за свой труд, что приводит к ухудшению выполняемой работы. Для решения этой проблемы Ксенофонт предлагает следующее: «Платя и башмаки, которые я должен давать рабочим, я делаю не все одинаковые, а одни похуже, другие лучше, чтобы можно было хорошему работнику дать в награду что лучше, а плохому что похуже» [7, с. 241]. Таким образом, каждый работник получает заслуженное вознаграждение.

В рамках второго уровня экономика как искусство рассматривает вопросы, связанные с благоустройством страны. Для правителя государство выступает в роли домохозяйства, поэтому процессы управления хозяйством и страной имеют много общего. Как у хорошего хозяина все в хозяйстве спланировано и приносит пользу и доход, так и у правителя при грамотном управлении страна процветает и хорошо охраняется. Предметом экономики как искусства являются военное дело и земледелие, под которым рассматривается не только обработка почвы и получение урожая, но и плотность заселения той или иной области. В «Домострое» Ксенофонт на примере того, как персидский царь управляет экономикой страны, дает ряд советов по содержанию и управлению войсками и по благоустройству областей.

Дальнейшее развитие учение об экономике как искусстве получает в работах Аристотеля. У Аристотеля эта наука тесно связана с изучением понятия собственности и рассматривается как «искусство наживать состояние» [2, с. 387]. Отмечается, что искусство наживать состояние и наука о домохозяйстве — это две разные науки о жизнедеятельности человека: «Искусство наживать состояние не тождественно науке о домохозяйстве: в одном случае речь идет о приобретении средств, а в другом — о пользовании ими» [2, с. 387].

Экономику как искусство можно рассматривать как разновидность искусства приобретения. Однако необходимо отметить, что искусство приобретения — это способность, которая является у человека врожденной, а искусство наживать состояние формируется с годами и приходит вместе с опытом.

Целью экономики как искусства с позиции Аристотеля является увеличение богатства и денег. Но эта цель недостижима, так как человек будет стремиться все время к увеличению богатства и его желанию быть богаче не существует предела.

В искусстве наживать состояние можно выделить теоретическую и практическую стороны. Как пишет Аристотель, «к практической стороне искусства наживать состояние относится усвоение опыта в деле приобретения предметов владения: какие из них наиболее полезны, где и каким образом можно достать их» [2, с. 395]. Таким образом, практическое освоение знаний играет важную роль в процессе увеличения богатства. Именно в результате практической деятельности у человека вырабатывается мастерство определения ценности товара, способов и возможности его приобретения.

Аналогично экономику как искусство, направленное на улучшение благосостояния страны, рассматривает и А. Смит. В качестве такой экономики он определяет политическую экономию, основная цель

которой заключается в увеличении богатства и государства, и правителя. При этом выделяются две основные задачи: «во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей» [15, с. 313].

После А. Смита в экономике стал преобладать другой подход, рассматривающий экономику прежде всего как науку. Этот подход был заложен самим А. Смитом, использовавшим при создании своего учения ньютоновскую методологию естествознания.

Позднее традицию разграничения экономики как искусства и экономики как науки продолжает в своих работах К. Менгер. В работе «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» он выделял три группы знаний, составляющих народное хозяйство [10, с. 304].

В первую группу входят история и статистика народного хозяйства. Они занимаются исследованием свойств отдельных определенных предметов.

Вторая группа — это наука или теоретическая национальная экономия [10, с. 304]. Наука исследует свойства и связи явлений экономики, которые присущи им как определенному виду или роду.

Третья группа представляет собой искусство или практические знания о народном хозяйстве. Эту группу составляют народнохозяйственная политика и финансовая наука. Основная задача этих наук заключается в поиске «основания для принятия целесообразных, соответственно различию обстоятельств, мероприятий в области народного хозяйства» [10, с. 304].

В свою очередь, другой представитель маржинализма Л. Вальрас также отмечал раздельное существование искусства и науки в рамках системы экономического знания. В основе их раздельного существования лежит различие в определении предмета и методов исследования. Предметом научного исследования являются природные явления и предметы. При изучении фактического материала, предоставляемого природой, в науке используются только методы наблюдения, изложения и объяснения полученных данных. Искусство, как пишет Л. Вальрас, анализируя идеи Ш. Коклена, «советует, предписывает, направляет», поскольку оно имеет своим предметом факты, чей источник — воля человека, а поскольку воля человека является, по меньшей мере, до определенного предела, силой проницательной и свободной, то ей следует советовать, предписывать ей то или иное поведение, направлять ее» [4, с. 14]. Необходимо также отметить, что в своем исследовании Л. Вальрас под искусством экономики

рассматривал теорию индустрии или, как он ее еще называл, прикладную политическую экономию, а под наукой подразумевалась чистая политическая экономия. При этом он отмечал сходство чистой политической экономии с физико-математической наукой и выделял ее главенствующую роль в разработке экономического знания, отмечая, что она «должна предшествовать прикладной политической экономии» [4, с. 23].

Свое дальнейшее развитие теория разграничения науки и искусства в системе экономического знания получила в трудах Д.Н. Кейнса. В основании его подхода лежит разделение политической науки как экономического знания на науку политэкономии, состоящую из положительной и нормативной наук, и искусство. Эти науки имеют разное значение и занимаются изучением разных предметов, создавая при этом единую целостную картину экономического знания. Положительная наука представляет собой систему знаний о реальном предмете. Областью ее исследования является окружающий нас мир во всем его предметном разнообразии, который существует в настоящем времени. Нормативная наука занимается оценкой предметов, явлений и событий с позиции их соответствия нормам или стандартам. Она исследует мир идеального. Искусство можно рассматривать как совокупность правил, необходимых для достижения поставленной цели. В связи с этим Дж.Н. Кейнс отмечал и различие в предметах исследования: «Положительная наука имеет своим предметом последование единообразий (*uniformities*), нормативная наука — определение идеалов, искусство — формулировку предписаний (*precepts*)» [6, с. 27–28].

В своих исследованиях А. Маршалл также разделял науку и искусство в рамках экономики как системы знаний. При этом искусство рассматривается как здравый смысл [9, с. 95]. В процессе решения проблем, возникающих в реальной хозяйственной деятельности, ему отводится основная роль. Как отмечал А. Маршалл, «экономическая наука воплощает в себе лишь работу здравого смысла, дополненную приемами организованного анализа и общих умозаключений, которые облегчают задачу сбора, систематизации конкретных фактов и формулирования на их основе выводов» [9, с. 95].

3.2. СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ ЭКОНОМИКИ КАК НАУКИ И КАК ИСКУССТВА

В современной экономической мысли исследованиями экономики как науки и как искусства занимаются как отечественные (О.И. Аналин, М.И. Одинцова, Ю.Я. Ольсевич, Ю.М. Осипов), так и зарубежные

(Д. Коландер, Р. Шиллер) экономисты. О.И. Ананьин в работе «Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях» определяет искусство экономики как «искусство отбора, комбинирования и применения экономико-теоретического знания для решения практических задач хозяйственной жизни общества» [17, с. 250].

Рассмотренные подходы к определению экономики как искусства позволяют определить ее как совокупность методов ведения хозяйства, направленных на повышение его эффективности. При этом практические навыки находятся в тесной взаимосвязи с теорией.

Сравнивая экономику с естественными науками, хотелось бы отметить следующее. Как и естественные науки, экономика исследует определенные закономерности, которым следуют в своем развитии экономические явления. Как писал в своих исследованиях М. Алле, «существование этих закономерностей позволяет сделать вывод, что в ряде случаев экономическая наука подчиняется расчету точно так же, как и физические науки, и может основываться на поддающихся проверке объективных отношениях» [1, с. 32].

Сходство с наукой можно отметить еще и в том, что экономика соответствует таким универсальным критериям научности знания, как «формальная непротиворечивость, причинно-следственная связанность, опытная проверяемость, рациональность, воспроизводимость, интересубъективность и т.п.» [5, с. 25].

Экономика как наука использует в своем исследовании различные методы познания деятельности хозяйствующего субъекта. (Подробнее об экономических методах см. гл. 11.)

Основное отличие экономики от естественных наук заключается в том, что в экономике объектом исследования является прежде всего человек, его поведение.

Однако рассмотрение экономики только как искусства или как науки не дает полной картины изучаемой экономической реальности. Для решения этой проблемы были предприняты попытки обоснования существования двух сфер экономики: экономики как науки и экономики как искусства, дающих в совокупности целостное представление об элементах хозяйственной деятельности.

Впервые экономическое знание как совокупность двух областей — науки и искусства — было рассмотрено Дж.Ст. Миллем. В политической экономии наука и искусство, являясь двумя совершенно противоположными сферами знаний, составляют единое целое, решая при этом разные задачи и рассматривая предметы и явления с разных позиций.

3.3. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЭКОНОМИКОЙ КАК НАУКОЙ И КАК ИСКУССТВОМ

Рассмотрим основные различия между экономикой как наукой и экономикой как искусством.

1. Различие заключается в том, какой принцип лежит в основе классификации. Наука основывается на рассмотрении причин того или иного явления или события. Искусство же имеет дело со следствиями. Как отмечал Дж.Ст. Милль, «одной из самых важных причин проведения четкой и понятной разделительной линии между наукой и искусством является следующая: принцип классификации в науке наиболее удобно следует [принципу] классификации причин, в то время как искусство с необходимостью должно быть классифицировано в соответствии с классификацией следствий, произведение которых представляет собой их подходящее завершение» [11, с. 67]. Следовательно, искусство использует результаты научных исследований. При этом также отмечается тот факт, что искусство может включать в себя не только данные одной науки, но также и нескольких наук.
2. Различие по предмету исследования. Наука исследует предметы и явления природы, а искусство — правила, указания, советы, руководство к тому, как надо поступать в том или ином случае. Искусство также включает в себя этику, которую автор относил к «наукам о природе и обществе» [12, с. 699].
3. Разные способы группировки данных и создания систем знаний. Искусство выстраивает данные науки и создает такую систему знаний, которая необходима индивиду в практической деятельности, а наука «группирует и располагает свои истины таким образом, чтобы позволить нам одним взглядом окинуть возможную большую часть общего строя Вселенной» [12, с. 702].
4. Разный характер природы знания. Знания, которые мы получаем от экономики как искусства, носят характер рекомендаций, советов или предписаний. Знания, которые мы получили в результате научной деятельности, — это проверенные факты о сущности и бытии предмета, явления или события.
5. Разные роли, которые играют наука и искусство в общем механизме получения экономического знания. В этом процессе можно выделить несколько этапов взаимодействия науки и искусства:
 - на первом этапе искусство выделяет потребность и формирует из нее цель, которую необходимо достигнуть, и отсылает науке;

- в рамках второго этапа наука исследует полученный от искусства материал при помощи дедуктивного или индуктивного метода и пересылает полученные факты искусству;
- на третьем этапе искусство рассматривает проверенные и подтвержденные наукой факты и на их основе формирует советы, предписания или рекомендации, необходимые для достижения поставленной цели.

Выводы

1. В современном мире экономика должна рассматриваться как единое неразрывное целое, синтез науки и искусства, поскольку между фундаментальными теориями и прикладными экономическими знаниями есть определенная взаимосвязь. Эта взаимосвязь обусловлена единством человеческого знания и реальности как объекта нашего познания. Экономическое знание необходимо человеку не только для познания законов экономической действительности, но и для изменения последней.
2. В настоящее время практически невозможно проводить исследования хозяйственной деятельности, используя только рациональные методы научного познания или опираясь только на практический опыт. С одной стороны, излишний рационализм приводит к упрощенному представлению об изучаемом предмете, превращая экономику в «абстрактную» науку, с другой — излишний практицизм, обладающий слабым методологическим аппаратом, не дает возможности создания реалистичной модели того, как событие развивается. Поэтому объединение экономики как искусства и экономики как науки позволит сформировать целостную картину хозяйственной деятельности и построить реалистичный прогноз дальнейшего ее развития.

Проблемный блок

1. Роль симбиоза экономики как науки и экономики как искусства при прогнозировании экономического развития.
2. Методологический плюрализм современной экономической теории и его роль в развитии экономики как искусства.
3. Междисциплинарность как результат синтеза экономики как науки и экономики как искусства.
4. «Жесткое» ядро экономической науки и «защитный» пояс экономики как искусства.

5. Экономика как искусство и объективность экономического знания.
6. Нормативная и позитивная экономическая наука как результат существования экономики как искусства и как науки.

Приложение 3.1

Джон Стюарт Милль: «§ 5. Итак, оснований всякого правила искусства надо искать в теоремах науки. Каждое искусство, каждая система искусства состоит из правил и из теоретических положений, оправдывающих эти правила.

Всякое искусство включает в себе подбор тех положений науки, которые необходимы для того, чтобы показать, от каких условий зависят действия, регулируемые данным искусством. Искусство, говоря вообще, состоит из истин науки, расположенных в порядке, наиболее удобном для практики, а не в том, который удобнее для теоретического мышления. Наука группирует и располагает свои истины таким образом, чтобы позволить нам одним взглядом окинуть возможно большую часть общего строя Вселенной. Искусство принимает эти самые общие законы, но пользуется только теми из частных следствий, которые повели к образованию правил поведения, и выбирает из наиболее отдаленных друг от друга частей научной области истины, касающиеся возникновения различных и разнородных условий каждого следствия, необходимого с точки зрения потребностей практической жизни.

Если, таким образом, наука выводит из одной причины ее различные следствия, а искусство относит одно следствие к его многочисленным и разнообразным причинам и условиям, то оказывается нужным ряд промежуточных научных истин, которые, вытекая сами из высших общих положений науки, должны быть основными положениями или первыми принципами различных искусств. Научный процесс установления таких промежуточных принципов Конт считает одной из задач философии будущего. Как на единственный полный пример этого процесса, действительно выполненный и могущий считаться образцом для подражания в более важных областях, он указывает на общую теорию искусства “описательной геометрии”, как ее формулировал Монж. Нетрудно, однако, понять, какова должна быть вообще природа этих промежуточных принципов.

Надо составить возможно более широкое понятие о той цели, к которой мы должны стремиться, т.е. о том, чего мы должны достигнуть; далее, надо определить в столь же широкой форме тот ряд условий, от которого зависит данное следствие; тогда останется сделать только

общий обзор тех средств, какими мы можем располагать для произведения этого ряда условий. Когда же результат такого обзора будет систематизирован в виде возможно меньшего числа возможно более широких положений, — эти положения выразят общее отношение между пригодными средствами и целью и составят общую научную теорию искусства, из которой его практические методы будут вытекать как следствия или короллarii» [11, с. 702].

Рекомендуемая литература

1. *Алле М.* Экономика как наука [Текст] / М. Алле; пер. с фр. И.А. Егорова. — М.: Наука для общества: РГГУ, 1995. — 168 с.
2. *Аристотель.* Политика [Текст] / Аристотель; пер. С.А. Жебелева // Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1984. — Т. 4. — 830 с.
3. *Барр Р.* Политическая экономия [Текст]: в 2 т.: пер. с фр. / Р. Барр. — М.: Междунар. отношения, 1995. — Т. 1. — 608 с.
4. *Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства [Текст] / Л. Вальрас. — М.: Изограф, 2000. — 448 с.
5. *Ильин В.В.* Критерии научности знания [Текст]: монография / В.В. Ильин. — М.: Высшая школа, 1989. — 129 с.
6. *Кейнс Дж.Н.* Предмет и метод политической экономии [Текст]: монография / Дж.Н. Кейнс; пер. А. Гуковского. — Репринт. изд. 1899. — М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. — 278 с.
7. *Ксенофонт.* Домострой [Текст] / Ксенофонт // Воспоминания о Сократе. — М.: Наука, 1993. — 593 с.
8. *Макконнелл К.Р.* Экономикс: принципы, проблемы и политика [Текст]: пер. с англ. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 972 с.
9. *Маршалл А.* Принципы экономической науки [Текст]: пер. с англ. / А. Маршалл. — М.: Прогресс, 1993. — Т. 1. — 414 с.
10. *Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности [Текст] / К. Менгер // Менгер К. Избр. работы. — М.: Территория будущего, 2005. — С. 393–420.
11. *Миль Д.С.* Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственном ей [Электронный ресурс] / Д.С. Миль // Философия экономики: антология / ред. Д. Хаусман; пер. Н. Автономова [и др.]. — М.: Изд-во Ин-та Гайдапа, 2012. — URL: <http://knigi.link/filosofiya-ekonomiki/opredelenii-predmeta-politicheskoy-ekonomii-8177.html>
12. *Миль Д.С.* Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования [Текст]: пер. с англ. / Д.С. Миль; предисл. и прил. В.К. Финна. — М.: ЛЕНАНД, 2011. — 832 с.

13. *Поланьи К.* Аристотель открывает экономику [Текст] / К. Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р.М. Нуреева. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. — С. 79–110.
14. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки [Электронный ресурс] / Л. Роббинс. — URL: http://igiti.hse.ru/data/058/314/1234/1_1_Robb.pdf.
15. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст]: монография / А. Смит. — М.: Эксмо, 2009. — 956 с.
16. *Шумпетер Й.* История экономического анализа [Текст]: в 3 т. / Й. Шумпетер; пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. — СПб.: Экономическая школа, 2001. — Т. 1. — 552 с.
17. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / отв. ред. О.И. Ананьин. — М.: Наука, 2008. — 255 с.
18. *Colander D.* The Lost Art of Economics [Text] / D. Colander // Journal of Economic Perspectives. — 1992. — Summer. — Vol. 6. — Is. 3. — P. 191–198.
19. *Shiller R.J.* Is Economics a Science? [Electronic resource] / R.J. Shiller. — URL: <http://www.project-syndicantary/robert-jshilleron-whether-he-is-a-scientist>.

ГЛАВА 4

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК СЛОЖНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ИНСТИТУТА

Термины: научное экономическое сообщество и особенности его функционирования, признаки экономической профессии, критерии для оценки деятельности экономистов, роль экономистов при принятии решений в сфере экономической политики, взаимоотношения с бизнесом, отношение к экономистам в обществе, механизмы научного признания, структура кадрового потенциала, формы становления молодых ученых, место отечественной экономической науки в мировой экономической науке.

4.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ИНСТИТУТ

Наука как социальный институт, отвечающий за производство теоретического знания, возникла в XVI–XVII вв. в Западной Европе и к настоящему времени превратилась в сложный социальный организм, играющий в жизни современного мира важнейшую роль. Понятие «социальный институт» применительно к науке было разработано английским социологом *Р. Мертоном* (1910–2003). Наука в этом понимании предполагает не только систему знаний, направленных на удовлетворение фундаментальных потребностей людей, но и устойчивые формы организации профессиональной деятельности, которые регулируются принятыми ценностями, обычаями, традициями, нормами поведения.

Главная «институциональная задача науки — приумножение достоверного знания, — пишет Р. Мертон. — Вся структура технических и моральных норм служит достижению конечной цели» [7, с. 770]. Комплекс ценностей и норм, находящихся выражение в обычной практике и считающихся обязательными для ученого, образует этос человека науки, формирует его научную совесть. По мнению Р. Мертона, ученый

любой профессиональной деятельности, в том числе и экономической, если он претендует на истину, должен добровольно руководствоваться повелениями. Он сформулировал четыре институциональных императива, или принципы научного этоса:

- 1) «универсализм» — ориентация на внеличностный характер и объективность научного знания. Универсализм находит выражение в открытости знания и свободном доступе к научным занятиям одаренным людям;
- 2) коллективизм, или «коммунизм» — «в неспециальном и более широком смысле — общее владение благами» [7, с. 775]. Фундаментальные открытия в науке являются результатом сотрудничества, предназначены для сообщества, не подлежат сокрытию и предполагают свободную коммуникацию ученых;
- 3) бескорыстие людей науки, или, как пишет Мертон, «незаинтересованность» — принцип, направленный на развитие науки как социального института [7, с. 778], т.е. ориентация на один интерес — постижение истины;
- 4) принцип «организованного скептицизма», предостерегающий от некритического принятия результатов исследования, не подтвержденных в достаточной мере фактами.

Императивы научного этоса являются в такой же степени обязательными и правильными, считает Р. Мертон, как и технические предписания. Благодаря им ученый может сделать правильный выбор из тех альтернатив, которые стоят перед ним:

- как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но не торопиться с публикациями;
- быть восприимчивым к новым идеям, но не поддаваться интеллектуальной моде;
- стремиться добывать знание, которое получит высокую оценку коллег, но работать, не обращая внимания на оценку результатов своих исследований;
- защищать новые идеи, но не поддерживать опрометчивые заключения;
- прилагать максимальные усилия, чтобы знать относящиеся к его области работы, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;
- быть тщательным в формулировках и деталях, но не быть педантом;
- всегда помнить, что знание универсально, но не забывать, что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено;

- воспитывать новое поколение ученых, но не отдавать преподаванию слишком много времени;
- учиться у крупного мастера и подражать ему, но не походить на него [11, с. 330].

Перечисленные императивы не являются фиксированными в каком-либо официальном документе и предполагают добровольное руководство ими со стороны всех представителей научного сообщества, т.е. людей, профессионально занятых научной деятельностью (научное сообщество в широком смысле) или в специализированной области знания (научное сообщество в узком смысле). Но и в том, и в другом случае оно не имеет жесткой организации в отличие от бюрократически оформленных организаций с правовым статусом и финансовым обеспечением. Это, по существу, сообщество людей, не имеющих фиксированного членства, занимающихся одной профессиональной деятельностью, хотя и территориально разьединенных, но объединенных общими целями и устойчивыми профессиональными традициями. При этом главной скрепой самоорганизации научного сообщества является авторитет среди своих коллег, которого стремится достичь каждый вступивший на путь служения истине. Данное утверждение справедливо и по отношению к экономической науке как социальному институту.

4.2. НАУЧНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

Экономическая наука как социальный институт характеризуется общими признаками, как и другие относительно обособленные сообщества людей, взаимодействующих в определенной сфере социальной жизнедеятельности. Помимо обязательных норм и профессиональных ценностей, большое значение имеют механизмы, регулирующие отношения в сфере научной деятельности. И то, и другое создается благодаря объединению ученых в научные сообщества, где происходит интенсивное научное общение единомышленников, занимающихся развитием одной научной дисциплины.

Первоначальной формой существования науки в качестве особого социального института, где осуществлялась совместная деятельность и происходило обучение последователей, были школы (Пифагора, софистов, стоиков, эпикурейцев и др.), а в Средние века — университеты, затем академии. Система организационных форм в Новое и Новейшее время пополнилась профессиональными научными сообществами, высшими учебными заведениями, научными лабораториями. Возникли международные научные организации (ассоциации, фонды, научные

журналы), на базе которых развитие науки приобрело характер глобального социального института, чему способствовала сеть Интернет.

В экономической дисциплине сообщество ученых с его принципами и традициями стало формироваться по мере развития экономики как науки. В XVIII в. появились первые научные школы экономической мысли — группы людей, объединенных общими идеями (первым таким объединением считают школу физиократов во главе с Ф. Кенэ в качестве лидера). В 1821 г. в Лондоне учрежден клуб политической экономии. Его цель — обсуждение и распространение экономических идей. Подобные частные организации существовали и в других странах. О неформальном характере такого рода объединений можно судить по названию созданного в России при Екатерине II Вольного экономического общества, существовавшего до 1917 г. Серьезное значение имела Британская экономическая ассоциация (1891), позднее — Королевское экономическое общество. В настоящее время объединения ученых-экономистов существуют во многих странах мира. Ведущее положение занимает Американская экономическая ассоциация (*American Economic Association (AEA)*), основанная в 1885 г. Интересно, что среди основателей *AEA* были молодые ученые, получившие образование главным образом в немецких университетах (экономическое образование в США еще не успело окрепнуть). Тем не менее этим молодым ученым удалось создать прочные основы для *AEA*, которое в 1900 г. превратилось в академическую структуру. Влияние ее на развитие экономической теории в мире в настоящее время очень велико. Многие ее члены стали лауреатами Нобелевской премии по экономике. Для молодых ученых чрезвычайно почетно быть награжденным премией, которую *AEA* учредила специально для экономистов, не достигших 40 лет (почти половина из награжденных этой премией стали впоследствии нобелевскими лауреатами). Еще более престижно быть избранным в почетные члены *AEA* — честь, которой удостоиваются добившиеся выдающихся достижений экономисты разных стран. *AEA* выпускает научные журналы, имеющие высокий индекс цитирования, и с готовностью предоставляет возможность ознакомления с ними специалистам других стран. *AEA* выступает за максимально большую свободу в дискуссиях и формально не заявляет о своей приверженности какому-либо направлению экономической теории, хотя фактически поддерживает преимущественно идеи неоклассической экономики.

В настоящее время в рамках мирового научного сообщества экономистов действуют международные организации, в частности Ассоциация экономической науки (*Economic Science Association (ESA)*), основанная в 1986 г. в целях развития экспериментальных методов

в экономических исследованиях. *ESA* издает свой журнал и ежегодно проводит три конференции: международную, европейскую региональную и североамериканскую региональную.

Нередко профессиональные объединения ученых-экономистов в целях достижения больших результатов своей деятельности включают экономистов-практиков: работников госучреждений, бизнесменов. В качестве примера можно назвать основанную в 1950 г. Французскую ассоциацию экономических наук (*Association Française de Science Economique (AFSE)*).

Целью созданной в 1950 г. неправительственной организации «Международная экономическая ассоциация» (*International Economic Association (IEA)*) является развитие контактов и взаимопонимания экономистов, проведение научных собраний, осуществление научно-исследовательских программ. В 1956 г. членом *IEA* стала советская Ассоциация экономических научных учреждений (АЭНУ), учрежденная в том же году. В 1992 г. в Москве при содействии АЭНУ состоялся 10-й Всемирный конгресс *IEA*.

На базе институтов, входивших в АЭНУ, и с участием других институтов Российской академии наук и высших учебных заведений в 2009 г. была учреждена Новая экономическая ассоциация (НЭА), которая стала также членом *IEA*. Основными целями НЭА являются: консолидация ученых-экономистов различных научных школ и направлений на всем пространстве РФ; укрепление связей между академическими институтами, образовательными учреждениями и исследовательскими центрами; повышение качества российских экономических исследований и образования; интеграция науки и образования; ускорение интеграции российской экономической науки в мировой поток экономических исследований. НЭА издает «Журнал Новой экономической ассоциации», регулярно проводит конгрессы, тематические конференции, семинары, круглые столы, создает экспертные советы по экономическим реформам, экономическому образованию и т.п., участвует в работе международных ассоциаций и исследовательских проектах, имеет сайты НЭА и «Журнала НЭА».

В функционировании научного сообщества в современном мире все большую роль играют «невидимые колледжи». Понятие «невидимый колледж» было введено Д. Берналом и детально разработано Д. Прайсом [9, с. 335–350]. Оно означает неформальную группу ученых, которые работают одновременно над одним кругом проблем, находясь в разных странах и организациях. Их научные связи имеют характер личных контактов: встречи на конференциях, переписка, обмен отписками публикаций и т.п. Деятельность «невидимого колледжа»

имеет в основе не столько общее образование или единую область исследования, сколько коллективную научную парадигму и носит сугубо индивидуальный характер. Участие в «невидимом колледже» добровольно и почетно: оно означает признание научным сообществом личного вклада в развитие научного направления, признание его высокого неформального статуса. По мнению Прайса, «невидимый колледж» объединяет элиту наиболее продуктивно работающих внутри исследовательской области. Деятельность таких коммуникационных объединений играет важную роль в становлении новых исследовательских направлений. Одним из параметров, характеризующих активность «невидимого колледжа», является индекс цитирования. Система ссылок на работы предшественников формировалась в европейской науке с середины XIX в. и превратилась к настоящему времени в непрерывно пополняемую систему информационных баз данных по всем областям современной науки. Система индекса цитирования позволяет вести информационный поиск, наблюдать за развитием разных областей знаний и давать относительно него прогнозы, оценивать качество публикаций научным сообществом.

Общепринятой формой для сообщения о результатах деятельности ученого является научная публикация в виде статей, докладов, обзоров, тематических сборников, монографий, учебников, хрестоматий. Редколлегия отбирает рукописи в соответствии с принятыми критериями: оценивается содержательность материала, достоверность, корректность, плодотворность изложенных идей. Для экспертной оценки привлекаются квалифицированные специалисты. Наличие публикаций в авторитетных изданиях является признанием статуса ученого и оценкой его вклада в науку. В свою очередь, получение доступа к информации о научных достижениях коллег расценивается как награда в условиях информационной конкуренции.

Признание заслуг ученого со стороны научного сообщества осуществляется в разнообразных формах: предоставление возможностей для расширения научной деятельности (получение исследовательских субсидий или грантов, приглашение к участию в престижных проектах); избрание на общественные посты в профессиональных обществах; присвоение почетных званий; присуждение различного рода почетных наград. Самой престижной премией в области экономики является Нобелевская премия — премия Шведского государственного банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля. Нобелевская премия по экономике была учреждена в 1969 г., и ее успели получить почти 80 специалистов. Среди них академик АН СССР Л.В. Канторович за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов (1975).

В настоящее время в адрес Нобелевского комитета направляются критические замечания как за то, что его внимание переключилось с экономистов-теоретиков на институциональных экономистов, так и за то, что награждаются главным образом западные специалисты, преимущественно американцы. В 2014 г. лауреатом Нобелевской премии по экономике стал французский экономист Жан Тироль за анализ рыночной власти и регулирования отраслей, в которых доминируют картели и монополии, а в 2015 г. — англо-американский экономист Энгус Стюарт Дитон за анализ потребления, бедности и благосостояния.

КЕЙС. Замечено, что «знаменитым ученым воздаются несоизмеримо большие почести за их вклад в науку, тогда как заслуги относительно мало известных ученых часто оцениваются несоизмеримо низко, хотя вклад их нередко бывает сопоставим... научное сообщество... склонно приписывать все заслуги тем людям, которые уже знамениты». О существовании такой закономерности, как пишет Р.К. Мертон, свидетельствуют многие нобелевские лауреаты. Он назвал эту закономерность «эффектом Матфея в науке», имея в виду «Евангелие от Матфея», где Христос произносит слова: «...ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» [Мф 25:29]. Смысл метафоры в том, что «ученые готовы преувеличивать достижения своих коллег, уже составивших себе имя благодаря тем или иным прежним заслугам, а достижения ученых, еще не получивших известности, они, как правило, преуменьшают или вообще не признают» [8, с. 256–257].

4.3. СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И КАЧЕСТВА ЭКОНОМИСТА

В современном обществе деятельность экономиста является чрезвычайно востребованной. Экономисты заняты не только в сфере науки, но и в бизнесе, банковском деле, государственных органах, международных организациях, сфере политики. Не редкость, когда экономист становится главой государства, министром, президентом крупной корпорации, советником правительства. Быть экономистом — значит иметь профессию, т.е. заниматься таким видом деятельности, который предполагает владение «комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки и опыта работы», и позволяет зарабатывать на жизнь [6, с. 321]. Каждый профессионал стремится занять достойное место в обществе и не утратить владение специализированными знаниями.

Несомненно, важнейшим качеством экономиста является его **профессиональная компетентность**. До конца XIX в. формального обучения

экономической теории в США и Великобритании практически не было. Сейчас ни у кого не вызывает сомнения, что получение классического экономического образования для специалиста является необходимым, особенно образования качественного, в ведущих учебных заведениях. Профессия экономиста не только предполагает получение определенного комплекса знаний и навыков, но и постоянное повышение квалификационного мастерства. Познавание теории — неперенное условие для ученого-экономиста. Экономист, работающий в сфере управления, также должен изучать все новое в постоянно меняющейся экономике.

Интеллектуальный багаж современного экономиста-профессионала, обладающего экономическим образом мышления и владеющего необходимыми техническими навыками, выходит за узкие рамки специальности. Поэтому действительно квалифицированные экономисты обладают способностью ставить глубокие вопросы и находить нетривиальные ответы. Благодаря этому при обсуждении важных политических предложений их нередко приглашают **в качестве экспертов**: способность **сохранять научную нейтральность** — одна из главных черт профессионализма экономиста. Еще одно важное качество экономиста, особенно находящегося на государственной службе, — **умение работать в команде**. Он должен уметь убеждать людей, от которых зависит реализация его планов, и вместе с тем противостоять давлению политиков, которые часто испытывают неприязнь к экономистам, опирающимся на точные расчеты и тем самым подрывающим демагогические обещания, к которым нередко склонны политики.

Для действительного успеха экономист должен соблюдать **профессиональную честность**. Официально принятого морального кодекса экономиста нет, хотя попытки подобного рода предпринимались. Так, Международная федерация бухгалтеров (*International Federation of Accountants (IFAC)*) выработала этический кодекс профессионального поведения специалиста. В основу его положены общечеловеческие нормы честного труда: добросовестность, следование долгу, компетентность и т.п. Соответственно, осуждаются криминальные действия, некомпетентность, нарушение этических принципов, халатность, неудовлетворительная работа.

Проблема обучения молодых экономических кадров особенно актуальна для нашей страны. В условиях кардинальных перемен растет ответственность молодого поколения за судьбу своей страны. Усиливается и желание быть востребованным, обеспечить стабильную и неплохо оплачиваемую сферу деятельности. Достаточную ли профессиональную подготовку для этого дают наши учебные заведения? Вопрос актуальный и открытый. Со стороны работодателей слышатся постоянные

сетования на то, что уровень профессиональной подготовленности молодых специалистов не позволяет получить эффективную отдачу от их деятельности. Причиной является и отсутствие необходимой специализации, и обгоняющее трудовой вклад желание получить «все сразу и побольше». Проблема подготовки экономических кадров находится в центре внимания научного сообщества не одно десятилетие.

4.4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПОЛИТИКИ

Необходимо различать экономическую науку и экономическую политику. *Экономическая наука* имеет целью познание экономической действительности, обладает теоретическими инструментами для такого познания и предвидения. *Экономическая политика* подразумевает целенаправленную систему мероприятий государства (фирмы) в области производства и распределения благ, выражающую интересы общества или социальных групп. Принимаемые в ходе реализации этой политики решения могут быть хорошо или плохо обоснованными, соответственно вести к успеху или к неудаче. Экономическая наука должна служить руководством к объективному познанию экономической действительности. Но поскольку экономическая деятельность формируется самими людьми, имеющими разные интересы и преследующими разные цели, то и политические ожидания по отношению к экономической науке и оценка возможностей ее использования постоянно меняются в зависимости от этих интересов.

«По укоренившемуся мнению, — пишет Дж. Гэлбрейт, — назначение экономической системы... состоит в том, чтобы производить материальные блага и оказывать услуги, которые нужны людям...». Но на деле нередко «преследуются интересы организаций, а не общественности. При таком подходе функция экономической системы больше не кажется простой... частично она служит интересам своих собственных организаций». Это, полагает Дж. Гэлбрейт, «влечет за собой и новую точку зрения на функцию экономической теории... а не может ли так случиться, что экономическая теория тоже служит интересам организаций?» [4, с. 5]. Каков механизм подчинения экономических теорий политическим интересам? Можно ли в самой структуре экономического знания и процесса его функционирования выявить звенья, наиболее подверженные этому воздействию?

Интересный подход к этой проблеме представлен О.И. Ананьиным [3, с. 54]. Если посмотреть на структуру экономического знания с точки

зрения абстрактности и конкретности разных его уровней, то можно обнаружить именно то структурное звено, которое наиболее уязвимо в плане подчинения науки интересам политики. Абстрактный уровень теории, который фиксирует универсальные связи и закономерности в экономических явлениях, наименее подвержен воздействию политических интересов, так же как и более конкретный уровень типологического знания, фиксирующий типичные объекты и ситуации с их характеристиками. Эшелон системной экономической компаративистики, нацеленный на осмысление логики функционирования и развитие больших экономических систем, прежде всего национальных экономик, тоже относительно устойчив к воздействию экономической политики. Зато прикладное стратегическое знание, «нацеленное на оценку экономической реальности как объект преобразования», напрямую сталкивается с миром политики, может стимулировать общественное согласие и порождать социальную рознь. Особенно подвержены воздействию политических механизмов прикладные экономические знания и прогнозирование экономического положения общества, где наиболее близко сталкиваются необходимость опоры на объективное знание и ориентация на субъективные цели и интересы потребителя знания.

4.5. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Развивается и усложняется реальный экономический мир. И соответственно экономическая наука начинает осваивать новые области знаний. Усиливается практическая направленность экономического знания. Экономическая теория проникает во все новые сферы, находит новые области применения. Появляется целый спектр направлений, дифференцированных по предметным областям. Развивается специализированное и прикладное знание, отраслевые и межотраслевые дисциплины. Обособляются теоретико-инструментальная деятельность, экономическая аналитика и прогностика, разработка концепций экономической политики и институциональных реформ. Благодаря компьютерным технологиям, совершенствованию измерительных методов происходит накопление эмпирических данных, доступных для большинства исследователей разных стран. Наиболее интенсивно развиваются науки об экономическом поведении в разнообразных институциональных и информационных условиях. Понимание того, что субъект постоянно включен в объект познания, делает острым вопрос о социальной и этической ответственности ученых за свои научные теории.

Методы анализа экономического поведения стали распространяться на неэкономические сферы деятельности, что оценивается одними как

«экономический империализм», «агрессивность», которая грозит «новой деструктивной борьбой методов»; другие же полагают, что именно «силой экономического вторжения» экономистов можно преодолеть разобщенность общественных наук [1, с. 158]. Одновременно экономисты все более охотно «импортируют» новые аналитические средства из других дисциплин, особенно математики. С развитием масштабных междисциплинарных проектов, имеющих прикладной характер (военные, космические), выдвинуты многие идеи и методы, существенным образом изменившие развитие экономической мысли.

Открылись новые перспективы для развития междисциплинарных исследований. Усилился интернациональный характер экономических теорий, и одновременно более важное значение приобрели национальные особенности экономической мысли.

Современная экономическая наука перестала стремиться к созданию всеохватывающих экономических теорий («больших теорий»). Десятки авторов предлагают свои точки зрения, используя при этом разнообразный инструментарий. Методологический плюрализм создал проблему обособленности понятийных систем. Экономика превратилась в «аспектную» науку [1, с. 161]. Эмпирические знания не привели к обнаружению фундаментальных законов, без чего нет основы для теоретических построений. Принцип единства теории сменился на принцип сосуществования конкурирующих теорий.

В накопленном запасе фрагментарных знаний, поток которых продолжает расти, все сложнее найти нужную информацию, и она не попадает к своим потенциальным пользователям. Возникла необходимость разработки новых технологий поиска и осмысления экономических знаний. Перспективы экономической науки на сегодняшнем этапе зависят от развития новых уровней экономического знания и более высокой его организации.

Выводы

1. Экономическая наука является сложным социальным институтом, тесно связанным с хозяйственной жизнью, сферой бизнеса и политики. Проблемы, которые ставит и анализирует экономическая наука, обусловлены прежде всего потребностями общественного хозяйства, необходимостью обоснования целей экономической деятельности, способов ее осуществления и гарантий дальнейшего развития.

2. На эволюцию экономической теории оказывают воздействие как факторы внутреннего характера (взаимодействие различных экономических школ и концепций, что предполагает свободный диалог между учеными-экономистами), так и внешние факторы (развитие новых общенаучных направлений, формирующих единую научную парадигму, социально-политические процессы, происходящие в обществе).
3. Сложные отношения существуют между экономической наукой и бизнесом, привлекающим ее к решению своих задач, между экономикой и политической сферой деятельности, что проявляется в востребованности экономических кадров в этих структурах и предъявлении определенных требований к качеству их подготовки.
4. Особую важность в связи с этим в современном обществе приобретает профессиональная подготовка высококвалифицированных экономических кадров международного уровня.

Проблемный блок

1. Экономист как профессия.
2. Научное экономическое сообщество: принципы и механизм функционирования.
3. «Невидимый колледж» в экономической науке.
4. Экономическая наука, политика, бизнес.
5. Система публикаций и поощрения экономических научных достижений.

Рекомендуемая литература

1. Агацци Э. Ответственность — подлинное основание для управления свободной наукой [Текст] / Э. Агацци // Вопросы философии. — 2015. — № 1. — С. 30–40.
2. Алле М. Экономика как наука [Текст] / М. Алле; пер. с фр. И.А. Егорова. — М.: Наука для общества: РГГУ, 1995. — 168 с.
3. Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ [Текст] / О.И. Ананьин. — М.: Наука, 2005. — 244 с.
4. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества [Текст]: пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. — М.: Прогресс, 1976. — 406 с.
5. Коутс А.У. Экономист как профессия [Текст] / А.У. Коутс // Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т.; пер. с англ. под ред.

- В.С. Автономова, С.А. Афонцева. — СПб.: Эконом. шк., 2002. — Т. 1. — С. 142–170.
6. *Лапаева М.Г.* Экономист как профессия [Текст] / М.Г. Лапаева // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 13 (132). — С. 321–337.
 7. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р.К. Мертон; пер. с англ. Е.Н. Егоровой, З.В. Кагановой [и др.]. — М.: АСТ: Хранитель, 2006. — 874 с.
 8. *Мертон Р.* Эффект Матфея в науке: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности [Текст] / Р. Мертон // Thesis. — 1993. — Вып. 3. — С. 270–271.
 9. *Прайс Д. Дж. де С.* Сотрудничество в «невидимом колледже» [Текст] / Д. Дж. де С. Прайс, Д. де Б. Бивер // Коммуникация в современной науке: сб. пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступит. ст. Э.М. Мирского и В.Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1976. — С. 335–350.
 10. *Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм [Текст]: пер. с англ. / Дж. Сорос. — М.: Некоммерческий фонд «Поддержки Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий», 2001. — 458 с.
 11. *Философия науки. Общий курс* [Текст]: учеб. пособие для вузов / под ред. С.А. Лебедева. — М.: Академический проект: Альма Матер, 2007. — 731 с.

ЧАСТЬ II

ЭКОНОМИКА И ФИЛОСОФИЯ

ГЛАВА 5

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИКИ

Термины: история экономических учений, методология экономики, научные школы, философия экономики, философия и методология экономики, функции философии и методологии экономики, экономические дискурсы, экономические научно-исследовательские программы, экономические парадигмы.

5.1. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИКИ

Философия и методология экономики (ФиМЭ) как самостоятельная научная дисциплина, возникнув в конце XX в., находится еще в стадии своего формирования [2, с. 6]. Тем не менее ФиМЭ получила признание в ведущих западных университетах, которые проводят научные исследования и имеют учебные курсы в данной области (*Philosophy and Economics*). Широко известны своими достижениями Роттердамский университет в Нидерландах¹, Лувенский католический университет в Бельгии², Лондонская школа экономики в Великобритании³. Кроме того, в Гарвардском, Стэнфордском и Оксфордском университетах в учебных планах имеются программы по философии экономики. Издается также целый ряд авторитетных периодических изданий, в том

¹ URL: <http://www.eur.nl/fw/english/eipe>

² URL: <http://www.uclouvain.be/en-chaire-hoover.html>

³ URL: <http://www2.lse.ac.uk/CPNSS/Home.aspx>

числе журнал «Философия и экономика» в Кембридже¹. Пользуется популярностью журнал Международного общества экономического метода «Журнал экономической методологии»². Есть ряд других авторитетных изданий³.

Несмотря на то что за последние три-четыре десятилетия в области философии и методологии экономики появились интересные публикации в зарубежной (М. Блауг, М. Алле, Д. МакКлоски, К. Поланьи, Л. Роббинс, Г. Саймон, М. Фридмен, Р. Хайлбронер, Дж. Хикс и др.) и отечественной литературе (В.С. Автономов, О.И. Ананьин, В.А. Канке, О.В. Карамова, Н.А. Макашева, Р.М. Нуреев, Ю.М. Осипов, В.М. Полтерович, А.И. Самсин и др.), тем не менее в настоящее время нет предметной определенности в данной области, предстоит серьезная работа по установлению междисциплинарных связей и выявлению предмета исследования.

Усиление теоретической рефлексии в области философии и методологии экономики является адекватным ответом на теоретические и практические потребности современного экономического сообщества, которое пытается ответить на вопрос: является ли необходимой и достаточной мерой для разрешения кризиса экономической науки переформатирование неоклассической теории, введение в нее дополнительных предпосылок или необходим принципиально иной подход к теоретическому осмыслению экономической жизни? Различные научные школы и направления неортодоксальной экономической теории (неоавстрийская школа, традиционный (старый) институционализм и ряд подходов в рамках новой институциональной экономической теории, марксизм и неомарксизм, кейнсианство и посткейнсианство и проч.) пытаются предложить собственное решение выхода из кризисной ситуации, но вследствие теоретической и методологической неразвитости своих оснований терпят неудачу.

В ближайшее время экономистам предстоит создание таких концепций, которые бы, с одной стороны, обладали реалистичностью, а с другой — были операциональны. Это позволило бы не только дать ответы на сложные теоретические вопросы, но и сформулировать рекомендации для экономической политики.

Развитие ФиМЭ на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова также отвечает традициям экономической мысли, заложенным в Московском университете в начале XX столетия российским

¹ URL: <http://journals.cambridge.org>

² URL: <http://www.informaworld.com>

³ URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/journal>

философом и экономистом С.Н. Булгаковым. В 1912 г. Булгаков защитил в Московском университете докторскую диссертацию на тему «Философия хозяйства» и опубликовал книгу с тем же названием.

Как любое научное направление, **ФиМЭ** имеет обязательные атрибуты: предмет, методы анализа и понятийный аппарат, а также выполняет соответствующие функции.

5.2. ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Предметные рамки **ФиМЭ** можно определить, если рассмотреть основные проблемы, которые пытается решать данное научное направление: сущность и структура экономического знания; место экономической науки в системе наук; онтологические проблемы экономической теории, в том числе пространство и время в экономике, продуктовая и поведенческая картины мира; проблемы детерминизма; методология экономической теории; системный подход; проблема рациональности; границы использования количественных методов в экономике; экономическая наука как общественный институт; человек в экономике; взаимоотношения экономики и этики; «искусство отбора, комбинирования и применения экономико-теоретического знания для решения практических задач хозяйственной жизни общества» [8, с. 250].

Кроме выявления круга проблем, предметная идентификация **ФиМЭ** предполагает раскрытие взаимоотношений философского и методологического направлений. Прежде всего их не стоит отождествлять или представлять изолированно друг от друга. Философский взгляд на экономическую науку — более широкий, включает методологию и наряду с ней предполагает выделение онтологического, эпистемологического, антропологического аспектов. Заметим также, что экономическая наука использует собственную методологию, лишь опосредованным образом связанную с философской методологией.

В рамках **ФиМЭ** происходит философский междисциплинарный синтез различных экономических дисциплин: 1) экономической теории; 2) методологии экономической науки; 3) истории экономической науки.

Теоретическая экономика (теория хозяйства и экономическая теория) проходит длительное развитие за свои почти 25 веков, которое осуществляется как в эволюционной, так и в революционной форме (маржиналистская, кейнсианская революции).

Усложнение и расширение предмета экономической науки сопровождаются изменением и предмета **ФиМЭ**, новым осмыслением экономической науки.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА. Традиция осмысления той или иной науки, научного знания была заложена еще в античной Греции — родине европейских наук. Эта традиция была поддержана и в российском государстве в эпоху Просвещения «первым нашим университетом», «человеком-академией» М.В. Ломоносовым, который «зрил сквозь целые столетия». Любую науку этот ученый-энциклопедист предварял осмыслением, рассуждением о ней. Философско-хозяйственные основы государства заложены М.В. Ломоносовым в его немногочисленных трудах по «домостроительству» — «государской экономии» (государственной экономии): «О сохранении и размножении российского народа», «Слово о пользе химии», «Труды по географии», «Первые основания металлургии или рудных дел», «Лифляндская экономия», «Мнение об учреждении Государственной коллегии земского домостроительства». Именно М.В. Ломоносов в качестве закона развития отечественного хозяйства и главного богатства выдвинул идею о сохранении и размножении российского народа. Ломоносовские философско-хозяйственные труды являются частью целостной отечественной, незаимствованной, оригинальной хозяйственной мысли и науки, которая предстает еще в ФимЭ в форме дискурса, а не парадигмы.

Философский междисциплинарный синтез экономической науки в разных контекстах (политической экономии, экономикса), методологии экономической науки, истории экономических учений, а также соединение трех вышеназванных научных дисциплин в единую новую концептуальную систему состоялись благодаря философии науки. Современный исследователь философии экономической науки В.А. Канке утверждает: «Именно философия призвана сообщить науке наивысшую форму концептуальной основательности» [2, с. 3].

Это способ научного познания экономики именно как науки, а не сама экономика как хозяйственная жизнедеятельность людей, связанная с производством, распределением, обменом и потреблением экономических благ; это и не анализ поведения хозяйствующих субъектов по поводу удовлетворения потребностей людей в условиях ограниченных ресурсов. ФимЭ исследует, во-первых, теоретическое экономическое знание (экономические теории), во-вторых, историческое и логическое развитие научных дисциплин, познающих и аккумулирующих научное знание об экономике.

Однако в определении предмета ФимЭ не все однозначно. Так, В.А. Канке о предмете ФимЭ написал следующее: «*Экономическая наука — это система экономических ценностей, придающая смысл поступкам людей... Предметом философии экономики* (курсив мой. — Авт.) является критика, проблематизация и тематизация экономической науки. Критика нынешнего состояния экономики нацелена на выяснение ее

подлинных достижений и избавление от противоречий и изъянов. Проблематизация обнаруживает “болевы точки” и намечает пути их преодоления. Тематизация заостряет внимание на новых путях познавательного поиска» [2, с. 61].

ФиМЭ — междисциплинарное направление. Оно занимается анализом и объяснением закономерностей развития целого комплекса наук о хозяйственно-экономической деятельности человека и человечества. Философия экономической науки исследует природу и структуру хозяйственно-экономического знания, специфику научного познания экономических объектов и особенности хозяйственных систем, методы и средства обоснования научного знания об экономике и хозяйстве. Философия экономической науки при помощи обобщающих философских суждений обосновывает место экономической науки в системе наук и культуре, а также их взаимное влияние.

Согласимся с О.В. Карамовой, полагающей, что «в отличие от натурфилософии современная философия рассматривает свой объект не отдельно от форм познания, а как результат взаимодействия объекта и субъекта познания. Философия и методология экономической науки изучает “вторую реальность”, созданную наукой, поэтому “экономическая реальность” как “вторичная” изменяется вместе с усложнением научно-исследовательского аппарата познания» [3, с. 9].

Таким образом, **предметом** ФиМЭ является осмысление сущности, структуры и функций экономического знания, методов научного познания, способов обоснования и развития как экономического знания в целом, так и его отдельных дисциплин. Такая трактовка предмета позволяет понимать его тесную связь с культурой и социальными изменениями.

5.3. МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ

Философия экономики включает методологию экономики, на которую оказывают влияние различные факторы:

- многообразие философских школ и направлений, так же как и множество экономических школ и направлений со своей спецификой и пониманием предмета и методов анализа;
- особенности мировоззрения философов и экономистов (религиозное и атеистическое, материалистическое и идеалистическое, реалистическое и формалистическое).

Плюрализму идей и концептов философии и экономики соответствует плюрализм методов. В то же время сложилось понимание, что рассмотрение экономической науки сквозь призму методологии

предполагает, во-первых, выявление методов анализа существующего экономического знания, во-вторых, изучение методов получения нового знания и, в-третьих, может рассматриваться как способ изложения знания. Эти три аспекта взаимосвязаны друг с другом. У известного английского методолога М. Блауга читаем: «Цель изучения экономической методологии заключается в том, чтобы выявить правила и положения, которые мы постоянно используем для защиты собственных теорий и критики теорий оппонентов» [1, с. 53]. При этом речь идет «не о методах и технике экономических исследований, а о методологии в непосредственном смысле слова: об изучении принципов, регулярно применяемых при формулировке и обосновании экономических теорий» [1, с. 53]. Изучая принципы, используемые при построении и обосновании различных систем экономического знания, можно обнаружить противостояние двух основных подходов: рационализма и эмпиризма. *Рационализм* предлагает в качестве основного источника знания разум, а *эмпиризм* — чувственный опыт. Соответственно, рациональность знания означает его разумность и характеризует знание с точки зрения соответствия наиболее общим принципам разума. С позиции эмпиризма именно факты являются основой утверждений по поводу истинности или ложности знания.

В Новое время рационалистическая установка была представлена прежде всего классической политической экономией, согласно которой экономика, как и мир в целом, устроены разумно и человек способен познать их законы. У родоначальников экономической теории рационализм не ограничивался построением только мыслительных конструкций на основе всеобщих и необходимых принципов, но и предполагал использование эмпирических методов, прежде всего эксперимента. Такой подход был обусловлен тем, что классики заимствовали свой метод из естествознания. Но при построении теоретических моделей возникало затруднение, которое было вызвано несогласованностью основных теоретических положений и фактическим их подтверждением вследствие слабой эмпирической базы экономической теории того времени. Преодолеть ограничения такой формы рационализма можно было несколькими путями, что и было сделано различными мыслителями.

Первый путь предполагал абсолютизацию логического метода и фактически означал отказ от эмпирических источников знания. Д. Рикардо был первым, кто предложил идеальный объект исследования — систему «чистой экономической теории», принципиально свободной от эмпирико-рассудочного знания.

Второй путь в разрешении проблемы противостояния рационализма и эмпиризма предложил *Дж.С. Милль*, разграничив экономику как

науку и как искусство. Экономика как наука основывается на законах человеческой природы, которые являются универсальными. Экономика как искусство решает практические задачи и представляет собой набор правил поведения. (Двойственной природе экономики как науки и как искусства посвящена гл. 3.)

Третий путь — абсолютизацию роли эмпирических источников знания — выбрала историческая школа (*Б. Гильденбранд, К. Книс, Г. Шмоллер*), отрицавшая наличие универсальных экономических законов, не зависящих от геоклиматических и социокультурных условий. Экономическая наука была представлена как описательная дисциплина, связанная со сбором фактов и учитывающая историческое и культурное разнообразие стран.

Такое понимание экономической науки делало ее уязвимой для критики. Так и произошло в последней трети XIX в., когда с критикой исторической школы выступил маржинализм, который восстановил в правах рационализм и провозгласил приоритет теоретического знания. Его лидеры К. Менгер и У. Джевонс утверждали, что основные принципы экономического действия — максимизация выгоды и минимизация издержек — считались самоочевидными и не требовали сложных эмпирических подтверждений. Человеку было достаточно собственного опыта. Перед экономической теорией ставилась задача, сообразуясь с законами логики, вывести из этих принципов универсальные законы экономического поведения и взаимодействия.

Другой представитель маржинализма — *Л. Вальрас* — еще более абсолютизировал рационалистический подход и рассматривал политическую экономию как физико-математическую дисциплину, для которой опытные данные нужны не для подтверждения основных постулатов, а как средство демонстрации правильности выводов.

Вклад в противостояние рационализма и эмпиризма внес лидер неоклассического направления экономической теории *А. Маршалл*, придерживавшийся позитивистских установок, прежде всего в области методологии экономической науки. Он осознавал, что никакие два экономических события не являются полностью тождественными, поэтому обобщающие знания в сфере экономической теории не имеют значительных познавательных перспектив. Выход из такой ситуации А. Маршалл видел в том, чтобы снизить уровень притязания экономического знания, лишив экономическую теорию онтологического аспекта, рассматривая ее не как совокупность конкретных истин и знание об объекте, а лишь как способ получения знания, инструмент познания. При этом речь идет не о чисто логических методах, а обо всем богатстве конкретно-научных методов. Позднее инструментальный

подход А. Маршалла к трактовке природы экономической теории привел к тому, что она стала рассматриваться как «ящик с инструментами» (Дж. Робинсон).

Позитивистскую линию А. Маршалла продолжил *Дж.М. Кейнс*, который называл экономическую теорию «ветвью логики», лишая ее онтологического статуса. Он рассматривал экономику как науку о мышлении в сочетании с искусством выбирать экономические модели, применимые в современном мире. Цель такого подхода состоит в том, чтобы отделить неизменные факторы от временных или постоянно меняющихся. Такой подход не случаен, поскольку начиная с конца первой половины XX в. методология неопозитивизма, а затем постпозитивизма и постмодернизма становится доминирующей в социально-гуманитарных науках. В рамках экономической теории нашла отражение проблема демаркации научного и ненаучного знания. Научным знанием стало признаваться знание, верифицируемое опытным путем. К теоретическому знанию стали относиться инструментально, т.е. как к средству получения новых эмпирических обобщений. Желая скрыть разрыв между эмпирическим и теоретическим знанием и обеспечить достоверность экономического знания, представители неопозитивизма предложили использовать самостоятельные критерии научности для разных типов знания. Данная попытка не увенчалась успехом, и разрыв между теоретическим и эмпирическим знанием только усилился.

Итак, в экономической теории на протяжении уже нескольких веков сохраняются две противоположные позиции. Первая — «чистая теория», опирающаяся на рационализм в его различных проявлениях. Вторая — прагматический подход в сфере экономической науки, а также эконометрика — область исследований, в наибольшей степени отвечающая методологическим стандартам эмпиризма.

Однако в целом для экономической теории всегда были характерны умеренно рационалистические установки, восходящие к методологии Дж.С. Милля, который, не отрицая роли абстрактного метода в познании, считал, что исходные теоретические постулаты сводятся к элементарным обобщениям опыта.

Рационалистические установки Л. Вальраса способствовали переходу экономической теории к методологическим стандартам формализованного знания на основе использования языка математики. Примером формализованного подхода стала книга П. Самуэльсона «Основания экономического анализа» (1947 г.), в которой в качестве основного методологического принципа провозглашено выведение операционально значимых теорем. При этом под операциональностью понимается эмпирическая проверяемость или хотя бы возможность проверяемости.

Такой подход — хорошая иллюстрация позитивистского понимания взаимоотношений теории и эмпирии.

В то же время в рамках неоклассической экономической теории действовала тенденция, ограничивающая самостоятельное значение теоретических моделей. Такой подход изложил М. Фридмен в работе «Методология позитивной экономической науки» [7]. Ценность теории стала определяться ее способностью давать точные прогнозы, а не реалистичностью предпосылок.

Методологические разногласия между П. Самуэльсоном и М. Фридменом внесли свой вклад в противостояние рационализма и эмпиризма и определили развитие методологии современной экономической науки. На смену теории общего экономического равновесия пришли исследования экономического поведения в различных условиях, в том числе информационных и институциональных.

Существование разнонаправленных тенденций в экономической теории привело к парадоксальным отношениям между фундаментальной и прикладной наукой. Последняя становится локомотивом современной экономической науки. Не случайно наиболее важные открытия в экономике за последние 30 лет, получившие мировое признание, в том числе в виде Нобелевских премий по экономике, были разработаны в междисциплинарных прикладных проектах под руководством людей, не являвшихся изначально экономистами по образованию и научной деятельности. Речь идет о Г. Саймоне и Дж. Нэше. Решение прикладных задач способствовало развитию методологического инструментария, который стал основой новых направлений экономической теории.

Исходные установки (рационализм или эмпиризм) и поставленные цели (практические или теоретические, фундаментальные или прикладные), принятые в той или иной экономической теории, влияют на совокупность методов, средств и приемов, с помощью которых приобретает новое знание (специфике методов научного познания в экономике посвящена гл. 11.)

5.4. ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИКИ

Сравнительно молодое фундаментальное научное направление ФиМЭ выполняет важнейшие функции, обогащая фундаментальную и прикладную экономические науки способами научного познания экономики. Благодаря ФиМЭ реконструируется мировоззренческая функция, посредством которой формируется система взглядов, понятий,

представлений об окружающей экономической реальности, месте в ней человека и его отношение к себе сквозь призму базовых ценностей.

В рамках мировоззренческой функции исследователи обращаются к таким темам, как взаимоотношения экономической науки и религии, экономическая наука и философия, проблема истины в экономической науке, честность как фактор производства, замена мира как хозяйства миром потребления.

Наряду с мировоззренческой функцией, ФиМЭ выполняет другие важные функции:

- прогностическую, позволяющую открывать закономерности задолго до того, как они будут использоваться научным сообществом, станут востребованными в обществе;
- методологическую, проявляющуюся в способности генерировать новые методологические принципы, единицы, категориальные структуры;
- критическую; здесь ФиМЭ выступает «совестью» культуры, корректировщиком концептов философского понимания мира — хозяйства в широком смысле, ищет и формирует те идеи и концепты, которые востребованы историческим временем и хозяйственным пространством;
- социальную как позиционирующую общество в качестве хозяйствующего субъекта, вскрывающую социально-экономические противоречия и определяющую методы их разрешения.

Выводы

1. Философия и методология экономики — это научное направление, представляющее собой синтез философии, методологии, экономической теории и истории экономической мысли. Предпосылки этого направления можно обнаружить как в дискуссиях экономистов, так и в идеях философов.
2. Благодаря ФиМЭ можно использовать синтетический философско-экономический язык для выявления таких методологических единиц, как парадигма (неоклассическая или марксистская); научно-исследовательская программа (кейнсианство, неокейнсианство, посткейнсианство, институционализм, неoinституционализм, новая институциональная экономическая теория, эволюционная экономическая теория); дискурс в контексте отечественной, незаимствованной, оригинальной экономической мысли и науки, например философии хозяйства.

3. Философия и методология экономики позволяет устанавливать взаимосвязь между культурой, особенностями экономического развития и особенностями развития самой экономической науки, поскольку является междисциплинарным образованием.

Проблемный блок

1. Научный статус ФимЭ.
2. Междисциплинарный характер философии экономики.
3. Философия экономики и философия экономической науки.
4. Парадигмы и научно-исследовательские программы экономической теории.
5. Влияние позитивизма на философию и методологию экономики.
6. Методологические основания новой экономической науки.

Приложение 5.1

М.В. Ломоносов «О сохранении и размножении российского народа» (1 ноября 1761 г.): «Все оные по разным временам замеченные пороки мысли подведены быть могут... под следующие главы. О размножении и сохранении российского народа. О истреблении праздности. О исправлении нравов и о большем народа просвещении. О исправлении земледелия. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств. О лучших пользах купечества. О лучшей государственной экономике. О сохранении военного искусства во время долговременного мира. ...Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [4, с. 466–467].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. Блауг М. Несложный урок экономической методологии [Текст] / М. Блауг // THESIS. — 1994. — Вып. 4. — С. 53–68.
2. Канке В.А. Философия экономической науки [Текст]: учеб. пособие / В.А. Канке. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 384 с.
3. Каримова О.В. Философия, история и методология экономической науки [Текст] / О.В. Каримова. — М.: Спутник, 2007. — 208 с.

4. *Ломоносов М.В.* Соч. [Текст] / М.В. Ломоносов; сост., вступит. ст. и коммент. А.А. Морозова. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. — 592 с.
5. *Орехов А.М.* Методы экономических исследований [Текст]: учеб. пособие / А.М. Орехов. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 392 с.
6. *Тутов Л.А.* Философия и методология экономики: предметная идентификация [Текст] / Л.А. Тутов // Экономика и управления: проблемы, решения. — 2013. — № 11. — С. 4–20.
7. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки [Текст] / М. Фридмен // THESIS. — 1994. — Вып. 4. — С. 20–52.
8. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях [Текст] / отв. ред. О.И. Ананьин. — М.: Наука, 2008. — 255 с.
9. *Юдина Т.Н.* Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России [Текст]: монография / Т.Н. Юдина. — М.: ТЕИС, 2014. — 448 с.

Дополнительная литература

Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции [Текст]: пер. с англ. / Дж. Робинсон. — М.: Прогресс, 1986. — 400 с.

Самуэльсон П. Основания экономического анализа [Текст]: пер. с англ. / П. Самуэльсон. — СПб.: Экономическая школа, 2002. — 604 с.

Тутов Л.А. Философия хозяйства. Опыт духовного преображения [Текст] / Л.А. Тутов. — М.: ТЕИС, 2003. — 279 с.

ГЛАВА 6

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ И ПРИКЛАДНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ

Термины: чистая экономика, прикладная экономика, «рикардианский порок», «спор о методе», прикладное моделирование.

Деление экономики на теоретическую (фундаментальную) и прикладную на уровне обыденной практики представляется вполне естественным, что находит свое отражение в *работах* [1; 2; 3]: оно основано на различиях в объекте, способах познания, методах описания экономических явлений. Теоретическая экономика описывает экономические процессы в обобщенной, идеализированной форме, «очищенной» от эмпирических подробностей («чистая экономика»), абстрагируясь от многих конкретных, частных деталей, вырабатывая для этого соответствующие понятия («совершенная конкуренция», «идеальный рынок», «абсолютное равновесие»). Это позволяет представить общую картину изучаемой экономической реальности, выявить главные факторы и направление развития.

Теоретическая экономика ориентирована главным образом на макроуровень описаний. Она широко применяет методы экономико-математического моделирования и эконометрики, позволяющие установить количественные взаимосвязи между экономическими явлениями, использует статистические методы обработки экономической информации для выявления общих закономерностей развития. Необходимо заметить, что макроэкономическая политика не ограничивается общей теорией, а имеет прикладной характер, в то время как микроэкономика использует ряд теоретических моделей.

Прикладная экономика — наиболее приближенная к практике область экономических знаний. Она занимается изучением явлений микроэкономического уровня (хозяйственной деятельности отдельных фирм, предприятий, домашнего хозяйства, экономических агентов), так как исходит из методологического индивидуализма. Ее основу составляет информация о реальной практике хозяйствования, предметный анализ конкретного опыта. Здесь используются данные экономической

статистики, сопоставляются конкретные показатели, делаются общие выводы и выявляются факторы, влияющие на результат экономической деятельности. При этом, с одной стороны, степень абстрагирования от хозяйственных реалий значительно меньше, чем в теоретической экономике, а с другой — сохраняется определенное дистанцирование от эмпирического уровня науки, которое предполагает проведение многократно повторяющихся экспериментов, что в реальной экономической деятельности невозможно, потому что, во-первых, это эксперименты практически на людях, во-вторых, результаты, полученные в специально созданных, искусственных условиях, вряд ли повторятся в условиях иных, менее благоприятных.

ПРИМЕР. Эксперименты по распространению «ударного труда» в советское время (почин Алексея Стаханова в довоенный период, «маяки» в сельском хозяйстве и на промышленных предприятиях в хрущевские годы) предполагали создание исключительных, благоприятных условий для получения выдающихся показателей, которые возбуждали бы трудовой энтузиазм у народа. Однако «энтузиазм» при отсутствии необходимых материальных условий давал совсем другие результаты.

За видимым на уровне здравого смысла «естественным» соотношением структурных уровней экономической науки стоит принципиальная философско-методологическая проблема, которая имеет свою историю. До появления экономических теорий (т.е. до середины XVII в.) экономические знания существовали в виде трактатов, содержащих своды опытного знания, ориентированного на применение в практической хозяйственной деятельности. В XVIII в., когда совершается переход от донаучной стадии экономического знания к научной, авторы экономических сочинений (Р. Кантильон, Дж. Стюарт, физиократы, А. Смит) проявили стремление связать теоретические представления о логике хозяйственной системы в целом с практической программой управления государственным хозяйством. Теория и практика экономической жизни в учениях экономистов-классиков понимались как единое целое. Теория возлагала на себя ответственность — подвести под экономическую политику строгую научную базу. Однако упрощение предпосылок теоретического анализа, абстрагирование от ряда важнейших экономических факторов (например, от фактора технического прогресса в теории Рикардо), слишком общий характер рекомендаций для практики вызвали сомнение о возможности прямого решения теорией практических проблем (что было названо Й. Шумпетером «рикардianским пороком»).

Проблема соотношения теоретической науки и практического ее применения оказалась далеко не простой, требующей методологического

обоснования, и прежде всего прояснения того, что понимать под теоретической экономикой, а что — под прикладной. За этими современными, ставшими привычными по употреблению в учебниках и практике хозяйственной жизни терминами стоит проблема, заявившая о себе в середине XIX в., хотя и другим терминологическим языком, когда Дж.С. Милль разграничил политическую экономию на науку и искусство (см. подробнее гл. 3). Наука, по его мнению, как «знание о сущем», как «собрание истин», учитывающих главные причины хозяйственного поведения людей, не дает «конкретного набора правил поведения», не содержит практических «знаний-рецептов», т.е. не учитывает индивидуальных обстоятельств хозяйственной деятельности [4]. По этой причине Дж. Кэрнс называл политическую экономию «гипотетической наукой» [9]. Иначе оценивали теоретическое знание такие экономисты, как К. Менгер (считая его «точным») и Л. Вальрас («чистой наукой»).

6.1. «СПОР О МЕТОДЕ»

Проблема неоднородности экономического знания — теоретического (знания о сущем) и практического (знаний-рецептов) — и их соотношения оказалась в центре ожесточенного «спора о методе» в конце XIX в. Лидер новой исторической школы Г. Шмоллер выступил против политической экономии, претендовавшей на универсальность теоретического знания и ведущую роль по отношению к практике. Логика научных абстракций не является логикой самой экономической жизни; реальность не должна сводиться только к ее существенным чертам; соответственно, роль политэкономической теории ограничивается описанием и толкованием фактов, поскольку не может дать точных рекомендаций для экономической деятельности в конкретных условиях. Такова была суть позиции представителей исторической школы. Абстрактному теоретическому анализу отводилась лишь служебная роль по отношению к эмпирическому изучению экономики.

Против выступил глава неоклассической австрийской школы К. Менгер. Как и Д. Рикардо, Менгер отстаивал приоритет строгого теоретического знания, которое является сущностным и недоступно для исследователя-эмпирика. В то же время он не отрицал важность «исторического» исследования экономики, но подчеркивал его ограничения, собственные эмпирическим наукам в целом.

«Спор о методе» стимулировал интерес к проблеме структуры экономического знания и роли его отдельных элементов, особенно тех, что обеспечивают связь между теорией и практикой. Дж.Н. Кейнс в монографии «Предмет и метод политической экономии» (1891) предложил

свою классификацию экономического знания, выделив такие его уровни, как абстрактная политическая экономия, конкретная политэкономия (которая «не удовлетворяется одними лишь гипотетическими выводами» и в то же время несводима к эмпирическим обобщениям) [5, с. 17]; индуктивная конкретная наука (прямые обобщения опыта) и конкретная наука, основанная на дедуктивном методе (приспособленная к особым условиям отдельных случаев). Особое значение при этом придавалось «промежуточным доктринам», которые обладают общностью формы, но не имеют чисто абстрактного характера. Цель подобной классификации состояла в том, чтобы преодолеть рикардианское прямое замыкание теории на практику. В качестве особой формы знаний Дж.Н. Кейнс выделил искусство политической экономии, или прикладную экономику.

В то же время на развитие экономической науки значительное влияние со стороны философии стали оказывать идеи позитивизма с его принципом эмпирической достоверности знания, что еще более понизило авторитет теоретического знания. Разделение экономического знания на теоретическое и практическое приобрело новую форму в результате принятия научным сообществом методологической доктрины А. Маршалла (теория которого была признана *mainstream* (мейнстримом) экономической науки XX в.). При этом само понимание экономической теории было переосмыслено. Теория перестала пониматься как истинное знание об объекте, а стала трактоваться лишь как совокупность инструментов для решения практических задач — того, что стали называть прикладными экономическими исследованиями. Экономика разделилась на две части: фундаментальную науку, направленную на разработку аналитического инструментария, и прикладную науку, с помощью этого инструментария решающую практические вопросы.

6.2. ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ НАУКИ

Наиболее результативным оказался опыт взаимодействия теории и практики в создании и использовании прикладных экономических моделей (за их разработку в середине XX в. Ян Тинберген и Рагнар Фриш получили первые Нобелевские премии по экономике). Выделение прикладного экономического моделирования в самостоятельную сферу деятельности превратило прикладную экономику из пассивного потребителя готовых научных проектов в заказчика, повысив ее статус по отношению к академической науке. Экономические модели все более

вовлекаются в политический процесс, в разработку проектов бюджета и организацию деятельности различных ведомств [6, с. 35–50].

Экономические знания начинают все более дифференцироваться и фрагментироваться. В экономической теории в качестве инструментария исследования все большее место отдается прикладной математике. Активно разрабатываются частные теоретические модели. Одновременно экономические методы исследования захватывают многие области общественно-научного знания, что в профессиональной среде получило название «экономического империализма». Мир экономики становится разнообразнее и сложнее. Экономическое знание превращается в широкое поле, пересекаемое разными направлениями, отличающимися в первую очередь предметами исследования. Теория общего экономического равновесия в качестве прежнего лидера микроэкономического анализа уступает место исследованиям экономического поведения (варианты институционализма). Возрастает удельный вес прикладного знания и специализированных (отраслевых, межотраслевых) дисциплин. Происходит своеобразное «переворачивание» отношений между фундаментальной и прикладной наукой [7, с. 160]. Многие экономические идеи и методы рождаются в междисциплинарных и прикладных проектах (военных, космических и др.) и выдвинуты не экономистами (*Дж. Фон Нейман, Г. Саймон, Д. Нэш* и др.) Для решения задач в рамках этих проектов потребовался новый инструментарий, нередко заимствованный из других научных дисциплин, прежде всего из математики. Все это, с одной стороны, расширило предметную область экономического знания, обогатило теоретический инструментарий, а с другой — обеднило теоретический кругозор современных ученых с их ориентацией на фрагментизированное знание по сравнению с экономистами-классиками с их целостным видением экономической реальности. Вместе с тем современное прикладное знание, предполагающее точный учет конкретных условий, национальных особенностей, социальных целей, нуждается как в опоре в целостной экономической картине реальности и общем ее осмыслении.

Пересечение экономической теории и практики является наиболее проблемным звеном в системе экономического знания, полагает И. Фролов и предлагает посмотреть на эту проблему не только с точки зрения экономистов-теоретиков, а с позиции исследователя-прикладника, для которого главным вопросом является возможность применения теоретических рекомендаций на практике. Большинство прикладных задач, которыми занимаются экономисты-исследователи, не следуют из объективной логики развития экономической науки. Теоретик и практик имеют разные объекты исследования, что связано с

разными предпосылками и условиями их деятельности. «Научное знание реально никогда не может непосредственно применяться в исследованиях, связанных с изменением объектного мира (в нашем случае — экономической действительности), т.е. его нельзя рекомбинировать и применить к прикладной задаче, — говорит И. Фролов. — Обязательно нужен слой опосредующих знаний, роль которого и выполняют прикладные экономические знания, автономно существующие по отношению как к непосредственным практическим знаниям, возникающим в момент какого-либо действия, так и к теориям» [7, с. 82].

6.3. КЛАССИФИКАЦИЯ НАУК. ПРИКЛАДНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ

К настоящему времени сложилась разветвленная система экономических знаний. В соответствии с одной из предложенных классификаций выделяются следующие подразделения экономических дисциплин [5, с. 54–55].

Фундаментальные науки — экономическая теория, экономическая методология, институциональная теория, эволюционная теория, компаративистика и др.

Конкретные науки, занимающиеся изучением особенностей отдельных сфер экономической деятельности, — экономика промышленности, труда, туризма и др.

Функциональные науки — бухгалтерский учет, финансы, налоги и налогообложение, менеджмент, маркетинг, денежное обращение и др.

Информационно-аналитические науки — статистика, информационные технологии и системы в экономике, экономическое моделирование и др.

Исторические науки — история экономических учений, история экономики, государственного управления, финансов, налогов, страхования и др.

Междисциплинарные науки — экономическая география, экономическая психология, конституционная экономика.

ПРИМЕРЫ КЛАССИФИКАЦИИ. Существуют и иные классификации. Так, выделяют два главных структурных образования: фундаментальные и прикладные науки. К фундаментальным относят экономическую теорию (политическую экономию и экономикс); исторические дисциплины (историю экономических учений и экономическую историю) и информационно-аналитические науки (экономико-математические методы, экономическую статистику, анализ хозяйственной деятельности). К прикладным — отра-

слевые науки, региональные, функциональные, или науки особых сфер (финансы, кредит, денежное обращение, теорию рынка, маркетинг, менеджмент, прогнозирование и др.), межотраслевые, а также науки, изучающие экономику предприятий и организаций различных форм собственности [2]. К современным классификациям необходимо добавить сравнительно недавно заявивший о себе предмет — философию и методологию экономической науки. Последняя может считаться частью теоретической экономики, во-первых, исторически, поскольку философия и методология экономической науки как научное направление и дисциплина рождается в методологических дискуссиях кембриджского журнала *Economics & Philosophy*, а позже в *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*; а во-вторых, логически, поскольку экономисты в своих исследованиях так или иначе выходят на философские и методологические проблемы своей науки, которые они не могут разрешить средствами только своей дисциплины.

Конкретные и специальные экономические науки прошли долгий путь развития. Так, **демография**, начав с биологического детерминизма Т. Мальтуса и первых подходов к «естественному закону народонаселения», создала к настоящему времени теории «глобального демографического развития», «международной стратегии регулирования роста населения мира», а также концепции демографической политики. На основе созданной в нашей стране статистической базы развиваются отечественные школы демографической науки. Потребности **управления хозяйством**, зародившись еще в Древнем мире, привели со временем к возникновению управленческой науки, постоянно развивающейся в наше время. **Экономика труда** как научная дисциплина является сравнительно молодой — чуть более 100 лет. Научная организация труда, начав с открытий в этой области Ф.У. Тэйлора, привела к формированию школы человеческих отношений Э. Мэйо, затем концепции «гуманизации труда» Ф. Херцберга и других направлений индустриальной социологии и психологии. Экономика труда тесно связана с управлением персоналом, трудовым правом, статистикой труда, экономикой народонаселения и другими социальными дисциплинами.

Происходит формирование научных дисциплин **отраслевых комплексов**. Первые разработки по экономике промышленности и аграрного сектора были осуществлены в нашей стране еще до революции и в советское время (А.В. Чаянов, М.И. Кубанин и др.), а также в послевоенный период. Ведутся разработки аграрного сектора и аграрно-промышленного комплекса в западной науке.

Развивается **экономика отраслей непроеизводственной сферы**. В сочинениях классиков политической экономии и К. Маркса были сформулированы понятия производительного и непроизводительного труда. Сейчас все большее значение приобретает учет результативности

отраслей непроеизводственной сферы в системе национальных счетов (С. Кузнец, С. Фабрикант).

В современном мире с его активно развивающимися торговыми связями приобретают большую значимость теории **маркетинга**, разрабатываются разные подходы; институциональный, функциональный, товарный, создаются научные школы. Активно развивается **логистика**.

Среди межотраслевых наук начиная с прошлого столетия растет значение **экономики природопользования**. До обострения современной экологической ситуации внимание к этой проблематике привлекли новаторские работы по биосфере и ноосфере В.И. Вернадского. С 1960-х гг. большую работу в этом направлении проводит Римский клуб, с которым активно сотрудничают отечественные ученые¹.

Науки, которые относят к функциональным или называют «науками особых сфер», выполняют важнейшую роль в экономической жизни общества. Это **финансы, денежное обращение, кредит**. Финансовая наука зародилась в Европе в XV–XVII вв. Первые сочинения были посвящены государственным доходам и налогам, разработке основ бюджетного дела и денежного обращения. Представители классической школы (А. Смит, Д. Рикардо, С. Сисмонди) немало внимания уделили теории налогов и налогообложения. Были созданы школы финансов в Германии и России (Н.Х. Бунге, И.И. Янжул и др.). В XX в. возникают финансовая статистика, учение об отраслевых, местных финансах, о международном государственном кредите. В современной экономической науке существуют разнообразные концепции финансового хозяйства, государственных расходов, доходов, бюджета, связанные с мировой экономической теорией. Инвентаризационная опись и отчетность, зародившиеся в Древнем мире, за тысячелетия развились в сложный механизм **бухгалтерского учета и статистики**, без которых невозможно представить современную экономическую деятельность. Среди научных достижений советской статистики, получивших высокую научную оценку, — разработка баланса народного хозяйства.

Важную функциональную роль имеют теории **прогнозирования, программирования и планирования**. В западной науке широко применяют индикативное планирование, эконометрические и эмпирические прогнозы. В СССР вопросы теории и практики планирования народного хозяйства имели первостепенное значение. Большой вклад в разработку балансового

¹ Римский клуб — международная общественная организация, созданная А. Печчеи и А. Кингом в 1968 г., объединяющая ученых, деятелей культуры, политиков и бизнесменов. Задача Римского клуба — привлечь внимание мировой общественности к глобальным проблемам посредством докладов.

метода планирования, сочетания отраслевого и территориального планирования внесли советские экономисты. Проблема использования советского опыта планирования актуальна для Российской Федерации.

Особое значение во всех сферах экономической деятельности имеет сегодня применение **математических методов**. В математической статистике, основой которой является теория вероятностей, известны своими достижениями англо-американская (*А. Боули, Ф. Гальтон, К. Пирсон, Р. Фишер*) и русская классическая (*П.Л. Чебышев, А.А. Марков, А.М. Ляпунов*) школы математики и математической статистики. Маржиналистская революция сопровождалась окончательным внедрением математических методов в экономические исследования: были разработаны модели *Л. Вальраса, Ф. Эджоурта, В. Парето, А. Маршалла*, система «затраты — выпуск» *В. Леонтьева*, концепция производственной функции; предложены эконометрические исследования (*Р. Фриш, Я. Тинберген* и др.); получила применение теория игр к анализу рыночной экономики (*Дж. фон Нейман, О. Моренштерн* и др.); созданы экономические модели мировой торговли и глобального долгосрочного прогнозирования. В становлении и развитии российской экономико-математической науки заметную роль сыграли киевская экономическая школа, труды *В.К. Дмитриева* и *Е.Е. Слуцкого*, модель роста народного дохода *Г.А. Фельдмана*, метод разрешающих множителей *Л.В. Канторовича*, в послевоенные годы — школа *В.С. Немчинова* и *П.В. Новожилова*.

В настоящее время проблемам изучения прикладных экономических исследований посвящается большое количество публикаций в самых престижных научных изданиях мира. Растет число специальных журналов, в частности: *Applied Economics* — журнал Американской экономической ассоциации (*American Economic Association*) — ведущего объединения ученых-экономистов в США и в мире; *The Journal of Applied Economics* — (Буэнос-Айрес), в редколлегии которого два лауреата Нобелевской премии по экономике; журнал «Прикладная эконометрика» — периодический журнал на русском языке в области прикладной экономики и статистики, выходящий с 2006 г.; международный научный журнал «Прикладные экономические исследования».

Выводы

1. Экономическая наука представляет собой сложную систему знаний, основа ее — экономическая теория, начало развития которой относится к XVII–XVIII вв. Теоретическая экономика, частью которой является философия и методология науки, ориентирована на постановку наиболее общих проблем. Практика

- хозяйственной жизни предполагает решение конкретных задач, которые оказались не в компетенции абстрактной теории.
2. Проблемы неоднородности экономического знания — теоретического и прикладного — были центральными в «споре о методе» в конце XIX в.
 3. В настоящее время проблема взаимоотношений теоретической и прикладных наук приобрела новые грани. Система конкретных и прикладных областей хозяйства (и соответствующих научных дисциплин) стала более сложной. Выделилось в самостоятельную сферу деятельности прикладное экономическое моделирование, получившее высокую общественную оценку.
 4. Развитие прикладных направлений экономики выдвигает перед теоретической наукой новые проблемы и нередко предлагает эффективные методы их решения, что, в свою очередь, ставит перед философией и методологией экономической науки задачу переосмысления взаимосвязи экономической теории и прикладных экономических дисциплин.

Проблемный блок

1. Политическая экономия как гипотетическая наука, как точная наука, как чистая наука, как «ящик с инструментами» — какая проблема стоит за разным пониманием экономической теории?
2. «Рикардианский порок» и воспроизведение его вариантов в истории.
3. Пересечение экономической теории и практики — его отражение в «споре о методе».
4. Суть «переворачивания» отношений между фундаментальной и прикладной наукой.
5. Математические методы исследования и их роль в продвижении «экономического империализма».

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. *Ананьин О.И.* Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ [Текст] / О.И. Ананьин. — М.: Наука, 2005. — 244 с.
2. *Журавлева Г.П.* Экономика [Текст]: учебник для вузов / Г.П. Журавлева. — М.: Омега-Л, 2006. — 656 с.
3. Курс экономики [Текст] / под ред. Б.А. Райзберга. — М.: ИНФРА-М, 1997. — 720 с.

4. *Милль Дж.С.* Основания политической экономии. В 3 кн. Кн. 1. [Текст]: пер. с англ. / Дж.С. Милль. — М.: Прогресс, 1980.
5. Прикладная экономика [Текст]: учеб. пособие / Г.И. Журухин [и др.]; под ред. Г.И. Журухина, Т.К. Руткаускаса. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2009. — 139 с.
6. Философия социальных и гуманитарных наук [Текст]: учеб. пособие / под ред. О.А. Лебедева. — М.: Академический проект, 2006. — 832 с.
7. *Фролов И.* Размышления о применении экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях [Текст] / И. Фролов // Вопросы экономики. — 2009. — № 12. — С. 72–82.
8. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях [Текст] / отв. ред. О.А. Ананьин. — М.: Наука, 2008. — 255 с.
9. *Cairnes J.E.* Essays in Political Economy: Theoretical and Applied [Text] / J.E. Cairnes. — Routledge, 2004. DOI: 10.4324/9780415312196

Дополнительная литература

Райзберг Б.А. Прикладная экономика [Текст]: учеб. пособие / Б.А. Райзберг. — М.: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2010. — 318 с.

Batie S.S. Wicked Problems and Applied Economics [Text] / S.S. Batie // American Journal of Agricultural Economics. — 2008. — No. 5. — P. 1176–1191.

Lawson T. Applied economics, contrast explanation and asymmetric information [Text] / T. Lawson // Cambridge Journal of Economics. — 2009. — No. 33. — P. 405–419.

Mittelhammer R. Applied Economics — Without Apolog [Text] / R. Mittelhammer // American Journal of Agricultural Economics. — 2009. — No. 5. — P. 1161–1174.

ГЛАВА 7

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

Термины: антихозяйство, объект хозяйства, софийность хозяйства, субъект хозяйства, философия экономики, философия хозяйства, хозяйство, эсхатология экономики.

7.1. ЭКОНОМИКА И ХОЗЯЙСТВО

Последние 300 лет ничто в мире не вызывает такие острые дискуссии, как экономические вопросы и проекты. Спорящие стороны используют множество терминов и методов, ссылаются на различные концепции и экономические школы, но почти никто не исследует истоки, первопроект, первосмысл, перводвигатель экономики. Вместе с тем ключом к ответу могут быть такие направления исследования, как философия экономики и философия хозяйства.

Философию экономики и философию хозяйства часто воспринимают как синонимы, поскольку предполагают постижение сущности производственно-трудовой деятельности человека. Однако, на наш взгляд, это суждение неверно. Логическая рефлексия их объективного содержания, исследование смысловых и целевых ориентиров, созданные ими теоретические и практические проблемы говорят о том, что это две самостоятельные формы научного анализа.

Для подтверждения или опровержения нашей точки зрения необходимо совершить ряд последовательных операций, и прежде всего соотнести понятия «экономика» и «хозяйство».

В главе 1 мы писали о том, что выделяют два подхода к трактовке категорий «экономика» и «хозяйство». В первом случае они рассматриваются как синонимы, а во втором — как категория «хозяйства», которая кроме экономики включает другие сферы духовного и материального бытия. Однако возможно и противопоставление экономики и хозяйства, когда второе отрицается первым.

Долгое время, вплоть до эпохи Возрождения, хозяйство и экономика отождествлялись и рассматривались как средства жизнеустройства

семьи (дома), общины, города, государства. Крайне важно, что хозяйство и экономика в древних обществах не имели самостоятельного значения, не обладали автаркией, трактовались как части мудрости и морали, которые исследовали и оценивали с точки зрения индивидуального и общего блага. Наиболее полно и отчетливо экономика-хозяйство выступает у Аристотеля, являясь зависимой и производной частью этических исследований и ценностей. Для него экономика и этика неразделимы. Экономика опирается на моральные основания и руководствуется нравственным идеалом. Он ввел понятие «естественное хозяйство», которое связано с созданием блага. Однако уже у Аристотеля складывается понимание, что хозяйственная деятельность не всегда бывает добродетельной, поэтому для характеристики стремления к обогащению он ввел понятие хрематистики. Хозяйство базируется на доме, в котором сочетаются природно-естественные, демографические, трудовые, хозяйственные, торгово-денежные, общинные, нравственные, политические, религиозные, духовные, личностные, сотериологические стороны человеческого бытия.

Выделение экономики в качестве автономной реальности, да еще определяющей всю жизнь людей, произошло в Европе в последние 500 лет. Во многих современных обществах экономика рассматривается как часть и средство цельной жизни и происходит противопоставление экономики и хозяйства.

С понятием «экономика» как системой жизнедеятельности человека и человечества, связанной с воспроизводством благ, решением проблемы богатства, мы уже определились в гл. 1. Следует лишь добавить, что экономика содержит трансцендентные реалии, во многом (хотя и не всецело) определяясь ими. Эта трансцендентность экономики проявляется в непознаваемости (до конца) цены и стоимости. Подлинным чудом является механика стоимости, ее имманентная технология, ее поразительная способность определять выбор. Для исследования экономики нужна философия, вооруженная не только феноменологической, но и диалектической и трансцендентной методологией.

Не менее актуально философское осмысление понятия «хозяйство».

Современная трактовка понятия «хозяйство» имеет корни в немецком языке, происходит от слова *wirtschaft*¹, и связывается прежде всего с производственной деятельностью. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова определяет хозяйство как: «1) способ

¹ В XIX в. в философско-экономический оборот понятие «хозяйство» было введено благодаря полемике представителя маржинализма К. Менгера и лидера исторической школы Г. Шмоллера по использованию и определению содержания хозяйства.

производства, совокупность производственных отношений того или иного общественного уклада; 2) производство, экономика; 3) оборудование какого-нибудь производства; 4) совокупность предметов, необходимых в быту; 5) производственная единица, преимущественно сельскохозяйственная; 6) работа по дому, по устройству быта, домашней жизни, семьи» [6, с. 707]. М. Вебер упоминает «традиционалистское хозяйство» [3, с. 87], которое является статичным и замкнутым.

Интересный подход к определению термина «хозяйство» и его типов предложил основатель школы философии хозяйства на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.М. Осипов. Для него есть «божественное хозяйство, или Х Бога, сопряженное с переходом от абсолютного к относительному, есть природное хозяйство, или Х природы, в рамках которого идет в значительной мере объективный производительно-организационный процесс творения (природное, т.е. все время рождающееся и рождающее); есть человеческое хозяйство, или Х человека — *homo*-хозяйство, связанное с деятельностью, а лучше сказать — жизнедеятельностью человека, человеческого общества, выражающееся в постоянном творении себя и окружающего мира (в его перетворении)» [10, с. 210–211]. Такое понимание хозяйства является слишком широким и не вписывается в предметные рамки ФМЭ.

На наш взгляд, более точно выражает содержание данного понятия следующее определение: хозяйство — «это вся творческая деятельность человека, направленная на преобразование природы, воспроизводство и сохранение самого человека, создание духовных и материальных ценностей, формирование различных социальных институтов и отношений» [16, с. 84]. Такая трактовка представляется предпочтительной, поскольку в ней отмечен творческий характер хозяйственной деятельности в духовной и материальной сферах, учитывается институциональное проектирование, человек рассматривается как субъект деятельности, хозяйство — как общественный организм и не сводится только к экономике, подчеркивается ценность жизни.

Недооценка смысловых значений терминов «хозяйство» и «экономика» ведет к большой путанице в понимании именно экономики. Негативную роль в постижении сути экономики играет и недооценка ее философских оснований, так как хозяйство никогда не отрывалось от мудрости, само выступая как своеобразная мудрость. Только философское осмысление предметного содержания терминов «хозяйство» и «экономика» может указать на основные черты и аспекты феномена экономики:

7.2. ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРЕДМЕТНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ

«Философия хозяйства» С.Н. Булгакова. Родоначальником философии хозяйства является С.Н. Булгаков, опубликовавший одноименную книгу в 1912 г. В данной работе был выявлен предмет философии хозяйства, определен понятийный аппарат, разработана методология, раскрыты проблемы современной экономической теории, во многом связанные с ускорением темпов экономической жизни. С.Н. Булгаков опубликовал серию работ, посвященных различным вопросам хозяйства. Перечислим основные из них: «Краткий очерк политической экономии», «О социальном идеале», «Народное хозяйство и религиозная личность», «История экономической мысли. Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве», «Свет невечерний» и др.

По мнению С.Н. Булгакова, хозяйство следует рассматривать с трех сторон: «научно-эмпирической, трансцендентально-критической и метафизической. И такой способ ее рассмотрения объясняется отнюдь не прихотью автора, — он подсказывается самым существом дела. Ибо то, что в области эмпирической составляет предмет “опыта”, ставит проблемы науке, а рассматриваемое со стороны познавательных форм является построением “трансцендентального субъекта”, — бытийными своими корнями уходит в метафизическую землю» [2, с. 4]. Такой многоаспектный подход позволяет, полагает философ, получить универсальное знание о хозяйстве.

Концептуальный каркас теории С.Н. Булгакова раскрывается им при ответе на следующие вопросы: «Что такое хозяйство? Или как возможно хозяйство? Каковы его предусловия и основоположения? Каково содержание хозяйственного акта, его субъект и объект?» [2, с. 254]. Остановимся подробнее на ответах на эти вопросы.

Под хозяйством С.Н. Булгаков понимает «творческую деятельность разумных существ, необходимо осуществляющих в ней свои индивидуальные начала, индивидуальности же присуща свобода, даже более... она и есть эта свобода, и если свобода есть творчество, то индивидуальность есть подлинное творческое в нас начало, которое неугасимо и неустранимо и в хозяйстве» [2, с. 257]. Хозяйство — это не механизм, а организм и, как «всякий живой организм, как тело, как организованная материя, находится в неразрывной связи со всей Вселенной в качестве ее части» [2, с. 64]. Таким образом, хозяйство открыто для взаимодействия с внешним миром и постоянно изменяется.

Интересен подход С.Н. Булгакова к пониманию субъекта хозяйства, в качестве которого он определяет «человечество как таковое, не

коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» [2, с. 256]. Такая трактовка связана с его учением о трансцендентности субъекта хозяйства, которое предполагает, что «хозяйство не только гносеологически, но и генетически не может быть сведено к простой сумме хозяйственных актов отдельных индивидов, поскольку частные раздробленные акты рассматриваются как проявление некоторой единой функции, обладающей известной связанностью» [16, с. 32].

Хозяйство, с точки зрения С.Н. Булгакова, включает две стороны: производство и потребление. Потребление — исходный пункт хозяйства. Оно «возможно благодаря космическому коммунизму — пониманию Вселенной как единого объекта. Поэтому принятие пищи есть процесс поддержания живого организма неживой средой. С другой стороны, еда есть переработка неживой материи в организме, что, в общем-то, означает оживление неживого. В еде граница между живым и неживым реально снимается» [16, с. 37]. Благодаря потреблению жизнь становится универсальной.

В производстве также стираются границы между субъектом — я и объектом — не-я. Это становится возможным благодаря труду. С.Н. Булгаков пишет: «Вся практика взаимодействия я и не-я позволяет установить реальность внешнего мира и заполняет пустую и холодную область не-я силой, теплом, телами, превращает мираж не-я в природу, а вместе с тем и само я помещает в природу, органически сливая я и не-я в единое мироздание» [2, с. 78–79]. Таким образом, хозяйство постоянно выходит за свои границы и осуществляет проектирование действительности.

Философ критически оценивал роль принципа объективности в экономике и существование универсальных экономических законов. Особое неприятие в нем вызывал экономический детерминизм. «В самом деле, универсальное значение закона причинности, какое приписывается ему этим воззрением, не только не было, но и не может быть доказано из опыта, имеющего дело всегда с обрывками бытия и по самому своему понятию незаконченного и не могущего быть законченным», — говорит С.Н. Булгаков [2, с. 268]. В то же время он отрицательно относился к абсолютизации случайности: «Нет более безотрадного и мертвящего воззрения, как то, по которому мир и наша жизнь представляются следствием абсолютной случайности, абсолютно лишенной всякого внутреннего смысла» [2, с. 268].

Оценивая вклад С.Н. Булгакова в разработку философии хозяйства, отметим наиболее важные достижения:

- во-первых, «дан анализ основных линий, намечаемых точками пересечения философских и экономических интересов в области теории хозяйства, в которой философия хозяйства претендует на роль методологии. Более того, философия хозяйства направлена на преодоление сложившейся замкнутости общественных дисциплин, предполагает целостное знание. Это возможно благодаря тому, что в центре рассмотрения философии хозяйства находится целостный человек, личность, в то время как в других дисциплинах исследуются отдельные стороны поведения человека. Простое суммирование знаний о человеке из разных дисциплин не может дать целостной картины» [16, с. 41];
- во-вторых, поставлен «вопрос о недопущении смешения общепhilosophических понятий и специально экономических или иных других, так как это приводит к искаженному пониманию хозяйственных процессов, затемнению объективного субъективным. С.Н. Булгакову свойственен методологический максимализм, заключающийся в стремлении обнаружить самые глубинные основания предметов, раскрыть их подлинную сущность. Поэтому философия хозяйства позволяет по-новому взглянуть на содержание основных экономических категорий, таких как труд, ценность, благо и т.п.» [16, с. 41];
- в-третьих, для объяснения поведения людей использованы не экономические предпосылки, что позволило получить реалистичную модель человека и преодолеть дисциплинарную изолированность экономики;
- в-четвертых, «отказавшись от существовавших традиций в решении проблем хозяйственной жизни, опиравшихся на материализм и позитивизм, С.Н. Булгаков разработал новые философские основания политэкономии, базирующиеся на христианской этике» [16, с. 42].

Одно из важнейших достижений С.Н. Булгакова — обоснование постулата о теоретической открытости философии хозяйства в плане ее дотраивания.

Современная философия хозяйства. На экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова более 20 лет назад зародилась современная научная школа философии хозяйства, и связана она прежде всего с именем профессора Ю.М. Осипова, которому удалось объединить на базе исследований различных проблем философии хозяйства представителей не только социально-гуманитарных дисциплин, но и естественных наук. Научная школа философии хозяйства получила институциональное оформление. Созданы Центр общественных наук при

университете и лаборатория философии хозяйства на экономическом факультете. Ведется активная научная жизни, проводятся конференции, симпозиумы и научные семинары, издается научный периодический журнал «Философия хозяйства».

Ю.М. Осипов предложил свою трактовку философии хозяйства, рассматривая ее как науку хозяйственную и только потом уже как философскую. Так же как и у С.Н. Булгакова, у Ю.М. Осипова «философия хозяйства — не столько завершенное знание, сколько специфическая область мысли и размышлений» [10, с. 302]. Перечислим вопросы, которые решает философия хозяйства: «Отчего, зачем, с какой целью, каким образом и с каким результатом реализуется хозяйство, прежде всего хозяйство или *homo*-хозяйство? Как выполняет человек выпавшую на него роль хозяйствующего субъекта, творца, демиурга? Какова генетика и природа *homo*-хозяйства, откуда оно, каково его соотношение с божественным и природным хозяйством, в чем его качественная специфика? Какова телеология *homo*-хозяйства, как и его эсхатология?» [9, с. 204].

КОНЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА Ю.М. ОСИПОВА. Концепция Ю.М. Осипова базируется на нескольких предпосылках, которые он разделяет на онтологические и гносеологические опоры и исследует как взаимосвязанные. «Во-первых, хозяйство рассматривается как жизнь и жизнь как хозяйство. По мнению Ю.М. Осипова, это самая важная онтологическая опора» [16, с. 24], которая взаимосвязана с первой гносеологической опорой, предполагающей, что «философия хозяйства стремится познавать метасмыслы жизни-хозяйства, разумеется, не только это, но и это в особенности» [10, с. 303]. Трансцендентность предлагается рассматривать в качестве не только онтологической, но и гносеологической опоры. «Вне трансцендентности философии хозяйства быть не может, а может получиться в лучшем случае лишь теория хозяйства» [10, с. 303]. Завершает концепцию нравственная опора, поскольку «философия хозяйства равнодушна к вопросу о том, как, с каким нравственным мотивом, каким образом ведется человеком хозяйство» [10, с. 303]. Дополняют концепцию ряд важных положений, среди которых трактовка экономики как частного случая хозяйства и представление стоимости в качестве сущности экономики. Ю.М. Осипов также сделал вывод, что в настоящее время «философия хозяйства вышла на исключительно важный фундаментальный вывод о наличии феномена хозяйственной демиургии, а не просто труда, производства, творчества, тем более потребностей и их удовлетворения» [10, с. 304]. Человек предстает как демиург, «который идет по пути пересотворения мира в соответствии со своим представлением. Человек идет от природы к неприроде, создавая мир искусственного, что приводит к проблеме эсхатологии хозяйства, а точнее, к хозяйственному апокалипсису. В связи с этим становится актуальной идея антихозяйства, т.е. хозяйства без любви и мудрости, которое имеет ло-

гические и онтологические основания» [16, с. 25]. Как разрешить данное противоречие? Ю.М. Осипов полагает: «Выход может быть найден на пути обращения к хозяйственному богословию. Речь идет о той стороне богословия, которая связана с таинственными и драматическими аспектами жизни человека. То есть хозяйственное богословие призвано придать сакральный характер хозяйству в противовес антихозяйству. Сакральная функция должна выполняться априорно» [16, с. 25]. Даже если сразу и не удастся разрешить имеющиеся проблемы, то хотя бы можно предложить пути их решения в будущем. Раскрывая гуманистический характер философии хозяйства, Ю.М. Осипов подчеркивает, что «хозяйство есть не столько производство благ, сколько производство самой жизни и самого человека» [10, с. 307].

В современной отечественной «философии хозяйства» нет методологического единства, и она имеет многообразные трактовки, в том числе: «направление, которое рассматривает хозяйство через призму онтологии, космологии и антропологии» [16, с. 17]; синтез экономической теории, философии, психологии, истории, права; наука хозяйственная, а затем уже философская (Ю.М. Осипов); религиозная экономическая теория; институциональная экономика; этическая экономия (П. Козловски); адаптированная к современным условиям классическая экономическая теория.

На наш взгляд, первое определение более соответствует содержанию философии хозяйства, так как интегрирует все стороны хозяйства, отводя центральное место человеку, и основывается на междисциплинарном подходе. Кроме того, такое понимание соответствует традициям русской философии XIX–XX вв., представлявшим хозяйство в общекультурном контексте, как часть универсума (мира в целом).

7.3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА

К исходным предпосылкам, образующим предметное ядро современной философии хозяйства, можно отнести следующие положения.

1. Онтологическая предпосылка гласит: «В основе хозяйства лежит триада “природа — человек — культура”» [16, с. 95].
2. Субъектом хозяйства является творческий человек, который, благодаря любви и мудрости, постигает смысл хозяйства и осуществляет его проектирование, — это антропологическая предпосылка.
3. Хозяйство — не механизм, а саморазвивающийся организм, открытый для взаимодействия, — это синергетическая предпосылка.

4. Жизнь — самая большая ценность хозяйства, поэтому необходимость ее сохранения и совершенствования лежит в основе гуманистической предпосылки хозяйства.
5. Теория философии хозяйства не является замкнутой и ортодоксальной дисциплиной; она предполагает развитие и многообразие — антидогматическая предпосылка.

Кроме предпосылок в теоретическом ядре философии хозяйства выделяют систему ключевых противоположностей: «потребительство — аскетичность; материальный результат — внеутилитарная ценность труда; эгоистический расчет — солидарное начало хозяйствования; предприниматель — хозяин; насильственное покорение природы как механизма — проявление ее скрытых энергий как живого организма; культ искусственного — культ естественного; технократическая экономика — экологически взвешенное хозяйствование; ориентация на естественные и технические науки — ориентация на искусство; самооценность экономической жизни — хозяйственная деятельность как средство достойной жизни» [5, с. 51–52]. В данных противоположностях присутствует идеал хозяйствования и его антипод. Тем не менее их «не стоит рассматривать по принципу “или-или”». Они ценны прежде всего как ориентиры, крайние точки, задающие вектор движения хозяйства. Прямолинейное стремление к идеалу может привести к противоположному результату. Выход может быть найден, благодаря формулировке положений, представляющих собой синтез указанных противоположностей. Например, синтезом для дилеммы “потребительство — аскетичность” является “разумное потребление как результат формирования здоровых потребностей”. Для противоположностей “материальный результат — внеутилитарная ценность труда” — “творческий труд по созданию духовных и материальных ценностей” и т.д.» [16, с. 101–102]. Можно заметить, что хозяйство, благодаря его творческой природе, способно разрешить противоречия, сложившиеся между культурой и цивилизацией.

Систему философии хозяйства можно представить состоящей из шести взаимосвязанных разделов: онтологии, гносеологии, аксиологии, феноменологии, праксиологии и антропологии хозяйства. В ее основе лежит принцип единства трех понятий: человека, природы и культуры. Заметим, что исследование отдельных аспектов хозяйства изолированно от других аспектов и системы в целом может нарушить гармонию и исказить содержание основных положений. Воспользуемся табличной формой для представления системы философии хозяйства (табл. 7.1 (по: [16, с. 102–103])).

Таблица 7.1

Система философии хозяйства

Уровень / раздел	Онтология	Гносеология	Аксиология	Праксеология	Феноменология	Антропология
Природа	Материя	Объект	Бытие и небытие	Миропостроение	Пространство и время	Антропоморфность
Человек	Дух и тело	Субъект	Свобода и необходимость, личное и безличное	Поведение	Сознание и самосознание, воля	Род человеческий
Культура (уровень социального)	Типы организации	Способы и формы познания: разум и интуиция, эмпирическое и теоретическое, абстрактное и конкретное, историческое и логическое. Истина и знание в целом	Нормы и ценности, добро и зло, смысл хозяйства	Духовная и материально-практическая деятельность	Правила, традиции, предрассудки, символы	Мифология, религия, искусство, право, политика, наука, философия

Дадим комментарий к таблице: онтологический аспект раскрывает-ся через понятия «материя», «дух» и «тело», «типы организации». То, что в сфере природы представляется как неразумная материя, вовлекаемая в хозяйственную деятельность, на уровне человека одухотворяется в результате развития материи и появления сознания, получая высшую форму проявления в сфере культуры в виде различных типов организации хозяйства. На примере данного аспекта хорошо видно, что природа — основа, дающая начало человеку и культуре.

Гносеологический аспект предполагает изучение хозяйства сквозь призму субъектно-объектных отношений, а также включает рассмотрение способов и форм познания хозяйства: разум и (или) интуиция, воля и чувства, эмпирическое и теоретическое, абстрактное и конкретное, историческое и логическое и т.д. Важное место в рамках гносеологического подхода занимает проблема истины и знание в целом.

В рамках аксиологического аспекта решаются проблемы взаимоотношений бытия и небытия, свободы и необходимости, личного и безличного, добра и зла, рассматриваются нормы и ценности, смысл хозяйства.

Праксиологический аспект раскрывается через миропостроение, поведение и духовную и материально-практическую деятельность. Феноменологический аспект развертывает формы хозяйственного сознания и самосознания, раскрывает взаимоотношения сознания и бессознательного, показывает пространственно-временные аспекты бытия хозяйства как результат сопряжения мира природы и мира сознания, а на уровне культуры фиксирует традиции, предрассудки, символы, правила.

Антропологический аспект идентифицирует сущность человека в различных проекциях хозяйства. В области природы — это антропоморфность, в сфере культуры — мифология, религия, искусство, право, политика, наука, философия, а на уровне человека — человеческий род — субъект хозяйства [16, с. 102–103].

Данная система философии хозяйства не является ортодоксальной и допускает изменения и дополнения. Более того, она предполагает наличие конкурирующих подходов.

7.4. ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА И ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Если философия хозяйства зародилась вместе с мудростью (трактатами Ксенофонта и Аристотеля), то философия экономики, как мы написали во введении и главе 5 данного пособия, возникает в 1970-х гг. в связи с кризисом в экономике и методологическим подъемом

в экономической науке; восприняв идеи неопозитивизма и критического рационализма, философия экономики начала рефлексивный анализ и пересмотр основных предпосылок неоклассической экономической теории — идеи равновесия, принципа максимизации, совершенной конкуренции. Сопоставление основных характеристик философии хозяйства и экономики позволит выявить их общие и специфические свойства (табл. 7.2).

Таблица 7.2

Характеристика философии хозяйства и философии экономики

Характеристики	Философия хозяйства	Философия экономики
Предметная онтология	Обеспечение человека средствами жизнедеятельности, усиление и спасение человека. Жизнь — самоцель, хозяйство и экономика — средства	Рост стоимостного богатства как самоцель; жизнь и хозяйство — средства богатства
Источники	Труд и сакральные силы	Труд. Фиктивный капитал
Феноменология	Творческие трудовые акты, действия, умения, способности, мастерство	Цены. Экономическое поведение
Морфология	Естественное формирование и воспитание человека в рамках домостроительства жизни	Искусственный и непрерывный рост стоимости в денежной форме
Гносеология	Отражение-размышление в формах мифов, идей, метафор, обычаев, правил, трансценденций	Конструирование, проектирование в формах понятий, теорий, концептов, формул. Критицизм и критическая рефлексия в экономических теориях
Методология	Триалектика, триадология, целостность, софиология. Восхождение — переход от конкретного к конкретному	Рациональность. Диалектика, система. Восхождение от абстрактного к конкретному. Единство логического и исторического
Детерминизм	Целевые причины	Материальные и движущие причины
Функции	Миростроительная и охранительная в отношении природы и человека	Рациональная и эффективная эксплуатация природы и человека, расширение сферы потребления
Структура	Человек, предмет, средства, условия, продукты деятельности	Производство, распределение, обмен, потребление
Институты	Традиции и ценности	Формальные правила
Аксиология	Сакральные ценности	Максимизация полезности

Окончание табл. 7.2

Характеристики	Философия хозяйства	Философия экономики
Эсхатология	Вписать человека в природный и социальный мир. Конец как продолжение хозяйства	Преодоление природы и человека посредством разрушающей трансформации
Человек	Хозяин, мастер	Предприниматель, наемный работник, экономический человек
Метафизические соавторы	София	Логос

Источник: составлена авторами на основе [16].

Как видно из представленного выше текста и табл. 7.2, философия хозяйства и философия экономики являются синтетическими дисциплинами, органически сочетающими философию, хозяйство и экономику. Однако сами понятия «философия хозяйства» и «философия экономики» не тождественны и характеризуют разные направления исследований. Философию хозяйства интересует хозяйство во всем его многообразии (человек, предмет, средства, условия, продукты деятельности), а философия экономики прежде всего направлена на постижение сущности экономических явлений и процессов (определение основных понятий, теорий, концептов). В философии хозяйства рассматривается творческий субъект — демиург, в философии экономики — экономический агент, преследующий в явной или неявной форме максимизацию полезности. Философия хозяйства прежде всего ориентирована на традиции и ценности, т.е. неформальные институты, философия экономики на нормы и правила, т.е. формальные институты. Различие между философией экономики и философией хозяйства вызвано тем, что последняя, «подталкивая экономическую теорию к преодолению узкоспециализированного, утилитаристского подхода к пониманию экономического бытия, выявляет его скрытые смыслы, что крайне важно для формулирования ориентиров для дальнейшего развития» [16, с. 82].

В философии хозяйства используются как рациональные, так и нерациональные методы постижения истины (интуиция, интенция, эстетическая апперцепция, нравственный опыт). Философия экономики ориентирована на рациональные методы познания и новые типы рационального знания. Философия хозяйства гуманистична по своей природе, философия экономики целесообразна и практична. Философия хозяйства благоговееет перед жизнью, философия экономики ее подчиняет (рост стоимости является самоцелью). Философия хозяйства направлена на

охрану и продолжение творения природы, философия экономики — на преодоление, подчинение и разрушение природы. Философия хозяйства исходит из понимания хозяйства как саморазвивающегося организма, философия экономики — как сложного, но управляемого механизма.

Выводы

1. Понятие «хозяйство» более широкое по своему содержанию, чем понятие «экономика», и включает все аспекты бытия, связанные с сохранением и развитием жизни.
2. Философия хозяйства и философия экономики имеют общее предметное и смысловое поле, представляющее социальную реальность как производственно-трудовую деятельность, как сферу, в которой человек творит свою жизнь, а жизнь созидает человека. Эта общая реальность выражается и проявляется в онтологических, гносеологических, методологических, структурных, функциональных, институциональных, причинных, аксиологических, антропологических и метафизических формах.
3. Философия хозяйства и философия экономики оказывают большее влияние на становление российской экономической науки, поскольку расширяют ее предметное поле, раскрывая взаимосвязи с другими дисциплинами и показывая возможности использования неэкономических предпосылок в теориях.
4. Различие связано с тем, что философия хозяйства изучает человеческую жизнедеятельность как целостный феномен, как единство его трудовых и социокультурных дарований, как форму творческой реализации человека. Посредством хозяйствования человек становится властелином своей жизни, отчасти и самой судьбы. Философия экономики исследует формы и способы рационально-эффективной эксплуатации природы и человека, методы и средства роста и увеличения богатства, а также изучает специфику форм экономического мышления, выполняет функции критической рефлексии оснований и методов экономических теорий, школ, дискурсов.
5. Принципиальное различие философии хозяйства и философии экономики заключено в их целевых причинах. Философия хозяйства изучает, признает и ценит ту социальность, в которой хозяйственная жизнедеятельность человека выступает самоцелью и средством естественного саморазвития, самореализации человека.
6. Философия экономики изучает, признает и ценит социальную реальность, в которой эксплуатация хозяйства, человека, природы обеспечивает максимально рациональный и эффективный рост богатства.

Проблемный блок

1. Предметный статус философии хозяйства и философии экономики.
2. Причины и механизмы возникновения философии хозяйства и философии экономики.
3. Место человека в философии хозяйства и философии экономики.
4. Роль аксиологии в философии хозяйства и в философии экономики.
5. Телеология философии хозяйства и философии экономики.
6. Эсхатология философии хозяйства и философии экономики.
7. Логос и София в дискурсах философии хозяйства и философии экономики.

Приложение 7.1

С.Н. Булгаков о софийности хозяйства

«Человеческое творчество — в знании, в хозяйстве, в культуре, в искусстве — софийно. Оно метафизически обосновывается реальной причастностью человека к Божественной Софии, проводящей в мир божественные силы Логоса и по отношению к природе как продукту, имеющей значение *natura naturans*» [2, с. 13].

«Оно (хозяйство. — *Авт.*) возможно только благодаря причастности человека к обоим мирам, к Софии и к эмпирии, к *natura naturans* и к *natura naturata*. Человек есть, с одной стороны, потенциальное все, потенциальный центр антропокосмоса, хотя и не реализованного еще, но реализуемого, а с другой — он есть продукт этого мира, этой эмпирии» [2, с. 115].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ [Текст] / О.И. Ананьин. — М.: Наука, 2005. — 244 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства [Текст] / С.Н. Булгаков. — М.: Терра-Книжный клуб, 2008. — 352 с.
3. Вебер М. Избр. произв. [Текст]: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
4. Гребнев Л.С. Философия экономики: старые истины и новое мышление [Текст] / Л.С. Гребнев. — М.: Луч, 1991. — 155 с.

5. *Иванов А.В.* Об аскетическом идеале хозяйствования у С.Н. Булгакова [Текст] / А.В. Иванов // Экономическая теория на пороге XXI века. — М.: Юрист, 2002. — С. 67–76.
6. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка [Текст]: 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов. — М.: Азъ, 1994. — 928 с.
7. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства [Текст]: в 3 кн. / Ю.М. Осипов. — М.: Экономист, 2003. — 654 с.
8. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства [Текст] / Ю.М. Осипов. — М.: Юрист, 2000. — 368 с.
9. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства: вчера, сегодня, завтра [Текст] / Ю.М. Осипов // Экономическая теория на пороге XXI века. — М.: Юрист, 2002. — С. 9–16.
10. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства [Текст]: в 2 кн. / Ю.М. Осипов. — М.: Юрист, 2001. — 624 с.
11. *Погребняк А.А.* О тематическом горизонте современной философии хозяйства [Текст] / А.А. Погребняк // Философия хозяйства. — 2001. — № 5. — С. 51–63.
12. Преодоление времени (по материалам международной научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова) [Текст] / под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Кулькова, Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС, 1998. — 560 с.
13. *Самсин А.И.* Философия экономики [Текст] / А.И. Самсин // Философия хозяйства: Альманах Центра общ. наук и экон. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова. — 2002. — № 6 (24). — С. 41–59.
14. Философия хозяйства: Альманах Центра общ. наук и экон. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова. — 2001. — № 5 (17).
15. *Тутов Л.А.* Философия и методология экономики: предметная идентификация [Текст] / Л.А. Тутов // Экономика и управления: проблемы, решения. — 2013. — № 11. — С. 4–20.
16. *Тутов Л.А.* Философия хозяйства. Опыт духовного преображения [Текст] / Л.А. Тутов. — М.: ТЕИС, 2003. — 279 с.

Дополнительная литература

Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют [Текст]: пер. с англ. / М. Блауг; науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. — 416 с.

Дугин А.Г. Конец экономики [Текст] / А.Г. Дугин. — М.: Амфора, 2012. — 179 с.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака [Текст] / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. — М.: Академический проект, 2007. — 335 с.

Батай Ж. Проклятая часть [Текст] / Ж. Батай; сост., предисл. С. Зенкин, коммент. Е. Гальцовой. — М.: Ладомир, 2006. — 742 с.

ЧАСТЬ III

ЭКОНОМИКА И ОНТОЛОГИЯ

ГЛАВА 8

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ. ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЭКОНОМИКЕ

Термины: онтология, дисциплинарные онтологии экономической науки, онтологические предпосылки экономической науки, экономическое пространство, экономическое время, экономическая реальность, экономическая картина мира, экономическая действительность, пространственная экономика.

8.1. ПОНЯТИЯ ОНТОЛОГИИ, НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОНТОЛОГИИ

К онтологическим проблемам экономики относятся следующие направления исследований: понятие онтологии экономического знания; экономическая картина мира и изменение онтологии экономического знания; этапы развития экономического знания; исходные понятия экономической онтологии; субъекты и объекты в экономике; уровни экономической реальности; типы взаимодействий в экономике; специфика пространства и времени в экономике и их взаимоотношения; детерминизм и причинность в экономике; представление об экономике как системе.

В данной главе будет рассмотрена только часть проблем указанной темы, в том числе будет раскрыто содержание и показана трансформация понятий «дисциплинарная онтология экономической науки», «экономическая реальность», «экономическая картина мира», «онтологические предпосылки экономической науки», «экономическое пространство»

и «экономическое время». (Проблемам экономического детерминизма и этапам развития экономического знания посвящена гл. 9.)

В контексте философии онтология — это учение о бытии в целом, о его основных свойствах и структуре. В современной философии науки выделяют два основных смысла понятия онтологии: 1) субстанционалистский — соответствует приведенному нами выше определению онтологии; 2) субъектно-лингвистический (конструктивистский) — онтология трактуется как теоретическая конструкция исследуемой реальности [9, с. 13].

Понятие онтологии пришло в науку не так давно: в естественных науках оно стало использоваться вместо понятия природы во второй половине XX в., показывая тем самым, что ученый не столько отражает, описывает объект познания, сколько конструирует его. В настоящее время в естественных и социально-гуманитарных науках онтология понимается и в первом (субстанционалистском), и во втором (конструктивистском) смысле. Обе интерпретации сохраняются в применении к дефиниции дисциплинарной онтологии, которая понимается сегодня как представление (и его основания) об определенной сфере реальности, например экономической, социальной, исторической. В.С. Стёпин отмечает, что во избежание путаницы в случае частных наук употребляется также термин «картина исследуемой реальности» [21]. Согласно О.И. Ананьину, дисциплинарная онтология экономической науки есть «общая картина экономической реальности» [1, с. 4]. Таким образом, онтология в современной науке понимается и как теоретическая конструкция исследуемой реальности, и как субъектно-объектные основания, лежащие в фундаменте этой конструкции.

Конструктивистское понимание онтологии восходит к работам М. Хайдеггера и Г. Гадамера; с этой точки зрения изучение онтологической проблематики понимается как «анализ значения языковых конструкций, средств, описывающих мир» [9, с. 12]. В аспекте дисциплинарной онтологии первостепенное внимание уделяется прежде всего анализу текстов, в которых нашла выражение та или иная научная теория, с целью интерпретировать и сконструировать «смысл теории, а не реконструировать стоящую за ней реальность» [9, с. 13].

Дисциплинарная онтология той или иной науки строится на базовых категориях, которые, в свою очередь, образуют структуры концепций и теорий. Каждая концепция или теория определенным образом «отражает» (представляет) исследуемую наукой реальность. Система таких идеальных образов реального мира, представленных в теории той или иной науки, составляет дисциплинарную онтологию данной науки. Дисциплинарные онтологии являются частью научной парадигмы — системы

норм и идеалов, приемов, подходов, лежащих в основе научных исследований в определенный период времени. Изучение экономических онтологий позволяет ученым-экономистам: а) пересматривать категориальный «словарь» науки, создавать новые категории, отражающие современное состояние науки, ее актуальные проблемы; б) осуществлять своеобразную чистку научного языка, устраняя из него двусмысленности и уточняя понятия; в) определять и формулировать мировоззренческие и методологические предпосылки экономических теорий, показывать взаимосвязь последних с теоретическими и практическими достижениями и проблемами других наук.

Тем не менее сегодня в экономической науке изучение дисциплинарных онтологий имеет недолгую историю. Такая ситуация связана главным образом с ориентацией господствующей в экономической науке неоклассической парадигмой на тот идеал научного знания, который сформировался в эпоху Нового времени. Суть этого идеала заключается в стремлении ученых познать универсальные законы реальности, стоящие за отдельными вещами, процессами и явлениями как предметом науки. Ориентация на универсальные законы предполагает: а) регистрацию наиболее общего, универсального в анализируемых явлениях и процессах, т.е. отказ от принципа историчности в исследовании объектов научного познания; б) преимущественный акцент на разработке аналитического инструментария, чаще всего в математической форме. Эти особенности характерны и для экономической науки. Так, в конце XIX в. в трудах Л. Вальраса (1874) и А. Маршалла (1890) формируется инструментальное понимание экономики как совокупности аналитических инструментов для анализа различных явлений и процессов. Математический аппарат становится системообразующим по отношению к единству экономической науки; применяемые методы имеют в основном узкоприкладное значение, что позволяет использовать экономические модели в других общественных науках; ученый-экономист стремится не к познанию онтологического статуса объекта исследования, а к сбору информации об объекте и разработке способов оперирования этой информацией [9, с. 2]. Это формирует основу для возникновения феномена экономического империализма — комплекса теорий, распространяющих логику экономического мышления, построенную на основных предпосылках неоклассической экономической теории, на предметную область других социальных наук (например, право и социологию). Данные процессы привели к дефициту экономических теорий, дающих системный взгляд на экономическую реальность [9, с. 1–2]. Парадокс современной экономической науки заключается в том, что, понимая экономическую науку как процесс познания экономической

реальности и стремясь постичь универсальные экономические законы, ученые в то же время абстрагируются от познаваемой реальности, порой даже игнорируют ее. Отсюда еще одна характерная черта современной экономической науки — отказ от использования и анализа предпосылок экономических теорий как от несущественных элементов теории. В результате мы наблюдаем конфликт между экономическими теориями и экономической реальностью [9, с. 3].

В 1970–1980-х гг. в экономической науке происходит методологический переворот, связанный с обособлением методологии экономической науки в отдельную сферу, следствием чего стало появление специальных исследований экономических онтологий. Как отмечает О.И. Ананьин, методологический переворот был ответом на переориентацию методологических исследований в экономической науке с нормативных (описывающих то, что должно быть) на дескриптивные (описывающих действительность). На этом пути экономическая методология поставила проблему оснований экономического знания [1].

Цель ученого, изучающего дисциплинарные онтологии, в том числе онтологию экономической науки, заключается в воссоздании парадигмальных (по Т. Куну) положений научного исследования (теоретико-методологических предпосылок, выраженных в понятийно-концептуальной форме). Как пишет О.И. Ананьин, эти предпосылки не всегда осознаются авторами тех или иных экономических теорий [1]. По сравнению с экономическими дисциплинарными онтологиями мировоззрение ученого-экономиста является более широким смысловым полем, в котором строгая теория граничит со здравым смыслом. Последний выступает своеобразным «фильтром», проходя через который и соприкасаясь с другими элементами мировоззрения (верованиями, привычками, идеалами, ценностями и пр.), теоретико-методологические предпосылки принимают вид картины мира. Как и дисциплинарные онтологии, мировоззрение изначально (в своем непосредственном, скрытом внутри той или иной теории виде) может быть неотрефлексировано; однако и мировоззрение, и дисциплинарные онтологии нуждаются в такой рефлексии и не могут существовать без нее.

Постигая онтологические предпосылки определенной экономической теории, мы выявляем те ключевые моменты мировоззрения ученого (группы ученых), которые, подобно некоему каркасу, держат все его мировоззрение, в том числе созданную этим ученым (группой ученых) экономическую теорию.

По мнению О.И. Ананьина, можно выделить следующие историко-экономические варианты описания экономических онтологий: 1) понятие предрассудков в теории Т. Веблена; 2) теория видения

у Й. Шумпетера; 3) научно-исследовательские программы И. Лакатоса; 4) понятие предпосылок у М. Фридмена; 5) концепция социально-экономических машин Н. Картрайт [1].

В основании любой экономической онтологии лежит определенное представление об экономической реальности как специфической форме бытия. Экономическая реальность — «сфера человеческой деятельности, в рамках которой происходит принятие и осуществление решений, связанных с созданием и использованием благ, удовлетворяющих человеческие потребности» [1, с. 25]. О.И. Ананьин понимает экономическую реальность как цикл, в котором взаимодействуют условия, решения и продукт. На наш взгляд, данное определение является слишком узким, поскольку замыкается на человеке и его потребностях, лишь косвенно включая в сферу экономической реальности окружающую человека первичную (природа) и вторичную (социум) среду. Более многоплановым и в то же время пересекающимся по содержанию с понятием экономической реальности является понятие экономической картины мира, дающее представление о совокупности взглядов на субъект и объект хозяйства, их место и способы взаимодействия, формы управления и типы хозяйственной деятельности. Тем не менее именно определение, представленное О.И. Ананьиным, является господствующим в современной экономической теории (*mainstream*). Выделим следующие типы дисциплинарных онтологий в экономической науке (табл. 8.1 (по: [1; 9; 28])).

Таблица 8.1

Типы дисциплинарных онтологий в экономической науке

Тип дисциплинарной онтологии	Период образования и господства, представители	Основные категории и краткая характеристика
Продуктовая (производственная)	Р. Кантильон, Ф. Кенэ, А. Смит, Д. Рикардо	Основные категории: факторы производства (земля — труд — капитал); типы агентов: земельные собственники — рабочие — капиталисты; типы доходов: рента — зарплата — прибыль; стоимость; цена; национальный доход. Характеристика: господствует субстанциональная интерпретация онтологии; экономическая реальность объективна; ученый является внешним наблюдателем; экономическая реальность описывается в терминах «важнейших структурных инвариантов (затраты — результаты, продукт — доходы, сбережения — инвестиции и т.д.)» [28]; равновесное состояние экономической системы является нормальным (естественным); использование в анализе макроэкономических данных

Окончание табл. 8.1

Тип дисциплинарной онтологии	Период образования и господства, представители	Основные категории и краткая характеристика
Поведенческая (функциональная или обменная)	Сформировалась в ходе маржиналистской революции 1870–1890-х гг.; элементы этой онтологии можно обнаружить частично уже в трудах А. Смита. Неоклассическая экономическая теория, неoinституционализм	Основные категории: поведение, выбор, рациональность, максимизация полезности, потребности, ресурсы, информация, экономический человек, рынок. Характеристики: предметом экономической науки являются отношения обмена и поведение индивида (экономического человека), в том числе принятие решений о распределении и использовании ресурсов [28]; природа индивида универсальна и неизменна, индивид рационален и стремится к максимизации полезности (выгоды, дохода); использование в анализе микроэкономических данных; использование формализации, в частности математического аппарата, в экономическом анализе
Институциональная	Немецкая историческая школа (XIX в.), традиционный институционализм, некоторые течения нового институционализма, например новая экономическая история (XX в.)	Основные категории: институты, нормы, социальное поведение, ограниченная рациональность. Характеристики: предметом экономической науки выступают институты — «стереотипы и нормы поведения, организационные структуры экономической деятельности» [28] в их развитии; экономическая система является неравновесной, она формируется и развивается в конкретных социально-исторических условиях

На данный момент можно констатировать борьбу двух онтологий — поведенческой и институциональной. Если проанализировать данное выше определение экономической реальности, станет ясно, что оно построено в границах определенной — поведенческой — онтологии и, следовательно, может быть расширено за счет привлечения элементов двух других онтологий. Одной из особенностей поведенческой онтологии, по мнению О.Б. Кошовец и И.Э. Фролова, является наличие своего рода фильтра между ученым-экономистом и собственно экономической реальностью; этим фильтром выступает математическая реальность (формальная онтология). В результате процесс научного познания в экономике предстает как процесс конструирования (моделирования) «логически возможных миров» [9, с. 16], т.е. уходит практически целиком в сферу идеального, обрывая связи с реальным. Как результат снижается способность экономических теорий давать общую картину

экономической реальности: экономическая наука парадоксальным образом становится пространством частных, рассматривающих весьма конкретные обстоятельства теорий, которые могут противоречить друг другу. Парадокс этой ситуации заключается в том, что экономика по-прежнему декларирует как свою цель поиск и формулировку универсальных законов экономической реальности.

Подобная замкнутость экономической науки внутри себя самой приводит к логичной мысли о необходимости развития междисциплинарного сотрудничества экономики, в особенности с другими социальными науками (социологией, психологией, философией), для того чтобы разрешить системный кризис, в котором сегодня оказалась экономика и как теоретическая, и как практическая деятельность.

Сегодня проблематика экономической онтологии разрабатывается в следующих направлениях.

1. Критический реализм — направление в европейской и американской философии, сформировавшееся во второй половине XIX — первой половине XX в. и достаточно популярное в наше время на Западе. Представителями данного направления являются: А. Риль, О. Кюльпе, Э. Бехер, А. Прингл-Пэттисон, Р. Адамсон, Дж.Д. Хикс, Р. Башкар, Дж. Урри, Р. Кит, Э. Колье, Т. Лоусон и др. К основным характеристикам критического реализма можно отнести признание существования независимой от сознания реальности (которую мы познаем только сквозь призму доступных нам теорий), признание активной роли сознания в процессе познания, «подчеркивание необходимости различать объект познания и его образ в сознании» [12] — или реальный объект и воспринимаемый объект, утверждение, что онтологическая часть научной теории предшествует ее эпистемологической части, приоритетность исследования причин воспринимаемых явлений. Исследования в области экономических онтологий разворачивались представителями данного направления в рамках дискуссии о статусе «социального» в общественных науках. Эта дискуссия, в свою очередь, восходит к одной из фундаментальных философских проблем — проблеме субъекта и объекта познания. С точки зрения критического реализма социальные науки познают сущность социальной реальности как «имманентно присущие ей и ненаблюдаемые субъектом структуры, механизмы, законы» [7, с. 20], неизменное основание социальных явлений. Эти посылы позволяют представителям данного направления критиковать ортодоксальную экономическую теорию (*mainstream*). Так, Т. Лоусон возражает против сведения онтологических исследований в экономике к эпистемологии, когда анализ направлен только на выявление онтологических предпосылок экономических теорий. Ученый считает, что экономическая

онтология должна представлять собой часть полноценной картины социальной реальности, создаваемой на основе изучения социальных систем [11; 34]. Однако в теории Лоусона остается неясной взаимосвязь такой онтологии с конкретными экономическими теориями.

2. Исследования Дж. Ходжсона и Р. Сагдена. Онтологическая проблематика экономической теории исследуется этими учеными в аспекте проблемы реалистичности экономических моделей. *Дж. Ходжсон* полагает, что реалистичность модели не является первостепенным требованием, поскольку гораздо важнее, чтобы модель (или эвристика, по терминологии Ходжсона) успешно вскрывала определенную причинно-следственную связь в исследуемой области. *Р. Сагден*, соглашаясь с Ходжсоном, уточняет, что такие эвристики (в терминологии Сагдена — *правдоподобные миры*) могут быть своеобразным мостиком от модели к реальности [19]. Однако в рамках данного подхода связь между моделью и реальностью является преимущественно формальной и основывается только на простом правдоподобии модели [9, с. 18].

3. Конструктивизм Р. Лукаса. Американский экономист *Р. Лукас* выступает в защиту *mainstream* и предлагает решать проблему реалистичности экономических теорий исходя из того, что не модель должна соответствовать реальности, а наоборот, реальность — модели. Недостаток данного подхода заключается в том, что его применение в области экономической политики осуществляется без учета социально-исторического своеобразия различных экономических сообществ, на основе принципов методологического универсализма.

В целом можно выявить следующие основные тенденции в области онтологического анализа экономических теорий:

- разработка различных модификаций продуктовой онтологии;
- обоснование и развитие поведенческой онтологии;
- концепции, предлагающие специальные социальные онтологии для экономической теории [27];
- попытки формирования новой, сугубо экономической онтологии.

8.2. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Одной из важнейших онтологических проблем экономики является проблема оснований экономической науки в ее предметном и методологическом аспектах.

Онтологические основания предмета экономической науки — это та реальность, которую изучает и представляет в своих теориях экономическая наука. В силу того, что экономика как наука складывается из

множества теорий, изучающих разные аспекты экономической реальности, проблема онтологических оснований предмета экономики может быть разделена на несколько различных проблем.

1. Каков онтологический статус объектов, изучаемых экономической наукой? Здесь исследуются причины, по которым одни объекты в экономической науке считаются существующими (и как именно), а другие — несуществующими.
2. Какова структура экономической действительности, какие объекты нужно изучать в первую очередь, а какие — во вторую? Как взаимосвязаны элементы экономической действительности?
3. Какая картина мира лежит в основании той или иной экономической теории? Как повлияло мировоззрение ученого на постановку им проблем своего исследования и решение этих проблем?

Онтологические основания методологии экономической науки. Необходимость онтологического анализа методологии экономической науки вызвана прежде всего тем, что существующие методы экономического анализа и экономической политики не всегда можно использовать в условиях меняющейся экономики — как мировой, так и, в частности, российской. Методология экономической науки в целом, как и методология различных экономических теорий, задается несколькими факторами: а) актуальной экономической действительностью во всей целостности происходящих в ней процессов, действующих институтов и морально-правовых норм; б) представлением о целях и задачах экономической науки и экономической политики; в) представлением об исследуемой реальности, о предмете экономической науки и отдельных экономических теорий.

Важной частью онтологического анализа экономической методологии выступает изучение экономических моделей и их связей с реальностью.

Проблема языка экономической науки. *Язык* — средство выражения нашего знания о мире, способ объективирования этого знания. Значит, он может рассматриваться как среда, в которой субъект и объект борются и находят свое единство. Онтологический аспект языка науки связан с тем, как в нашем языке отражается действительность, как ученые с помощью системы понятий создают картину мира. Язык специальной науки — в данном случае экономики — не является целиком искусственным, но представляет собой живое целое, состоящее из естественного языка как основы этого целого и искусственных терминологических, концептуальных образований, призванных отражать особый — экономический — аспект реальности. В экономической науке используются философские понятия (причина, следствие, анализ и синтез, сущность

и явление, пространство и время, система и структура), общенаучные понятия (адаптация, поведение, эволюция), частнонаучные или специфически экономические понятия (цена, спрос и предложение, капитал и др.).

Четкость и ясность — основные требования, предъявляемые к языку любой науки. От соблюдения этих требований в языке экономической науки зависит объективность познания экономической реальности, поскольку понятия экономического языка отражают соответствующие явления и процессы экономической действительности. Чрезмерная абстрактность языка экономики является признаком отдаления экономической теории от экономической действительности и практики, а слишком конкретный язык снижает уровень научности теории, сближая ее с обыденными рассуждениями на экономические темы. Следовательно, язык экономики необходимо выстраивать в соответствии с определенной мерой абстрактного и конкретного.

Еще один аспект проблемы языка в экономической науке — это проблема соответствия понятий, используемых в теории, изменившейся экономической действительности. Если описывать информационную экономику на языке индустриального общества, мы столкнемся с неадекватностью нашего описания, поскольку будет утрачена и никак не вербализована специфика современной экономики. В то же время нельзя описывать новую экономическую реальность на целиком придуманном, никак не связанном с традиционными экономическими понятиями языке. Необходимо соблюдать преемственность языка научной дисциплины, не злоупотреблять неологизмами, стараться связывать новые понятия не только с новой реальностью, но и с уже известным и выраженным в экономическом языке знанием.

Один из наиболее интересных современных подходов к интерпретации роли языка в экономике представлен *методологической концепцией Дейдры МакКлоски*, автора «Риторики экономической науки» (1985). Согласно МакКлоски, экономическую науку можно рассматривать как комплекс риторических средств (в частности, метафор), применяемых учеными и авторами учебников по экономике с целью убедить читателей в своем видении экономических проблем [13, с. XXVII].

Идеи риторики экономической науки развивают также А. Кламер и Д.Е. Расков.

Поскольку язык — это средство коммуникации ученых, развивающих различные, нередко противоречивые теории, актуальной становится и проблема внутридисциплинарного диалога в экономической науке. С точки зрения онтологии, разные трактовки, например понятия «конкуренция» или «капитал», могут обогащать понимание экономической

реальности, если ученым — представителям разных экономических теорий и подходов — удастся сформулировать «правила перевода» с языка одной теории на язык другой теории. В этом же смысле можно говорить и о проблеме перевода с «языка теории» на «язык практики» и обратно; в особенности это касается применения на практике экономических моделей, зачастую очень математизированных, или, наоборот, формализации многоаспектных явлений — таких, как поведение человека. Если такой перевод налажен, экономическая действительность не распадается под взглядом экономиста — будь то теоретик или практик — но предстает как целостная реальность.

Проблема соотношения экономической онтологии и экономической реальности. Вопрос о различиях и сходстве таких понятий, как онтология, реальность и действительность, важен не только для философии, но и для экономической науки. Если *онтология* — это представление об экономической реальности и теоретико-методологические предпосылки экономических теорий, в которых воплощается это представление, то *экономическая реальность* — это сфера человеческой деятельности, в которой под воздействием внешних и внутренних факторов осуществляются производство, распределение, обмен, потребление и воспроизводство ресурсов и товаров. *Экономическая действительность* — это конкретная пространственно-временная характеристика экономической реальности. В данных условиях первичной является экономическая реальность, вторичной — экономическая действительность, а экономическая онтология представляет собой их отражение.

Проблема соотношения экономической онтологии и этики в экономической науке. Здесь речь идет о различении позитивного и нормативного аспектов экономической теории. Предмет экономической науки традиционно определялся, исходя из понимания сущности блага. Еще Аристотель отмечал, что целью экономической науки является приобретение средств, способствующих благу государства или семьи [2]. Так, в классической политической экономии благо — это национальное богатство, под которым понимался обычно некий материальный продукт. Такое определение блага можно считать позитивным. Нормативным аспектом экономики в классический период развития последней считали представления о должном — например, неких несуществующих обществах или целях экономической политики. В неоклассической экономической теории, предметом которой стало уже не благо, а поведение, произошло, как ни странно, не сближение позитивного и нормативного аспектов экономической науки, а, напротив, еще большее их размежевание. Неоклассика, находившаяся под влиянием методологии позитивизма с ее акцентом на объективности знания, постаралась

максимально удалить из теории субъективные характеристики человеческого поведения как незначительные. Только в начале XXI в. этическая проблематика экономики снова стала актуальной. Как пишет О.И. Ананьин, она выражается сегодня в трех аспектах: профессиональной этике экономиста; авторской этике научных публикаций; нормативном (ценностном) аспекте экономико-теоретического знания [1, с. 22].

Интересный подход к анализу этических проблем экономики можно найти в работе Т. Седлачека «Экономика добра и зла»: чешский исследователь полагает, что истоки экономических учений следует искать в древних мифах; в свою очередь, и сама экономика производит мифы. Добро и зло в экономике — ее естественная часть, поскольку экономика создается людьми; но чтобы увидеть это, необходимо выйти на уровень метаэкономики — той междисциплинарной зоны, в которой находятся истоки концепций и понятий экономической науки [20, с. 28].

Проблема пространственно-временных характеристик экономической реальности и ее элементов. Целостное, объективное, ориентированное на достижение истины познание экономической реальности предполагает системный взгляд на последнюю. В связи с этим экономистов интересуют такие вопросы, как пространственная структура экономической реальности, взаимосвязи между ее элементами, экономическое развитие и экономический рост, границы хозяйства и хозяйствования, количественные и качественные характеристики экономического пространства и времени. Далее рассмотрим эти проблемы подробнее.

8.3. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Философские категории пространства и времени сегодня достаточно разработаны, в том числе с участием естественных наук, в частности физики. Эти категории представляют собой две универсальные характеристики материальной и идеальной реальности. *Пространство* — форма координации сосуществующих объектов и явлений; *время* — форма, выражающая последовательность смены состояний всех систем и процессов в мире. Пространство и время существуют не сами по себе, но только в качестве фундаментальных характеристик той или иной системы. Основные черты пространства и времени: объективность; открытость; бесконечность; взаимосвязь друг с другом, с объектами и процессами материального и идеального мира (относительность). Время длительно, неповторяемо и необратимо. Пространство протяженно, для него характерно единство прерывности и непрерывности.

Экономическая действительность — один из аспектов реальности. Она также существует в общем пространстве и времени нашего мира, но, кроме того, как система, включающая экономических субъектов (агентов), экономические отношения и экономические процессы, обладает собственными пространственно-временными характеристиками. Так, мы говорим об экономическом пространстве и экономическом времени. «Пространство и время применительно к хозяйству обладают рядом свойств: они объективны, т.е. существуют независимо от деятельности каждого конкретного человека» [28, с. 140]; *«абсолютны»* в том плане, что существуют, пока существует человек, и *относительны*, поскольку история человечества имеет пределы. Поэтому в философском смысле пространственно-временные характеристики хозяйства *неуничтожимы*. Другое важное свойство — *бесконечность*, хотя конкретные виды хозяйственных образований имеют пространственно-временные ограничения» [28, с. 140].

Понятия пространства и времени используются в экономике для анализа процессов развития последней, а также связей и отношений между экономическими явлениями [8]. При помощи этих категорий анализируется и развитие различных экономических ситуаций, дается прогноз дальнейшего развития системы или процесса.

Экономическое пространство характеризует экономическую систему (хозяйство) с точки зрения нескольких аспектов последней: а) уровней и границ хозяйства (эти вопросы мы анализируем, когда изучаем нано-, микро-, мезо- и макроэкономическую действительность); б) отношений между субъектом и объектом хозяйствования — человеком или сообществом людей и различными хозяйственными системами и ресурсами; в) отношений между различными субъектами хозяйствования — фирмами и потребителями, торговыми союзами и логистическими компаниями и проч.; г) уровней развития хозяйства, его потенциала и готовности к переменам.

В целом экономическое пространство можно определить как форму структурной организации хозяйственной системы и ее внутренних и внешних взаимосвязей.

Специальные исследования по проблемам экономического пространства начались только в XIX в. Однако и до этого времени пространственный аспект хозяйствования привлекал внимание ученых — главным образом философов. Так, первые размышления о структурной организации домашнего и государственного хозяйства можно найти в произведениях *Ксенофонта* (он считал, что порядок организации хозяйства существенно влияет на его эффективность), *Платона* (структура государства, полагал античный мыслитель, должна соответствовать

структуре души), *Аристотеля* (достаточно вспомнить рассуждения философа о пределах экономической деятельности). В эпоху Нового времени появляются работы, написанные в жанре социальной утопии; авторами таких работ были *Ф. Бэкон*, *Т. Мор*, *Т. Кампанелла*. Утопическое государство чаще всего рисовалось философам как замкнутое образование, чьи контакты с внешним миром сведены к минимуму. Отсутствие независимого постороннего влияния позволяло идеальному государству развиваться по своим законам, беря у других государств только лучшее. Неизвестно, как развивалось бы такое государство в реальности, однако можно предположить, что оно не смогло бы оставаться замкнутым слишком долго в силу внутренних (смена правителя, исчерпание ресурсов) и внешних факторов (вторжение захватчиков, климатические изменения или природные катастрофы).

В XIX в. пространственный аспект в экономической науке Запада изучался в основном с позиций теории размещения (*Й.Г. фон Тюнен*, *А. Вебер*, *В. Лаунхардт*, *А. Леш*). Так, *Й.Г. фон Тюнен* в своих исследованиях (1826) занимался проблемой выявления закономерностей размещения сельскохозяйственного производства. Он показал, что размещение производительных сил (в частности, в аспекте транспортного фактора) объективно влияет на развитие последних. Обосновывая свою концепцию, немецкий экономист создал абстрактную модель экономически изолированного государства, специализирующегося на развитии аграрного сектора экономики. Применив метод линейного программирования, фон Тюнен разработал кольцевую схему размещения сельского хозяйства, согласно которой наиболее продуктивные производства должны размещаться ближе к городу. С точки зрения транспортного аспекта пространственной организации экономики строил свою теорию и *В. Лаунхардт* (1882), положив в ее основу метод весового (локационного) треугольника. Главными переменными в задаче поиска пункта размещения нового производства выступали у Лаунхардта места производства необходимого сырья и потребления конечного продукта, транспортный тариф, расходы на переработку сырья и расстояния между пунктами. Оптимальным согласно теории ученого было бы размещение производства либо в пункте добычи сырья, либо в пункте потребления конечного продукта, поскольку это уравнило бы транспортные расходы.

Альфред Вебер классифицировал факторы размещения по таким критериям, как влияние данных факторов на деятельность промышленного предприятия, степень общности факторов, а также их проявление. Фактор размещения ученый определял как экономическую выгоду, означающую минимизацию издержек производства и сбыта продукции и зависящую от места осуществления экономической деятельности [3].

Основными издержками А. Вебер считал транспортные, расходы на сырье и рабочую силу.

Известный немецкий экономист и географ А. Леш впервые применил теорию размещения к условиям рыночной экономики. Вместо снижения издержек ведущими факторами при определении оптимального размещения производства Леш считал максимизацию прибыли и принцип рыночного равновесия экономической системы. В концепции экономического ландшафта А. Леш основное внимание уделял проблеме размещения пунктов сбыта продукции предприятий. Эти пункты и являются «пиковыми точками» экономического ландшафта, модель которого была представлена ученым в виде шестиугольных сот. Интересно, что территориальная организация экономической жизни общества является, согласно А. Лешу, самоорганизацией.

Исторически экономическое пространство возникает с исчезновением натурального и образованием народного хозяйства [10; 32; 33]. Формирование экономического пространства связано с развитием экономических отношений как конкретной формы проявления пространственно-временных отношений [8]. В этом смысле нельзя сводить экономическое пространство только к размещению производственных объектов; как справедливо отмечает П.А. Минакир, экономическое пространство включает факторы производства, экономических агентов и их сообщества, экономические и социальные институты [15]. В зависимости от трактовки экономического пространства выстраивают и его структуру. Традиционно экономическое пространство принято делить на микро- и макроуровни. Однако ряд исследователей (*П.А. Минакир, Г.Б. Клейнер, Д.П. Фролов, О.В. Иншаков*) критикуют такой подход, отмечая, что бинарная дихотомия экономического пространства ведет к «методологической ловушке» в экономическом анализе [29, с. 123], поскольку фактически экономическое пространство сложно разделить только на микро- и макро-процессы. Зарубежными и отечественными исследователями были предложены альтернативные концепции структуры экономического пространства [5; 29] (рис. 8.1 по: [7; 15; 22; 26, с. 16])).

Экономическое пространство изучается в пространственной экономике в аспектах специфических характеристик и соотношения глобальной, национальной и региональной экономики [15].

П.А. Минакир отмечает, что предмет пространственной экономики — «не столько собственно экономические отношения в пространстве, но и вся совокупность связанных с функционированием пространственно локализованных сообществ общественных отношений» [15; 16]. В этом смысле пространственная экономика является синтетической

Рис. 8.1. Уровни экономического пространства

дисциплиной, а значит, предполагает междисциплинарный подход к изучению своего предмета. Так, например, *А.Н. Демьяненко* с соавторами полагает, что определенного успеха в развитии пространственной экономики можно добиться, применяя к анализу пространственных проблем геоисторический метод, обоснованный *Ф. Броделем* (см.: [5]); *Д.П. Фролов* видит существенные перспективы в развитии пространственной экономики на основании переосмысления ее категорий и проблем в контексте общей эволюционной теории (см.: [29, с. 133]). **С.В. Наумов** и **А.А. Ермоленко** предлагают использовать категорию «место» как своеобразную стартовую точку для расширения дисциплинарных границ пространственной экономики [16]. Более узконаправленными исследованиями пространственной проблематики занимаются такие дисциплины, как экономическая география и регионалистика.

Интересный подход к осмыслению экономического пространства представлен в рамках методологического плюрализма — направления в современной методологии экономической науки, отстаивающего ситуативность научных методов. Как отмечает *В.Н. Украинский*, методологический плюрализм используется сегодня прежде всего в континентально-европейском подходе (*Ф. Перру*, *Ф. Айдало*) к изучению экономического пространства, который, в противоположность англосаксонскому подходу (*Р. Дин*, *У. Леи*, *Д. МакКи*, *Г. Дюрантон*), характеризуется более гибким методологическим мышлением, внутри междисциплинарной открытостью [25, с. 101–102]. Основными чертами методологического плюрализма в данном контексте также можно назвать:

- критическое осмысление использования математических методов в изучении экономического пространства (например, критика эконометрики);

- диалог с другими экономическими теориями (институционализмом, политической экономией), другими дисциплинами (географией, социологией, историей);
- стремление к диалектическому, целостному и системному пониманию проблем пространства и времени в экономике (в противоположность равновесно-механистическому подходу (в частности, новой экономической географии), а также попыткам отождествить региональную экономику с естественно-научными дисциплинами).

Современными теориями, использующими плюралистичную методологию в изучении проблем пространства в экономике, являются:

- *теория промышленных округов* — возникла в Италии в 1970-х гг. Основой технического прогресса данная теория считает малый бизнес, предприятия которого «действуют в рамках своеобразных территориально-организационных совокупностей, получивших название промышленных (индустриальных) округов» [22, с. 15];
- *теория близости* — сформировалась в работах ученых из Франции, Канады, Бельгии и других европейских стран. Основные черты: использование понятия «территория» вместо понятия «пространство»; особое внимание уделяется социоэкономическим и институциональным характеристикам территории [26, с. 101], вводятся понятия отраслевой, географической и технологической близости предприятия;
- *теория инновационных сред* — возникла во Франции в 1980-х гг. и продолжает развиваться. Инновационная среда рассматривается здесь с точки зрения системности, средовой организационной логики и динамики поведения акторов среды [27, с. 16]. Сегодня данная теория разрабатывается также и в российской экономической науке.

Таким образом, методологический плюрализм в изучении экономического пространства предлагает достаточно продуманную альтернативу ортодоксальным подходам к анализу экономического пространства.

С понятием экономического пространства тесно связано понятие экономического времени, которое характеризует экономическую систему и экономические отношения с точки зрения «координации движений, последовательности состояний, длительности и скорости развития» [23, с. 138].

Взаимосвязи между объектами и уровнями экономической действительности предполагают изменение, развитие и уровней экономического пространства, и его объектов. Любое изменение происходит во времени. Следовательно, рассматривать экономическое пространство в его отрыве от экономического времени — значит не учитывать такие

важнейшие для характеристик экономической системы параметры, как начало и конец ее существования, состояние ее количественных и качественных параметров, динамика взаимосвязей структурных элементов внутри системы и взаимосвязей системы с внешней средой.

Итак, в экономике «время преломляется следующим образом: во-первых, через соотношение прошлого, настоящего и будущего, в рамках которого предполагается решение проблемы начала и конца развития, прогресса и регресса, взаимоотношений экономического роста и развития. Во-вторых, через сопряжение различных видов времени: экономического, исторического, биологического, астрономического¹ и т.д. В-третьих, сквозь призму типов развития: эволюционное, дискретное, догоняющее. В-четвертых, через проблему ускорения времени и понятие “актуальное время”» [23, с. 140].

Роль времени в экономике была осознана не сразу.

Можно выделить следующие основные этапы развития понимания времени в экономической науке.

1. «Атемпоральный» подход к анализу экономических явлений. Данный этап связан с пониманием явлений экономической действительности с точки зрения универсальных законов, которым эти явления подчиняются. Формирование такого взгляда на экономические явления стало возможным благодаря утверждению в середине XIX в. приоритета математических методов анализа экономики. Экономическая реальность стала рассматриваться системно, причем нормальным состоянием системы считалось равновесие. Принципы системности и универсальности позволили фактически игнорировать вектор времени; существенное расширение временных горизонтов экономической реальности произошло в *mainstream* [3]. Как результат в экономических исследованиях объекты изучались с точки зрения статике, т.е. определенного состояния системы в равновесии ее элементов. Е.В. Балацкий выделяет два типа экономической статике.

1. Обычная статика рассматривает явления и процессы в моментальном срезе их развития, в отвлечении от взаимосвязи

¹ Авторы данной работы разделяют точку зрения тех мыслителей, для которых время является единым и универсальным. Это, однако, не является препятствием для выделения различных видов времени, если рассматривать их как проекции в разные сферы единого, универсального времени. Позиция тех авторов, которые связывают проблему специфического времени с существованием различных форм движения материи, является крайне уязвимой не только в силу противоречивости аргументов, раскрывающих отличие, например, физического времени от биологического, но и в силу исключения деятельности человеческого сознания из этой сферы, что приводит к утрате философского аспекта данной проблемы [23, с. 134–136].

рассматриваемого момента с прошлым и будущим системы. Для такого анализа достаточно аппарата элементарной математики [3]. Такого рода статика применяется в теории кредитных рисков, в хозяйственной практике и в эконометрических исследованиях. Однако подобные теории достаточно просты и мало используются в рамках теоретического *mainstream* — чаще всего они либо являются вспомогательным инструментом, либо тесно связаны с хозяйственной практикой.

2. Сравнительная статика опирается на более сложный математический аппарат; этот аналитический инструментарий начал использоваться в период маржиналистской революции. Сегодня сравнительная статика применяется в рамках *mainstream* в теории общего равновесия, теории фирмы, теории потребления. Сравнительная статика исследует изменения отдельных экономических переменных и влияние этих изменений на другие переменные, однако фактор времени при этом также не учитывается — изменения анализируются относительно некой исходной точки [3].

2. Количественные исследования фактора времени в экономической динамике.

Аналитический инструментарий сравнительной статистики способствовал переходу экономической науки к изучению экономических явлений в их динамике. В работах представителя Лозаннской школы *Л. Вальраса* и американского экономиста *Дж.Б. Кларка* экономическая динамика в производстве представлена как непрерывность изменений, как состояние движения во времени, характеризующееся приростными величинами. Свое понимание экономической динамики предложил *Дж. Хикс*, определивший последнюю как раздел экономической теории, «в котором всякое количество должно быть отнесено к определенному времени» [31]. В этом смысле, отмечает Дж. Хикс, введший в анализ временной фактор, экономическая система есть не просто «система взаимозависимых рынков» [31], но это развивающаяся во времени система. Сущность динамического экономического анализа заключается в том, чтобы показать, как именно временная определенность системы влияет «на взаимодействие факторов и продуктов» [3]. Первыми примерами динамического анализа в экономике можно назвать модели динамики цен *Л. Башелье*, *П. Самуэльсона* и *Ф. Дрэша*; эти модели представляют процесс ценообразования как процесс, в котором благодаря «памяти» рынка [3] прошлое, настоящее и будущее взаимосвязаны. Нельзя не упомянуть и представителя Стокгольмской школы Г. Мюрдаля и его работу «Денежное равновесие» (1939), в которой он ввел фактор ожиданий в макроэкономический анализ ценообразования. Почти в то

же время Дж.М. Кейнс в своем уже классическом труде «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) предлагает рассматривать фактор времени как решающий для формулировки краткосрочных и долгосрочных предположений производителя относительно его будущих доходов [6]. Связь между настоящими и будущим раскрыта Р. Лукасом в модели межвременного равновесия, которая предполагает, что экономические агенты в процессе взаимодействия согласуют не только текущие, но и все будущие значения информационных переменных цен, курсов, процентов и т.п.

Примеры других моделей, учитывающих фактор времени: модели поведения экономических агентов; модели, призванные решить проблему дисконтирования; модели перекрывающихся поколений; модели адаптивных и рациональных ожиданий.

3. Логичным итогом развития экономической динамики стало появление множества теорий циклов и колебаний.

Как пишет Е.В. Балацкий, «создание теории циклов ознаменовало осознание экономистами факта существования качественно различных фаз и стадий развития системы, которые, с одной стороны, являются следствием влияния фактора времени, а с другой — они самим же временем и связаны, “склеены” между собой» [3]. Сегодня экономическая наука рассматривает все явления и процессы с точки зрения их временных координат, учитывая особенности каждого — краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного — временного периода развития системы. Ученые осознали, что на каждом этапе времени в системе могут действовать «совершенно разные хозяйственные механизмы и экономические законы» [3].

4. Качественные исследования фактора времени.

Одним из первых экономистов, обративших внимание на фактор времени в экономике, был А. Маршалл, отмечавший, что «источником больших трудностей в экономической науке служит необходимость учитывать время, требующееся, чтобы причины могли привести к своим следствиям» [14, с. 93]. Маршалл определял стоимость как «отношение между двумя вещами в конкретном месте и в конкретное время» [14, с. 120]; он также подчеркивал значение фактора времени для выявления закономерностей в потребительском поведении — в частности, в том, что касается формирования спроса [14, с. 174–175].

Данный этап связан с институциональной экономической теорией, принимавшей во внимание не отдельные периоды развития экономической системы, а ее жизненный цикл в целом. Причем в качестве экономической системы выступали не только и не столько конкретные экономические явления и процессы — институционалисты изучали

экономическую систему общества, т.е. фактически выходили на уровень цивилизационного анализа. Количественные временные характеристики при этом не игнорировались, но соединялись с качественными характеристиками. Примером такого подхода можно назвать социально-исторический анализ хозяйства в трудах лидера немецкой исторической школы Г. Шмоллера.

Развитие анализа времени в экономике заставило по-новому осмыслить ценность времени. Появилось представление об упущенном времени, когда никакие усилия не могут стабилизировать состояние системы или затраты на такую стабилизацию чрезмерно высоки. Такое время приходит на смену «актуальному времени» — периоду, когда необходимы незамедлительные действия. Это время глубоких переворотов и революционных изменений, когда традиционные механизмы перестают выполнять свои функции. Наступление «актуального времени» может быть связано с различными факторами: политическими, экономическими, культурными, глобально-экологическими.

Для экономики России «проблема “актуального времени”» чрезвычайно важна, так как в нашей стране осуществляется в течение последних трех столетий модель так называемого догоняющего развития. Такое развитие связано с необходимостью преодоления отсталости и желанием стать полноправной частью мирового хозяйства во всех сферах» [23, с. 159]. В то же время «сближение с высокоразвитыми странами часто понимается в упрощенной форме, в виде приобщения к определенным цивилизационным ценностям без необходимой их критической оценки и достижения различных количественных показателей. При таком подходе Россия всегда будет в числе догоняющих. Выход может быть найден благодаря определению истинных приоритетов развития хозяйства России и соответствующих им показателей, а также пониманию, что подлинное богатство страны составляют ее люди, наделенные знаниями, навыками, возможностями» [23, с. 159].

Сегодня время и пространство — это факторы развития, существенные обстоятельства всех экономических процессов и явлений. Поэтому экономическая наука изучает рациональные способы использования ресурсов, ограниченных во времени и пространстве. Существует специальная наука — логистика, предметом которой является процесс рациональной организации движения сырья, готовых товаров и услуг от поставщиков к потребителям, включая его планирование, управление и контроль.

Но время и пространство сами также являются экономическими ресурсами; с ресурсным осмыслением данных категорий связаны такие их характеристики, как ограниченность, невосполнимость,

взаимодополняемость, взаимная незаменимость. В этом смысле очевидна связь категорий пространства и времени с удовлетворением безграничных человеческих потребностей в условиях ограниченных ресурсов.

Учет пространственно-временных факторов развития хозяйства проявляется, в частности, в формировании максимально конкретных экономических прогнозов и рекомендаций.

Как было сказано выше, пространство и время тесно взаимосвязаны, поэтому игнорирование этого положения применительно к сфере экономики может иметь негативные последствия.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИМЕР. Примером недооценки взаимосвязи экономического пространства и времени является судьба Стратегии-2020 — Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р). К моменту начала реализации Стратегии она оказалась устаревшей, так как мировая экономика настолько сильно повлияла на экономическую ситуацию в России, что большинство показателей, предложенных в Стратегии, оказались невыполнимыми, и вместо заявленного экономического роста мы наблюдаем усиление кризисных процессов.

Выводы

1. В понимании экономической онтологии усиливается роль конструктивистского подхода, поскольку для современной экономической науки важна не реалистичность предпосылок теории, а ее прогностические возможности.
2. В настоящее время противостояние между продуктовой и поведенческой онтологией трансформировалось в борьбу поведенческой и институциональной онтологий.
3. При идентификации экономической реальности необходимо учитывать ее взаимосвязи с природой и культурой.
4. Современную экономическую реальность невозможно познать только с помощью экономической науки, необходимо развитие сотрудничества как между различными отраслями самой экономической науки, так и с другими социальными науками (социологией, психологией, философией).
5. Понятия пространства и времени в экономической науке отражают специфику экономической действительности, характеризуя ее с точки зрения границ, структуры, взаимосвязей, развития, роста, статики и динамики хозяйственной системы.

6. Пространство и время являются онтологическими параметрами хозяйства, координатами его существования и развития; кроме того, пространство и время суть факторы и ресурсы, обуславливающие развитие хозяйства.
7. Время в экономике изучается в исследованиях, посвященных динамике хозяйственной системы. Пространство изучается в рамках пространственной экономики. Однако необходимо учитывать взаимосвязь пространства и времени, изучать их в единстве.

Проблемный блок

1. Эволюция экономической картины мира и изменение онтологии экономического знания.
2. Проблема разграничения микро- и макроэкономики как пространственная проблема.
3. Проблема догоняющего развития и выбора приоритетов развития.
4. Количественные и качественные параметры пространства и времени.
5. Границы хозяйственной деятельности.
6. Роль экономического детерминизма в социальном пространстве.
7. Проблема универсальности времени в экономике.
8. Взаимоотношения динамического и статического подходов в современных экономических теориях.
9. Эффект колеи и инновационное развитие экономики России.

Приложение 8.1

Дуглас Норт о факторе времени в развитии общественных институтов: «История имеет значение. Она имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества. Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым. А прошлое может быть понято нами только как процесс институционального развития» [17, с. 12].

Фрэнсис Фукуяма о парадоксе конца истории: «Конец истории будет означать конец войнам и кровавым революциям. Согласившись о целях, люди не будут иметь великих дел, за которые можно воевать. Они будут удовлетворять свои потребности путем экономической деятельности, но не будут рисковать жизнью в бою. Иными словами, они снова

станут животными, какими были до того, как кровавые битвы начали историю. Пес рад, что спит на солнышке и в миске есть еда, и у него нет недовольства своим положением. Его не волнует, что другие собаки работают лучше, или что он застрял на карьерной лестнице, или что где-то на другом конце света собак угнетают. Если человек сможет создать общество, из которого изгнана несправедливость, его жизнь станет похожей на жизнь этого пса. То есть человеческая жизнь включает любопытный парадокс: она вроде бы требует несправедливости, чтобы было против чего бороться, потому что лишь эта борьба зовет человека к более высокому состоянию» [30].

Рекомендуемая литература

1. *Ананьин О.И.* Онтологические предпосылки экономических теорий [Текст] / О.И. Ананьин. — М.: ИЭ РАН, 2013. — 50 с.
2. *Аристотель.* Политика [Текст] / Аристотель // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984.
3. *Балацкий Е.В.* Эволюция понятия времени в экономической науке [Электронный ресурс] / Е.В. Балацкий. — URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/177289>
4. *Гаврилов А.Н.* Региональная экономика и управление [Электронный ресурс] / А.Н. Гаврилов, П.П. Мирошкин, В.А. Крапивин. — URL: http://vasilievaa.narod.ru/ru/stat_rab/book/Reg_ek_upr_Gavrilov/Reg_ek_upr_Gavrilov.htm
5. *Демьяненко А.Н.* Фернан Бродель и становление геоисторического метода в исследовании экономического пространства [Текст] / А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятлова, В.Н. Украинский // Пространственная экономика. — 2013. — № 3. — С. 161–177.
6. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег [Текст]: пер. с англ. / Дж.М. Кейнс. — М.: Гелиос АРВ, 1999. — 352 с.
7. *Клейнер Г.* Нанозкономика [Электронный ресурс] / Г. Клейнер. — URL: <http://kleiner.ru/argab/nanon.html>
8. *Колупаева В.А.* Время и пространство: экономический аспект [Текст] / В.А. Колупаева // Изв. Томск. политехн. ун-та. — 2008. — № 6. — Т. 312. — С. 84–88.
9. *Кошовец О.Б.* Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки и возможность построения научно реализуемой онтологии [Электронный ресурс] / О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов. — URL: <http://www.ecfor.ru>
10. *Куликов Б.Н.* Гармония экономического пространства [Текст] / Б.Н. Куликов. — Теребушка, 2009. — 60 с.
11. *Лоусон Т.* Что может предложить реализм? [Текст] / Т. Лоусон // Философия экономики: Антология / под ред. Д. Хаусмана. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. — С. 429–446.

12. *Макеева Л.Б.* Критический реализм [Электронный ресурс] / Л.Б. Макеева // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 2010. — URL: <http://iph.ras.ru/elib/1555.html>.
13. *МакКлоски Д.* Риторика экономической науки [Текст]: пер. с англ. / Д. МакКлоски. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара; Международные отношения, Фак-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. — 328 с.
14. *Маршалл А.* Принципы политической экономии [Текст] / А. Маршалл; пер. с англ. Р.И. Столпера; общ. ред. С.М. Никитина. — М.: Прогресс, 1983. — 415 с.
15. *Минакир П.А.* Экономический анализ и измерения в пространстве [Текст] / П.А. Минакир // Пространственная экономика. — 2014. — № 1. — С. 12–39.
16. *Наумов С.В.* Категория места в современной теории экономического пространства [Текст] / С.В. Наумов, А.А. Ермоленко // Пространственная экономика. — 2020. — Т. 16. — № 2. — С. 101–123.
17. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст]: пер. с англ. / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 190 с.
18. *Порфирьева О.Б.* Промышленные округа в Италии [Электронный ресурс] / О.Б. Порфирьева. — URL: <http://geo.lseptember.ru/article.php?ID=200502002>
19. *Сагден Р.* Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке [Текст] / Р. Сагден // Философия экономики: Антология / под ред. Д. Хаусмана. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. — С. 475–520.
20. *Седлачек Т.* Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит [Текст] / Т. Седлачек. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 544 с.
21. *Стёпин В.С.* Научная картина мира [Электронный ресурс] / В.С. Стёпин. — URL: <http://iph.ras.ru/elib/2017.html>
22. *Стрижак Е.О.* Онтологические основания метода экономической науки [Текст] / Е.О. Стрижак // Теоретическая экономика. — 2013. — № 5. — С. 14–26.
23. *Тутов Л.А.* Философия хозяйства. Опыт духовного преображения [Текст] / Л.А. Тутов. — М.: ТЕИС, 2003. — 279 с.
24. *Тутов Л.А.* Философия и методология экономики: предметная идентификация [Текст] / Л.А. Тутов // Экономика и управления: проблемы, решения. — 2013. — № 11. — С. 4–20.
25. *Украинский В.Н.* Методологический плюрализм в исследовании экономического пространства [Текст] / В.Н. Украинский // Пространственная экономика. — 2012. — № 4. — С. 87–109.
26. *Украинский В.Н.* Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем [Текст] / В.Н. Украинский // Пространственная экономика. — 2011. — № 2. — С. 92–126.

27. *Украинский В.Н.* Французская школа пространственной экономики: генезис и современные направления развития: дис. ... канд. эконом. наук [Текст] / В.Н. Украинский. — М.: ИЭ РАН, 2013. — 156 с.
28. *Философия социальных и гуманитарных наук* [Текст]: учеб. пособие / под ред. С.А. Лебедева. — М.: Академический проект, 2006. — 832 с.
29. *Фролов Д.П.* Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии [Текст] / Д.П. Фролов // Пространственная экономика. — 2013. — № 4. — С. 122–150.
30. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма. — URL: [http://www.lib.ru/ POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt](http://www.lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt)
31. *Хикс Дж.* Стоимость и капитал [Электронный ресурс] / Дж. Хикс. — URL: <http://ek-lit.narod.ru/hiks009.htm>
32. *Чекмарев В.В.* Книга об экономическом пространстве [Текст] / В.В. Чекмарев. — Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2001. — 341 с.
33. *Чекмарев В.В.* Экономическое пространство как понятие и категория экономической науки [Текст] / В.В. Чекмарев // Современные проблемы экономической теории: в 2 ч. — М.: Парад, 2004.
34. *Lawson T.* Essays of the nature and state of modern economics [Text] / T. Lawson. — New York: Routledge, 2015.

ГЛАВА 9

ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕРМИНИЗМА В ЭКОНОМИКЕ

Термины: причина, следствие, причинность, детерминация, детерминизм, необходимость, случайность, свобода, абсолютный детерминизм, индетерминизм, вероятность, экономический детерминизм, технологический детерминизм, институциональный детерминизм, культурный детерминизм, «qwerty-эффект», «историческая колея».

Одним из важнейших составляющих научного метода познания выступает детерминизм (от лат. *determinare* — «ограничивать, очерчивать, определять») — принцип всеобщей объективной взаимосвязи, предопределенности, необходимости и причинности явлений и процессов, протекающих в мире.

Философское понимание детерминации и детерминизма связано с категориями «предопределенность», «необходимость», «всеобщая взаимосвязь», «порождение», «причина», «причинность». Причина есть «явление, действие которого производит, определяет или вызывает другое явление; последнее называют следствием» [4]. Понятие причины всегда используется в связке с понятием следствия: причина всегда порождает следствие, а «причинность» или «каузальность» (от лат. *causa* — причина) — это связь между причиной и следствием, т.е. причинно-следственная связь.

Наука с момента своего появления в XVII в. эксплицитно (т.е. явно, непосредственно) ставила перед собой цель познать, раскрыть объективные причинно-следственные связи, господствующие в мире. Поэтому в науке всегда в той или иной степени выраженности присутствует «детерминизм». Основополагающий фактор, комплекс оснований, выделенные в той или иной конкретной области в качестве определяющих для всей совокупности явлений и процессов в этой области, получил наименование «детерминант». Определяющее воздействие детерминанта на подчиненные процессы и явления рассматривается как детерминация (процесс детерминирования).

Понятия «детерминация» и «детерминизм» не синонимы: если «детерминация» обозначает саму объективную генетическую связь между реальными объектами (процессами, явлениями), то «детерминизм» — это отражение этой генетической связи в научных концепциях.

В целом все учения, в которых постулируется существование предопределенности и детерминации в мире, можно разделить на две основные группы: 1) вненаучный религиозный телеологизм/провиденциализм; 2) научный детерминизм.

В концепции религиозного телеологизма сверхъестественная божественная разумная сила управляет миром, ставит определенные цели и добивается их реализации. Подобное понимание божественной целевой предопределенности получило название «телеологии» (от греч. «телос» [«телеос»] — цель), а распространение этого принципа на общество принимает форму «провиденциализма» (от лат. *providentia* — провидение, промысел), т.е. понимания индивидуальной человеческой судьбы и истории общества в целом как реализации божественного замысла, плана. Провиденциализм и в наши дни продолжает разрабатываться религиозными философами и теологами.

Вторая группа учений представляет собой научный детерминизм, исходящий из того, что существующие в мире предопределенность и необходимость носят естественный и объективный характер, присущи миру самому по себе. В современной науке идеи детерминизма успешно развиваются как в естествознании, так и в общественных науках.

В естественных науках развитие идей детерминизма эволюционировало от абсолютного детерминизма «лапласовского» типа (XVII–XIX вв.) к относительному (вероятностному) детерминизму (XX–XXI вв.) в теории относительности А. Эйнштейна, квантовой теории, теории Хаоса и др.

В общественных науках формирование идей детерминизма произошло с определенным временным лагом по отношению к естественным наукам. В обществознании ведутся дискуссии по вопросу о соотношении экономических, социальных, демографических, культурных, религиозных и других детерминантов общественного развития, хотя наиболее разработанными остаются концепции экономического детерминизма.

9.1. К ИСТОРИИ ВОПРОСА: ОТ АБСОЛЮТНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА И ИНДЕТЕРМИНИЗМА К ОТНОСИТЕЛЬНОМУ (ВЕРОЯТНОСТНОМУ) ДЕТЕРМИНИЗМУ

Детерминизм как развернутая научная доктрина сформировалась в Новое время вместе с бурным развитием естествознания, хотя сами принципы детерминизма были сформулированы уже в античной философии. Однако научным и философским концепциям детерминизма предшествовали религиозно-мифологические представления.

Мифологические представления о генетических, порождающих связях строились по аналогии с деятельностью людей и организацией жизни в первобытных обществах. Подобно тому, как предметы и вещи создаются руками людей, так и в мифах первые люди часто «сделаны» из различных материалов (в Библии бог Яхве из глины лепит первого человека Адама, затем из кости его ребра делает первую женщину (Еву); китайская богиня-прародительница Нюй-ва вылепляет людей и животных из глины).

Поведение людей в первобытной родовой общине жестко регламентировалось запретами (табу), нарушение которых вело к жестким наказаниям, вплоть до изгнания из общины или даже смерти (например, за нарушение «агамного» запрета) [19]. Поэтому в мифах часто встречаются мотивы нарушения запретов и последующей кары богов (изгнание Адама и Евы из рая за вкушение запретного яблока; за кражу Прометеем огня с Олимпа и передачу его людям Зевс приказывает Гефесту приковать титана к скале, а орлу — клевать его печень).

Античность. Рождение рациональной философии стало главным достижением культуры Древней Греции и Рима. В форме философского учения о естественных первоначалах (земли, огня, воды и др.), из которых состоят все вещи в мире сначала в Милетской школе (*Фалес, Анаксимандр, Анаксимен*), а затем в концепции атомов как первичных неделимых частиц (*Демокрит, Эпикур*), возникла первая детерминистская картина мира. Важным этапом в формировании представлений о естественной причинности стало учение древнегреческого философа Аристотеля о четырех видах причин: «материальных (что есть, из чего состоит), движущих (как нечто делается, создается, происходит), формальных (почему именно так происходит) и целевых (для чего, ради чего нечто делается)» [20, с. 15]. В целом основным достижением античной философии стало открытие объективного характера предопределенности и необходимости, принципа естественной детерминированности мирового устройства, независимости от божественной или человеческой воли.

Средние века. На данном этапе, после крушения Римской империи и длительного забвения античного культурного и интеллектуального наследия, детерминизм приобрел сугубо религиозно-телеологический, провиденциалистский характер, он всецело связывался с идеей Бога как причиной возникновения мироздания. В обыденном сознании этот принцип нашел воплощение в формуле «ни один волос не упадет с головы человека без ведома Бога». Наиболее четко религиозный провиденциализм был сформулирован позднеантичным христианским богословом Августином Аврелием (Блаженным) в трактате «О граде божьем»

(413— 427), в котором вся история человечества понималась как сосуществование невидимого «Града Божьего», населенного праведниками, и видимого «Града Земного», где люди подвергаются вечному наказанию с Дьяволом.

Новое время. Начиная с XVII в. возникает и институционализируется наука, начинается секуляризация общественного сознания, мысль освобождается от религиозного мировоззрения. Крупнейшие ученые того времени (Н. Кузанский, Дж. Бруно, Г. Галилей, Ф. Бэкон, И. Ньютон и др.) стремятся объяснить природу, исходя из нее самой.

Под влиянием открытия И. Ньютоном «динамических» законов в физике (три закона механики и закон всемирного тяготения) формируется первая целостная научная концепция «абсолютного» детерминизма, получившая название «механистического» (линейного) детерминизма, в рамках которого все процессы и явления представляли как полностью необходимые и предопределенные. Мир уподоблялся огромной и совершенной машине, составные части которой отлично пригнаны друг к другу, так что их взаимодействие происходило естественно и в соответствии с объективными физическими законами. Любое явление выступало следствием предшествующего состояния мира, последовательных цепочек изменений, а средой такого взаимодействия выступали абсолютные пространство и время (т.е. не зависящие ни друг от друга, ни от материи).

Предсказуемость стала существенной чертой идеала научного знания, а любая неожиданность или случайность воспринимались как результат нашего незнания.

Классическая «механическая» картина мира, ставшая научной основой абсолютного детерминизма, базировалась на признании только одного вида материи — вещества, состоявшего из неделимых атомов, имеющих массу. Поскольку движение физических тел в классической механике происходит по строго определенным траекториям, а сами тела всегда тождественны себе, то всегда можно определить координаты и скорость движения тела, вычислить траекторию движения и получить полное представление о поведении тела в прошлом, настоящем и будущем. Это исключало какие-либо элементы случайности, а движение всех тел рассматривалось как строго детерминированное.

В науке XVII—XIX вв. абсолютный детерминизм господствовал безраздельно, однако во второй половине XIX — начале XX в. абсолютный детерминизм стал постепенно замещаться относительным (вероятностным) детерминизмом. На это повлияло несколько факторов: появление статистики, разработка первых теорий вероятности, открытие «статистических законов», в том числе в демографии; в

философии — разработка диалектического метода Г. Гегелем, вслед за этим материалистической диалектики К. Марксом и Ф. Энгельсом; наконец, революционные открытия в области физики (делимость атома, теория относительности и др.), определившие переход на новую ступень естественно-научного знания.

Возникновение статистики и теории вероятностей. Применение принципов абсолютного детерминизма к обществу с самого начала столкнулось с рядом трудностей — обнаружить аналоги динамических законов в сфере общественных явлений не удавалось. Общественная жизнь представляла перед наблюдателями первоначально как хаос случайных событий, отдельных поступков людей, их волений и эмоций, каждые из которых взятые в отдельности казалось непредсказуемыми. Однако постепенно в этом внешнем беспорядке стали обнаруживаться какие-то постоянные связи, зависимости, порядок.

Первые статистические закономерности были выведены в области демографии. Во второй половине XVII в. английский экономист Дж. Граунт показал, что несмотря на то, что в каждом конкретном случае невозможно предсказать демографическое событие (какого пола родится зачатый ребенок, кто конкретно примет решение заключить брак, какой конкретный человек умрет) — в целом на уровне средних величин обнаруживаются закономерности. Дж. Граунт рассчитал, что в Лондоне того времени на 14 мальчиков рождается 13 девочек, в среднем на один брак приходится четыре ребенка, а на каждые 11 семейств ежегодно приходится три смерти.

Экономико-демографические исследования продолжили Э. Галлей и экономист У. Петти («Наблюдения над Дублинскими записями смертности»). Книга У. Петти «Политическая арифметика» (1683; 1699) стала первой работой, в которой был обоснован и применен метод исследования, получивший название «экономико-статистического». На немецких демографических данных этот метод стал разрабатывать немецкий пастор И. Зюсмилх. Большой вклад в развитие и институционализацию статистики в XIX в. внес бельгийский математик, астроном и социолог А. Кетле. Введение и широкое использование понятия средней величины легло в основу особой науки — статистики, законы которой получили название «статистических» законов. Имплицитно во всех статистических теориях содержалось и понятие вероятности, которое стало активно разрабатываться в математике.

Понятие вероятности впервые начинает разрабатываться в XVII в. математиками П. Ферма, Б. Паскалем и Х. Гюйгенсом. Материалом для рассуждений первоначально стали карточные игры: понятие вероятности как величины шанса, математического ожидания как цены шанса.

Метафора «игры в кости» как идеального примера для вероятностного анализа широко стала использоваться в философии, математике, экономике. В начале XVIII в. благодаря работам Я. Бернулли, Н. Бернулли, П. Монмора, А. де Муавра теории вероятностей выделилась в особую отрасль математики.

Хотя вероятностное предсказание на основе статистических законов существенно отличалось от точного предсказания в классической физике, однако возникновение статистики и теории вероятностей не подорвало господства в науке абсолютного детерминизма. «Первоначально вероятность понималась как характеристика не объективного мира, а человеческого познания. Как ранее случайность, так теперь вероятность была понята и объяснена как следствие неполного знания человеком причин и начальных условий тех или иных процессов. Считалось, что за статистическими законами скрываются еще не известные нам динамические законы» [18, с. 305]. Как отмечал французский математик и астроном П. Лаплас, «все явления, даже те, которые по своей незначительности как будто не зависят от великих законов природы, суть следствия столь же неизбежных этих законов, как обращение солнца...» [8, с. 7–8]. В таком виде абсолютный детерминизм, распространяющийся на природу и поведение человека, был воспринят большинством ученых в Новое время, особенно в естественных науках, и получил наименование «лапласовского» детерминизма.

Однако все более стала осознаваться потребность в разработке новых подходов к пониманию закономерностей и детерминированности, учитывающих случайность и процессуальность как в природе, так и в обществе. Важный шаг в направлении создания «вероятностного» детерминизма предпринял бельгийский математик, астроном, статистик и социолог А. Кемле (1796–1874): в качестве объекта исследования у него выступают множества, суммы, совокупности, классы предметов, событий, а не отдельные экземпляры, которые могут отклоняться от общего правила этих множеств.

Принципиально новый этап в философской разработке проблемы детерминизма связан с созданием немецким философом Г. Гегелем диалектики и диалектического метода познания. В работе «Наука логики» (1812–1816) Гегель показал, что случайность и необходимость — не взаимоисключающие явления, а стороны диалектического единства: необходимость проявляется в случайности, а случайность — способ проявления необходимости. Гегель открыл законы диалектики (единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания), а также показал, что объективно существует не только необходимость, но и случайность, при этом они

не образуют двух разных сфер действительности, а выступают сторонами диалектического единства: «*Реальная необходимость в себе* есть на самом деле также *случайность*» [3, с. 197]. Гегелю также принадлежит известная формула, согласно которой «свобода есть познанная необходимость».

Диалектика Гегеля оказала большое влияние на К. Маркса и Ф. Энгельса, которые опирались на ее принципы при разработке собственной материалистической диалектической философии и материалистического понимания истории. Классикам марксизма удалось обнаружить не в сфере абсолютного духа (как у Гегеля), а в материальном общественном производстве, в трудовой производственной деятельности объективный источник возникновения и саморазвития общества. В марксизме свобода стала пониматься не как индивидуальное явление, а как общественно-историческое явление, связанное с достижением обществом на основе развития материального производства каждый раз более высокого уровня практического господства человека над природой.

В целом наука в конце XIX — начале XX в. вплотную подошла к открытию так называемого «относительного», «вероятностного» детерминизма, который опирается на представление о мире как о сложноорганизованной системе и о процессуальности как главной характеристике. Как пишет Ю.И. Семенов, характеризуя современное представление о причинности: «все связи в мире теснейшим образом связаны, и каждая причинно-следственная связь существует не сама по себе, не в изоляции от других связей, а лишь как момент, сторона того или иного сложного процесса. И самое главное, связи в мире не находятся на одном уровне, как это рисуют адепты абсолютного детерминизма. ...В действительности же существует множество уровней связей, причем эти связи существуют не рядом, не параллельно, и даже не только и не просто одни выше, а другие ниже, а одни в других» [17, с. 147–148]. Ю.И. Семенов предлагает различать динамические и статистические законы: первые отражают «моменты абсолютной неопределенности», вторые — «предопределенность как она проявляется во множестве однородных явлений, каждое из которых выступает в данном отношении как абсолютно неопределенное... В том случае, когда данное множество явлений не образует целостной системы, статистические закономерности являются исчерпывающими. В других случаях открытие статистических законов есть лишь шаг на пути познания более глубоких законов, более глубокой объективной предопределенности явлений» (17, с. 178–179). Именно такое «вероятностное», «относительное», «диалектическое» понимание объективной предопределенности в мире легло в основу научного детерминизма в XX–XXI вв.

9.2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИЧИННОСТИ В XX в.: ВЕРОЯТНОСТЬ, ХАОС, ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

Представление о детерминизме и причинности в XX в. развивается под влиянием революционных открытий в области естественных наук и связано прежде всего с исследованием строения атома, взаимосвязи вещества и энергии, возникновения и развития Вселенной, с разработкой концепций вероятности, больших систем, случайности и хаоса.

Переход от классической физики к неклассической начал происходить на рубеже XIX и XX вв. Квантовая механика в XX в. стала главным инструментом теоретической физики при описании процессов микромира. Новая квантовая парадигма позволила найти адекватные описания явлений, происходящих на различных «этажах» мироздания в ядрах атомов и в недрах звезд, радиоактивности, физики элементарных частиц, физики твердого тела, физики низких температур (сверхпроводимости и сверхтекучести). В науке в итоге произошел отказ от жесткого детерминизма классической физики, был принят разработанный физиком В. Гейзенбергом «принцип неопределенности», а детерминизм стал носить относительно вероятностный характер.

Среди современных теорий, в которых развивается принцип относительного детерминизма, большую популярность приобрела так называемая теория хаоса. Первоначально теория хаоса стала разрабатываться в 1960-х гг. Э. Лоренцем (1917–2008) на материалах метеорологических исследований, связанных с предсказанием погоды. В теории хаоса предметом изучения стали не отдельные элементы, и даже не большие совокупности, относительно которых мы можем делать статистические выводы, а система в целом, особенно то, как на нее влияют «накапливаемые микроскопические изменения» [23, с. 191]. Э. Лоренц определяет хаос как чувствительность к начальным условиям. Самым известным образным отражением этой закономерности стал так называемый эффект бабочки, когда небольшое механическое изменение, например взмах крыльев бабочки, в одном месте приводит к существенному изменению системы совершенно другого порядка, например урагану.

Современное развитие теории хаоса связано с именами математиков Б. Мандельброта, физика и математика М. Фейгенбаума, Дж. Йорка и других; ими был разработан новый научный язык, новые понятия и термины («фрактал», «бифуркация», «прерывистость», «периодичность», «аттрактор», «сечение фазового пространства» и многие другие). В целом наука о хаосе стала восприниматься как наука о переходных процессах, как учение о становлении, нежели теория неизменных

состояний. Многие идеи теории хаоса оказались созвучными разработавшейся ранее И. Пригожиным (1917–2003) теории систем высокой степени сложности («теория сложности», теории «сложных систем»), получившей название «синергетика» [16].

Может показаться, что современная наука, особенно физика, полностью отрицает детерминизм. Но это не так. Немецкий физик А. Марх в книге «Основы квантовой механики» (1931) писал: «Не следует, однако, ложно понимать квантовую механику, считая, что она защищает полный индетерминизм. Подобное утверждение не может быть сделано уже потому, что в таком случае она вообще отрицала бы возможность физической науки» [10, с. 12].

Применение идей детерминизма в общественных науках привело к появлению стадияльных типологий исторического развития, а также концепций экономического, социального и культурного детерминизма.

9.3. ДЕТЕРМИНИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ОТ ВОЛЮНТАРИЗМА К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ, СОЦИАЛЬНОМУ И КУЛЬТУРНОМУ ДЕТЕРМИНИЗМУ

Применить положения естественно-научного «механического» детерминизма к обществу, к его истории, а также к человеку и его поведению, оказалось непросто — в обществе не удавалось обнаружить аналоги ньютоновских «динамических» законов. Одна из главных проблем, с которой столкнулись социальные мыслители, связана с тем, что в отличие физических предметов и явлений, общество невещественно, недоступно органам чувств. Наблюдать можно только отдельных индивидов, их поступки, окружающие их вещи. Поэтому по вопросу о реальности существования общества возникли две противоположные точки зрения — «социологический номинализм» и «социологический реализм» [20, с. 15].

«Социологический номинализм» (назван по аналогии с «философским номинализмом») — научная позиция, согласно которой никакого общества как особого образования не существует, а есть лишь отдельные индивиды, обладающие сознанием и волей и совершающие различные поступки. Среди сторонников этой точки зрения известные философы, социологи, историки, экономисты — Н.И. Кареев, М. Вебер, Ф.А. фон Хайек, Л. фон Мизес, К.Р. Поппер, Р. Будон и многие другие. По мнению социальных номиналистов, социальные группы, сообщества, классы, общество в целом — чисто умозрительные категории, это «имена» (лат. *nominalis* — относящийся к именам, от лат. *nomen* — имя), не имеющие эквивалентов в реальном мире.

Разновидностью социологического номинализма стала концепция «неокантианства» (последователи философа И. Канта), возникшего в философии в конце XIX — начале XX в. в Германии (представители Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др.). Неокантианцы предложили разделить все науки на две большие группы: 1) «номотетические» (от греч. «номос» — норма, закон), т.е. науки «о Природе», которые имеют дело с объективными естественными природными закономерностями; и 2) «идиографические» (от греч. «идиос» — своеобразный, «графос» — пишу, описываю), т.е. «науки о Духе» («о Человеке», «о Культуре»), науки описательные, понимающие, интерпретирующие, которые имеют дело не с повторяющимися законами, а с уникальными событиями и поступками, с поведением человека, определяемым разумом и ценностями. Тем самым неокантианцы настаивали на неприменимости принципов детерминизма в отношении общества.

«Социологический реализм» («социологический субстанциализм») является противоположностью «социологического номинализма» и исходит из понимания общества как особого целостного образования, особой социальной системы, не сводимой к простой совокупности индивидов. Социологические реалисты обнаруживают в обществе многочисленные надперсональные связи и отношения, институты (правовые, экономические, брачно-семейные, культурные и др.). При этом закономерно вставал вопрос о природе как индивидуального, так и коллективного (общественного) сознания, о природе детерминации в обществе, об объективных факторах социального развития.

В развитии идей детерминизма в социальных науках можно обнаружить слеующую общую логику и этапы: от провозглашения определяющей роли «великих» людей в истории (волюнтаризм) к выделению внешних объективных факторов (географического, демографического, экологического) и, наконец, к открытию внутренних факторов общественного развития — экономических, технологических, политических, социально-культурных и др. При этом характерно, что на каждом новом этапе развития общественных наук открытые ранее факторы не отрицаются, а включаются как относительно значимые в более сложную многофакторную и многоуровневую картину социальной реальности.

Первая попытка объяснить природу общественного мнения и источники изменения общественной среды (без обращения к религии и сверхъестественным силам) была связана с выделением особого рода людей — выдающихся исторических личностей, героев, гениев, которые благодаря особым личным качествам могли влиять на волю и сознание других людей. Великие люди (Александр Македонский, Юлий

Цезарь, Робеспьер, Наполеон и др.) инициировали войны, социальные движения, революции, влияли тем самым на ход истории. Такая позиция применительно к пониманию истории получила название «волюнтаризм» (лат. *volunta* — воля). Положения этой концепции вошли, например, в теорию пассионарности Л.Н. Гумилева, который уже в XX в. объяснял исторические изменения появлением большого количества активных людей («пассионариев») под влиянием резких выплесков солнечной энергии.

В общественных науках к концу XVIII — началу XIX в. стало формироваться представление об определенных этапах в развитии человеческого общества, исторических типах обществ, различающихся по социально-экономическому и культурному устройству. Шотландский мыслитель А. Фергюсон в работе «Опыт истории гражданского общества» (1767) выделил универсальные стадии в развитии человечества — «дикость», «варварство», «цивилизация». В исторической науке утвердилось периодизация всеобщей истории с последовательно сменяющимися друг друга эпохами: Первобытность, Древний Восток, Античность, Средние века, Новое время. Было замечено, что в основе перехода от одной исторической эпохи к другой лежала последовательная смена форм хозяйственной деятельности (охотничье-собираТЕЛЬСКАЯ, пастушеско-земледельческая, наконец, торгово-промышленная стадии) и связанная с ней смена типов экономической зависимости (рабовладельческая, феодальная, капиталистическая) (Ж. Тюрго, А. Смит и др.). Так начал формироваться один из видов детерминизма — экономический детерминизм, нашедший позже свое наивысшее развитие в марксизме и технологическом детерминизме. Возникла концепция единого исторического прогресса, единой общечеловеческой истории. Остро встал вопрос о факторах, детерминантах поступательного развития общества.

В итоге к настоящему времени в социальных науках сформировались и конкурируют между собой несколько концепций детерминизма, делающих акцент на разных типах последнего. В целом их можно разделить на две большие группы: 1) движущей силой общественного развития признается некий внешний по отношению к обществу объективный фактор, как правило, природно-средовой (например, экологический, географический), или полуприродный (например, демографический, трактуемый как производное от биологической природы человека); 2) детерминанты общественного развития обнаруживаются внутри общества, в одной из сфер общественной жизни (экономической, политической, социальной, духовной, религиозной, культурной и др.). Разберем подробнее эти виды детерминизма в социальных науках.

В основе концепции **географического детерминизма** лежит мысль о том, что основным фактором развития общества и причиной различий общественных отношений и порядков служат в первую очередь географические различия (точнее — физико-географические) — климат, особенности почв, размеры территории, рельеф, наличие/отсутствие морей или крупных рек и др.

Предпосылки географического детерминизма обнаруживаются еще в трудах античных ученых. Автором первой научной концепции географического детерминизма, возникшей в XVI в., считается Ж. Боден. Наиболее известной из ранних стала концепция географического детерминизма Ш. Монтескье (1689—1755), который рассматривал в качестве факторов общественного и экономического развития природную среду (климат, рельеф, почву в сочетании с размером территории и ландшафтами, считая, что большие равнинные государства склонны к тирании, а гористые и малые — к демократии). Эти взгляды разделял Г.Т. Бокль (1821—1862), с точки зрения которого климат и ландшафт воздействуют на накопление и распределение умственного капитала (одни ландшафты возбуждают воображение, а другие, в частности, ландшафты Европы, способствуют развитию логической деятельности). К другим представителям данной концепции можно отнести Ф. Ратцеля, Э. Сэмпла, Э. Хантингтона, У. Дэвиса, П. Видаля де ла Блаша и др.

Многие положения географического детерминизма использовались при изучении экономических процессов. Связь географической среды с экономикой стала даже объектом исследования специальной дисциплины «экономическая география», в которой оцениваются климатические условия, природные и человеческие ресурсы при формировании производственной специализации и влияющих на формирование так называемых сравнительных преимуществ в международном разделении труда. Сравнительно-исторические исследования показали, что в доиндустриальную (аграрную) эпоху зависимость экономики от природно-географических факторов была гораздо более высокой, нежели в индустриальную или, особенно, в «постиндустриальную» эру.

Сегодня географический детерминизм сращивается с так называемым экологическим детерминизмом или «инвайронментализмом» (от англ. *environment* — среда, окружение), который бросает серьезный вызов идеологии безудержного технологического и экономического роста (Дж. Кларк, Дж. Стюард, М. Харрис, Э. ле Руа Ладюри, Э.С. Кульпин и др.).

В России представителями географического детерминизма являются Л.И. Мечников, развивавший особый вид социально-гидрологического детерминизма, основанный на сформулированном им законе «трех

фазисов исторического развития» в зависимости от использования водных ресурсов; Г.В. Плеханов, соединивший в своих идеях исторический материализм и географический детерминизм; русский историк В.О. Ключевский, выделявший фактор природы (рельефа, территории, характера почв, лесов, рек и др.) в качестве определяющего для понимания расселения, истории и менталитета русского народа, — его идеи продолжил современный историк Л.В. Милов — и другие.

Примером современных дискуссий о значении физико-географических и социально-географических факторов исторического развития можно считать заочную полемику вокруг проблем климата России, его влияния на ее исторические успехи и неудачи. Работы, по-разному освещавшие эти проблемы, были написаны А.П. Паршевым [14] и американскими специалистами Ф. Хилл и К. Гэдди [25]. Оппонентом как А.П. Паршева, так и соавторов Ф. Хилл и К. Гэдди выступил российский экономический географ А.И. Трейвиш [24, с. 137–145].

В общественных науках географический и демографический детерминизм приобрели значительное влияние, нередко эти два подхода соседствовали и даже дополняли друг друга.

Демографический детерминизм — концепция, согласно которой динамика народонаселения выступает главной силой, определяющей характер общественного строя, основные социальные процессы, в том числе переходы с одной стадии развития общества на другую. Ранние идеи о влиянии демографического фактора на социально-экономическое развитие обнаруживаются у Дж. Вико и Э.-Г. Морелли; относительно развитую концепцию демографического детерминизма предложили К. Гельвеций, А. Барнав. В наиболее законченном виде демографический детерминизм представлен в трудах английского экономиста Т. Мальтуса (1766–1834), имя которого легло в основу особого направления экономико-демографической мысли — «мальтузианства». Он считал, что существует жесткая обратная зависимость между ростом населения и обеспеченностью благами: если количество населения при отсутствии сдерживающих факторов (войн, эпидемий, катастроф) в среднем удваивается каждые 25 лет (т.е. увеличивается в геометрической прогрессии), то количество средств к существованию увеличиваются гораздо медленнее (в среднем в арифметической прогрессии). Неограниченный рост населения должен привести довольно быстро к сокращению доступных благ и нищете («мальтузианская ловушка»). Пессимистические прогнозы Т. Мальтуса, однако, не сбылись, поскольку реальное развитие демографическо-экономических процессов пошло в ином направлении: в Европе, США, а чуть позже в других странах, уже в XIX в. начал проявляться так называемый демографический

переход, одним из главных составляющих которого стало снижение рождаемости.

Сторонниками демографического детерминизма (в большей или меньшей степени) во второй половине XIX в. — первой половине XX в. были такие известные ученые, как: Л. Гумплович, А. Кост, Э. Дюркгейм, Р. Карнейро, О. Дуглас, Дж. Матрас, Дж. Саймон, Л. Шевалье, Д.И. Менделеев, А.А. Богданов, Н.И. Моисеев и др. В России идеи демографического детерминизма отстаивал Д.И. Менделеев.

К современным представителям данной концепции можно отнести датского экономиста Э. Босерупа и американского этнолога М.Н. Коэна, утверждавших первичность фактора перенаселения в переходе к земледелию и более интенсивным технологиям сельского хозяйства; американского экономиста и демографа О.Д. Дункана, соединившего в своих работах демографический и технологический детерминизм.

В середине — второй половине XX в. центральной темой в вопросах о влиянии демографического фактора на общественные процессы и экономику стала так называемая демографическая революция («демографический переход», «демографическая трансформация», «демографическая модернизация»). Возникновение теории «демографической революции» восходит к работам французского демографа и экономиста А. Ландри, который впервые в 1909 г. упомянул сам термин, а в 1934 г. обосновал положение о революционном характере изменений в демографическом развитии европейских стран. Американский демограф У. Томпсон идею Ландри распространил на демографические процессы в других странах, показав их универсальность. А. Ландри и У. Томпсон привлекли внимание и дали первое теоретическое описание феномену низкой рождаемости как не встречавшемуся ранее в истории. Наибольший вклад в развитие теории «демографической революции» («демографического перехода-транзита», «демографической модернизации») в 1940-е гг. внесли американские демографы Ф. Ноутстайн, К. Дэвис, Д. Кирк, Э. Коул. В 1970-е гг. теория демографической революции была дополнена концепциями «эпидемиологического перехода» («эпидемиологической революции») (А. Омран), «мобильного перехода» (У. Зеллинский), «контрацептивной революции» (Ч. Уэстоф, Н. Райдер), «гендерного перехода» (И.Е. Калабихина). Постепенно термин «демографическая революция» уступил место понятию «демографический переход» (*demographic transition*) (предложен в 1945 г. Ф. Ноутстайном и использован К. Дэвисом).

С особым вниманием к теории демографического перехода и ее выводам отнеслись экономисты. Прохождение страной тех или иных этапов демографического перехода приводит к появлению то

«демографических пузырей», то «демографических ям и провалов», существенно влияющих на многочисленность/малочисленность поколений, на численность трудоспособного населения, оказывая тем самым то положительное (так называемый демографический дивиденд, «демографическое окно»), то отрицательное (так называемый демографический налог) влияние на экономическое развитие.

В России к числу сторонников демографического детерминизма принадлежал известный экономист-демограф А.Г. Вишневский (1935—2021). Рассуждая о значении демографической революции, А.Г. Вишневский подчеркивал ее самостоятельное значение, и даже первичность демографических изменений по отношению к социально-экономическим, в том числе самостоятельное значение демографической революции: «Снижение смертности в Европе, которое обозначилось там задолго до промышленной революции, сделало возможным и необходимым не только снижение рождаемости, но и “миграционный ответ”, который создал предпосылки для роста городов и развития промышленности. При такой трактовке революция в рождаемости — не следствие промышленной революции, а равноправный с нею результат происходивших ранее изменений, в том числе (а может быть, и в первую очередь) демографических» [2, с. 15].

Среди детерминистских концепций в общественных науках наиболее значительную группу представляют теории, в которых определяющие факторы, детерминанты социальных изменений рассматриваются как носящие внутренний (эндогенный), внутрисоциальный характер, как локализующихся в той или иной сфере общества (экономической, политической, институционально-правовой, культурной, религиозной и др.). Подробный анализ экономического детерминизма (в его технико-технологическом и марксистском варианте) будет представлен в следующем разделе главы. Здесь же раскроем особенности «социально-институционального» и «культурного» видов детерминизма.

Институциональный детерминизм сформировался первоначально в социологии, затем распространился на иные дисциплины (экономика, правоведение, политология). В целом этот подход подчеркивает определяющее значение социальных институтов, сложившихся на прежних этапах развития данного общества (норм, правил, обычаев, паттернов, традиций), которые объективируют в себе накопленный в данной области опыт, предлагают принятый в обществе определенный алгоритм поведения в тех или иных ситуациях. Термин «социальный институт» не имеет четкого определения и может обозначать как комплекс норм в той или иной конкретной области деятельности (гигиенические паттерны, религиозные обряды, протоколы делопроизводства и др.), так и

макросоциальные учреждения и формы регулирования (государство, право, мораль, церковь, рынок, демократия и т.д.).

Институционалисты, в отличие от маржиналистов и экономистов-неоклассиков, утверждают, что в экономике действуют не полностью свободные и автономные индивиды, а представители социальных групп, определенных социальных структур, всегда зависимых от существующей системы общественных отношений и сложившихся институтов. Возникновение институционализма связывают с именем классика социологии Э. Дюркгейма и разработкой им проблем социальной регуляции, социального порядка, нормативных систем и аномии. Во многом под влиянием социологии в первой половине XX в. начал развиваться институционализм и в экономической науке. Наиболее известными классическими институционалистами первого поколения стали Т. Веблен, У. Митчелл, Дж. Кларк, Дж. Коммонс и др. В области истории экономики этот подход развивал К. Поланы, книга которого «Великая трансформация» (1944) [15] оказала большое влияние на институциональное понимание экономики.

В современной экономической науке развитие получил так называемый неoinституционализм, самым известным представителем которого считают Д. Норта, который ввел классическое определение институтов: это «“правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [13, с. 17]. Институты в институционализме делятся на формальные и неформальные.

Институционализм, в отличие от классической и неоклассической экономической науки, рассматривает экономику не изолированно от общества, а как часть более широкой системы, т.е. изучает собственно экономические и внеэкономические явления в их единстве. Институционализм показывает, что внеэкономические факторы (социальные и культурные) существенно воздействуют на экономику.

В институциональных экономических исследованиях последних десятилетий выделилась группа исследований, сконцентрированных на выявлении зависимости экономического и технологического развития от социоисторического и социокультурного факторов. В частности, в институционалистской концепции *path dependency* («зависимость от предшествующего пути развития»; эффект «колеи») подчеркивается значение случайного выбора, сделанного на той или иной стадии развития, и его закрепления в виде технических и иных стандартов; а шире под зависимостью от предшествующего пути развития понимается влияние социальных и культурных норм и институтов, способствующих, или, наоборот, препятствующих эффективному развитию (П. Дэвид, Д. Норт, Б. Артур, Д. Пуфферт и др.).

Толчком к росту внимания к этой теме послужило исследование истории возникновения так называемой QWERTY — последовательности букв верхнего ряда клавиатуры в первых американских пишущих машинках 70-х гг. XIX в., ставшей фактически стандартом для всех последующих печатных устройств (несмотря на изобретение впоследствии более эргономичных раскладок). Впервые эффект *qwerty* был описан в 1985 г. в статье П. Дэвида «Клио и экономическая теория QWERTY» [27], после чего этот эффект был рассмотрен на примере стандартов шпал на железных дорогах и в других технических стандартах. Вскоре данные факты значимости предшествующих решений стали использоваться в качестве примера так называемых институциональных ловушек (*institutionaltrap*), или «эффекта блокировки» (*lock-in effect*), наиболее характерных, как показали исследования, для стран с переходной экономикой. К «институциональным ловушкам» относят такие нехарактерные для развитой капиталистической экономики явления, как бартер, неплатежи, блат, коррупция, неуплата налогов и др. Применительно к России «институциональные ловушки» и вообще проблемы зависимости от «предшествующего пути развития» (*path dependence*) исследовались в работах таких экономистов, как В.М. Полтерович, А.К. Ляско, О.С. Сухарев, Р.И. Капелюшников, Ю.В. Латов, Р.М. Нуреев, А.А. Аузан и др. В терминах «архаизации» экономики воздействие дорыночных институтов на современную российскую экономику исследовала У.Г. Николаева [12].

Культурный детерминизм исходит из положения об относительной автономности культуры от экономики и социально-политических процессов, а также из признания значимого детерминирующего влияния культуры и так называемого духовного фактора (традиций, ценностей, культурных норм, ментальных установок, религиозных верований, социальных идеалов, языковых структур и др.) на социально-историческое развитие человечества, в том числе на экономику.

Понятие «культура» имеет множество, причем разных, значений (еще в 1952 г. антропологи А. Кребер и К. Клакхон насчитали не менее 250 различных определений культуры), что во многом определяет специфику конкретных вариантов «культурного детерминизма». «Культура» может использоваться как фиксация всего «суперорганического» (надбиологического) в человеке (А. Кребер, К. Клакхон и др.), или фактически отождествляться с технологиями производства (Л. Уайт). Распространено знаково-символическое понимание культуры как системы знаков и символов (Э. Кассирер, Т. Парсонс, семиотика). Распространено отождествление культуры с ценностями (неокантианцы), с моралью, религией, искусством, и даже с философией (К. Ясперс).

Одним из наиболее ярких представителей культурного детерминизма является русско-американский социолог П.А. Сорокин, считавший духовный фактор решающим в историческом развитии [22, с. 527].

Сторонников культурного детерминизма можно условно разделить на два лагеря: 1) одни придерживаются унитарно-стадиального понимания человеческой истории и в соответствии с этой позицией принимают тезис о развитии общества и культуры, о прогрессе человечества; в этом случае культура связывается с накоплением знаний, развитием наук, прогрессом Разума, техническим прогрессом (А. де Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер, Л. Уайт и др.); 2) противоположный лагерь представлен сторонниками исторического плюрализма или так называемого «цивилизационного подхода» и «культурного релятивизма» методологической позиции, согласно которой нет единого человечества и общей культурно-исторической линии развития, мир состоит из отдельных локальных сообществ, каждое из которых создает уникальную и неповторимую культуру, не поддающуюся исчерпывающему анализу и сравнениям (О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, Л.Н. Гумилев и др.).

К другим представителям данного подхода относятся Ф. Боас, М. Ферсковец, А. Кребер и другие ученые, развивавшие идеи культурного детерминизма, отрицавшего единство человеческой истории; их теории нашли продолжение в работах Э. Сепира и Б. Уорфа, с точки зрения которых своеобразие мышления и культуры тех или иных народов отражается и фиксируется в языке, а сравнение языков и культур невозможно и методологически неверно.

Оппоненты культурных релятивистов резонно отмечают, что помимо уникальных элементов в каждой локальной культуре обнаруживается и значительная общечеловеческая составляющая, что позволяет представителям разных культур понимать языки друг друга, передавать знания от одного общества к другому, переводить произведения литературы и искусства. Фактом является также модернизация экономически отставших обществ, распространение и усвоение технических и научных достижений, что было бы невозможно в ситуации абсолютных различий языков и культур.

Одна из влиятельных ветвей культурного детерминизма связана с теорией ценностей, первоначально разрабатывавшейся в рамках философии «неокантианства» (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Кассирер и др.). Под значительным влиянием неокантианства находился и Макс Вебер.

В современных социологических исследованиях понятие «ценность» максимально приближено к поведению и выбору отдельного человека, операционализированно. Ценности стали рассматриваться не столько

как предельные высшие цели и смыслы, выводящие человека из мира обыденного в мир возвышенного, но скорее как система ориентиров, позволяющая человеку принимать конкретные жизненные решения. Стали развиваться международные сравнительные исследования ценностей, методологию и методику которых разработали зарубежные социологи и психологи Р. Инглхарт, Дж. Хофстеде, Ш. Шварц.

Культурный детерминизм получил наибольшее признание среди социологов, антропологов, этнографов, историков, философов. Среди экономистов элементы культурного детерминизма, как уже говорилось, проявляются в работах представителей классического и современного институционализма, в том числе у сторонников концепции «культура имеет значение», *path dependency* и некоторых других.

9.4. ДЕТЕРМИНИЗМ В ЭКОНОМИКЕ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ, ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Экономический детерминизм — методологическая позиция в социальных науках, согласно которой определяющим фактором общественного развития выступает экономика, экономические процессы определяют все остальные социальные изменения, наконец, именно развитие экономики лежит в основе прогресса общества.

Положение о том, что экономика в целом определяет развитие общества, разделялась очень многими историками и обществоведами. Однако различные направления историко-экономической теории выделяли в общественном производстве те или иные конкретные компоненты, которые рассматривали как определяющие.

К XVIII в. в европейской науке стал утверждаться экономико-технологический детерминизм, центральным понятием которого становится понятие «способ жизнеобеспечения». Их выделялось в истории четыре: охотничье-собираТЕЛЬский, скотоводческо-пастушеский, земледельческий и, наконец, новый — «торгово-коммерческий» («торгово-промышленный»). Типология форм хозяйствования тем самым стала пониматься в качестве основы для определенной стадийной типологии социально-исторических организмов и одновременно периодизации всей истории человечества.

Впервые в достаточно четкой форме концепция определяющего влияния технологий и способов жизнеобеспечения на развитие общества была изложена в работах французского экономиста Ж. Тюрго,

позже развита в трудах А. Смита, Дж. Далримпла, Г. Хоума, К. Гельвеция, Ф. Кенэ, Дж. Миллара, П. де Немура, И. Гердера, В. де Мирабо и многих других. Выдающимся французским социалистом-утопистом А. де Сен-Симоном было изобретено понятие «индустриальное общество» для обозначения возникшего в Европе типа общества, базирующегося на промышленном производстве.

Идеи экономического детерминизма также органично вошли в качестве важнейшей составляющей в концепцию исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

Многообразие «экономических детерминизмов» связано с тем, что в само понятие «экономика» различные исследователи вкладывали разный смысл. В рамках этого общего понимания экономики как «общественного производства» марксизм сделал акцент на социально-экономической составляющей; в других концепциях ведущая роль отводилась технологиям производства, совершенству орудий труда (это направление получило наименование «технологический детерминизм» или «технизм»). С возникновением маржинализма и позже неоклассики представления об экономике и самом предмете экономической науки существенно изменились: победили «методологический индивидуализм», теория рационального выбора и математическое моделирование оптимизационного поведения. «Экономический империализм» (Г. Беккер и др.), *модель максимизирующего выбора человека* стали усиленно распространяться на внеэкономические сферы — морали, брака, права, семьи, религии и др., в результате чего под экономическим детерминизмом нередко стали понимать универсализацию рыночной психологии и принципа максимизации полезности (подробнее об этом см.: гл. 16).

Экономический детерминизм можно обнаружить уже в работах Ф. Кенэ, У. Петти, Д. Рикардо, но наиболее разработанной его концепцией считается **марксистская социально-историческая концепция (исторический материализм)**. Основными понятиями этой концепции выступают понятия «общественное производство», «способ производства», «производительные силы», «производственные отношения», «общественно-экономическая формация», «базис», «надстройка» и некоторые другие.

Для марксизма в качестве основополагающего компонента в экономике выделяется система социально-экономических (производственных) отношений, понимаемых как система отношений собственности на средства производства и распределения. К. Маркс сформулировал положения исторического материализма в знаменитом предисловии «К критике политической экономии» следующим образом: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные

отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является лишь юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [9, с. 6–7].

В марксизме «технологическая» и «социально-экономическая» составляющая способа производства выступает как диалектическое единство. Важнейшее положение материалистического понимания истории заключается в утверждении того, что тип социально-экономических (производственных) отношений определяется уровнем развития производительных сил. Это дает основание причислять К. Маркса к «технологическим детерминистам».

Однако исторический материализм не сводится к технологическому детерминизму, что становится особенно очевидно, когда марксизм сравнивается с узкотехнистскими концепциями (теории индустриального и постиндустриального общества, теории технологических укладов). Специфика марксизма и разработанного в рамках марксизма диалектического и исторического материализма заключается как раз в выявлении значения общественной формы, в которой развиваются производительные силы, в открытии диалектического единства производительных сил и производственных отношений. Исторический тип общества («общественно-экономические формации») зависит от социально-экономических (производственных) отношений, а не непосредственно от уровня развития производительных сил. Последние не сводятся исключительно к технологиям производства, а связь производительных сил и производственных отношений не является механической.

В XX в. исторический материализм был существенно дополнен и развит благодаря достижениям исторической науки и экономической

этнологии (разработка теории первобытной экономики, теории «азиатского способа производства») [21]. Большое значение приобрели исследования современных тенденций развития капитализма, отраженных в теории империализма (Дж. Гобсон, Р. Гильфердинг, В.И. Ленин, Р. Люксембург и др.), а также в концепциях «зависимого» развития и «периферийного» капитализма (Р. Пребиш, Т. Дус-Сантус, Р. Марини, Ф. Кардозу и др.).

Марксистский подход (в многообразии внутренних направлений) в целом продолжает обладать высоким авторитетом в современных экономических и социологических исследованиях, поскольку позволяет учитывать сложность и многоаспектность социально-экономического развития общества, в том числе капитализма в современном мире, особенно в странах «третьего» мира, т.е. странах «развивающихся», под воздействием глобализации и формирования глобального капиталистического общества.

Одним из развитых и влиятельных вариантов экономического детерминизма в современной науке выступает так называемый **технологический детерминизм** — концепция, полагающая в основу развития общества технологическую составляющую экономики, т.е. развитие техники и технологий производства, совершенствование орудий труда, изобретение более продуктивных способов производства.

Идеи важности технологий в экономике утвердились давно, однако наибольшего влияния концепция технологического детерминизма приобрела именно в XX в. благодаря колоссальному научно-техническому прогрессу. С 1920-х гг. начинает активно использоваться сам термин «технологический детерминизм», создание и популярность которого связывают с именем американского экономиста и социолога Т. Веблена, а также его последователя К. Айриса и социолога техники У. Огборна.

Принято различать «жесткий» («крайний») и «мягкий» («умеренный») технологический детерминизм. Сторонники «жесткого» варианта технологического детерминизма рассматривают развитие технологий как подчиненный собственной логике процесс, слабо контролируемый людьми или даже вовсе независимый от социальных сил (Ж. Элльоль). Примером «мягкого» детерминизма считают концепцию У. Огборна, в которой взаимоотношения между технологиями и обществом опосредуются культурой: общество вынужденно приспосабливается к последствиям крупных технических изобретений, но делает это не автоматически, не механически, а с определенным отставанием, лагом (так называемая концепция *cultural lag*).

В середине — второй половине XX в. широкую популярность приобрели концепции индустриального и постиндустриального общества,

в которых развитию технологий уделялось центральное место (Ж. Фурастье, Р. Арон). Концепции Ж. Фурастье и Р. Арона стали ярким примером «исторического оптимизма», поскольку предрекали человечеству бесконечный прогресс и решение основных социальных проблем посредством прогресса техники. Однако в более поздней книге «Разочарование в прогрессе: Диалектика современного общества» (1969) сам Р. Арон более критично смотрит на будущее социальное развитие и пытается учесть непростые социальные и экономические противоречия и конфликты, которые имеют как локальный, так и глобальный характер.

В концепциях индустриального общества в 1960-х гг. появляется новое «футурологическое» измерение — рассуждение о ближайших перспективах развития экономики и общества, фиксируемых в понятии «постиндустриальное общество». Впервые этот термин был использован в 1959 г. американским социологом Д. Беллом. В 1980-х гг. особый акцент стал делаться на развитии информационных технологий (Й. Масуда). Американские футурологи Г. Кан и А. Вейнер в стали использовать термин «постэкономическое общество» для характеристики совершающихся на глазах изменений. Сторонники теории постиндустриального общества, как правило, в основу рассуждений полагают не просто идею первичности технологий, но и принимают предложенное известным английским экономистом К. Кларком (1905–1989) подразделение экономики на три сектора: первичный (сельское хозяйство), вторичный (обрабатывающая промышленность) и третичный (сфера услуг). Модель стала активно развиваться и получила название «трехсекторная модель экономики» (К. Кларка, А. Фишера, Ж. Фурастье). Сфера услуг в теориях постиндустриального общества нередко дополнительно разделялась на две подсектора — «третичный» (торговля, финансовая деятельность, управление) и «четвертичный» (наука, исследовательская деятельность, образование, культурные услуги, здравоохранение, социальное обеспечение, досуг). Переход к постиндустриальному обществу связан, по мысли сторонников теории постиндустриализма, с максимальным развитием четвертичного сектора.

Развивая концепцию постиндустриального общества, социолог Э. Тоффлер вводит понятие «информация». Социолог М. Кастельс подчеркивает, что хотя информация и знания стали главными источниками производственного роста уже в индустриальной экономике, однако специфика постиндустриализма связана с революцией в информационных технологиях, когда информационные технологии становятся господствующими, играют уже не вспомогательную, а основополагающую роль [7]. Термин «информационное общество» был введен еще в 1960-х гг. американским экономистом Ф. Махлупом и профессором Токийского технологического института Ю. Хаяши. Й. Масуда в 1972 г. представил

«План для информационного общества — национальная цель к 2000», который позже был расширен и вышел в виде книги «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1980).

Однако исторический оптимизм, характерный для сторонников технократизма и теории постиндустриализма, разделяли далеко не все ученые. В связи с докладами Римского клуба исторический оптимизм сменился алармизмом — настроениями озабоченности и тревоги относительно будущего (алармизм, от англ. *alarm* — тревога) [11], а также в программах и концепциях устойчивого развития (*sustainable development*) ООН [5].

В СССР концепции индустриального и постиндустриального общества подвергались критике как немарксистские в своей основе. Однако в постсоветской России концепции и понятия технологического детерминизма и постиндустриализма получили большую популярность, в частности, их сторонником выступил В.Л. Иноземцев [6, с. 4]. В России идеи технологического детерминизма стали развиваться в рамках концепции «технологических укладов», в том числе концепции «технологических волн», «технико-экономических парадигм», «больших технологических циклов» (Н.И. Кондратьев, Й. Шумпетер, Г. Менш, Т. Кучинский, К. Перес, К. Фримен, Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев и др.). Технологический уклад — совокупность сопряженных производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно.

Экономический детерминизм — как в марксистской, так и в технократической форме — не раз становился объектом критики. Поскольку экономический детерминизм всегда базировался на признании объективности экономического развития, неподвластности этого развития желаниям и воле отдельных людей, то вполне закономерно, что он вызывал неприятие со стороны религиозных мыслителей, представителей гуманистической философии, создателей этических концепций. Многим критикам представлялось, что признание объективности экономических процессов автоматически отменяет человеческую свободу, значимость морального выбора, утверждает приоритет материальных (экономических) благ над духовными ценностями. Так, к примеру, в русской религиозной философии С.Н. Булгаков подчеркивал, что, замыкая человека в сфере хозяйства и экономики, подобный детерминизм делает человека слепым к духовным измерениям и софийным смыслам. Н.А. Бердяев считал, что единственной причиной сущего является живое творчество, а его объективация в экономике и в ее теориях становится детерминизмом, который превращает людей в рабов своей алчности.

Внутринаучная критика экономического детерминизма, как правило, исходила со стороны смежных общественных наук — со стороны

социологии, философии, антропологии, исторической науки, политологии, культурологии — и фокусировала внимание на недоучете экономистами внеэкономических факторов, таких как социально-институциональная среда, правовые нормы, политическое устройство, культура, менталитет, традиции и т.д., которые способствуют или, наоборот, препятствуют экономическому росту и внедрению инноваций.

Внутри экономической науки также разгорались споры между сторонниками разных видов экономического детерминизма. Марксисты критиковали узких технологических детерминистов за игнорирование системы социально-экономических отношений, отношений собственности на средства производства, распределительных отношений, отношений неравенства и эксплуатации. В частности, акцентировалось внимание на различии социально-экономического устройства капиталистических и «социалистических» стран, имеющих общий индустриальный технологический фундамент, но различное социально-экономическое устройство. Обращалось также внимание на то, что сами по себе технологические инновации не приживаются и не дают должного экономического эффекта во многих развивающихся и транзитивных странах (в частности, в России), причиной чего выступают экономическая зависимость, периферийный капитализм и усиление противоречий в современной глобальной мир-системе (И. Валлерстайн) [1].

Выводы

1. Цель естественных и социальных наук — познание причин, лежащих в основании соответствующих явлений и процессов. Но процесс установления достоверных причин сложен, так как необходимо учитывать разнообразные взаимодействующие факторы, выяснять роль случайностей и свободы в развитии природы и общества.
2. Случайность и свобода имеют особенное значение для социально-гуманитарных наук, к которым относится и экономика. Под влиянием открытий в области физики, теории эволюции Ч. Дарвина, развития биологии и физиологии, разработки статистического и вероятностного подхода в области демографии, социологии и экономики в XX в. в целом в науке произошел переход с позиций абсолютного детерминизма на позиции относительного вероятностного детерминизма, включающего понятия неопределенности, случайности, вероятности, понимаемых как составные части объективной необходимости и предопределенности в мире.

3. Проблема детерминизма имеет долгую историю, ведущую начало от Античности; те или иные формы детерминизма можно найти и в естественных, и в социально-гуманитарных науках. В естественных науках сегодня выделяют однофакторные (монофакторные) и многофакторные (полифакторные) концепции детерминизма. При реализации многофакторных подходов, однако, всегда возникает вопрос об иерархии факторов и выделении наиболее значимого, ключевого фактора-детерминанта. С появлением новых отраслей экономического знания (в особенности междисциплинарных) проблема детерминизма в экономике становится еще более сложной, поскольку ее решение требует учета целого комплекса самых разных факторов — и биологических, и социальных, и личностных.
4. Проблемы детерминизма в общественных науках остаются одними из наиболее дискуссионных, поскольку связаны с наиболее общим пониманием законов и закономерностей социального развития. Экономический детерминизм в его различных вариациях продолжает в целом доминировать в общественных науках, однако встречает критику как со стороны представителей неэкономических дисциплин, так и внутри экономической науки. Критика экономического детерминизма в его неолиберальном варианте ведется представителями старой и новой институциональной теории. В рамках марксистской критической школы большое развитие получили теории периферийного капитализма и зависимого развития (депендизм), теории глобального капитализма и глобальных классов, ставшие новым этапом в теоретическом осмыслении марксистского экономического детерминизма.
5. Экономический детерминизм сегодня также подвергается критике, прежде всего как следствие господства рыночного мышления, в то время как социологи, экономисты и антропологи выяснили ограниченность рынка и рыночной экономики как лишь одной из фаз современного общества. Основная критика экономического детерминизма с этой стороны ведется в рамках экономической социологии и экономической антропологии.

Проблемный блок

1. Динамические и вероятностно-статистические законы: общее и различия. Вероятностно-статистические законы в экономике и социальной жизни.

2. Свобода и необходимость: от философии к экономике. Экономические законы и проблема «степеней свободы» человека в экономической деятельности (предпринимательской деятельности).
3. «Законы рынка»: экономический, правовой и институциональный аспекты. Рыночный фундаментализм и его критика.
4. Теория хаоса: возможно ли применение в экономической науке?
5. Что было, когда не было рынка? Применим ли экономический детерминизм к докапиталистическим обществам?
6. Насилие и внеэкономическое принуждение как факторы экономики. Д. Норт, К. Виттфогель и Ю.И. Семенов об экономиках в «азиатских» обществах.
7. «Экзогенные» факторы социально-экономического развития: культура, ценности, менталитет. Когда на самом деле «культура имеет значение»?
8. Qwerty-эффекты и их интерпретация: от теории к конкретным кейсам.
9. Периферийно-капиталистическая экономика: что мешает развитию?
10. Технологический прогресс и инновации: факторы успеха и тор-можения.
11. Инновации и их внедрение: проблемы стимулирующей / блоки-рующей социальной среды.
12. На пороге какого технологического уклада стоит Россия? Каковы его критерии и индикаторы?
13. Западный марксизм в экономической науке сегодня: подходы, проблемы, методы.
14. Демографический фактор в экономике современной России: де-мографическое окно или демографический провал?
15. Каковы географический и экологический факторы в современ-ной экономике? Природа имеет значение?

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Текст] / И. Валлерлайн; пер с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. — СПб.: Университетская книга, 2001. — 416 с.
2. *Вишневский А.Г.* Нерешенные вопросы теории демографической революции [Текст] / Г. Вишневский // Население и экономика. Population and Economics. Электронный журнал. — 2017. — № 1(1). — Р. 3–21.

3. *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики [Текст] / Г. Гегель. — М.: Мысль, 1974. — 452 с.
4. *Гутнер Г.Б.* Причина и следствие [Электронный ресурс] / Г.Б. Гутнер. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm>
5. Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2019 год [Текст]. — ООН, 2019.
6. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы [Текст] / В.Л. Иноземцев. — М.: Логос, 2000. — 304 с.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс; пер. с англ. О.И. Шкаратана. — М., 2000. — 606 с.
8. *Лаплас П.* Опыт философии теории вероятностей [Текст] / П. Лаплас. — М., 1908. — 206 с.
9. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — Т. 13.
10. *Марх А.* Основы квантовой механики [Текст] / А. Марх; пер. с нем. Т.А. Конторовой, Е.Б. Кофман и Н.В. Каштанова; под ред проф. Я.И. Френкеля. — М.; Л., 1933. — 295 с.
11. *Медоуз Д.* Пределы роста [Текст] / Д. Медоуз [и др.]; пер. с англ.; предисл. Г. А. Ягодина. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 208 с.
12. *Николаева У.Г.* Экономическая архаика и современность [Текст] / У.Г. Николаева. — М.: Дашков и К°, 2005.
13. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст]: пер. с англ. / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 190 с.
14. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь [Текст] / А.П. Паршев. — М.: Крымский мост-9Д, Форум, 1999. — 416 с.
15. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Текст]: пер. с англ. / К. Поланьи. — СПб.: Алетейя, 2002. — 320 с.
16. *Пригожин И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой [Текст] / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М., 1986.
17. *Семенов Ю.И.* Введение в науку философии. Кн. 3: Марксистский прорыв в философии [Текст] / Ю.И. Семенов. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 240 с.
18. *Семенов Ю.И.* Введение в науку философии: в 2 т. Т. 2. Вечные проблемы философии. От проблемы источника и природы знания и познания до проблемы императивов человеческого поведения [Текст] / Ю.И. Семенов. — М.: URSS, 2020. — 344 с.
19. *Семенов Ю.И.* Как возникло человечество [Текст] / Ю.И. Семенов. — М., 2002.

20. Семенов Ю.И. Философия истории [Текст] / Ю.И. Семенов. — М.: Академический проект, 2014. — 777 с.
21. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России: Философско-исторические очерки [Текст] / Ю.И. Семенов. — Изд. 3-е, стереотип. — М.: URSS. 2019. — 376 с.
22. Сорокин П. Кризис нашего времени [Текст] / П. Сорокин // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
23. Томсон Д. Дух науки [Текст] / Д. Томсон; пер. с англ. канд. физ.-мат. наук В.Н. Лысцова; под ред. И.Д. Болотовой и Е.С. Геллера. — М.: Знание, 1970. — 173 с.
24. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа [Текст] / А.И. Трейвиш. — М.: Новый хронограф, 2009.
25. Хилл Ф. Сибирское бремя: Просчеты советского планирования и будущее России [Текст]: пер. с англ. / Ф. Хилл, К. Гэдди. — М.: НОФМО, 2007. — 328 с.
26. Шулевский Н.Б. Философия хозяйства как мудрость века сего [Текст] / Н.Б. Шулевский // Философия хозяйства. — 2006.
27. David P. Clio and Economics of QWERTY [Text] / P. David // American Economic Review. — 1985. — Vol. 75. — No. 2. — P. 332–337.

Дополнительная литература

Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации [Текст] / Р.Ф. Абдеев. — М.: Владос, 1994. — 336 с.

Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ [Текст] / О.И. Ананьин. — М.: Наука, 2005. — 244 с.

Ефремов В.Я. Исторический детерминизм: некоторые аспекты многоаспектной научной проблемы [Текст] / В.Я. Ефремов, А.Г. Ипполитова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2016. — Т. 18. — № 3. — С. 123–129.

Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества [Текст]: пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. — М.: Прогресс, 1976. — 406 с.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — Т. 13. — С. 5–9.

МакКлоски Д.Н. Полезно ли прошлое для экономической науки? [Текст] / Д.Н. МакКлоски // THESIS. — 1993. — Вып. 1. — С. 107–136.

Назар С. Путь к великой цели. История одной экономической идеи [Текст] / С. Назар. — М.: АСТ, 2013. — 704 с.

Роббинс Л. История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики [Текст] / Л. Роббинс; пер. с англ. Н.В. Автономовой; под ред. В.С. Автономова. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. — 493 с.

Хайлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука [Текст] / Р.Л. Хайлбронер // THESIS. — 1993. — Вып. 1. — С. 41–55.

Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория [Текст] / А.Е. Шаститко. — М.: ТЕИС, 2010. — 828 с.

Худокормов А.Г. История экономических учений: (современный этап) [Текст] / А.Г. Худокормов [и др.]. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 733 с.

Branco M.C. Family, Religion and Economic Performance: A Critique of Cultural Determinism [Text] / M.C. Branco // Review of Social Economy. — 2007. — Vol. 65. — P. 407–424.

Dinu M. Indirect determinism [Text] / M. Dinu // Theoretical & Applied Economics. — 2013. — Vol. 20. — P. 169–173.

Hrubec M. Beyond the Civilizational Crisis: On Determinism emergence [Text] / M. Hrubec, M. Brabec // Perspectives on Global Development & Technology. — 2011. — Vol. 10. — S. 94–112.

Reijonen S. Environmentally friendly consumer: from determinism to emergence [Text] / S. Reijonen // International Journal of Consumer Studies. — 2011. — Vol. 35. — P. 403–409.

ЧАСТЬ IV

ЭКОНОМИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

ГЛАВА 10

ЭКОНОМИКА И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Термины: исходные посылки теории, нормативная экономическая теория, позитивная экономическая теория, понятийный аппарат экономической теории, структура экономического знания, экономическая модель, экономическая теория, эмпирический и теоретический уровни экономического знания, эпистемология.

Слово «эпистемология» имеет греческие корни (эпистема — знание, логос — учение) и означает учение о научном знании, его свойствах и структуре, способах анализа данного знания, социальных предпосылках его возникновения и моделях развития. Данное понятие было введено и активно применялось в позитивистской философской традиции начиная с XX в. В отечественных социально-гуманитарных науках использовался термин «гносеология», заимствованный из немецкой классической философии XVIII в. Лишь во второй половине XX в. в связи с переводами на русский язык работ по философии науки известных зарубежных авторов термин «эпистемология» стал употребляться наряду с понятием «гносеология», а в настоящее время даже начинает замещать последнее в научной лексике. Существуют различные трактовки взаимоотношений эпистемологии и гносеологии, начиная с их полного отождествления и заканчивая противопоставлением. На наш взгляд, представляется предпочтительной точка зрения известного отечественного специалиста в области философии познания Л.А. Микешиной: «Возникает необходимость рассматривать теорию познания (гносеологию) и эпистемологию (учение о научном познании) как части, входящие в более широкую область — философию познания, где они сохраняют свою абстрактно-гносеологическую и логико-методологическую природу и форму, но одновременно получают экзистенциально-антропологическое и «историко-метафизическое»

осмысление» [6, с. 13]. Таким образом, **эпистемология** — это учение о научном познании, которое необходимо рассматривать в более широком, общекультурном контексте.

Эпистемологию делят на несколько направлений. *Джастификационизм* (англ. *justification* — обоснование (термин ввел И. Лакатос)) изучает структуру знания и занимается обоснованием его истинности. *Социальная эпистемология* исследует социальные предпосылки создания знания. *Эволюционная эпистемология* выявляет способы и формы накопления и сохранения знания. *Генетическая эпистемология* рассматривает предпосылки и механизмы возникновения научного знания. Этот перечень может быть продолжен.

В современной философии существует два основных подхода к пониманию того, чем должна заниматься эпистемология.

С позиции *интернализма* она изучает абстрактную структуру знания, которое развивается благодаря имманентно присущим ему внутренним целям, средствам и закономерностям. Такой подход продолжает традиции, заложенные А. Койре, Р. Холлом, П. Росси, Г. Герлаком, И. Лакатосом, К. Поппером.

В условиях кризиса классической рациональности и выхода на первый план иррациональных способов познания особую роль приобретают консенсуальность и социальная обусловленность знания. Поэтому другой подход — *экстернализм* — подчеркивает ведущую роль социальных факторов на всех этапах развития научного знания. Познавательный процесс не имеет самодовлеющего значения, когда познание осуществляется ради умножения и совершенствования знания в соответствии с универсальным методом. Экстерналистский подход был заложен в работах Т. Куна, П. Фейерабенда, М. Малкея, М. Полани, Л. Косаревой, Г. Гачева.

В зависимости от подхода делается больший или меньший акцент на проблемах, которые образуют предметное поле эпистемологии. Перечислим основные проблемы: предпосылки возникновения и структура научного знания; сущность, принципы и методы научного познания; проблема истины; истина и смысл; вера и знание; критерии научности знания; взаимоотношения научного и иных видов знания.

10.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Эпистемология экономического знания, или экономическая эпистемология, — учение, изучающее специфику и структуру экономического знания. Круг проблем, характерный для эпистемологии в целом, сохраняет свою актуальность и для сферы экономики.

Структура экономического знания. Изучение экономического знания через призму эпистемологии предполагает анализ его структуры, прежде всего с точки зрения содержания, которое определяется разнообразием научных направлений и школ. Например, классическая экономическая теория (У. Петти, П. Буагильбер, Ф. Кенэ, А. Тюрго, А. Смит, Д. Рикардо); марксизм как направление классической политэкономии; историческая школа (Ф. Лист, В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс, Г. Шмоллер); неоклассическая школа (А. Маршалл, А. Пигу и др.) или неоинституциональная теория, основывающаяся на неоклассической теории (Р. Коуз, Д. Норт) и т.д. В современной экономической теории выделяют *mainstream*, базирующийся на неоклассической традиции, и альтернативные подходы. Несмотря на то, что границы между *mainstream* и альтернативными теориями постоянно изменяются, однако сохраняются общие методологические принципы (модель рационального максимизирующего поведения в условиях ограничений, равновесный подход), которые разделяют представители неоклассического подхода. Неоклассической микроэкономике и новой классической макроэкономике противостоит современный традиционный институционализм, отчасти новый институционализм, неоавстрийцы, поведенческая и экспериментальная экономика, посткейнсианство, радикальная экономическая теория. Как утверждает В.С. Автономов, в настоящее время произошло изменение в толковании *mainstream*, под которым теперь понимают разделы любой экономической теории, которые позволяют решать актуальные экономические проблемы [1, с. 485].

В каждой теории можно обнаружить основные предпосылки, формирующие картину экономической реальности или ее онтологию, понятийный аппарат и методологию. (Подробнее об этом см. гл. 8.)

10.2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ УРОВНИ

Структура научного экономического знания может быть раскрыта и с точки зрения уровней. Выделяют теоретическое знание, которое служит для объяснения экономических фактов и предвидения будущего, и эмпирическое знание — множество высказываний об абстрактных эмпирических объектах; это рациональное знание в отличие от множества чувственных образов.

Теоретический уровень воплощается в совокупности высказываний об идеальных объектах, их свойствах и отношениях применительно к сфере экономики.

Можно определить экономическую теорию в узком и широком смысле. В узком смысле экономическая теория — методологическая база

экономических наук, дающая общее представление об экономике, координирующее экономическое знание и объединяющее его в единую систему. В широком смысле — набор теорий разного уровня. Например, М. Фридмен определял экономическую теорию как позитивную науку, которая «представляет собой совокупность принимаемых на основе эмпирической проверки обобщений экономических явлений, которые можно использовать для предсказания последствий изменения обстоятельств» [7, с. 48].

Эмпирический уровень воплощается в совокупности единичных эмпирических высказываний (протокольных предложений) с указанием точного времени и места наблюдения, и фактов, являющихся обобщениями эмпирических высказываний. Факты находят символическое выражение в форме графиков, диаграмм, таблиц, классификаций, экономических моделей. Выделяют также эмпирические законы, которые раскрывают функциональные, причинные, статистические, структурные, динамические зависимости. Законы и факты образуют феноменологические теории. Теория сбережений Дж.М. Кейнса является примером феноменологической теории.

На восприятие эмпирического знания влияют различные фильтры отбора информации. Они связаны с практическими установками, когнитивными возможностями мышления, накопленным эмпирическим знанием, требованиями языка.

10.3. ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Любая экономическая теория состоит из основных предпосылок, понятийного аппарата, концептуального каркаса, образуемого теоретическими моделями; утверждений, выведенных из моделей; свидетельств правдоподобности теоретических выводов или условий проверки гипотез, взгляда на будущее или прогнозов.

Понятийный аппарат несет смысловую нагрузку и служит для обозначения основных элементов экономической реальности, таких как «товар», «фирма», «капитал». Понятия служат и для описания состояния экономических феноменов, например «экономическое равновесие» или «финансовый кризис». Экономические категории могут характеризовать и свойства предметов экономической действительности: «стоимость», «предельная полезность». Необходимо иметь в виду, что содержание понятий определяется общим контекстом теории. Так, «капитал» в теории К. Маркса — самовозрастающая ценность, у Дж.М. Кейнса — предметы, приносящие доход; «институты» у Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста — это: 1) формальное правило;

2) неформальные нормы; 3) механизмы принуждения; 4) разделяемые убеждения о мире, а у Т. Веблена — «стереотип мысли». Таким образом, одни и те же понятия в разных экономических теориях имеют различное содержание.

Само понятие «экономика» является предметом дискуссии и в разных теоретических традициях понимается неодинаково. (Подробнее об этом см. гл. 1.) Напомним, что авторы настоящего учебного пособия определяют экономику как науку, изучающую формы хозяйственной деятельности, направленной на повышение благосостояния индивида и общества.

Исходные предпосылки теории — общие положения, на которые опирается теория и которые принимает как аксиомы, например «институты имеют значение», «фирма максимизирует прибыль», «общественное благо характеризуется целевой функцией оптимизации» и т.д. Посылки создаются как удобное упрощение, и им характерна условность. В то же время они не произвольны, а формируются из обыденной жизни, мифологических и религиозных представлений или естественно-научной картины мира, философских и этических установок. Тем не менее свойство условности присутствует даже в тех положениях, которые предстают уму ясно и отчетливо (максимизация полезности и экономия издержек), т.е. кажутся самоочевидными. Это свидетельствует о том, что не существует абсолютно достоверных теорий.

Исходные предпосылки определяют формат модели, при помощи которой теоретические понятия и реальность соотносятся между собой. Модель позволяет систематизировать понятия, установить между ними определенные связи и отношения, которые сопоставляются с соответствующими связями и отношениями реального мира. Результат сопоставления позволяет корректировать модель, и таким образом происходит развитие теории.

В экономической теории используются разнообразные модели, начиная от простейших в форме метафор, таких как «невидимая рука» у А. Смита, до сложных математических моделей современной неоклассической теории.

Среди экономистов принято считать, что Ф. Кенэ первым построил экономическую модель, получившую название «Экономическая таблица» (1758). Данная модель воспроизводила кругооборот общественного продукта и была построена на основе использования принципов кровообращения.

В настоящее время возрастает роль сложных формализованных математических моделей, использование которых позволяет проследить сложные цепочки и взаимосвязи параметров и переменных.

В зависимости от цели исследования строятся как модели-аппроксимации (лат. *approximo* — приближаюсь), приближенные к экономической реальности, так и модели, получившие название карикатуры, которые намеренно искажают действительность, чтобы акцентировать внимание на отдельных характеристиках. Примером модели-аппроксимации является производственная функция Кобба — Дугласа, характеризующая распределение произведенного дохода между трудом и капиталом. В качестве примера модели-карикатуры можно привести теорему Р. Коуза, базирующуюся на модели рынка с нулевыми транзакционными издержками.

При разработке моделей необходимо отобрать и упростить факты таким образом, чтобы не исказить действительную природу явлений. Не случайно экономическая теория является компромиссом между стремлением к простоте и необходимостью схождения с реальными процессами. С одной стороны, простота удобна, но не является надежным критерием истинности и может исказить реальность. С другой стороны, слишком большое сходство делает модель неоперациональной. Решается данная дилемма с помощью принципа удобства, согласно которому наилучшей в теоретическом плане является модель, которая более всего операциональна.

В связи с этим заметим, что среди современных экономистов имеет место точка зрения, что теория и реальная практика далеки друг от друга. В действительности ценность теории определяется тем, насколько она отражает реальность и несет в себе в удобной форме достаточно информации о реальных явлениях.

В экономической науке, и в этом плане она близка к философии, нет модели, которая могла бы претендовать на получение абсолютной истины, поэтому предпочтение отдается модели, воспроизводящей реальность наиболее простым и удобным способом.

Изучение современных теорий обнаруживает две крайности: с одной стороны, логическую несостоятельность теоретических конструкций, а с другой — пренебрежение явлениями реальности. В первом случае в теориях оперируют нестрогими понятиями, содержание которых может различаться у одного и того же автора в разных работах. В таких теориях используется множество метафорических выражений, обозначающих все что угодно, но не годящихся для строгого анализа, например как у известного американского экономиста постмодернистского направления Д. МакКлоски, автора работы по риторике экономической науки [5].

Во втором случае абсолютизируется инструментарий математики, который должен быть лишь ценным средством. Именно в этом направлении более полувека развивалась современная экономическая теория,

как было сказано выше, когда создавались искусственные и полностью оторванные от реальности математические модели. Математический формализм препятствовал своевременному открытию направляющих идей, лежащих в основе прогресса любой науки.

Такой же крайностью в методологическом плане отличаются теории, основанные на механическом применении эконометрики и статистики, поскольку некорректное использование методов линейной корреляции делает их непригодными для изучения явлений. Использование моделей, построенных на основе таких методов, возможно лишь для единичных случаев, так как число объясняющих переменных и случайных параметров там настолько велико, что реальное объясняющее значение моделей оказывается почти нулевым.

10.4. ЦЕЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Разные методологические установки влияют на формирование целей теоретического анализа. Эмпирический подход требует получения фактов и прогнозов; рационалистический — формулировки законов и построения теорий, которые необходимы для понимания устройства экономической системы, объяснения причин происходящих экономических явлений и процессов. Кроме того, выделяют прикладные экономические цели для решения частных хозяйственных задач и управления экономикой в целом и прикладные неэкономические цели, когда экономика рассматривается лишь как средство. Данные цели связаны с военным потенциалом, социальной справедливостью и гражданским миром, уровнем счастья населения и т.п. Вопрос о целях и их практической операциональности в рамках экономической теории является дискуссионным. Так, М. Алле считает, что «предметом экономической науки не может быть определение целей, которые общество должно ставить перед собой. В любом обществе встанут вопросы, связанные с целеполаганием, но определение целей не входит в сферу экономической науки; впрочем, оно вообще не входит в сферу науки» [2, с. 217]. Определять цели, считать их справедливыми или несправедливыми может только общество, которое, по словам М. Алле, достигает приемлемого компромисса между различными возможными целями.

Экономическая наука способна сказать лишь о том, насколько поставленные цели являются совместимыми между собой и какие из используемых средств наиболее эффективны для достижения поставленных целей. Разрабатываемые экономические модели не дают готовых решений. Они могут определить лишь их последствия.

10.5. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТЕОРИЙ

Теория получает статус истинной в случае обнаружения подтверждающих ее фактов. При этом число опровергающих ее фактов не должно быть таким, чтобы возникла необходимость создания новой теории. Однако использование фактов в качестве подтверждения теории не всегда очевидно. Более того, важность фактов определяется самим исследователем и фокусом его внимания. Теория влияет на способ фокусировки, определяя ценность фактов и их зависимость от теории.

Как провозгласил М. Фридмен в работе «Методология позитивной экономической науки», качество и ценность теоретических моделей зависит от возможности теории давать точные прогнозы [7]. Требование реалистичности предпосылок излишне и может препятствовать успешному развитию теории.

В современной экономической теории широкое распространение получает подход, согласно которому ученый свободен в выборе средств исследования и подтверждения знания. Тезис представителя постпозитивизма П. Фейерабенда «допустимо — все» стал символом свободного творчества и прогресса науки. Вместе с тем плюрализм не должен вырождаться во вседозволенность, разрушающую научное сообщество, поэтому прежние методологические подходы трансформируются и на смену предписывающей, нормативной приходит дескриптивно-аналитическая установка, описывающая, как создаются новые знания, какие методы являются приоритетными.

Таким образом, проблема истинности теории не может быть решена только сопоставлением ее с эмпирическим знанием. Ее решение требует привлечение дополнительных средств, в том числе метатеоретических оснований экономического знания.

10.6. ПОЗИТИВНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Структура экономического знания может быть осмыслена с позиции ее деления на позитивные и нормативные теории: позитивные теории — это теории, которые ограничиваются положениями, подтверждаемыми фактами, поэтому позитивная экономическая теория свободна от ценностных суждений; нормативные теории включают ценностные суждения, определяющие каноны научного исследования, которые могут иметь неэкономическую природу. Речь идет в первую очередь о неэкономических интересах человека и общества, реализация которых

затрагивает тем не менее область экономики, заставляя последнюю корректировать свое развитие в соответствии с этими интересами. В то же время различие между нормативными и позитивными теориями относительно, так как набор определенных ценностей может содержаться в предпосылках позитивной теории.

Позитивная экономическая наука, так же как и любая из физических наук, претендует на статус «объективной» науки. Но есть отличие: здесь сам исследователь рассматривается в качестве объекта анализа, поэтому возникают трудности с достижением объективности. Однако это позволяет субъекту изучать такие факты, которые недоступны при исследовании мира физических явлений.

Выводы

1. Эпистемология экономики — это направление философского осмысления экономической реальности и ее теоретической интерпретации с позиции целостного человека. Данное направление содержательно взаимосвязано с онтологией, методологией и антропологией экономики.
2. Несмотря на то что в современной экономической теории сохраняется лидирующее направление (*mainstream*), тем не менее границы между ним и альтернативными теориями являются подвижными.
3. В основе конкуренции между различными школами лежит эволюционный принцип. Теории, обладающие слабой предсказательной силой, со временем исчезают с теоретического поля.
4. Современная экономическая теория характеризуется все большим многообразием и тенденцией к специализации, что во многом обусловлено усложнением самой экономической жизни. Специализация проявляется в делении на различные направления, такие как теория отраслевых рынков, теория общественного богатства, теория игр и т.п. Такая специализация необходима, но важен и широкий общий взгляд. Кроме того, следует помнить, что сама экономическая наука является одной из социальных наук.
5. При разработке экономических моделей, лежащих в основе той или иной теории, необходимо руководствоваться принципом удобства, согласно которому наилучшей в теоретическом плане является модель, которая более всего операциональна.
6. Экономические модели не дают готовых решений. Они могут лишь определить последствия этих решений.

Проблемный блок

1. Эпистемология и гносеология: точки пересечения и различия.
2. Понятие «объективной» экономической науки.
3. Формирование универсального экономического языка и его взаимоотношения с языками других наук.
4. Понятие *mainstream* в экономической науке: прошлое, настоящее, будущее.
5. Модель-аппроксимация и модель-карикатура как выбор между реалистичностью и операциональностью теории.
6. Эвристическая значимость парадоксов М. Фридмена.

Приложение 10.1

Людмила Александровна Микешина о современном познании: «Наряду с классическими познавательными практиками — сенсуалистической локковской и “отражательной” марксистской, кантовским единством практического и теоретического разума, неокантианской “систематической”, попперианским критическим рационализмом, а также аналитической философией — наиболее значимые сегодня, по моему убеждению, — это герменевтическая и феноменологическая когнитивные практики. Они включают такие феномены и “сферы”, как очевидность, интенциональность, смыслы, истолкования и интерпретации, темпоральность, течение и формы жизни, жизненный мир, повседневность и другие» [6, с. 15].

Имре Лакатос в работе «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ» писал: «“Джастификационисты” полагают, будто научное знание состоит из доказательно обоснованных высказываний. Признавая, что чисто логическая дедукция позволяет только выводить одни высказывания из других (переносить истинность), но не обосновывать (устанавливать) истинность, они по-разному решают вопрос о природе тех высказываний, истинность которых устанавливается и обосновывается внелогическим образом. Классические интеллектуалисты (в более узком смысле — “рационалисты”) допускают весьма различные, но в равной мере надежные типы “внелогического” обоснования — откровение, интеллектуальную интуицию, опыт. Любые научные высказывания могут быть выведены логически из подобных оснований. Классические эмпирицисты считают такими основаниями только сравнительно небольшое множество “фактуальных высказываний”, выражающих “твердо установленные факты”. Значения истинности таких высказываний устанавливаются опытным путем, и все они

образуют эмпирический базис науки. Если требовать, чтобы в основаниях науки не было ничего, кроме узкого эмпирического базиса, то для доказательного обоснования научных теорий нужны более эффективные логические средства, чем дедуктивная логика, которой ограничиваются интеллектуалисты, например, “индуктивная логика”. Все джастификационисты, будь то интеллектуалисты или эмпирицисты, согласны в том, что единичного высказывания, выражающего твердо установленный факт, достаточно для опровержения универсальной теории; но лишь немногие осмеливаются утверждать, что конечной конъюнкции фактуальных высказываний достаточно для “индуктивного” доказательного обоснования универсальной теории.

Джастификационизм, считающий знанием лишь то, что доказательно обосновано, был господствующей традицией рационального мышления на протяжении столетий. Скептицизм не есть отрицание джастификационизма; скептики только полагают, что нет (или не может быть) доказательно обоснованного знания и поэтому нет знания вообще. Они видят в “знании” только разновидность веры, свойственной всем одушевленным существам. Тем самым скептицизм, остающийся джастификационистским, дискредитирует знание, открывая дверь иррационализму, мистике, суевериям» [4, с. 5].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. Автономов В.С. Методологические проблемы современной экономической науки [Текст] / В.С. Автономов // Автономов В.С. В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. — С. 477–488.
2. Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: Критика постулатов и аксиом американской школы [Текст] / М. Алле // THESIS. — 1994. — Вып. 5. — С. 217–241.
3. История экономических учений [Текст]: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 784 с.
4. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ [Электронный ресурс] / И. Лакатос. — URL: http://royallib.com/book/lakatos_i/falsifikatsiya_i_metodologiya_nauchno_issledovatel'skih_programm.html
5. МакКлоски Д. Риторика экономической науки [Текст] / Д. МакКлоски. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара; Международные отношения, Фак-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. — 328 с.

6. Микешина Л.А. *Философия познания. Полемические главы* [Текст] / Л.А. Микешина. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 624 с.
7. Фридмен М. *Методология позитивной экономической науки* [Текст] / М. Фридмен // THESIS. — 1994. — Вып. 4. — С. 20–52.
8. Эрроу К. *Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов* [Текст] / К. Эрроу // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — С. 53–68.

Дополнительная литература

Норт Д. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* [Текст] / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст; пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 480 с.

Касавин И.Т. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* [Текст] / И.Т. Касавин. — М.: Реабилитация, 2009. — 1248 с.

ГЛАВА 11

СПЕЦИФИКА МЕТОДОВ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Термины: метод, методика, методология, объективность экономического знания, экономическая методология.

11.1. ПОНЯТИЕ НАУЧНОГО МЕТОДА И МЕТОДОЛОГИИ

В науке — будь то естествознание или социально-гуманитарные науки (экономика, социология, психология, философия) — метод и методология играют важнейшую роль в процессе постановки и решения теоретических и практических задач. В отличие от обыденного познания наука использует специально разработанные методы и в этом смысле руководствуется определенным типом рациональности — научной рациональностью. В общем смысле метод как способ планомерной деятельности в теории и практике существовал до науки и существует сегодня вне научного познания.

Представление о методе как о необходимом элементе и условии истинного познания возникает с зарождением философии [8].

На данный момент в научной литературе существует несколько трактовок понятий «метод» и «методология». Не вдаваясь в специальный анализ их различных определений, предлагаем под **методом** понимать систематическую процедуру, состоящую из последовательности определенных операций, применение которых либо приводит к достижению поставленной цели, либо приближает к ней; **методологию** мы определяем как вписанную в мировоззрение исследователя систему принципов построения научной теории и принципов связи данной теории с практикой. Кроме того, методология является учением о методах, их сущности и видах, специфике применения в разных науках.

От методов нужно отличать методику как систему правил проведения определенных действий для достижения поставленной цели; методика имеет прикладной характер и отличается от метода конкретизацией приемов и задач.

Традиционно методы разделяют на философские, общенаучные, частонаучные (специальные) и междисциплинарные. Для философских методов характерно стремление к получению наиболее общего знания. Формирование методологии представляет процесс развития самой философии. В то же время философия разрабатывает методологические основания социально-гуманитарных и естественных наук.

К философским методам относятся диалектический, метафизический, формально-логический, феноменологический, герменевтический, критический и другие методы. Так, диалектический метод помогает рассмотреть предмет или явление с точки зрения его развития под влиянием внутренне присущих этому предмету (явлению) противоречий. В противоположность диалектическому метафизический метод применяется для изучения предметов и явлений в аспекте их статических состояний и вне взаимосвязей как этих состояний, так и предметов (явлений) между собой. Формально-логический метод исключает противоречия в исследуемой реальности и направлен в основном на обоснование той или иной мысли, позволяя сделать последнюю строгой. Феноменологический метод представляет собой «исследование данностей первичного опыта — феноменов», основанное на интуиции и созерцании, а также имеющее «дескриптивный, а не каузально объясняющий характер» [23]. В рамках феноменологического метода исследователь оставляет за скобками существующее знание о предмете и возможные предпосылки его понимания. Герменевтический метод используется для понимания и интерпретации смысла текстов и знаков. Критический метод применяется для выявления положительных и отрицательных сторон предмета (явления) в его отношении к тем или иным целям исследования.

Общенаучные методы можно классифицировать на основе различия уровней научного познания — эмпирического и теоретического. Уровни познания тесно связаны друг с другом, поэтому их не стоит противопоставлять. На эмпирическом уровне исследователь имеет дело с реально существующими объектами, накоплением и обработкой фактов, первоначальными обобщениями и классификацией материала. Исследование на теоретическом уровне позволяет делать более глубокие обобщения, выстраивать гипотезы, формулировать теории и законы. На эмпирическом уровне научного познания используют такие общенаучные методы, как наблюдение, измерение, эксперимент. Абстрагирование, идеализация и формализация характерны для теоретического уровня. На обоих уровнях применяются анализ и синтез (скорее операции мышления, чем отдельные методы), моделирование, индукция и дедукция, аналогия.

Эмпирические методы в экономическом познании

Наблюдение — «целенаправленное восприятие статистических и других экономических данных для выявления с помощью абстракции внутренних связей, скрывающихся за ними» [10]. Этот метод является первичным для экономического исследования. Пример наблюдения — перепись населения, опрос или интервью. Наблюдение может являться частью экономического эксперимента, но следует понимать, что сам эксперимент такого рода часто затруднителен в силу специфики его объекта — общества и происходящих в нем процессов.

Различают качественное и количественное наблюдения; качественным наблюдением можно назвать интервью, а количественным — перепись населения. С последним типом наблюдения связаны две существенные проблемы: а) проблема точности экономических данных — исследователю необходимо адекватно описать свой объект, например привлекая для этого статистические показатели, которые должны отражать основные свойства, характеристики исследуемого объекта. В экономике не существует единой системы измерения экономических величин, и если объект является сложным, возникает проблема сочетания различных показателей; б) проблема измерения экономических величин — последние делятся на натуральные, трудовые, стоимостные (денежные) и другие [10]; для каждой категории величин существуют свои трудности при их расчете.

Описание служит методом терминологического оформления экономических фактов. Здесь возникает проблема интерпретации фактов, так как ни один из них не существует в вакууме, но обретает смысл и глубину лишь в определенной системе категорий. С описанием тесно связан метод экономического моделирования.

Измерение служит основным методом анализа экономической эмпирии. Однако экономическая реальность — это живая, постоянно развивающаяся реальность; и чтобы ее измерить, необходимо подходить к экономическим явлениям с продуманной теорией, способной гармонично выстроить, описать и объяснить факты. Измерение в этом смысле не может производиться абстрактно, оно всегда связано с определенными целями и задачами, вписанными в теорию, которой руководствуется исследователь. Измерение также подразумевает использование определенных экономических величин (переменных), например доходов и издержек фирмы. Эти переменные лежат в основании экономических данных — выраженных в математической форме фактов, несущих информацию об определенном фрагменте реальности, существующей в действительности или в виде модели. Экономические переменные

обладают различной размерностью в зависимости от периода, который учитывается в нашем измерении: если мы берем данные за определенный период, скажем, за месяц или год, экономические переменные будут иметь интервальную размерность; если данные исследования касаются какой-то одной временной точки, например конкретного дня, это будет моментная размерность.

Классификация является методом организации экономического материала в форму матриц, необходимых теории. У любой классификации есть критерий, или основание, — некий существенный признак (или их группа), определяющий распределение материала по классам. В результате проведенной классификации образуется иерархически выстроенная система, в основе которой лежат номинальные данные [10] — сведения об объекте, уже вписанном в заданную существенными признаками систему. Эти данные впоследствии можно использовать для автоматизированного расчета моделей.

Классификация в экономической науке имеет свою специфику, свойственную и другим социальным наукам. Так, в экономике (особенно в статистике) используется методика группирования материала по различным критериям (страновому, региональному, демографическому, отраслевому, деятельностному, административно-территориальному и др.); классификация не имеет исчерпывающего характера (в отличие от аналогичного метода в естественных науках); не всегда можно провести четкие границы между классами объектов, явлений и процессов; в процессе классификации необходимо учитывать исторический аспект рассматриваемых явлений, их взаимодействие и взаимовлияние.

В России действует *Единая система классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации* (ЕСКК), интегрирующая, во-первых, основные классификаторы — «систематизированные перечни товаров, позволяющие находить место каждому объекту и присваивать ему определенное обозначение (обычно смысловое или численно-буквенное обозначение)» [6]. Классификаторы являются нормативными документами, отражающими не только систему кодирования определенных объектов (от экономических специальностей до услуг населению и медицинских товаров), но и содержащими основные принципы классификации объектов той или иной категории.

Археологические методы направлены на поиск «первопредков» экономических форм. Под археологией здесь понимаются скорее интеллектуальные «раскопки», призванные восстановить, например, процесс образования капиталистического общества или отдельных экономических институтов.

Методы аналогии позволяют использовать в экономическом анализе опыт других наук. Так, в эволюционной экономике общество рассматривается по аналогии с живым организмом, а конкуренция сравнивается с естественным отбором. В статье В.А. Колесникова и В.М. Юрова проводится аналогия «между термодинамической и микроэкономической системами» [8, с. 837], например сравнивается количество вещества и запас ресурса. По принципу аналогии одна наука может заимствовать понятия из другой науки, в частности, понятие равновесия в экономику пришло из физики. Аналогия также имеет место там, где мы на основе поведения модели делаем прогноз о том, как будет проходить тот или иной процесс в реальной экономической системе. Выделяют три типа аналогии — аналогию свойств, отношений и структуры (сравнение экономических систем разных стран). На основе аналогии строятся экономико-математические модели; этот метод также активно используется в экспериментальной экономике. Необходимо помнить, что аналогия всегда имеет вероятностный характер. Границы данного метода также обусловлены предметными границами наук.

Теоретические методы в экономическом познании

Единство исторического и логического — принцип целостного экономического исследования, позволяющий рассматривать любой предмет, явление, процесс, с одной стороны, в его историческом развитии, а с другой — в аспекте его структурных взаимосвязей — как внутренних, между элементами самого объекта, так и внешних, между объектом и средой, объектом и другими объектами и процессами. При этом нужно учитывать необходимость отбора тех исторических фактов, которые отражают типичное и существенное в исследуемом объекте или процессе. Это означает, что теория не может описать все аспекты исторического развития объекта; более того, в этом и нет необходимости. Логически воссозданная история объекта обретает теоретическую чистоту, строгость, закономерность и четкость.

Данный метод был сформулирован Г. Гегелем в его учении о логике. По Гегелю, логические понятия, развиваясь, наполняются конкретным историческим содержанием [см.: 5]. В дальнейшем метод единства исторического и логического был разработан К. Марксом и Ф. Энгельсом в рамках учения о диалектическом материализме. По Марксу, «последовательность рассмотрения сторон исследуемого... объекта... определяется их взаимоотношением в рамках сложившейся и воспроизводящей себя системы» [22].

Метод абстрагирования выделяет в познании отдельные существенные свойства экономических явлений, закрепляя их в терминах.

Например, понятие «фирма» предполагает отвлечение от таких характеристик конкретных фирм, как форма собственности, специализация, юридический и физический адрес и проч.

Восхождение от абстрактного понятия к конкретной теории — основной метод теоретического познания в экономике. Метод теоретически был обоснован Г. Гегелем, а практическая мощь его доказана «Капиталом» К. Маркса. Конкретное есть реальность во всем ее богатстве, а также отражение этой реальности в форме научного знания о ней. Второй аспект конкретного представлен Г. Гегелем как системный синтез понятий и категорий. Такой синтез позволяет целостно описать исследуемую реальность, теоретически воссоздать ее. Абстрактное есть результат процесса абстрагирования (отвлечения от несущественных свойств предмета и концентрации на его существенных свойствах). Абстрактным является, например, понятие экономики, поскольку в нем не содержится информации обо всем разнообразии экономической организации разных обществ. Однако, создавая определенную теорию, мы с необходимостью движемся от абстрактных понятий (экономика, рынок, фирма, конкуренция, поведение и проч.) к всестороннему представлению интересующего нас явления. Опираясь на абстрактные понятия, такое представление интегрирует сведения о конкретно-исторических условиях, скажем, формирования рынка мобильных средств связи в России начала XXI в., о взаимосвязях, закономерностях, особенностях исследуемого предмета или явления. Любая тема научной работы предполагает такое движение от абстрактного к конкретному.

Метод идеализации предполагает создание идеального объекта, который хотя и соотносится с определенным реальным объектом, но представляет собой максимально абстрактную модель. В данном случае имеет место не только процедура абстрагирования, но также и создание свойств, отсутствующих у реального объекта. Идеализация необходима для более четкого, зачастую математически выраженного представления об объекте, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать поведение реальных экономических объектов. Примером идеализации в экономике может служить модель совершенной конкуренции.

Метод экономического моделирования нацелен на создание идеальных образцов изучаемых феноменов, посредством которых исследуется экономическая эмпирия.

Аксиоматический метод требует отыскивать безусловные основания познаваемых экономических явлений. Такие основания обычно не предполагают доказательства их реального существования, но являются универсальными предположениями, своего рода теоретическими атомами той или иной концепции. Аксиоматический метод представляет

собой разновидность дедуктивного построения научной теории: из принятых аксиом как неких теоретических утверждений логически выводятся другие утверждения и понятия теории. Совокупность аксиом, лежащих в основании любой науки, называют *аксиоматикой*. Данный метод имеет свои ограничения, наиболее существенным из которых является невозможность исчерпывающего представления научного знания в форме аксиом (т.е. невозможность полной формализации научного знания). Поэтому аксиоматический метод обычно применяется к уже достаточно продуманной научной теории. Интересно, что даже в рамках математики, где формализация имеет огромное значение, ученые указывают на несовершенство данного метода, который «избавляет математику от смысла» [24]. В экономике аксиоматический метод также проблематичен: например, сегодня активно критикуется аксиоматика неоклассической экономической теории, в частности, предпосылки, лежащие в основе модели экономического человека.

Генетический метод направлен на исследование источников, причин и условий возникновения экономических явлений. Данный метод сложился в конце XVIII — начале XIX в. в естественных науках, впоследствии был развит Г. Гегелем в применении к анализу развития форм сознания и науки. Генетический метод используется в эволюционной теории, психологии, социологии, философии, психоанализе. В экономической науке данный метод представлен в исторической и эволюционной формах; в первом случае он подразумевает анализ особенностей исторического развития предмета или явления, во втором — скорее анализ общей логики развития предмета, иногда игнорирующий исторические особенности этого развития. Эволюционный анализ экономических процессов также можно трактовать как интерпретацию их развития с точки зрения теории эволюции. Генетический метод активно используют представители австрийской экономической школы и новой институциональной экономики.

Методы компьютерно-информационного моделирования направлены на создание искусственных экономических дублеров, которые призваны выявлять скрытые, невидимые стороны экономической жизни.

Когнитивные методы представляют изучаемые экономические явления в форме искусственного знания, которое служит средством проникновения в суть экономических идей, прогнозов.

Общелогические методы в экономическом познании

Общелогические методы познания используются во всех науках для конкретизации нашего знания о предмете и выяснения причинно-следственных взаимосвязей между явлениями.

Индуктивный метод формулирует гипотетические экономические суждения. Этот метод опирается на данные эмпирического опыта и предполагает создание индуктивных обобщений, т.е. движение от частного (экономических фактов) к общему (экономической теории). Индуктивные обобщения носят гипотетический характер, т.е. являются вероятностными и нуждаются в дальнейшей проверке. Ограничения индукции связаны и с тем, что факты экономической действительности меняются, и с трудностями в осуществлении полной индукции (учета всех относящихся к делу фактов), и с тем, что экономические факты не существуют вне рамок интерпретирующей их теории. Наконец, в экономической действительности одно явление может иметь множество причин. Существуют четыре основных индуктивных метода: метод единственного различия, метод единственного сходства, метод сопутствующих изменений и метод остатков. Английский экономист Дж.С. Милль в одной из своих работ [13] отмечает, что наиболее достоверным индуктивным методом рассуждения является, в его терминологии, метод различий, когда мы сравниваем явления, различающиеся между собой в чем-то одном, что мы и можем считать причиной обоих явлений. В современной науке считается, что все четыре метода следует применять вместе.

Дедуктивный метод дает формально-точные экономические выводы из общих посылок. Дедукция, в противоположность индукции, предполагает движение от общего (теории) к частному (конкретным фактам). Некоторые экономисты, например Дж.С. Милль и У.С. Джевонс [25], считали, что в экономике и других следует использовать индуктивно-дедуктивный метод, поскольку индукция и дедукция взаимосвязаны и могут дать достоверный результат только если мы будем использовать оба метода.

Аналитический метод предполагает разделение целого на части. Например, когда мы исследуем такое сложное экономическое явление, как безработица, нам необходимо рассмотреть понятия безработицы, труда, рабочей силы и занятости, определить виды безработицы, проанализировать различные методы оценки уровня безработицы, выявить ее последствия и т.д. Экономический анализ может быть качественным и количественным; последний предполагает привлечение математических методов.

Синтетический метод используется для того, чтобы из имеющихся разрозненных элементов или свойств создать систему и получить, таким образом, новое знание, чего анализ дать не может. С другой стороны, без анализа невозможно выявить необходимые для понимания определенного экономического явления элементы, между которыми синтетический метод позволяет установить связь.

Рациональное мышление не может осуществляться без этих общелогических процедур, поэтому их не рекомендуется использовать в качестве специальных методов в научных исследованиях — они представляют собой подразумеваемую основу любой, в том числе научной, мысли.

Частнонаучные методы отражают специфику отдельных наук, например в экономике используется метод экономико-математического моделирования; в психологии — метод самонаблюдения; в биологии — цитогенетический метод и т.д.

Междисциплинарные методы предполагают наличие общего объекта исследования (в нашем случае — человек, социальная группа, государство). В качестве таких методов могут выступать как общенаучные, так и частнонаучные методы — выбор зависит от специфики исследования, от того, какие именно науки в него вовлечены. Методы можно также разделить на **качественные** — исторический, герменевтический методы, метод экспертных оценок и **количественные** — математический и статистический анализ, эконометрические методы.

Взаимосвязь предмета и метода науки

Применение тех или иных средств, подходов, принципов — методологического арсенала — в условиях научного познания (и не только) предполагает определенное соответствие между предметом науки и теми методами, которые она использует. Оно обретает особое значение в условиях применения специфических методов. Но так было не всегда. В период становления экономической науки она использовала методы естествознания. Поэтому можно говорить об определенной автономии предмета и метода. Но на этапе зрелости экономической науки ее специфические методы становятся частью ее предмета.

Метод (но не только он) обеспечивает эффективное продвижение ученого к цели его исследования. Интуитивно мы понимаем, что цели естественных наук и наук социально-гуманитарных различаются: первые исследуют физический мир во всем его многообразии; вторые изучают человека (как духовно-телесное существо) и общество. Внутри и тех, и других наук также существует разделение на отдельные науки (физику, химию, биологию и т.п. — в естественных науках; социологию, психологию, экономику и проч. — в социально-гуманитарных науках). Предмет социологии — общественная жизнь человека, изучение групп и обществ; предметом экономической теории являются формы хозяйственной жизнедеятельности, направленной на повышение благосостояния индивида и общества. Такая формулировка предмета предполагает, что экономическая теория для приращения нового знания использует методы, позволяющие оценить экономическое развитие и повышение благосостояния людей. При этом используются как количественные, так и качественные методы.

11.2. МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Определение специфики методологии экономической науки подразумевает указание места, которое занимает экономика в ряду других наук. В наиболее общем смысле можно сказать, что экономическая наука является «конкретно-специальным знанием о человеке, его мире и культуре» [12, с. 392]. Будучи частью социальных наук, экономика нуждается также в установлении ее отличия от своих «коллег по цеху» — социологии, психологии, политологии и др.

Содержательным отличием экономической теории от социологии и психологии является то, что внимание экономической теории направлено прежде всего на аспекты социальной жизни, которые связаны с процессом хозяйственной деятельности человека, с проблемой эффективного распределения ограниченных ресурсов, проблемой выбора. В то же время принцип рациональности, распространенный в экономической теории и трактуемый достаточно широко, вкупе с категорией выбора послужил причиной возникновения такого направления в современной экономической мысли, как «экономический империализм». В рамках данного направления происходит экспансия неоклассической методологии на такие социальные науки, как социология, социальная психология, история, юриспруденция и проч. В связи с этим современную экономическую теорию иногда склонны считать универсальной социальной наукой. Необходимость уделить особое внимание определению сущности методологии социальных (общественных) наук заключается в том, что, во-первых, к ним относится и экономическая теория; во-вторых, с самого начала формирования экономической науки как самостоятельной дисциплины экономисты предпочитали обращаться к методам естественных наук [9]. Эта черта присуща и современной экономической науке, так и не вышедшей за пределы философии позитивизма с ее нелюбовью ко всему «неточному» и «субъективному». Понятно, что естественные науки имеют более долгую историю, чем экономика и социология; бесспорно также стремление ученых к максимальной точности и объективности исследований и выводов. Однако само понятие объективности неоднозначно, оно исторично и начиная с XIX в. постоянно пересматривается (например, в таких философских школах и направлениях, как экзистенциализм, немецкая классическая философия, персонализм, философия жизни, герменевтика). Кроме того, объективность зависит от объекта познания, а в этом смысле мы находим существенные различия между естественными и социальными науками. Так, «объекты социального знания неповторимы, не

поддаются воспроизведению, нередко уникальны. Социально-гуманитарное знание зависит от ценностей, которыми занимаются философия и конкретные науки» [2, с. 61–62]. Поэтому «то, что часто принимают за характеристики реальности, на самом деле является предрасположенностью сознания» [3, с. 116]. Абстракции в таком знании являются вспомогательным инструментом, а не самоцелью, как в естественных науках. Достаточно вспомнить исследования неокантианцев (в частности, Г. Риккерта, разделявшего науки о духе и науки о природе). Выяснение границ абстрактности экономического знания имеет прямое отношение к взаимосвязи экономической теории и экономической политики [1].

По мнению С.А. Бартенева, «универсальных способов научного познания не существует... Модели, интерпретация, доказательства в экономической науке отличаются от применяемых в механике или в биологии» [2, с. 61]. Например, законы, действующие в экономической науке, обладают характером тенденций. Эта мировоззренческая позиция актуализирует «социально-этический» [2, с. 60] аспект методологии социальных наук. Особенностью наук об обществе является включенность субъекта науки — исследователя — в предмет (те или иные аспекты жизнедеятельности общества), особая роль ценностей и оценок в процессе формирования теории, проведения эксперимента, применения теории на практике.

11.3. МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Особенности методологии экономической науки следует рассматривать в связи с проблемой ее научного статуса и предметного самоопределения.

Сложный характер экономической методологии обусловлен природой экономической науки, связанной с целенаправленной деятельностью людей [21]. С точки зрения О.С. Сухарева, «экономическая наука должна стремиться к установлению объективной закономерности, но учитывать при этом» [19, с. 43], что эти закономерности будут изменяться со временем под воздействием различных факторов; «следовательно, высшей целью экономической науки и ее методологии выступает возможность установить эти изменения» [19, с. 43]. Эту задачу затрудняет близость экономической науки как к социально-гуманитарным, так и к естественным наукам. Начало влияния последних связано с формированием классической экономической науки (XVIII в.) и проявляется до сих пор в стремлении экономической науки к объективности и формализации. Однако социально-гуманитарная составляющая препятствует

«безусловному применению естественно-научных (позитивных) методов анализа, поскольку эти методы основаны на механистическом понимании взаимодействия элементов природы» [21].

Предметом методологии экономической науки является: 1) изучение принципов, используемых при построении и обосновании различных систем экономического знания; 2) совокупность методов, средств и приемов, с помощью которых приобретает новое знание; 3) набор методов анализа имеющегося экономического знания, его структуры, места и роли в ней разных форм познания. В связи с этим можно назвать следующие цели и задачи экономической методологии (по А.М. Орехову): 1) исследование основных методов экономической науки; 2) анализ основных исследовательских программ (парадигм), существовавших в истории экономической мысли, а также периодов их смены, т.е. «научных революций» (по терминологии Т. Куна); 3) выведение и изучение ключевых этапов экономического исследования, а также рассмотрение процедуры «научного открытия» в экономической науке; 4) анализ проблемы истины в экономической науке, а также исследование ее критериев и основных способов подтверждения (здесь проблемы экономической методологии пересекаются с проблемами экономической эпистемологии); 5) исследование места и значения экономической методологии в системе общей методологии социальных и естественных наук, в частности влияния методологии других наук на экономическую методологию и воздействия последней на методологию иных областей знания; 6) изучение основных мировоззренческих стандартов и идеалов экономической науки [17].

Таким образом, экономическая наука в силу определенных историко-социальных условий до сих пор занимает посредствующее положение между естественными и социальными науками, с одной стороны, претендуя на изучение хозяйственного аспекта общественной жизни в общем и человеческого поведения в частности, а с другой стороны, стремясь к естественно-научной объективности в духе методологии позитивизма. Такое положение порождает определенные теоретико-методологические и — как мы видим сегодня — практические проблемы в рамках экономической науки и экономической и социальной политики. В экономической науке наблюдается определенный конфликт между методологией и предметной областью; именно этот конфликт порождает системные проблемы экономики как науки и практики. Существенную роль в разрешении данного конфликта играет философия и в качестве методологических оснований экономической науки, и в качестве анализа философских проблем экономики.

Методы экономического познания

Используемые экономической наукой методы познания можно разделить на следующие группы.

Первая группа — методы, заимствованные экономикой из философии (диалектический, метафизический, критический, структурно-функциональный методы и др.), в приложении к экономике обретают определенную специфику.

Остановимся на некоторых из этих методов.

Классические философские методы:

- **трансцендентальный** (метафизический) метод основан на выявлении совокупности необходимых условий (видимых и невидимых), при которых возможна данная вещь, данная экономика, переходя из невидимых состояний в состояния видимые. В другой интерпретации метафизического метода последний противопоставляется диалектическому методу как исследование предметов и явлений в их статике;
- **диалектический** метод (Г. Гегель, К. Маркс) помогает выявить действующие в экономике разрешимые и неразрешимые противоречия, которые являются внутренним источником ее развития;
- **критический** метод, созданный И. Кантом, запрещает в экономических исследованиях пользоваться догмами, фактами, правилами, аргументами *ad hominem*, ибо им противостоят эти же факторы, но с противоположным знаком. Так как источником всех проблем служит разум, порождающий противоречия, антиномии, споры, то нормальное исследование должно провести фундаментальную критику самого разума, проверить его эпистемологическую вменяемость и правомочность;
- **герменевтические** методы (Г. Гадамер, П. Рикёр, Г.Г. Шпет) основаны на позиции, что во всех предметах, в культуре, в экономике есть тайны. Причем тайны не как атрибут незнания, а как особые онтологические реалии, которые не раскрываются познанием, а только интерпретируются. Есть языковые, смысловые, логические, исторические, технические, инструментальные, философские и экономические интерпретации. Герменевтика — это искусство и метод интерпретации, постижения смыслов непостижимых тайн. В этом плане вся экономика, все ее категории суть сплошные герменевтические реалии. Стоимость, деньги, цена и др. познаваемы и непознаваемы, охраняют свои тайны от человеческого любопытства. Эти тайны нужно признать и работать с ними как с особыми объектами. Если мы думаем, что раскрыли

эти тайны, то в итоге получаем заблуждения, которые разоблачают только горький опыт кризисов. Понимание экономики требует признания ее непостижимых тайн, которые аналогичны иррациональным числам в математике;

- **эволюционные** методы представляют собой рассмотрение экономики в ее развитии. Их применяют там, где нужно оптимизировать или спланировать процессы, распределить ресурсы и в целом принять решение в сложной ситуации. Развитие — парадоксальный процесс, поскольку прогресс, инновации не говорят ничего о своих конечных целях. И мудрый Ч. Дарвин не определил конечную точку естественного отбора;
- **феноменологические** методы (Э. Гуссерль, А.Ф. Лосев) используют ся по отношению к предметам, экономике как самодостаточным реалиям, которые являются и причинами, и следствиями, и условиями самих себя. В этих методах экономика не разделяется на сущность и явление, а трактуется как единый организм, в котором каждому фактору присущи свойства сущности и явления;
- **структурно-функциональные** методы (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мёртон) используются для анализа вещей и экономики как комплекс неизменных структур, которые определяют все их феноменальные проявления — или с точки зрения тех функций, которые выполняет та или иная часть экономики (экономического объекта, экономического явления);
- **исторические** методы требуют изучать предметы и экономику в качестве структурированных процессов, проходящих в своем развитии несколько стадий. В экономических процессах можно выделить пять фаз: 1) формирование предпосылок, условий («первоначальное накопление» экономизма); 2) превращение условий и предпосылок в экономическую причину; 3) превращение причины в экономическую систему; 4) переход системы в экономическое развитие; 5) экономический кризис и крушение системы. Содержание исторического метода раскрывается на различных этапах. На каждом этапе прослеживается связь с другими методами. Например, на первом этапе — с генетическим методом; на втором — с причинно-следственным подходом; на третьем — с системным методом; на четвертом — с диалектическим методом; на пятом — с эсхатологическим методом.

Методы, связанные с характером экономических явлений:

- **идиографический** метод познания опирается на признание единичности, единственности, абсолютной неповторимости и даже уникальности каждого предмета и события, каждой

экономической системы. Основным средством данного метода является анализ экономики в контексте максимальной замкнутости (это — здесь — теперь). Данный метод был предложен представителями фрайбургской (баденской) школы неокантианства В. Виндельбандом и Г. Риккертом (конец XVIII — начало XIX в.). Выделение идиографического метода и его противопоставление методу номотетическому было связано с дискуссией о специфике «наук о духе», в частности истории;

- **номотетический** (греч. *nomos* — закон) метод призван выделять в экономических явлениях общее, сходное, которое трактуется как их закон и как их постоянное содержание. Основная проблема этого метода заключена в авторстве закона. Предмет диктует разуму законы или же разум сам законодательствует? Выбор предмета в этой дилемме определяет объективность экономического знания. Номотетический метод господствовал в науке со времен И. Канта, обосновавшего важность общего в научном познании действительности.

Методы познания, выделенные в контексте понимания сущности части и целого и их соотношения:

- **холистские** методы признают реальность только за целым, требуя изучать экономику путем выявления механизмов, посредством которых целое взаимодействует со своими частями;
- **меристские** методы признают реальность только за частями, которые делегируют часть своих свойств зависимой от них системе. Так, физики, определяя взаимодействия двух электронов, ничего не могут сказать о поведении третьего электрона. С позиции такого подхода невозможно построить модель поведения трех человек, трех товаров, ибо всякая единичность имеет свои неотъемлемые права, которые несводимы к системе.

В экономической науке различие этих методов было по-новому осмыслено в рамках «спора о методах». (Подробнее об этом см. гл. 10.)

Методы познания, выделенные в отношении возможности формализации экономических процессов и явлений:

- **качественные** — применяются в экономике там, где необходимо создать содержательный прогноз по развитию фирмы, отрасли, экономического процесса или явления. Применение качественных методов происходит там, где перед исследователем стоит задача поиска причин явления и понимания его специфики. Чаше всего экономисты используют [11]:
- а) наблюдение (прямое или скрытое) как «преднамеренное и целенаправленное восприятие, обусловленное задачей деятельности»

- [14]. К наблюдению также относят составление поведенческих карт (фиксация практики потребления индивида или домохозяйства посредством «скоростного фотографирования»); путешествие потребителя (скрытое сопровождение потребителя в течение определенного времени с целью установить особенности потребительского стиля индивида или домохозяйства); метод кейсов (анализ конкретных, обычно проблемных и имеющих не одно решение ситуаций);
- б) интервью — ряд достаточно различающихся между собой методов, которые объединяет наличие процесса коммуникации. Среди таких методов можно указать, во-первых, три типа интервью (экспертное, глубинное и интервью с потребителями, относящимися к «крайним» категориям, — они или знают все о предмете исследования, или не знают о нем ничего); фокус-группа (руководимая ведущим групповая дискуссия, имеющая определенную тему и сценарий); метод дневника (личные истории о потреблении тех или иных товаров и услуг); экспертная оценка по методу Дельфи (Дельфийский метод; процесс выработки некоего обобщенного мнения на основании частных мнений различных экспертов); мозговой штурм (групповая работа над проблемой или ситуацией по определенным правилам, важнейшее из которых — отсутствие оценочного отношения к предложениям членов группы на стадии начальной разработки идеи); проекционный метод (форма спонтанного опроса, когда опрашиваемый высказывает свои скрытые мысли о предмете опроса, предлагая или свои ассоциации по теме, или вариант завершения описанной ситуации, или выражая свои эмоции относительно ситуации и т.д.);
- в) эксперимент — применяется ограниченно, нацелен на опытную проверку гипотез относительно, например, поведения потребителей в изменившейся среде, функционирования отдельных фирм или отраслей экономики в новых условиях. Как отмечает индийский экономист К. Басу, «при проведении эмпирических исследований всегда существует риск перепутать причину со следствием» [3, с. 113], особенно эта ошибка актуальна для социальных наук;
- г) моделирование бизнес-процессов — создание более или менее реалистичной логической взаимосвязи всех элементов конкретного процесса или ситуации, иногда с включением внешних факторов, влияющих на бизнес-процесс;
- д) контент-анализ — подразумевает изучение содержания текстов, представленных в различных формах (на сайте, в документах и проч.), обычно в контексте социальных взаимосвязей, находящих свое отражение в анализируемом содержании;

- е) дерево решений — пограничный с количественными методами, так как осуществляется с помощью компьютерных технологий и связан с анализом большого объема данных. Но и при малом количестве данных этот метод успешно применяется, например, в банках, когда необходимо принять решение о выдаче кредита физическому или юридическому лицу. В основе данного метода лежат принципы формальной логики, определяющие четкую структуру всей процедуры.

Перечисленные нами количественные методы не являются специфичными для экономики, но применяются и в других социальных науках (социологии, психологии), откуда и пришли в экономику.

Количественные методы применяются в экономике более широко; в их основе лежит использование показателей, отражающих характеристики экономических явлений, процессов и ситуаций. Количественные методы делятся на методы познания:

- **экономико-математические** — способы и приемы экономической науки и прикладной математики, применяемые для количественного анализа экономики (стохастический анализ, определяющий вероятностную связь факторов и результата и др.);
- **статистические** — методы описания и изучения массовых явлений, допускающих количественное (численное) выражение (дискриминантный и логистический регрессионные анализы, которые указывают на различия между двумя или более группами, основанные на нескольких характеристиках, и др.);
- **бухгалтерские** — методы обработки информации для определения экономических показателей (калькуляция — это метод исчисления себестоимости изготовления продукции или выполненных работ, предоставленных услуг и др.).

Вторая группа — методы, экспортируемые философией в естественные науки, а затем и в социально-гуманитарные науки, в том числе в экономику. Хорошим примером являются методы:

- **верификации** — метод проверки гипотез и теорий на истинность эмпирическим путем;
- **фальсификации** — метод проверки гипотез и теорий на их ложность, т.е. когда полученные в результате данные могут быть эмпирически опровергнуты. Путь к истине лежит через выбраковку ложных суждений.

Третья группа — специфические методы, которые применяются в экономике.

Здесь необходимо преодолеть ряд заблуждений. Одно из них связано с утверждением, что использование математики в качестве основного

инструмента познания — главная особенность экономической методологии. Работы лауреатов Нобелевской премии по экономике 2009 г., представителей современной институциональной теории О. Уильямсона и Э. Остром показали, что научные открытия в экономике возможны и без использования сложного математического инструментария. Тем не менее к специфическим методам, которые применяются в экономике, относятся методы:

- **экономико-математического моделирования** — используется для изучения количественных взаимосвязей и взаимозависимостей экономических процессов на основе создания моделей в виде уравнений (подробнее см. гл. 14);
- **дискретных институциональных альтернатив** — оригинальный экономический метод, когда исследование выбора экономического агента осуществляется не с точки зрения Парето-оптимального варианта, а с позиции сопоставления альтернатив, что задает лишь направление изменений, а не конечный пункт. Более детальное изучение специфических методов экономической науки связано со структурой последней. Сегодня в структуре экономической науки выделяют следующие элементы.
- **Фундаментальная экономическая наука** (экономическая теория). Она подразделяется на общую экономическую теорию, макроэкономику, мезоэкономику, микроэкономику и мировую экономику.

К перечисленным уровням иногда добавляют мегаэкономику, микроэкономику и наноэкономику.

- **Методами макроэкономики** являются агрегирование и моделирование.
- **Методами микроэкономики** являются предельный анализ, балансовый метод, функциональный анализ, интегральный метод, метод оптимизации, детерминированный факторный анализ.

ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ПРИКЛАДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК.

Прикладные экономические науки включают дисциплины, различаемые: по отраслевому признаку — экономика промышленности, экономика сельского хозяйства (агроэкономика), экономика труда, экономика фирмы, экономика природопользования и др.; по выполняемым функциям — статистика, бухгалтерский учет (экономико-математические, экономико-статистические, первичное наблюдение, стоимостное измерение, регистрация, обобщение бухгалтерской информации, бухгалтерская отчетность, двойная запись, калькуляция, документация); финансы (вертикальный и горизонтальный анализ, сравнительный и специфический анализ, трендовый анализ, метод финансовых коэффициентов, расчет потока денежных средств);

управление (экономические — материальное стимулирование и санкции, финансирование и кредитование, зарплата) и др.; по принципу объединения с другими науками (принцип междисциплинарности) — экономическая история (моделирования, конкретно-социологический, описательный, историко-сравнительный); экономическая география (балансовый метод, картографический метод); демография (метод когорт, метод поперечного анализа (условного или гипотетического поколения), метод стандартизации демографических коэффициентов, методы демографического моделирования, математическое моделирование) и др.

11.4. ОБЪЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

С одной стороны, многомерная методология экономического знания должна гарантировать объективность экономического знания. С другой стороны, экономическая действительность сложна и многообразна, поэтому у социальных явлений может быть не одна, а несколько причин, или же причины бывает сложно установить. Тем не менее мы предлагаем следующие предпосылки объективности экономического знания:

- 1) объективное знание имеет предметно-реальный эквивалент. В экономике — это труд, хозяйство, производство;
- 2) объективное знание изучает и представляет предмет сам по себе, независимо от интересов человека;
- 3) объективное знание требует исследования всех отношений предмета с окружающей средой. Нужно изучать экономику как целостность в единстве с внеэкономическими сферами жизни;
- 4) объективность требует изучать предмет в его развитии. И экономика должна исследоваться в контексте саморазвития, вплоть до ее самоотрицания в других формах;
- 5) объективность экономического знания требует самой строгой критической рефлексии в отношении применяемых в нем идей, теорий, методов, принципов;
- 6) объективное экономическое знание возможно лишь в системных и целостных формах.

Все сказанное звучит сегодня как благое пожелание. Наглядным доказательством субъективизма современных экономических теорий является перманентный кризис, терзающий мировую экономику.

Решение проблемы объективности возможно в контексте взаимоотношений позитивного и нормативного подходов. Сторонники позитивного подхода ограничиваются положениями, подтверждаемыми фактами, поэтому позитивная экономическая теория свободна от ценностных суждений. Напротив, нормативные экономические теории включают ценностные суждения.

Нормой для такой экономической теории являются все категории и утверждения, с которыми она вынуждена считаться, но которые выпадают в силу своей неэкономической природы из сферы экономической логики. Речь идет в первую очередь о неэкономических интересах человека и общества, реализация которых затрагивает тем не менее область экономики, заставляя последнюю корректировать свое развитие в соответствии с этими интересами. Это различие часто имеет условный характер, поскольку нормативное начало может неявно содержаться в исходных постулатах теории.

Позитивная экономическая наука претендует на статус «объективной», так же как и любая из физических наук. Но надо иметь в виду, что здесь сам исследователь рассматривается в качестве объекта анализа, поэтому возникают трудности с достижением объективности. Однако это позволяет субъекту изучать такие факты, которые недоступны при исследовании мира физических явлений. Вопросами объективности экономического знания занимались М. Фридмен и Ф. Найт.

Американский экономист *Ф. Найт* (1885–1972) изучал проблемы риска и неопределенности. Рассуждая об экономике как о науке о человеческом поведении, он отмечает, что в основе методологических разногласий лежат две проблемы: «отношение между описанием и объяснением и отношение между констатацией факта и критической оценкой» [15, с. 125]. Решение первой проблемы подразумевает изучение категории ценности, а второй — исследование отношений между человеком и обществом. Естественно, при таком подходе экономическая наука не может рассматриваться вне связи с этикой. Ф. Найт исходил из приоритета системной методологии, которая, на его взгляд, помогла решить проблему «проклятия экзогенности» [7, с. 5], когда для создания модели исследователю необходимо найти значение постоянных (экзогенных) переменных. Найт показал, что разделение переменных на эндо- и экзогенные ведет к значительной субъективизации теории. Системный подход интересен тем, что исходит из единства и взаимоперехода таких противоположностей, как экзогенное и эндогенное, цели и средства, затраты и результаты [7, с. 5]. Такой подход по сути своей является междисциплинарным, и поэтому неудивительно, что Ф. Найт приходит к выводу о необходимости тесного взаимодействия экономики и других наук — биологии, физики, социологии, психологии. Методологически такое сотрудничество может проявляться и в «неосознанных» заимствованиях терминологии, достижений или подходов других наук, и как сознательное, свободное от «слепого копирования» [7, с. 9] взаимодействие, основанное на ясном понимании различий и сходства экономики, социально-гуманитарных и естественных наук.

Несколько другую точку зрения на методологические исследования Ф. Найта представил Б. Селигмен в своей статье «Фрэнк Найт и абстракционизм». Селигмен пишет о некоторой двойственности экономической методологии в ее трактовке Ф. Найтом: с одной стороны, экономист был сторонником чистой экономической науки, основанной на «системе априорных положений» [18], а потому лишенной исторического измерения; с другой стороны, по мысли Ф. Найта, экономика как наука о человеческом поведении не должна игнорировать влияние на последнее неэкономических, фактически институциональных факторов. По мнению Б. Селигмена, эти две точки зрения экономисту примирить не удалось, а тяготел он все-таки к первому подходу.

Соотечественник Ф. Найта, экономист М. Фридмен (1912–2006) писал о том, что ставшая традиционной критика экономических теорий за нереалистичность их предпосылок не имеет смысла, поскольку в позитивной экономической науке важны не предпосылки, а хорошие прогнозы [20, с. 21]. Более того, нередко экономическая теория, дающая точные *прогнозы*, основывается на нереалистичных предпосылках. Так или иначе, научная ценность теории связывается Фридменом именно с ее прогностическими возможностями. Однако объективный характер научного знания при таком подходе ставится под сомнение.

КЕЙС. Британский психолог Эдвард де Боно (род. 1933) в 1980-х гг. разработал метод шести шляп мышления — одну из разновидностей метода мозгового штурма. Основные затруднения, с которыми сталкивается как коллективное, так и индивидуальное мышление, де Боно разделил на три категории: эмоции, растерянность и путаницу. Эти трудности хорошо знакомы каждому, кто пытался в короткие сроки решить новую для себя проблему. Метод шести шляп опирается на принцип параллельного мышления, заключающийся в сосуществовании разных подходов и идей по поводу определенной проблемы. Де Боно выделил шесть наиболее распространенных подходов к любой проблеме: 1) эмоциональная реакция на проблему — красная шляпа; 2) анализ положительных сторон и перспектив сложившейся ситуации или предлагаемого решения — желтая шляпа; 3) критический подход к проблеме и ее решению — черная шляпа; 4) необычные, нестандартные решения — зеленая шляпа; 5) обсуждение точной информации по проблеме (цифр и фактов) — белая шляпа; 6) начальный и итоговый этапы обсуждения проблемы (постановка целей и задач, подведение итогов) — синяя шляпа.

Подумайте, можно ли использовать метод шести шляп Эдварда де Боно в ситуации, когда нужно оценить экономический эффект и риски от изобретения машины времени. Если да, то как?

Выводы

1. Метод и методология превращают экономическое знание в науку, поскольку развитие метода позволяет менять подход к решению различных экономических проблем, уточняя возможности и границы познания экономической действительности.
2. Философские методы служат для выявления сути и специфики экономического бытия, для анализа различных смысловых взаимодействий и детерминаций экономических феноменов. Мировоззренческие методы служат для изучения экономики в контексте мира, истории, культуры и жизни людей.
3. Общенаучные методы служат как для всестороннего исследования экономики в целом, так и для анализа отдельных проявлений и форм экономической материи. Общелогические методы призваны поддерживать в исправном состоянии экономическое мышление.
4. Теоретические методы призваны вырабатывать интеллектуальные технологии обобщения экономических фактов, построения экономических теорий, рефлексивной проверки их оснований. Эмпирические методы призваны вырабатывать методики сбора и отбора фактов, их смысловую обработку для дальнейшего их использования в теориях.
5. Экономическая наука, наряду с общеполитическими и общенаучными методами, применяет специфические методы исследования, на формирование которых значительное влияние оказывают методы доминирующего экономического направления *mainstream*.
6. При идентификации экономических методов основным индикатором являются сущностные характеристики экономического знания.
7. Необходимо преодолеть заблуждение, что использование математики в качестве основного инструмента познания является главной особенностью экономической методологии. Математический аппарат активно используется и в других социальных науках, например в социологии.
8. Формирование экономических методов представляет собой непрерывный процесс, который связан с экономической картиной мира и ее изменением.
9. В современной экономической науке возрастает значение нерациональных методов познания, в том числе интуиции и веры. Во многом это связано с тем, что человек является не только объектом

и инструментом познания, но и субъектом, конструирующим экономическую реальность и методы по ее исследованию.

10. Объективность экономического знания обеспечивает лишь все известные человечеству методы, сведенные в единый ансамбль экономической науки.

Проблемный блок

1. Инструменты и методы в экономической науке: принципы разграничения.
2. Научный статус методов в экономике.
3. Общетеоретические и прикладные методы в экономике.
4. Роль методов верификации и фальсификации в экономической науке.
5. Влияние синергетики на современные методы в экономике.
6. Экономический империализм и значение междисциплинарных методов.
7. Предпосылки для трансформации методов в экономике.
8. Методологический статус модели экономического человека.
9. Диалектический и метафизический подходы в экономике.
10. Влияние доминирующего направления в экономике (*mainstream*) на используемые методы исследования.

Приложение 11.1

Марк Блауг о первых методологах экономической науки: «Великих британских методологов XIX в. интересовали, прежде всего, предпосылки экономической теории, и они неоднократно предупреждали своих читателей, что верификация экономических прогнозов — занятие, по меньшей мере, рискованное. Предпосылки, по их мнению, возникали в результате интроспекции или повседневного наблюдения за поведением окружающих и в этом смысле являлись истиной *a priori*. Из предпосылок, в результате чистой дедукции, следовали выводы, которые были верны *a posteriori* лишь в отсутствие искажающих факторов. Следовательно, проверка выводов делалась с целью определить применимость экономической логики, а не результативность ее применения» [4, с. 107].

Денис Патрик О'Брайен: «Экономика намного более чем естественные науки, подвержена “сдвигу параметров” (*parameter shift*). Наблюдаемая закономерность может измениться за одно десятилетие (что покаывает недавняя история денежного обращения).

Еще более обманчивы причинно-следственные отношения, казалось бы, вытекающие из непосредственного исследования данных. Хотя в эконометрике присутствует формальное различие между корреляцией и причинностью, эконометрические процедуры незаметно смешивают оба понятия» [16, с. 60–61].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. Автономов В.С. Абстракция — мать порядка? [Текст] В.С. Автономов // Автономов В.С. В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки под ред. Е.А. Рязанцевой. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. — С. 399–423.
2. Бартенев С.А. История и философия экономической науки [Текст]: пособие к кандидатскому экзамену / С.А. Бартенев. — М.: Магистр, 2008.
3. Басу К. По ту сторону невидимой руки: Основания новой экономической науки [Текст] / К. Басу. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 432 с.
4. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют [Текст]: пер. с англ. / М. Блауг. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. — 416 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Наука логики [Текст]. В 3 т. Т. 1 / Г.В.Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1970. — 501 с.
6. Классификаторы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.znaytovar.ru/>
7. Клейнер Г.Б. День и ночь в экономической теории Фрэнка Найта [Текст] / Г.Б. Клейнер // Найт Ф. Этика конкуренции. — М., 2009. — С. 4–9.
8. Колесников В.А. Метод аналогий и экономические аспекты проектирования информационно-измерительных систем [Текст] / В.А. Колесников, В.М. Юров // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 6. — С. 837–839.
9. Кошовец О.Б. Натурализация предмета экономики: от погони за естественно-научными стандартами к обладанию законами Природы [Текст] / О.Б. Кошовец, Т.А. Вархотов // Логос. — 2020. — Т. 30. — № 3. — С. 21–54.
10. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки [Электронный ресурс] / Л.И. Лопатников. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Дело, 2003. — 520 с. — URL: <https://slovari.yandex.ru/>
11. Методология качественных исследований [Электронный ресурс]. — URL: <http://lsf.hse.ru/>
12. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования

- [Текст]: учеб. пособие / Л.А. Микешина. — М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005.
13. *Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования [Текст]: пер. с англ.; предисл. и прил. В.К. Финна. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2011. — 832 с.
 14. Наблюдение [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH016ac75ea96e297d0eddf56a>
 15. *Найт Ф.* Экономика и человеческая деятельность [Текст] / Ф. Найт // Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. — С. 124–134.
 16. *О'Брайен Д.* Теория и эмпирическое наблюдение [Текст] / Д. О'Брайен // Панорама экономической мысли конца XX столетия. В 2-х т. Т. 1/ под ред. Д. Гринзюэя, М. Блини, И. Стюарта. — СПб.: Эконом. школа, 2002. — С. 59–80.
 17. *Орехов А.М.* Методы экономических исследований [Текст]: учеб. пособие / А.М. Орехов. — М., 2009.
 18. *Селигмен Б.* Фрэнк Найт и абстракционизм [Электронный ресурс]: пер. с англ. / Б. Селигмен. — URL: <http://gallery.economicus.ru/>
 19. *Сухарев О.С.* Методология и возможности экономической науки [Текст]: монография / О.С. Сухарев. — М.: КУРС; ИНФРА-М, 2016. — 368 с.
 20. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS. — 1994. — Т. II. — Вып. 4. — С. 20–52.
 21. *Чаплыгина И.Г.* Виды экономических норм и ценностная нагруженность экономического знания [Электронный ресурс] / И.Г. Чаплыгина // Философские проблемы экономической науки. — М.: Ин-т экономики РАН, 2009. — С. 7–42. — URL: <http://istina.msu.ru/collections/2499689/>
 22. *Швырев В.С.* Метод [Электронный ресурс] / В.С. Швырев // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — URL: <http://iph.ras.ru/>
 23. *Шкуратов И.Н.* Феноменологический метод [Электронный ресурс] / И.Н. Шкуратов // Феноменологический словарь. — URL: <http://lebenswelt.narod.ru/>
 24. FAQ: Аксиоматический метод [Электронный ресурс]. — URL: <http://postnauka.ru/>
 25. *Jevons W.S.* The theory of political economy [Electronic resource] / W.S. Jevons. — 3rd ed. — London: Macmillan and Co, 1888. — URL: <http://oll.libertyfund.org/Home3/EBook.php?recordID=0237>

Дополнительная литература

25 ключевых книг по экономике [Текст]: пер. с фр. / А. Бейтон, А. Казорла, К. Долло, А.М. Дре. — Челябинск: Урал LTD, 1999. — 559 с.

Ананьин О.И. Экономическая наука в зеркале методологии [Текст] / О.И. Ананьин // Вопросы философии. — 1999. — № 10. — С. 135–151.

Блауг М. Несложный урок экономической методологии [Текст] / М. Блауг // THESIS. — 1994. — Вып. 4. — С. 53–68.

Гегель Г.В.Ф. Соч. [Текст]: в 14 т. / Г.В.Ф. Гегель. — М.; Л., 1929–1959. — Т. 2. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — 679 с.

Кулиев Т. Экономическая логика [Текст] / Т. Кулиев. — М.: Экономика, 2013. — 223 с.

Кун Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налетова; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с.

Лакатос И. Методология исследовательских программ [Текст] / И. Лака-тос. — М.: АСТ, 2003. — 380 с.

Нуреев Р.М. Предпосылки новой экономической парадигмы: онтология и гносеология [Текст] / Р.М. Нуреев // Вопросы экономики. — 1993. — № 4. — С. 131–144.

Поппер К.Р. Логика и рост научного знания [Текст]: избр. работы: пер. с англ. / К.Р. Поппер. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.

Тутов Л.А. Философия и методология экономики: предметная идентификация [Текст] / Л.А. Тутов // Экономика и управления: проблемы, решения. — 2013. — № 11. — С. 4–20.

Шумпетер Й. История экономического анализа [Текст]: в 3 т. / Й. Шумпетер; пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. — СПб.: Экономическая школа, 2001. — Т. 1. — 552 с.; Т. 2. — 504 с.; Т. 3. — 688 с.

Backhouse R. Methodology in Action [Text] / R. Backhouse // Journal of Economic Methodology. — 2010. — Vol. 17. — P. 3–15.

Douglass B. Economic Methodology and Nobel Laureates: Confirmation of a Methodological Paradigm Shift [Text] / B. Douglass // American Journal of Economics & Sociology. — 2012. — Vol. 71 (5). — P. 1205–1218.

Duppe T. How Economic Methodology Became a Separate Science [Text] / T. Duppe // Journal of Economic Methodology. — 2011. — Vol. 18. — P. 163–176.

Peterson J. Economics Education after the Crisis: Pluralism, History, and Institutions [Text] / J. Peterson // Journal of Economic Issues. — 2013. — Vol. 47. — P. 401–410.

ГЛАВА 12

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Термины: вынужденная рациональность, дискреционные действия, зависимость от предшествующего развития, инструментальная или формальная рациональность, иррациональное, научная рациональность, неявное знание, ограниченная рациональность, органическая рациональность, рациональность в широком смысле, сильная форма рациональности, функциональная рациональность, экономическая рациональность.

12.1. ОБЩЕЕ ПОНИМАНИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Рационализм в экономической науке раскрывает свое содержание через вопрос о специфике понятия «рациональность» в экономической сфере и через соотношение различных типов рациональности. Существует много трактовок рациональности. В широком смысле рациональность «является синонимом “разумного”, т.е. основанного на разуме мировоззрения и познания, в отличие от мифологического, художественного и иного восприятия мира» [6, с. 58]. С точки зрения науки рациональность есть «совокупность норм, правил, стандартов, эталонов, необходимых для достижения определенных целей» [6, с. 58].

Все, что делает человек, оценивается через призму рациональности. Это предполагает, что рациональными должны быть как цель (если эта цель предметна, не является артефактом), так и средства. Среди экономистов, философов, социологов сформировался широкий спектр подходов к пониманию рациональности. Так, у М. Вебера, оказавшего значительное влияние на методологию современной экономической теории, «рациональность есть точный расчет адекватных средств для данной цели» [5, с. 15].

Макс Вебер выделяет четыре типа социального действия в порядке убывания их осмысленности:

- 1) *целерациональное*, «если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве “условий” или “средств” для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели». Такой тип действия чаще всего осуществляется в экономической сфере;
- 2) *ценностно-рациональное* основано «на вере в безусловную — эстетическую, религиозную или любую другую — самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет». Примером такого действия является поступок капитана, который утонул, покидая корабль последним, так как соображения чести не позволяли поступить иначе;
- 3) *традиционное*, т.е. основанное «на длительной привычке». Хорошо известны слова о привычке, ставшей второй натурой;
- 4) *аффективное* — это эмоциональное действие, обусловленное «аффектами или эмоциональным состоянием индивида». Такие действия часто случаются за рамками осмысленного [1, с. 628].

Макс Вебер обосновывает идею о том, что роль целерационального действия усиливается, что проявляется во всех сферах, начиная от индивидуального поведения и заканчивая хозяйством в целом.

Представляет интерес трактовка рациональности в позитивизме. Так, представитель логического позитивизма Л. Витгенштейн считал, что «рациональность — это равноправие» [цит. по: 5, с. 15]. Постпозитивист С. Тулмин утверждал, что «рациональность — атрибут человеческих действий или инициатив, в которых временно пересекаются отдельные наборы понятий, в особенности тех процедур, благодаря которым понятия, суждения и формальные системы, широко распространенные в этих инициативах, критикуются и сменяются» [цит. по: 5, с. 15]. Данный подход «предполагает логическую обоснованность принципов деятельности и ее следует отличать от более узкой трактовки рациональности как оптимизирующего поведения, используемой в современной экономической теории, которая определяет рациональность человека в том смысле, что выбор, им осуществляемый, приводит к результату, который с точки зрения данного человека в наибольшей степени соответствует его ожиданиям» [5, с. 15].

12.2. РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В экономической теории существует множество трактовок понятия «рациональность». Сошлемся на обзор, подготовленный известным специалистом в этой области Р. Швери: «Существует огромное множество ес

классификаций — от инструментальной и субстантивной (*instrumental and substantive*) (А. Сен), процедурной и субстантивной (*procedural and substantive*) (Г. Саймон), субъективной и объективной (Р. Будон), сознательной и бессознательной рациональности (Й. Шумпетер) до рациональности в широком и узком смысле слова (Й. Эльстер)» [9, с. 37].

Оливер Уильямсон выделяет три формы рациональности: «Сильная форма предполагает максимизацию. Полусильная форма — это ограниченная рациональность. Слабой формой является органическая рациональность» [7, с. 40].

Максимизация не учитывает все имеющиеся издержки, «фирмы представляются как производственные функции, потребители — как функции полезности, распределение деятельности между различными способами экономической организации рассматривается как данное, а оптимизация является повсеместной» [5, с. 40]. Максимизация полезности касается всех сторон жизни, в том числе семейной и религиозной сфер. Следование нормам также может приводить к максимизации, если получение информации, необходимой для принятия решения, требует дополнительных усилий.

Ограниченная рациональность предполагает, что все люди «стремятся действовать рационально, но в действительности обладают этой способностью лишь в ограниченной степени» [7 с. 41].

Органическая рациональность — это рациональность процесса.

«Незнание целей оказывается даже более “эффективным” для достижения определенных целей, нежели знание этих целей и сознательное планирование их достижения» [7, с. 42–43].

При объяснении общественных явлений и при построении и использовании моделей экономического человека важную познавательную роль играют функциональная и инструментальная рациональность.

Функциональная рациональность характеризует действия человека, которые осознанны с точки зрения целевой установки. Такой тип рациональности предполагает реалистичность предпосылок, основанных на том, что человека необходимо рассматривать таким, какой он есть.

Подобную трактовку разделял Г. Саймон, который предложил концепцию процедурной рациональности. Он полагал, что «уязвимым местом теории выбора, теории игр и теории статистических решений является то, что они базируются на нереалистических допущениях: во-первых, лицо, принимающее решение, обладает всезнанием, т.е. в состоянии знать все существующие и возможные альтернативы и предвидеть их будущие последствия» [3, с. 16]; во-вторых, индивид обладает неограниченной способностью к подсчету; в-третьих, в сознании человека содержится полное и последовательное предпочтительное

расположение всевозможных последствий. Г. Саймон отвергал такого рода предпосылки и выдвинул понятие «вынужденной» рациональности, характеризуя ее как такое поведение человека, когда «из бесконечно большого числа возможных альтернатив люди в состоянии видеть лишь немногие, как и предсказывать лишь немногие последствия, допуская ошибки» [3, с. 16]. В связи с этим он выдвинул понятие уровня притязаний и показал, что если поиск альтернатив осуществляется легко, то уровень притязаний возрастает. И наоборот, сложности в обнаружении удовлетворительных альтернатив приводят к падению уровня притязаний. Поэтому вместо оптимальных решений человек довольствуется удовлетворительными результатами, позволяющими ему выжить.

Кроме того, «структура человеческой личности допускает действия, которые являются автоматическими, неосознанными». Поэтому «в экономической теории также используется понятие рациональности с иным содержанием» [6, с. 59].

Следует отметить, что природу функциональной рациональности можно понять опосредованно, через анализ факторов, которые на нее влияют. Речь идет о таких моментах, как информированность агентов, их мотивация, сложность ситуации выбора, частота воспроизводства ситуации выбора.

Инструментальная или формальная рациональность означает «максимизацию некоторой определенной заранее цели при существующих ограничениях вне зависимости от того, действительно ли рассматриваемый субъект также видит ситуацию выбора и принимает соответствующее решение или же нет» [6, с. 59–60].

Из такой трактовки рациональности можно вывести по крайней мере два важных следствия.

«Во-первых, нет необходимости рассматривать вопрос о рациональности (правильности) самих целей. Исследователь сам должен воспринимать их как данность. Указанный подход позволяет минимизировать значение ценностных суждений в экономической теории. Тем самым сфера дискуссионности локализуется в области исследования методов достижения существующих целей, становясь независимой от различной политической ориентации исследователей» [6, с. 60].

Во-вторых, инструментальную рациональность можно рассматривать как «вмененную» вследствие абстрактного представления целевой функции. Иными словами, рациональным необязательно должно быть осознанное поведение, осознанный выбор. Рациональным, в смысле максимизирующим, может быть и поведение, которое неосознанно, произвольно, но укладывается в логику максимизации некоторой целевой функции. Вот почему фальсификация или верификация

инструментальной рациональности бессмысленна. Вместе с тем в экономической теории известен аргумент, который использовался в защиту предпосылки о максимизации фирмой экономической прибыли в функциональном смысле. Это эволюционный аргумент, который построен на том положении, что фирмы, максимизирующие другие целевые функции в конкурентной среде, попросту исчезают или «вымываются» с рынка. Отсюда следует вывод, что рациональность определяется через выживаемость, а выживаемость — через соответствие поведения требованиям среды, причем это поведение вовсе не обязательно должно быть осознанным. В этом случае мы одновременно приходим к выводу об относительности различий рациональности в функциональном и инструментальном аспектах.

12.3. НОВЫЕ ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В настоящее время произошло уточнение самого понимания рациональности. Оно перестало восприниматься как тождественное логическому знанию, несмотря на пересечение их содержания. Действительно, законам логики могут подчиняться и содержательно ошибочные суждения. Кроме того, в самой рациональности существуют два типа или уровня рациональности: рассудочная рациональность, основанная на нормах и правилах, и разумная рациональность, преодолевающая все нормы и правила. Развитие современной науки опровергло каноны классической рациональности. Воззрения математизированной экономики, провозглашавшей детерминизм и абсолютную рациональность экономической жизни, в том числе и индивидуальных экономических агентов, стали обесцениваться, когда в экономическую теорию начали проникать новейшие теории, такие как синергетика, утверждающая отсутствие абсолютного детерминизма во всех сферах. В свою очередь, развитие экономики поставило под сомнение ценность классических воззрений. Постоянно усложняющиеся условия внешней среды приводят к тому, что классическое понимание рациональности обесценивается. И связано это с тем, что в силу постоянно ускоряющегося социального времени человек становится все более и более ограниченным в своих возможностях, а информация приобретает все большую и большую ценность, тогда как процесс ее поиска становится все дороже. Поэтому актуальны новые, качественно отличные от классических методы рациональности, которые приводят к обнаружению ранее нефиксируемых компонентов научного знания. Речь идет о дологическом или даже иррациональном знании, которое в дальнейшем может приобрести

статус рационального. Так, «иррациональное часто имеет форму неявных, скрытых компонентов знания, которые выражаются либо в личностном неявном знании, либо в различных формах бессознательного, оказывающих существенное влияние на познавательную деятельность мыслителя» [5, с. 20].

Неявное знание. Если мы говорим об автоматизме в поведении человека, то это не означает осознанность его действий. Более того, «отрефлектированность в некоторых случаях может препятствовать автоматизмам поведения. В то же время неотрефлектированность либо с самого начала, либо со временем создает предпосылки для существования информации в некодифицируемой или слабо кодифицируемой форме» [5, с. 86]. Передача информации в такой форме от индивида к индивиду сталкивается со значительными трудностями. Для осмысления данного процесса используется понятие «неявное» или «личностное» знание.

Фридрих фон Хайек использовал понятие неявного знания «для объяснения невозможности централизованного планирования с точки зрения механизмов использования рассеянной среди экономических агентов ценной информации, которая может быть использована с максимальной отдачей применительно к конкретным обстоятельствам места и времени» [5, с. 86–87]. Такая ситуация обусловлена следующими моментами: «Если информация обладает экономической ценностью, и при этом в лучшем случае ограниченно передаваема, то в системе централизованного принятия решений она будет игнорироваться, что не может не сказаться отрицательно на эффективности использования ресурсов, а также обнаружении новых возможностей использования ресурсов» [5, с. 87]. Объяснение может быть достаточно простым: централизованное управление информацией будет связано со значительными издержками ее извлечения, а это будет противоречить принципам экономической эффективности.

Оригинальную трактовку неявного знания предложил М. Поланьи, «для которого человек живет в мире неявного знания, “как в одеянии из собственной кожи”. Это своего рода неизреченный интеллект» [5, с. 20]. Примером является знание о строении тела, его пространственной и временной ориентации, двигательных возможностях. Это предпосылка любого знания, обусловленная самосознанием самого субъекта. Теория неявного личностного знания представляет научно-практическую ценность для понимания процесса принятия решений, поскольку эффективный управляющий в своей деятельности должен ориентироваться на использование неявного личностного знания. И основная проблема для принимающего решение заключается в том, чтобы эксплицитировать это знание и сделать его операциональным. Неявное знание имеет

объективный статус, который доказывается тем, что его можно передать при личном контакте в процессе обучения; экспликация неявного знания повышает эффективность деятельности.

Необходимо отличать неявное знание от неорганизованного. Последнее может быть кодифицировано при определенных условиях, но для этого должны быть сняты жесткие временные ограничения. Неявное же знание может быть неотрефлексированным в полной мере его носителем, что является гораздо более существенным условием непередаваемости.

Однако понимание неявного знания в экономической теории является более многоаспектным. Во-первых, неявное знание необязательно является индивидуализированным. Существует и коллективное неявное знание, позволяющее координировать действия людей, находящихся в одной и той же информационной среде. В то же время носителем неявного знания не может быть некая абстрактная группа, обладающая самостоятельным бытием. Носителями неявного знания являются отдельные люди. Основное отличие состоит лишь в подобии этого знания у множества людей.

Во-вторых, существует вопрос индикаторов эффективности неявного знания. В концепции Ф. Хайека фактически предполагалось, что максимально полное использование неявного знания открывает путь для конкуренции как процесса выявления новых возможностей использования известных и открытия новых ресурсов. В то же время неявное знание может мешать адаптации людей к изменившимся условиям. Поэтому роль неявного знания не всегда позитивна. Неявное знание способно стать препятствием на пути формирования нового мировоззрения. Поэтому утверждение Ф. Хайека, связывающего преимущества рыночной системы хозяйствования по сравнению с плановой с неявным знанием, не может считаться абсолютным.

Ограниченная рациональность и зависимость от предшествующего развития. Содержание ограниченной рациональности определяется предшествующим развитием индивидов и раскрывается в эффекте накопления шаблонов поведения, а также взаимоувязывания их друг с другом, возникновения их сопряженности.

Зависимость от предшествующего развития означает «зависимость принимаемых решений в настоящем от результатов решений, принятых в прошлом» [5, с. 90]. Во многом она связана с результатами выбора в прошлом.

Очевидно, что «зависимость от предшествующего развития не могла бы возникнуть, если бы каждый из действующих лиц принимал решение раз и навсегда. Однако особенность реальной ситуации состоит в

том, что поведение человека во времени — это последовательность актов выбора, а с точки зрения координации действий между множеством действующих лиц — последовательность актов экономического обмена» [5, с. 90].

Важную роль во взаимосвязи феномена ограниченной рациональности и зависимости от предшествующего развития играет память как место для хранения различных установок поведения и мышления. «Память можно определить как способность того или иного субъекта воспроизводить события (действия), не находящиеся в каждый данный момент в фокусе внимания, но активируемые в случае возникновения и распознавания соответствующей ситуации» [5, с. 90].

Принимая то или иное решение в данный момент времени с учетом ограниченной рациональности, трудно предсказать, с каким выбором столкнется индивид в будущем. Очевидно лишь одно, что сегодняшние решения будут влиять на выбор в будущем. Допустимы разные линии поведения в такой ситуации. «Во-первых, можно отложить выбор до выяснения и взвешивания максимально возможного набора выгод и издержек. Во-вторых, ориентироваться на принятие таких решений, которые позволяют в случае необходимости если и не вернуться к исходной ситуации, то, по крайней мере, приблизиться к ней» [5, с. 90].

Ограниченность рациональности и экономическая эффективность. Оценить влияние ограниченной рациональности на изменение экономической эффективности сложно, поскольку механизм координации ожиданий и действий экономических агентов не имеет единственной причинно-следственной связи с условиями экономической эффективности. В то же время «сравнение результатов размещения ресурсов на основе предпосылок ограниченной и полной рациональности предопределено в пользу второй. В этом отношении ограниченная рациональность однозначно связана с неэффективностью» [5, с. 91]. Однако из этого тезиса не следует нормативного вывода о необходимости изменения той или иной формы экономической организации и хозяйственной практики по одной причине: исходные условия (полная рациональность всех экономических агентов) недостижимы.

Вот почему возможность оценки влияния ограниченной рациональности на эффективность возможна только для реализуемых альтернатив. В этой связи нельзя не отметить, что О. Уильямсон [7], раскрывая особенности подхода к изучению экономических обменов в рамках новой институциональной экономической теории, делал акцент на слабой форме отбора (из доступных альтернатив), а не на сильной.

Взаимосвязь ограниченной рациональности и экономической эффективности в реальной жизни деформируется благодаря влиянию

многих факторов. Речь идет о том, что в сложных системах, какой является современная экономика, существуют различные механизмы координации действий.

Более того, в сложно организованных системах экономическая эффективность может быть обеспечена за счет сосуществования различных механизмов координации действий. Причем эти различия относятся как к силе стимулов, которыми наделяются экономические агенты, так и к доступной им информации. В связи с этим «конкурентоспособность хозяйственной системы определяется тем, как устроены механизмы выбора, создания и отсева форм координации действий экономических агентов» [5, с. 91]. Необходимо также принимать во внимание дополнительно усложняющие вопрос об экономической эффективности противоречия экономических интересов, коррелятом которых является предпосылка об оппортунистическом поведении.

Выводы

1. В современной философии и науке рациональность понимается в единстве ее аспектов, не только как логическая обоснованность. В экономической науке этот процесс по большей части происходит в рамках альтернативных экономических теорий, так как мейнстрим стремится сохранить содержание категории «экономическая рациональность».
2. В то же время в экономической науке наблюдается движение от классического понимания рациональности к новым типам рациональности. Речь идет о вынужденной рациональности, неявном личностном знании, нерациональном и иррациональном знании.
3. Современная экономическая теория не может базироваться на предпосылке полной рациональности и в то же время быть реалистичной.
4. Различия в инструментальной и функциональной рациональности лица, принимающего решения и являющегося объектом исследования, можно считать критическими с точки зрения правил проведения исследований. Вместе с тем эволюционный аргумент позволяет нам прийти к выводу об относительности различий рациональности в функциональном и инструментальном аспектах.
5. Не существует однозначной связи между ограниченной рациональностью и экономической эффективностью. На последнюю оказывают влияние различные механизмы координации действий, противоречия экономических интересов, базирующихся на предпосылке оппортунистического поведения.

Проблемный блок

1. Понятие «рациональность» в широком и узком смысле слова.
2. Индикаторы эффективности ограниченной рациональности.
3. Инструментальная и функциональная рациональность: точки пересечения и противоречия.
4. «Вынужденная» рациональность и уровень притязаний.
5. Соотношение понятий «рациональность», «логичность», «неявное» знание.
6. Проблема операционализации «неявного» знания.
7. Индивидуальное и коллективное «неявное» знание.

Приложение 12.1

Герберт Саймон о рациональности: «Сам термин “рациональный” долгое время носил в экономической теории особый смысл, отнюдь не совпадающий с широкой его трактовкой в толковом словаре: “разумный; неабсурдный, неэкстравагантный, неглупый, не противоречащий здравому смыслу и т.д.; умный, здравый”. Хорошо известно, что в экономической теории рациональный человек — это максимизатор, соглашающийся лишь на лучший вариант. Даже его ожидания, как мы усвоили в последние несколько лет, рациональны (Muth, 1961). Его рациональность простирается так далеко, что распространяется и на спальню: как полагает Гэри Беккер, “он будет ночью читать в постели только при условии, если ценность чтения (с его точки зрения) превышает ценность недосыпания его жены” (Becker, 1974, p. 1078).

Именно эта концепция рациональности — главный экспортный товар “экономической теории” в ее обмене с другими социальными науками. Идея о том, что люди ведут себя рационально, если понимать этот термин в широком смысле, как в толковом словаре, — отнюдь не новость для смежных научных дисциплин. Предпосылка рациональности — неотъемлемая часть практически всех известных мне социологических, психологических, политологических и антропологических теорий. Экспортный товар, который предлагает экономическая теория, — это не сама по себе идея рациональности, а особая, весьма специфическая форма рациональности — рациональность человека, максимизирующего полезность и преуспевающего в этом» [3, с. 17].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. Вебер М. Избр. произв. [Текст]: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [Текст]: пер. с нем. / Л. Витгенштейн; общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. — М.: Наука, 1958 (2009). — 133 с.
3. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления [Текст] / Г. Саймон // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 16–38.
4. Тулмин С. Человеческое понимание [Текст] / С. Тулмин. — М.: Прогресс, 1984. — 327 с.
5. Тутов Л.А. Модели человека в институциональной экономической теории [Текст] / Л.А. Тутов, А.Е. Шаститко. — М.: МАКС Пресс, 2012. — С. 104.
6. Тутов Л.А. Экономический подход к проблемам организации знаний о человеке [Текст] / Л.А. Тутов, А.Е. Шаститко // Вопросы экономики. — 2002. — № 9. — С. 46–63.
7. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа [Текст] / О. Уильямсон // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 39–49.
8. Шаститко А.Е. Модели рационального экономического поведения человека [Текст] / А.Е. Шаститко // Вопросы экономики. — 1998. — № 5. — С. 53–68.
9. Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? [Текст] / Р. Швери // Вопросы экономики. — 1997. — № 7. — С. 35–40.

Дополнительная литература

Калинин Э. Концепция постклассической экономической рациональности [Текст] / Э. Калинин, Е. Чиркова // Вопросы экономики. — 1998. — № 5. — С. 68–78.

Рузавин Г. К проблеме рационального выбора в экономике и других общественных науках [Текст] / Г. Рузавин // Вопросы экономики. — 2003. — № 8. — С. 102–116.

Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе [Нобелевская лекция] [Текст] / П. Самуэльсон // THESIS. — 1993. — Вып. 1. — С. 184–202.

ГЛАВА 13

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ

Термины: спор о методах, методологический индивидуализм, методологический холизм, социальные институты, антитеоретизм, интроспекция.

КЕЙС. В 1890 г. на свет появилась работа английского экономиста Альфреда Маршалла «Принципы политической экономии». В главе III книги 1 ученый рассуждает о методе экономической науки и приходит к выводу, что экономическая наука должна применять и дедукцию, и индукцию, но для разных целей и в разных пропорциях [9, с. 85]. Так, на этапе наблюдения, сбора фактов и их описания мы используем индукцию, а для установления взаимосвязей обнаруженных фактов и объяснения последних хорошо подходит дедукция. В посвященном этой проблеме тексте А. Маршалл приводит ссылку на работу Г. Шмоллера «Народное хозяйство» и цитату из этой работы. В цитате говорится о том, что индукция и дедукция — основа любого научного познания. В работе Г. Шмоллера мы читаем о специальной и общей политической экономии; задачей первой является скорее описание экономической действительности, а задачей второй — осмысление связи явлений хозяйства [14]. Взаимосвязь теории и практики в применении к экономической науке проявилась, в частности, в утверждении единства двух методов — индукции и дедукции. Необходимость данного единства была обоснована одним из участников спора о методах, однако в исторической перспективе победу одержал принцип методологического индивидуализма. Почему подход, предложенный Г. Шмоллером, оказался не востребован в период развития спора о методе? Можно ли сегодня решить спор о методах обоснованием необходимости единства теоретического и практического аспектов экономической науки?

К предыстории вопроса. Философским основанием спора о методе можно считать прежде всего проблему соотношения части и целого. Две этих категории присутствуют в философской мысли со времени ее возникновения и вместе выражают отношение между системой (целым) и ее структурными элементами (частями). Поскольку эти категории соотносительны, мы всегда рассматриваем целое, анализируя его части

по отдельности и в их взаимосвязи; в свою очередь, части мы рассматриваем сквозь призму целого. Проблема части и целого заключается в вопросе о том, что первично и наиболее важно — части или целое? Сформировались две позиции, отражающие противоположные взгляды на данную проблему, — холизм и меризм. С точки зрения сторонников холизма, целое имеет безусловный приоритет перед своими частями и не может быть к ним сведено, поскольку включает в себе новое качество, которого нет у частей в их отдельности. Меризм представляет целое как только сумму его частей, чьи свойства, также суммируемые, дают нам новое качество целого.

Методологически эти позиции выражаются соответственно в установке: а) на анализ целого (например, общества) только на основе изучения его своеобразных качеств, причем общество объявляется более реальным, нежели «составляющие» его индивиды; б) рассмотрение любого целого с точки зрения характеристик его частей, их функционирования и изменчивости — для сторонников данной позиции реальны конкретные индивиды, а любое социальное образование является абстракцией.

Среди других предпосылок возникновения «спора о методе» можно назвать:

- общепhilosophическое противоречие и взаимосвязь эмпирического и теоретического, конкретного и абстрактного, исторического и логического;
- кризис экономической науки во второй половине XIX в. — быстрое развитие прикладных аспектов теории находилось в противоречии с неудовлетворительным состоянием ее оснований, в частности теории ценности;
- неотделимое от рассмотрения экономической проблематики стремление понять сущность отношения индивида и общества;
- открытие в рамках того или иного методологического подхода в экономической науке «принципиально новой техники анализа» [3, 451].

13.1. «СПОР О МЕТОДЕ» И КОНЦЕПЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА

«Спор о методе» — дискуссия, происходившая в 1880–1890-х гг. между немецкой исторической и австрийской школами экономической науки. Эти школы начали формироваться в 1870-х гг. На основе противоположного понимания сущности хозяйства представители этих школ

отстаивали свои взгляды на представление о методе экономической науки. Главными действующими лицами дискуссии были *Г. Шмоллер* (представитель исторической школы) и *К. Менгер* (австрийский экономист). Именно К. Менгер начал спор о методах, выступив с критикой установок исторической школы в своей книге «Исследование метода социальных наук и политической экономии в частности» (1883). В то время идеи исторической школы были общепризнанны в Германии, поэтому книга К. Менгера вызвала серьезный резонанс. Г. Шмоллер ответил на нее статьей «К методологии государственных и социальных наук». К. Менгер парировал работой «Ошибки историцизма в немецкой национальной экономике» (1884).

Фактически спор о методе не был завершен победой той или иной стороны, однако принцип методологического индивидуализма был взят на вооружение неоклассической экономической теорией и до сих пор сохраняет свою актуальность (табл. 13.1 [6; 7; 10; 13; 14]).

Таблица 13.1

Методологические программы немецкой исторической и австрийской школ в рамках «спора о методе»

Пункты разногласия	Стороны спора	
	Немецкая историческая школа (Г. Шмоллер)	Австрийская школа (К. Менгер)
Исходные основания экономической теории	Эмпирическая действительность экономической жизни общества (географические, социальные, культурные условия)	Универсальность человеческой природы и законов природы в целом; принципы максимизации выгоды и минимизации издержек
Характер методологии экономической теории	Экономическая теория по сути своей является нормативной, предписывающей теорией. Она сочетает индукцию (как основной метод) и дедукцию	Экономическая наука опирается на логику и дедуктивный метод; является позитивной наукой и не зависит от этической проблематики. Тем не менее политическая экономия — эмпирическая наука сродни химии
Предмет и цель экономической науки	Предмет — институциональная динамика (закономерности развития экономических институтов). Цель — социальные преобразования на основе понимания и описания экономической действительности для создания теорий	Предмет — элементарные основания хозяйственной деятельности (блага). Цель — логически вывести универсальные законы экономического поведения индивидов

Окончание табл. 13.1

Пункты разногласия	Стороны спора	
	Немецкая историческая школа (Г. Шмоллер)	Австрийская школа (К. Менгер)
Законы экономической действительности	Индивидуальны для каждого конкретного общества	Универсальны, поскольку универсальна человеческая природа и универсальны законы природы, в рамках которых развивается хозяйство. Одним из основных законов такого рода является закон причинно-следственной связи процессов и явлений
Взаимосвязь экономики с другими науками	Экономика относится к наукам о духе; в особенности ей близки психология и антропология	Экономика относится к естественным наукам, но теоретические разработки в экономике осуществляются независимо от других наук
Экономика и общество	Экономическая наука — инструмент социальных (в широком смысле) преобразований	Социальные преобразования — посторонняя для экономической науки сфера

Как нетрудно убедиться, методологические программы, предложенные исторической и австрийской школами, характеризуются отличными друг от друга установками. Однако в этих программах есть и совпадения — и Г. Шмоллер, и К. Менгер считали экономическую науку теоретико-практической; оба мыслителя отстаивали важность эмпирического метода, но если Г. Шмоллер причислял экономику к наукам о духе, то К. Менгер относил ее к наукам о природе, т.е. австрийский экономист опирался на естественно-научное понимание природы и ее законов как образец для трактовки законов хозяйственной деятельности. Принцип объективности и точности науки о хозяйстве, полагал К. Менгер, реализуется именно в предположении о тождественности порядка природы и порядка хозяйства.

Принцип методологического индивидуализма был впервые обозначен К. Менгером под названием «синтетического метода» (в современной экономике он известен как микротеория, отмечает Ф. Хайек [12]). Сформулирован данный принцип был Й. Шумпетером, а применялся, как считает К. Басу, еще по крайней мере А. Смитом [см.: 4, с. 104]. В.С. Автономов отмечает, что в современной экономической теории мейнстрима методологический индивидуализм — это скорее шумпетеровский «социологический» индивидуализм, когда анализ

человеческого поведения понимается как «обязательное объяснение социальных феноменов через действия индивидов без привлечения каких-либо надындивидуальных факторов или субъектов» [2, с. 54]. Этот принцип тесно связан с понятием экономической рациональности (подробнее см. гл. 12), которую современные экономисты ассоциируют не с группой или классом, а с индивидом. При этом понятие индивида переносится и на «такие классические субъекты экономической теории, как домохозяйства (*households*) и фирмы» [1, с. 49]. Интересно, что психика индивида при этом не принимается во внимание, поскольку является субъективным фактором, в то время как экономическая наука, по К. Менгеру, должна быть точной наукой.

Частью предлагаемого К. Менгером метода является теория ценности, трактовку которой австрийский экономист осуществляет, объясняя категорию ценности через понятие полезности блага. В аспекте блага мы рассматриваем полезности в том случае, если ситуация характеризуется совпадением определенных условий, как то: наличие человеческой потребности, которую нужно удовлетворить; наличие у предмета определенных свойств, благодаря которым он может послужить причиной удовлетворения данной потребности; способности человека, чью потребность удовлетворяет предмет, познать эту причинную связь; возможность действительно применять предмет для удовлетворения потребности [10, с. 66]. Ученый выделяет блага первого порядка — те, что непосредственно удовлетворяют наши потребности (например, одежда, пища, транспорт); блага второго порядка, необходимые для создания благ первой категории (например, лекала для одежды, технология выпечки хлеба); блага третьего порядка и т.д. Ценностный аспект блага заключается в осознании человеком важности наличия определенного количества этого блага для удовлетворения человеческих потребностей. Таким образом, ценность есть значение блага для человека; поскольку это значение может меняться в зависимости от приоритета удовлетворяемой потребности, необходимого для этого количества благ и других факторов, ценность благ является субъективной. Как пишет К. Менгер, «ценность — это суждение» [10, с. 132]: мы не можем отождествлять благо и ценность, но можем считать те или иные блага ценными для нас.

Собственно, блага разных порядков являются предметом хозяйства, под которым К. Менгер понимает системную деятельность по «применению наиболее целесообразным образом к удовлетворению своих потребностей как количества предметов потребления, так и количества средств для производства, доступных [нашему] распоряжению» [10, с. 104]. Отметим, что такое определение хозяйства является достаточно узким, функциональным. Оно покоится на убеждении К. Менгера в

том, что хозяйство (суть которого ученый сводит к обмену) основано на универсальном законе человеческой природы — стремлении к наиболее полному удовлетворению потребностей [10, с. 189].

Такой методологический подход к решению проблемы ценности Ф. Хайек назвал атомарным [12]. Австрийский экономист отметил различие между общей и предельной полезностью благ — как отмечает Ф. Хайек, сам термин «предельная полезность» К. Менгер еще не использует — и создал основу для возникновения «чистой логики выбора или экономического расчета» [12]. Сущность синтетического (атомарного) метода К. Менгера заключается в выявлении простейших элементов, лежащих в основании сложных хозяйственных явлений.

Позицию Г. Шмоллера характеризует его трактовка понятия народного хозяйства (его применяет и К. Менгер). По словам немецкого экономиста, народное хозяйство формируется только в конце Средних веков и связано с образованием больших национальных государств. На уровне народного хозяйства происходит выход за пределы частных семейных хозяйств за счет социального взаимодействия между ними. Такое взаимодействие приводит к возникновению народа — людей, объединенных языком, происхождением, обычаями, нравами, правом, верованиями, историей и государственным строем [14, с. 5]. Поскольку, согласно Г. Шмоллеру, предмет политической экономии является именно народное хозяйство, экономическая наука не может игнорировать национальные особенности хозяйства в разных странах, так как именно эти особенности определяют специфику экономического строя страны. Принцип методологического индивидуализма здесь неприменим, потому что не позволяет учитывать социальные особенности той или иной экономической системы.

Экономическим аспектом народного хозяйства выступают, по Г. Шмоллеру, разделение труда, обмен, единое хозяйственное право и экономические институты. Влияние последних на единение отдельных хозяйств в общее национальное хозяйство является решающим.

Части народного хозяйства обладают известной самостоятельностью, но и само хозяйство национального государства рассматривается Г. Шмоллером с позиций социального реализма. Анализируя правомерность применения в данном случае аналогии хозяйства с человеческим организмом, ученый пишет, что такая аналогия возможна, однако она имеет достаточно формальный характер; основу единства народного хозяйства следует искать в конкретных, реальных причинах. Эти причины или действующие силы есть те же, что «создают государство и церковь, образуют общественные союзы и выступают в качестве творцов нравственности, права и обычаев» [14, с. 8].

Разделяя политическую экономию на общую и специальную, Г. Шмоллер фактически повторяет сформулированное примерно в то же время разделение экономики на позитивную и нормативную (Дж.Н. Кейнс). Так, общая политическая экономия опирается на философию, она более абстрактна, движется от общего к частному и призвана объяснить причины экономических явлений. Специальная политическая экономия движется от частного к общему, скорее описывает, чем объясняет, делает прогнозы относительно общего развития отдельных государств и человечества в целом, является междисциплинарной по своей сути.

Эти ветви политической экономии, по мысли Г. Шмоллера, соответствуют двум путям человеческого познания — рациональному и эмпирическому. Ни одна из этих ветвей не может быть отброшена или абсолютизирована, поскольку они дополняют друг друга в методе и предмете. Так и в человеческом познании невозможно окончательно предпочесть рационализм или эмпиризм. Поэтому Г. Шмоллер настаивает на единстве метода политической экономии. Метод, в понимании немецкого экономиста, — это «установленный правилами способ достижения определенной цели» [14, с. 17]. Такими правилами являются научные принципы — общие для всех наук и различающиеся в науках конкретных. Для формирования метода последних важны следующие условия: общая теория познания и общая методология (мы сказали бы — господствующая парадигма); принципы, связанные с природой предмета науки. Вслед за В. Дильтеем Г. Шмоллер различал естественные и духовные науки, а внутри последних — психологию и науки об обществе и государстве. Он подчеркивал важность методов психологии для всех духовных наук и предупреждал об опасности чрезмерного применения методов естествознания в социальных и политических науках.

Закljučая экскурс в теорию Г. Шмоллера, мы можем констатировать, что он придерживался принципа методологического холизма — установки, согласно которой объяснять экономические и шире — социальные процессы можно только на основании внутренней причинности развития социального организма, в частности народного хозяйства той или иной страны.

Последователи Г. Шмоллера: Дж. Коммонс (традиционный институционализм); М. Вебер («понимающая» социология); Дж. Мид, Г. Блумер (социальный интеракционизм); Дж. Фрэзер, Л.Г. Морган, Ф. Боас, М. Мосс, Б. Малиновский, К. Леви-Брюль, А.Р. Радклифф-Браун, К. Леви-Стросс, Л.А. Уайт, М. Салинз, М. Мид, Н. Эиас, П. Бурдьё и др. (социальная антропология); Д. Норт (неоинституционализм).

Дискуссия о методах экономической науки подняла ряд важнейших проблем, свойственных социальному познанию, в частности, «вопрос о

свойствах индивида и общества, которые делают их возможными объектами познания» [11, с. 69]. По мнению И.В. Филатова, такая постановка проблемы дает нам основания выделять в двух вариантах ее решения — методологическом индивидуализме и методологическом холизме — не только методологический, но также онтологический и ценностный аспекты.

В онтологическом смысле методологический индивидуализм основывается на понимании общества как совокупности индивидов и их действий, при этом рассматривает объекты экономического познания как статические и неизменные; социально-экономическая действительность трактуется здесь с точки зрения естественности и универсальности ее законов. Напротив, методологический холизм трактует общество как самостоятельную целостную реальность, несводимую к ее частям — индивидам, чьи действия пусть и влияют на социальные процессы, но все-таки не являются тождественными последним. В рамках холистической позиции объектом изучения экономической науки выступает народ (народное хозяйство).

С точки зрения эпистемологии индивидуализм ориентирован на аналогично статическое понимание человеческих познавательных способностей, использование по большей части количественных методов представления универсальных законов экономической действительности, объяснение свойств целого исходя из свойств частей. Методологический холизм в процессе познания социально-экономических явлений использует динамический, исторический, генетический подходы; придает особое значение планированию и прогнозам развития социальных и экономических систем.

В области ценностных установок индивидуализм тяготеет к либеральной этике (принципы индивидуализма, свободы), а холизм — к социалистическим ценностям и идее государственного регулирования экономики.

Возможно ли разрешение противостояния двух описанных нами парадигм? На наш взгляд, такое решение можно найти в теориях, основанных на понимании сути крайних позиций методологического индивидуализма и методологического холизма, не принимающих ту или иную сторону, стремящихся к синтезу противоречивых утверждений и к созданию нового, интегрированного подхода к описанию и объяснению экономической действительности. Следует также отметить, что использование одной из двух методологически противоположных установок возможно в ситуациях, когда требуется анализ именно тех аспектов экономической действительности, на изучении которых акцентировали внимание К. Менгер и Г. Шмоллер. Так, принцип методологического индивидуализма можно применять при изучении выбора и поведения

индивида в экономике, статических закономерностей экономических объектов, математического моделирования экономических объектов и процессов; принцип методологического холизма может пригодиться, когда нам нужно выявить исторический генезис того или иного экономического объекта, специфику социальных объектов по сравнению с объектами гуманитарных и естественных наук, особенности экономического строя разных государств.

Обе методологические установки могут использоваться в исследованиях, связанных с планированием развития экономических систем: принцип индивидуализма — с точки зрения обоснования применения математических методов к анализу экономики; принцип холизма — благодаря осмыслению в его рамках социальных систем как самостоятельных целостностей.

Существуют разные точки зрения в отношении того, в каких экономических теориях действуют сегодня оба принципа. Так, И.В. Филатов полагает, что неоклассическая экономическая теория реализует принцип индивидуализма, институционализм и неокейнсианство основываются на принципе холизма, а марксизм и неoinституционализм (впрочем, автор отмечает, что неoinституционализм сохраняет основные установки методологического индивидуализма) занимают среднюю позицию, которую ученый маркирует как реляционный подход [11, с. 72]. Другой исследователь данной проблематики С.Г. Кирдина рассматривает принцип методологического индивидуализма сквозь призму трех общенаучных парадигм — антропоцентричной, эволюционной и системной, что, с ее точки зрения, позволяет учесть ситуации, когда ученые-экономисты из разных школ работают в рамках одной и той же парадигмы [7].

Антропоцентричная парадигма наиболее полно принимает и использует принцип методологического индивидуализма, поскольку в ее рамках предметом экономической науки является индивидуальное поведение. Интересно, что в данной парадигме работают и представители естественных наук (в частности, космологии). В экономике эта парадигма реализуется в рамках неоклассической экономической теории, в том числе неокейнсианства, неоклассического синтеза и неoinституционализма. С.Г. Кирдина также относит к данной парадигме теории представителей аналитического марксизма (Э.О. Райт, Дж. Коэн, Дж. Элстер, Дж. Ремер), австрийской школы и поведенческой экономики. Современная австрийская школа разделяет понимание К. Менгером ценности как значимости блага для человека и согласна с тем, что социальные феномены можно понять только на основании индивидуального поведения. Эту установку С.Г. Кирдина называет «монистическим субъективизмом» [7, с. 14]. В отличие от неоклассики австрийцы трактуют поведение человека как

изменчивое и не всегда рациональное (человек может ошибаться). Предметом изучения поведенческой экономики выступает индивидуальное поведение с точки зрения его определенности ментальными процессами, происходящими в сознании индивидов.

Эволюционная парадигма изучает поведение не отдельных индивидов, а «популяций экономических агентов и законы эволюции» [7, с. 17]. Данную парадигму разделяют представители эволюционной экономики.

Системная парадигма реализуется в трудах таких представителей экономической науки, как К. Маркс, Й. Шумпетер, В. Ойкен, К. Поланьи. В сущности, в рамках данной парадигмы внимание экономической науки смещается с индивидуального поведения к анализу «характеристик и динамики экономической системы в целом» [7, с. 20].

На наш взгляд, подход, предлагаемый С.Г. Кирдиной, представляет собой своеобразную ступенчатую модель перехода от полного принятия принципа методологического индивидуализма и через ослабление данного принципа к отказу от него, поскольку в рамках системной парадигмы основополагающим методологическим принципом является не индивидуализм, а холизм. Поэтому позиция автора рассматриваемого подхода является уязвимой для критики.

13.2. КРИТИКА УСТАНОВКИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА

В настоящее время можно выделить следующие позиции, с которых велась и (или) ведется такая критика.

1. Эпистемологические ограничения эмпиризма как метода познания.

Представителем этой позиции является *Ф. Хайек*. В своей работе «Судьбы либерализма» он отмечает основное противоречие эмпиризма: необходимость и невозможность опытным путем перебрать все случаи, о которых должно быть известно для формулировки теории. По его мнению, «если бы мы собирались вывести из нашего знания об индивидуальном поведении определенные предсказания об изменениях сложных структур, которые возникают из действий отдельных людей, нам бы потребовалось знание о поведении каждого имеющего отношение к делу отдельного человека» [12]. Решение проблемы *К. Менгер* видит в создании типологии как возможных ситуаций, так и возможных вариантов поведения в этих ситуациях. Тем не менее, по словам *Ф. Хайека*, прогностические возможности теории *К. Менгера* ограничены нашим незнанием свойств отдельных элементов, составляющих сложные структуры (например, тех или иных экономических институтов). Сам австрийский экономист понимал

относительность предсказаний экономической теории, основанной на принципе методологического индивидуализма.

Недостаток такой критики обусловлен тем, что она может быть также обращена и к теории Г. Шмоллера, поскольку основана на индуктивном методе и предполагает существенную роль эксперимента в экономической науке.

2. Альтернативные теории объяснения экономического поведения индивида. Данной позиции, по словам С.Г. Кирдиной [7, с. 22], придерживались американский экономист и социолог *Т. Веблен*, представители неоинституционализма (*Р. Коуз, Д. Норт, Г. Саймон*), *О. Уильямсон*, представитель новой институциональной экономической теории, и русские экономисты конца XIX — начала XX в. (*А.К. Шторх, П.А. Кропоткин, Н.Д. Кондратьев, А.Д. Чаянов*). Критике в рамках этих направлений экономической мысли подвергался прежде всего принцип экономической рациональности. Поведение индивида объяснялось социальными факторами. На наш взгляд, сюда же можно отнести понимающую социологию *М. Вебера* и традиционный (американский) институционализм (*Дж. Коммонс*).

Новизна новой институциональной экономической теории заключается во введении понятий ограниченной рациональности и оппортунистического поведения. Однако представители этого направления также не смогли выйти за пределы принципа методологического индивидуализма. Русские и советские экономисты исходили из принципа общности как основы народного хозяйства и системного рассмотрения мотивов человеческого поведения; в частности, *П.А. Кропоткин* выдвигал принципы солидарности и взаимопомощи как основы человеческой социальности, *Н.Д. Кондратьев* писал об алогическом поведении, *А.В. Чаянов* описывал зависимость народного хозяйства от природных и географических условий.

3. Разработка макроэкономического анализа экономики. Данную позицию представляют школы неокейнсианства (*Дж.Р. Хикс, А. Хансен, Ф. Модильяни и др.*) и неоклассического синтеза (*П. Самуэльсон*). Но попытка критики методологического индивидуализма здесь столкнулась с проблемой предпосылок неоклассической теории, которые не были должным образом переосмыслены и фактически перешли и в неокейнсианство, и в неоклассический синтез, и в неоинституционализм. В итоге, как отмечает С.Г. Кирдина, принцип методологического индивидуализма был распространен на область макроэкономического анализа [7].

4. Системный подход, или Системная парадигма. Представители — *Я. Корнай, Й. Шумпетер, К. Поляни, Ф. Хайек, Л. Мизес*. В отличие от антропологической и эволюционной парадигм, пишет С.Г. Кирдина,

системный подход предлагает следующие принципы анализа экономической действительности: понимание общества как самостоятельной реальности, несводимой к отдельным индивидам или их совокупности; принцип междисциплинарности (каждое явление следует анализировать с позиций разных дисциплин); экономическую действительность следует изучать сквозь призму институтов и их эволюцию; особенное значение имеют «большие изменения и глубокие трансформации» [7, с. 19]; дисфункции систем внутренне присущи последним и являются нормальными; наилучшим методом исследования является метод качественного сравнения. В рамках системного подхода действует и принцип комплементарности, взаимодополняемости элементов целого.

5. Реляционная методология. Представителем данной позиции является *И.В. Филатов* [11]. С его точки зрения, в современной экономической науке необходимо учитывать как индивидуальные особенности человеческого поведения, так и социальные, в частности институциональные характеристики экономической действительности. Предпосылки создания данного подхода были заложены в марксистской социально-экономической теории, а также в неоинституционализме. К сожалению, эти направления экономической науки не смогли сформировать полноценную реляционную методологию. На наш взгляд, более верно было бы связать реляционную методологию с теорией коэволюции индивидов и институтов Дж. Ходжсона.

6. Критика с позиций теории коэволюции институтов и индивидов. Этот подход предложен британским экономистом *Дж. Ходжсоном*. Он признает ошибочным как методологический индивидуализм, так и методологический холизм, поскольку ни тот, ни другой не могут объяснить дихотомию и взаимосвязь социального и индивидуального. Принципы методологического индивидуализма и холизма, отмечает Дж. Ходжсон, утвердились соответственно в экономике и социологии вследствие отказа от психологии в социальных науках [13]. Поэтому решение проблемы дихотомии индивидуального и социального британский экономист видит в возвращении категорий психологии в анализ динамики индивидов и институциональных структур.

В качестве возможного решения Дж. Ходжсон предлагает теорию коэволюции индивидов и институтов, возникающую на стыке эволюционной экономики и теории организаций. Основными понятиями здесь являются понятия привычки и института. Под привычкой Дж. Ходжсон понимает «скрытые сценарии потенциальных ходов мысли или поступков, которые реализуются при наличии соответствующих стимулов и контекста»; институты он определяет как «одновременно и

объективные структуры внешнего мира, и субъективные истоки человеческой деятельности, находящиеся в сознании людей» [13].

Принцип методологического холизма как противоположная индивидуализму крайность в анализе социальной (в частности, экономической) реальности также имеет определенные недостатки. Критика данной методологической установки присутствует в работах Дж. Ходжсона, Ф. Хайека, Л. Мизеса. Эту критику можно свести к одному основному пункту: принятие принципа методологического холизма ведет к абсолютизации целого (например, социальной группы или государства) в ущерб его частям (индивидам), политические последствия которой (абсолютизации) были слишком очевидны в истории XX в.

7. Методологический плюрализм. Представители — *Г. Мюрдаль, Б. Колдуэлл, Д. МакКлоски, Л. Боулэнд*. Это течение в экономической методологии (и шире — в философии науки, где предшественниками методологического плюрализма были идеи Т. Куна, К. Поппера и П. Фейерабенда), сформулировавшее свои основные идеи в 1960—1990-х гг. в связи с дискуссиями о позитивистской методологии в философии науки. Методологический плюрализм входит в комплекс методологических теорий так называемой новой или неортодоксальной методологии. В противоположность приверженцам индивидуализма и холизма, представители данного течения полагают, что не существует универсального метода для анализа экономической действительности [10, с. 244—252; 4]. Последняя является многоаспектной, и экономист-исследователь вправе применять в процессе изучения того или иного аспекта экономической действительности различные, наиболее, на его взгляд, подходящие в определенной ситуации методы. Кроме богатства экономической действительности, предпосылкой методологического плюрализма является также природа научного знания, а именно невозможность проведения четких границ для отделения научного знания от ненаучного (проблема демаркации), несвобода научной теории от нормативных элементов и идеологического содержания. В современной экономической науке принципы методологического плюрализма весьма распространены — не в последнюю очередь по причине их соответствия характеристикам постнеклассической науки.

8. Интересным дополнением концепции методологического индивидуализма является **принцип идентичности**, который отстаивает индийский экономист **К. Басу**. Суть данного принципа заключается в том, что «человек, как правило, готов понести некоторые личные потери в интересах коллектива или общности, к которым он принадлежит» [4, с. 111], и этим во многом определяется наш выбор.

Выводы

1. Принцип методологического индивидуализма обязан своим появлением так называемому спору о методах, развернувшемуся на позициях немецкой исторической школы и австрийской экономической школы в 1880-х гг. Принцип обозначен К. Менгером как «синтетический метод» и заключается в объяснении общественных, социальных явлений только через индивидуальное поведение.
2. Составными элементами методологического индивидуализма являются понятие экономической рациональности, принцип максимизации полезности, понятие конкуренции между экономическими агентами, категория рыночного равновесия.
3. Принцип методологического индивидуализма реализуется в «поведенческой экономике» (*behavioral economics*), возникшей в 1970-х гг. (Э. Фелпс, Дж. Акерлоф), а также в ортодоксальной экономике (неоклассика, *mainstream*) и в неоинституциональной экономической теории.
4. Недостатки принципа методологического индивидуализма: его эмпирические основания, ограничивающие прогностические возможности теории; отсутствие подлинного внимания к поведению индивида, что проявляется в элиминации психологии из объяснительной части социально-экономической теории; онтологический недостаток — невозможность описать реальность, в которой существуют только индивиды, вне каких-либо взаимосвязей между ними и вне образуемых ими структур.
5. Критика методологического индивидуализма с точки зрения методологического холизма непродуктивна, поскольку не учитывает реальной дихотомии индивидуального и социального, а также не использует понятия и категории психологии для анализа взаимодействия индивидов и социальных структур.
6. Представляется логичным дополнять принцип методологического индивидуализма другими методологическими принципами, чтобы избежать излишней односторонности в анализе поведения экономических агентов.

Проблемный блок

1. Дихотомия и взаимосвязь социального и индивидуального в анализе поведения индивида.

2. Методологические установки экономической теории будущего.
3. Соотношение теории и практики в экономической науке: исторические и современные подходы.
4. Проблема ценности блага в современной экономике.

Приложение 13.1

Карл Менгер о методе политической экономии: «Мы старались свести сложные явления человеческого хозяйства к их простейшим элементам, еще доступным точному наблюдению, приложить к последним соответствующую их природе меру и с установлением ее снова показать, как сложные хозяйственные явления закономерно развиваются из своих элементов.

Это тот метод исследования, который, будучи применен в естественных науках, привел к столь значительному результату, что, по недоразумению, стал называться естественно-научным, тогда как он является общим для всех наук, основанных на опыте, и правильное должен быть назван эмпирическим» [10, с. 62].

Об объективном характере политической экономии: «Становится ли, и при каких условиях, вещь для меня полезной, становится ли, и при каких условиях, она для меня благом, становится ли, и при каких условиях, благом хозяйственным, имеет ли, и при каких условиях, она для меня ценность, и как велика мера этой ценности, когда, и при каких условиях, произойдет экономический обмен благ между двумя хозяйствующими субъектами, и каковы границы, в пределах которых при этом последует образование цен и т.д. — все это так же не зависит от моей воли, как закон химии от воли химика-практика» [10, с. 63].

Густав фон Шмоллер о статике и динамике, теории и практике в политической экономии: «Средоточие науки [политической экономии] образуют существующие у теперешних развитых народов типические явления организации и разделения труда, обмена, распределения дохода, общественно-экономических учреждений, которые примыкают к определенным формам публичного и частного права, управляются одинаковыми или схожими силами, производят одинаковые или схожие результаты и последствия и представляют в своем цельном описании экономическую статику теперешнего культурного мира, род продольного разреза его устройства. Исходя отсюда, наука попыталась объяснить особенности в организации отдельных хозяйств; спросила, в какой связи стоят и какие результаты производят различные формы, в которых отливается экономическая жизнь в настоящее время и в истории,

и таким образом достигла понимания развития этих форм друг из друга и причин исторической смены хозяйственных состояний. Таким образом к статическому изучению она присоединила динамическое. Подобно тому, как при первом своем появлении она приходила к установлению идеалов путем нравственно-исторической оценки, так и теперь эта практическая сторона в известной степени входит в содержание науки. Рядом с теорией политическая экономия выставляет и практические правила для руководства жизнью» [14, с. 12–13].

Джеффри Ходжсон о недостатках методологического холизма:

«Поскольку индивиды, как мы установили только что, являются необходимым исходным пунктом любого изучения социальных процессов, распространенные версии “методологического коллективизма” и “холизма” тоже придется отвергнуть. Объяснения, ведущиеся исключительно в терминах структур, культур или институтов, не адекватны, потому что в них не принимается во внимание индивидуальное действие и упускаются различия в характеристиках индивидов. Если же при объяснении опираться на структуры и индивидов, то мы возвращаемся к той позиции, которую сформулировали в конце предыдущего раздела, а понятие “методологический коллективизм” в данном случае также оказывается односторонним и вводит в заблуждение» [13].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке [Текст] / В.С. Автономов // Автономов В.С. В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки / под ред. Е.А. Рязанцевой. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. — С. 39–244.
2. Автономов В.С. Еще несколько слов о методологическом индивидуализме [Текст] / В.С. Автономов // Общественные науки и современность. — 2014. — № 3. — С. 53–56.
3. Автономов В.С. Общая теория «споров о методах» в экономической науке [Текст] / В.С. Автономов // Автономов В.С. В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки / под ред. Е.А. Рязанцевой. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. — С. 450–473.
4. Басу К. По ту сторону невидимой руки: Основания новой экономической науки [Текст] / К. Басу. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 432 с.
5. Введенский С. Методический плюрализм и философия экономики [Электронный ресурс] / С. Введенский. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Article/Vved_FilEkon.php

6. *Ефимов В.М.* Спор о методах и институциональная экономика [Текст] / В.М. Ефимова // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2007. — Т. 5. — № 3. — С. 18–36.
7. *Кирдина С.Г.* К переосмыслению принципа методологического индивидуализма [Текст] / С.Г. Кирдина. — М.: Институт экономики РАН, 2013. — 54 с.
8. *Коммонс Дж.* Институциональная экономика [Текст] / Дж. Коммонс // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2007. — Т. 5. — № 4. — С. 59–70.
9. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1 [Текст]: пер. с англ. / А. Маршалл. — М.: Прогресс, 1983. — 415 с.
10. *Менгер К.* Основания политической экономии [Текст] / К. Менгер // Менгер К. Избранные работы. — М.: ИД «Территория будущего», 2005. — С. 59–286.
11. *Филатов И.В.* Индивидуализм и холизм в экономическом знании [Текст] / И.В. Филатов // Государство, экономика, общество: аспекты взаимодействия. — М.: Моск. обществ. науч. Фонд, 2000. — С. 69–83.
12. *Хайек Ф.А.* Судьбы либерализма [Электронный ресурс] / Ф.А. Хайек // Хайек Ф.А. Собрание сочинений. Т. 4. — URL: http://www.libertarium.ru/14000_http://schumpeter.ru/contents.php?book=individ
13. *Ходжсон Дж.* Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция [Электронный ресурс] / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. — 2008. — № 8. — С. 45–61. — URL: <http://institutiones.com/personalities/1078-instituti-i-individi.html>
14. *Шмоллер Г.* Наука о народном хозяйстве и ее методы [Текст] / Г. Шмоллер. — 2-е изд. — М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2012. — 168 с.
15. Экономико-математический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. В.И. Данилова-Данильяна. — М.: Большая Российская энциклопедия: Издательский Дом «ИНФРА-М», 2003. — 688 с. — URL: <http://ecnmx.ru/glossary/>
16. *Caldwell B.* Beyond positivism. Economic methodology in the Twentieth century [Text] / B. Coldwell. Rev. ed. — London: Routledge, 1994. — 279 p.

Дополнительная литература

Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм [Текст] / С.Г. Кирдина // Вопросы экономики. — 2013. — № 10. — С. 66–89.

Кирдина С.Г. Преодолевая ограничения методологического индивидуализма [Текст] / С.Г. Кирдина // Журнал экономической теории. — 2013. — № 4. — С. 100–109.

Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек [Текст] / Р. Кубедду. — М.; Челябинск: ИРИСЭН: Мысль: Социум, 2008. — 406 с.

Микешина Л.А. Методологический индивидуализм [Электронный ресурс] / Л.А. Микешина. — URL: <http://iph.ras.ru/page21070618.htm>

Элиас Н. Общество индивидов [Текст] / Н. Элиас. — М.: Практис, 2001. — 330 с.

Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Текст] / И.Т. Касавин. — М.: Реабилитация, 2009. — 1248 с.

Boettke P.J. Methodological Individualism, Spontaneous Order and the Research Program of the Workshop in Political Theory and Policy Analysis [Text] / P.J. Boettke, Ch.J. Coyne // Journal of Economic Behavior and Organization. — 2005. — Vol. 57. — P. 145–158.

Clark A. Methodological Individualism, Cognitive Homogeneity and Environmental Determinism [Text] / A. Clark // Journal of Economic Methodology. — 2003. — Vol. 10. — P. 79–85.

Cramer C. Homo Economicus Goes to War: Methodological Individualism, Rational Choice and the Political Economy of War [Text] /

C. Cramer // World Development. — 2002. — Vol. 30. — P. 1845–1864.

Grafstein R. Getting the whole to play its part [Text] / R. Grafstein // Social Choice and Welfare. — 1989. — Vol. 6. — Pp. 77–83.

Heertje A. Schumpeter and Methodological Individualism [Text] / A. Heertje // Journal of Evolutionary Economics. — 2004. — Vol. 14. — P. 153–156.

Hodgson G.M. Meanings of Methodological Individualism [Text] / G.M. Hodgson // Journal of Economic Methodology. — 2007. — Vol. 14. — P. 211–226.

Rushton M. Methodological Individualism and Cultural Economics [Text] / M. Rushton // Journal of Cultural Economics. — 1999. — Vol. 23. — P. 137–146.

Witztum A. The Firm, Property Rights and Methodological Individualism: Some Lessons from J.S. Mill [Text] / A. Witztum // Journal of Economic Methodology. — 2012. — Vol. 19. — P. 339–555.

ГЛАВА 14

ЭКОНОМИКА И МАТЕМАТИКА. ПРОБЛЕМА ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ГРАНИЦ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Термины: модель, моделирование, математическое моделирование, математические методы экономического анализа, эконометрика, математическое программирование, теория игр, математическая статистика, детерминированные и стохастические связи, математическая экономика.

14.1. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Математика возникает из взаимодействия обычных потребностей человека и его стремления к познанию мира; начинаясь как «практическая калькуляция для целей земледелия и торговли» [10, с. 90], сегодня она является наукой высокого уровня абстракции, не теряя при этом связи с практикой. XX в. и наше время — новый этап развития математики, теперь уже как междисциплинарного метода познания действительности. В частности, существенное значение обретают проблемы взаимодействия математики и экономики, и важность данного взаимодействия сказывается не только на этих двух науках, но и на отношениях естество- и обществознания в целом.

Известный английский ученый, историк математики Д.Я. Стройк определяет возраст математических знаний примерно в 10 тыс. лет, отсчитывая ее историю с эпохи позднего палеолита. В своей работе он представляет подробный взгляд на историю математики до XX в., рассматривая математику в контексте развития других наук и общества в целом [9]. Такой подход дает представление и о проблематике развития науки в целом.

Европейская математика с XVI в. и далее рассматривалась как инструмент познания природы, обладающий достаточной строгостью, точностью и объективностью. Именно использование математики в той или иной науке позволяло говорить о подлинно научном статусе

последней; основания для такого взгляда на науку подтверждали прежде всего успехи естествознания. Такая трактовка научности во многом сохранилась и сегодня. Представителями математической науки того времени являются *Иоганн Мюллер* (Региомонтанус), *Лука Пачоли*, *Тарталья*, *Иероним Кардано*, *Рафаэль Бомбелли*, *Франсуа Виет* и др. В экономике математика, наряду с анатомией, получила теоретическое выражение с 1738 г., когда *Ф. Кенэ* «построил и опубликовал свои экономические таблицы. Это [была] первая попытка количественного описания процесса воспроизводства общественного продукта как единого целого» [7, с. 91]. Математические модели в своих теориях использовали *А. Смит*, *Д. Рикардо*, *Л. Вальрас*, *У. Джевонс*, *К. Маркс* и др.

В рамках математической школы, возникшей в 1838 г. как ветвь классической политической экономии, математика использовалась как инструмент анализа механизма функционирования рынка [7, с. 92].

Взаимоотношения экономики и математики имеют долгую историю, в течение которой предметы данных наук не только разграничивались и противопоставлялись (например, в исторической школе), но и синтезировались и даже отождествлялись. *Л. Вальрас*, представитель маржинализма и уже упоминавшейся математической школы, полагал, что экономическая наука тождественна физико-математическим наукам. Последние, используя аксиомы как первичные принципы теории, возводят на их основании теоремы, которые затем доказывают. Опытные же данные в естественных науках используются не для обоснования исходных посылок, а как подтверждение истинности полученных выводов. В экономической теории *П. Самуэльсона* экономический анализ осуществляется в основном с помощью математических моделей; при этом научность последних основывается на «логической строгости выводов» [10, с. 90]. Все большая формализация экономической теории была тесно связана с развитием самой математики. В результате «модель общего равновесия в экономике стала восприниматься как формальная математическая конструкция, ценность которой не зависит от эмпирической проверки» [10, с. 90]. Другие разделы экономической теории также стали испытывать на себе последствия этих изменений, в результате чего усилился разрыв экономической теории (в ее чистом виде) и экономической действительности. Математизация экономики приобрела такие масштабы, что последнюю стали интерпретировать как отрасль прикладной математики.

В отечественной экономической науке применение математических методов анализа экономики актуализировалось только в начале XX в.

в трудах *М.И. Туган-Барановского*, *В.И. Дмитриева*, *Н.Д. Кондратьева* и других ученых. Существенный вклад в развитие математических методов экономики внес *Е.Е. Слуцкий*, занимавшийся статистическим моделированием экономических явлений в рамках зарождавшейся в начале XX в. эконометрики. В 1920-х гг. в Советской России еще можно было свободно заниматься наукой, и не случайно эти годы связаны с расцветом отечественной экономической мысли. Так, состоялась дискуссия о проблеме использования математических методов в экономике СССР, и в целом советские экономисты выступали в поддержку активного применения математики в анализе экономических проблем. Такие ученые, как *В.В. Леонтьев*, *Б.Ю. Конюс*, *Г.А. Фельдман*, развивали макроэкономическое моделирование (*Г.А. Фельдман*, опередив западных экономистов, создал модель экономического роста — первую в истории экономической науки); *Н.Д. Кондратьев* разработал свою теорию экономических циклов.

Еще одним известным советским экономистом, сделавшим крупный вклад в развитие математических методов анализа экономики, был *Л.В. Канторович*. Его работы приобрели известность в 1930–1950-х гг. *Л.В. Канторович* — один из основоположников математической экономики. Это направление возникло в XX в. и явилось откликом на проблемы экономической практики в СССР как новом типе государства. Вклад *Л.В. Канторовича* в развитие взаимодействия математики и экономики связан с теорией линейных неравенств, применяемой «для задач, связанных с приближенными вычислениями, где существенную роль играют разнообразные оценки точности полученных результатов» [6, с. 11]. Такие задачи свойственны экономической науке; например, к ним относится проблема анализа и предсказания поведения экономических агентов.

В конце 1930-х гг. *Л.В. Канторович* выпускает брошюру «Математические методы организации и планирования производства». Идеи, содержащиеся в данной работе, послужили толчком для создания линейного программирования¹ — «науки о теоретическом и численном анализе и решении задач, в которых требуется найти оптимальное значение, т.е. максимум или минимум некоторой системы показателей в процессе, поведение и состояние которого описывается той или иной системой линейных неравенств» [6, с. 11].

С 1940-х гг. *Л.В. Канторович* занимается преимущественно экономической проблематикой. Итоги работы ученого были оценены мировым сообществом, когда в 1975 г. *Л.В. Канторович*

¹ Термин введен Т. Купмансом в 1951 г.

получил Нобелевскую премию за работу «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов» (в России публикация состоялась в 1959 г.). Нобелевская лекция математика была посвящена «сущности, проблемам и перспективам взаимодействия математики и экономики на примере советской плановой системы» [10, с. 91] (см. приложение 14.1).

С 1940-х гг. до 1957 г. в советской науке проблема использования математики в экономике фактически не изучалась. Только в 1957 г. в рамках исследований, проводимых НИЭИ Госплана СССР, происходит возрождение проблематики использования математики в экономике [10, с. 93]. В следующем году известный советский экономист и статистик В.С. Немчинов создает Лабораторию экономико-математических методов, основав, таким образом, советскую экономико-математическую школу, представителями которой были *В.В. Новожилов, В.К. Дмитриев, А.Л. Вайнштейн, Л.Я. Берри, Э.Ф. Баранов, Э.Б. Ершов, Л.Е. Минц, М.Р. Эйдельман, А.Г. Гранберг, В.Ф. Пугачев* и др. В разное время эти ученые разрабатывали «проблемы экономического анализа, планирования и моделирования, оптимального использования ресурсов и т.д.» [10, с. 92].

Таким образом, можно сказать, что в СССР экономико-математические методы применялись по большей части в практической по сути сфере управления экономикой.

На Западе, напротив, именно на 1940-е гг. приходится расцвет изучения проблематики использования математики в экономической науке. В 1960-х гг. эти исследования получают практическую направленность и в менеджменте бизнеса. Показательно, что Нобелевские премии по экономике в эти годы присуждались в основном ученым, занимавшимся проблемами применения математики в экономике (*Дж. Хикс, Р. Солоу, П. Самуэльсон, В.В. Леонтьев, Л.В. Канторович* и др.).

Сегодня математика считается одним из важнейших методов анализа экономической действительности. Так, в рамках экономики хаоса и неопределенности, сформировавшейся на стыке высшей математики и физики¹, предсказания поведения сложных систем отступают, в силу их проблематичности, перед применением математических методов (в частности, статистического и геометрического описания системы) [см.: 5]. Но статус математических методов в экономике не является определенным раз и навсегда, поскольку экономическая наука

¹ Теория динамических систем А. Пуанкаре, принцип неопределенности Гейзенберга, синергетическая теория И. Пригожина.

занимает непростое положение на границе между естествознанием и социальными науками.

КЕЙС. Один из ведущих университетов мира решил объединить усилия ученых двух факультетов (экономического и математического) в решении сложных экономических проблем на основе использования новейших информационных технологий. Экономистами были сформулированы четыре направления для сотрудничества: прикладные расчеты алгоритма по теме «Система аналитических триггеров в антикризисном управлении»; исследование возможностей параллельных вычислений в открытой среде R для решения ресурсоемких задач экономического анализа, прогнозирования и моделирования; исследование процессов генерирования данных о свойствах экономических систем с различными институциональными средами на базе агент-ориентированного моделирования (АОМ); сетевое моделирование процессов инновационного развития национальной экономики. Сотрудничество должно было осуществляться на основе использования возможностей супервычислителя, находящегося в распоряжении математического факультета, активно его применявшего при осуществлении сложных расчетов. Каких-либо специальных средств для финансирования совместных исследований не было предусмотрено. Предполагалось, что данная работа станет органичным продолжением имеющихся разработок в сфере взаимодействия экономики и математики. Ученые экономического факультета не владели навыками использования супервычислителя, а специального обучения подобным навыкам не было организовано. Спустя шесть месяцев после подписания меморандума о сотрудничестве факультетов мониторинг проекта показал, что никаких реальных результатов совместных исследований не было получено, а велась лишь подготовительные работы. Выяснилось, что исследование процессов генерирования данных о свойствах экономических систем с различными институциональными средами на базе АОМ требует создания новой модели, которая может быть разработана не ранее чем через 12 месяцев. Исследователи с экономического факультета, которые должны были осуществить прикладные расчеты алгоритма по теме «Система аналитических триггеров в антикризисном управлении», не получили методической поддержки по использованию супервычислителя со стороны сотрудников математического факультета, так как последние в силу основной большой занятости и отсутствия оплаты их деятельности в рамках совместного сотрудничества под разными предлогами избегали кооперации. Тем более что темы для сотрудничества не были результатом совместных поисков, а свою роль математики трактовали как помощь экономистам в использовании возможностей супервычислителя.

В данной ситуации решение проблемы имеет несколько вариантов, которые можно свести к двум: административный вариант предполагает принуждение сотрудников со стороны руководства факультетов к сов-

местным действиям. Такой вариант может привести к имитации деятельности, оппортунистическому поведению и породил бы эффект «безбилетника». Другой вариант связан с поиском тем, представляющих интерес для ученых двух факультетов, что предполагает проведение мониторинга всех направлений исследований, а также отдельное финансирование, которое бы позволило перераспределить время и усилия в пользу совместных проектов.

14.2. ЭКОНОМИКА И МАТЕМАТИКА: ПРОБЛЕМАТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ

Проблема поиска оснований для взаимосвязи экономики и математики заключается в необходимости, с одной стороны, увеличения точности процедур экономического анализа, планирования, прогнозирования и управления, а с другой, — в трудности формализации и количественного учета таких показателей, как индивидуальные предпочтения и интересы. В этом смысле предметные сферы экономики и математики не только пересекаются и частично совпадают, способствуя взаимному развитию этих дисциплин, но и могут быть противопоставлены друг другу. Так, С.С. Кутателадзе выделяет следующие различия между математикой и экономикой: «Математика изучает формы мышления. Предмет экономики — обстоятельства человеческого поведения. Математика абстрактна и доказательна, а профессиональные решения математиков не затрагивают обычную жизнь людей. Экономика конкретна и декларативна, а практические упражнения экономистов основательно жизнь меняют. Цель математики — безупречные истины и методы их получения. Цель экономики — индивидуальное благополучие и пути его достижения. Математика не вмешивается в личную жизнь человека. Экономика затрагивает его кошелек и кошелку. Список коренных различий математики и экономики бесконечен» [6, с. 8–9].

В таком ракурсе важным оказывается выяснение научного статуса как экономики, так и математики — являются ли они полноценными науками или же только инструментом для других наук в случае математики и способом количественного описания социальной реальности, когда речь идет об экономике?

С нашей точки зрения, математика может выступать и как язык количественного описания некоторых закономерностей и связей эмпирического мира, и как чистая наука; экономика также может использоваться в качестве инструмента для анализа широко понимаемой

социальной реальности, но ее научная чистота представляет собой проблему (см. гл. 3).

Существуют объективные факторы, как усиливающие, так и проблематизирующие сотрудничество экономики и математики. Среди первых назовем: а) *развитие предпринимательской среды* — растет потребность в оперативных расчетах, планировании, прогнозировании в масштабах фирмы и отрасли; б) *развитие информационных технологий*, облегчающих — на уровне специальных программ — формализацию экономической информации и ее передачу в сжатых объемах; в) *переход от экономики, основанной на материальных ресурсах, к экономике, основанной на знаниях*, — отсюда возрастающий интерес научного сообщества к междисциплинарным исследованиям, внимание к инновациям и новым технологиям в науке и практике; г) *все большее усложнение социально-экономических систем*, что обуславливает необходимость анализировать большие объемы структурированной информации, создавать алгоритмы решения социально-экономических проблем и просчитывать последствия этих решений.

Факторы второго порядка: сам предмет экономической науки (человек и общество) и трудности формализации соответствующих явлений и процессов; кризис оснований экономической науки (ориентация на социально-гуманитарное знание вместо естествознания, переосмысление методологии, переосмысление критериев научности и самого понятия науки). Заметим, что и среди факторов первого порядка — постольку, поскольку они касаются социальных процессов, с которыми неразрывно связаны процессы экономические, — существует много проблемных ситуаций; все они требуют философского осмысления.

Актуализации проблемы взаимодействия экономики и математики также способствует осознание методологических и предметных особенностей этих дисциплин. Основные отличительные особенности математики: 1) строгие правила выведения связей между элементами анализа; 2) система аксиом, на которые опираются математические формулы; 3) высокий уровень абстракции аналитических операций.

А.Д. Ливандовская отмечает значительную роль в математике предпосылок, на которых ученый строит свою модель [см.: 7]. В экономике вопрос о предпосылках дискутируется в рамках проблемы соответствия экономических теорий и моделей реальности.

Выдающийся советский математик и экономист Л.В. Канторович рассматривал проблему взаимосвязи экономики и математики сквозь призму возможности применения математического моделирования в экономике, сравнивая естествознание и экономику (табл. 14.1).

Таблица 14.1

Использование математического моделирования

Естествознание	Экономика
Однородность характеристик физического мира	Экономическая реальность обладает противоречивыми характеристиками
Слабая роль человеческого фактора (большая объективность)	Индивиды и группы как участники экономического процесса являются источником неопределенности в области своих решений, поведения и реакций; их интересы не согласованы и часто противоположны [3, с. 296].
Опора на данные эксперимента, измеряемые объекты	Проблематичность проведения эксперимента в экономике из-за специфичности ее объектов
моделирование легко осуществимо	моделирование затруднено

Источник: составлена на основании [3; 7].

Несмотря на определенные сложности применения математического моделирования в экономике, Л.В. Канторович был убежден в фундаментальном сходстве экономики и математики; он полагал, что математика делает экономические понятия более четкими, позволяет понять количественные законы самой экономики, добиться быстрого принятия хозяйственных решений [3]. Академик Н.Н. Моисеев писал, что математика является полноценным средством познания в экономике; она «помогает уловить тенденции, предупредить о возможных бифуркациях, объяснить... как действия разнообразных индивидов рожают кооперативное поведение, как могут протекать процессы самоорганизации и возникновения стабильных структур, которые сегодня связываются с проявлением стихии, как изучать стихийный хаос» [цит. по: 7, с. 96].

Успехи формализации экономических понятий при помощи математики стали возможны благодаря прогрессу в области прикладной математики и развитию науки (в частности, информационных технологий). По мнению А.Д. Ливандовской, к чертам существенного сходства математики и экономики можно отнести следующее:

- абстрактность их объектов. Так, А.Д. Ливандовская пишет, что экономические отношения не имеют пространственных характеристик. На наш взгляд, это не совсем справедливо [см.: 7];
- необходимость учета множества разнообразных факторов в процессе управления экономикой;
- необходимость количественного описания причинно-следственной связи между явлениями в экономике, моделирования, разработки многовариантных решений;

- наличие двух типов связей между экономическими объектами — детерминированных (функциональных) и стохастических (отличающихся вероятностным характером, приближенностью). Первый тип связи можно описать на языке математики посредством уравнений; второй тип связи представляют в виде вероятностных законов. Для математического описания больше подходят детерминированные связи, но их в экономике меньше, чем стохастических. Такая особенность обусловлена существенной неопределенностью процессов в экономике, особенно на микроуровне. Успешное применение математики здесь обеспечивают специально разработанные для решения данной проблемы теории игр, математическая статистика, стохастическое программирование и проч.

Учитывая сложность, многоуровневость экономических задач, Л.В. Канторович выступал за сочетание при их решении математических, экспертных и эконометрических методов. Он также обосновал необходимость разработки новых методологических подходов для анализа экономической проблематики в век интенсификации научно-технического прогресса. В процессе этой работы, полагал ученый, следует учитывать особенности психологии людей, впервые применяющих новые методы и ответственных за их распространение. Кроме того, математик подчеркивал непреходящее значение интуиции и целостного человеческого разума в процессе совершенствования методов моделирования в экономике [см.: 3].

Такой подход к проблеме взаимодействия экономики и математики является актуальным и сегодня; описывая реальные трудности и перспективы математической экономики, он позволяет избежать как чрезмерной математизации экономики и тем самым ее отрыва от социально-экономической практики, так и лишения экономической науки ее своеобразия, которое заключается в сочетании методологии социальных и естественных наук.

14.3. ТИПЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Моделирование позволяет представить процесс или явление в упрощенном виде с помощью отобранных по определенному критерию и «систематизированных характеристик рассматриваемого объекта» [10, с. 96]. Моделирование как процесс обеспечивается получением,

обработкой, систематизацией информации, которую исследователь представляет в форме понятий, схем, формул, таблиц или графиков. Представив объект в виде модели, ученому легче делать предсказания о поведении данного объекта, так как из модели исключены неважные для целей исследования или слишком сложные характеристики. Безусловно, при отборе характеристик объекта для создания модели нужно понимать, что цель, поставленная исследователем, необходимо задает ограничения при построении модели.

В применении к экономической науке модель может быть определена как «упрощенная система, используемая для имитирования определенных аспектов реальной экономики» [1]. В экономике применяются различные типы моделей — от метафор («невидимая рука» в теории А. Смита) до «сложных математических моделей в современной неоклассической теории» [10, с. 96].

Модели классифицируют по разным критериям. Так, существуют идеальные (абстрактные) и реальные (предметные) модели. Соответственно, можно говорить о знаковом (информационном) или предметном моделировании. В рамках предметного моделирования привлекаем основные характеристики моделируемого объекта или процесса; в основном такой тип моделирования применяется там, где возможно проведение эксперимента. Абстрактное моделирование, напротив, отвлекается от реального объекта (именно в этом смысле следует понимать идеальность таких моделей) и активно применяется в теоретическом познании.

В экономической науке используются также такие типы моделей, как аппроксимации (основаны на сходстве с моделируемым объектом, например функция Кобба — Дугласа) и карикатуры — в последних искажение реальности как методологический прием позволяет сосредоточить внимание на отобранных исследователем характеристиках (примером «может служить модель рынка с нулевыми транзакционными издержками, позволившая сформулировать теорему Р. Коуза» [10, с. 97]).

Моделирование также разделяется на качественное (в такой модели отображается содержательный аспект моделируемой действительности) и количественное (формальное). Примером модели второго типа является математическая модель.

Одним из нестандартных типов моделирования является «представление информационной модели средствами естественного разговорного языка» [2]. Несмотря на преимущества такой модели, например конкретность, ее применение в науке ограничено, так как одним из критериев научности выступает точность формулировок. В современной

науке также разрабатывается интегративное моделирование, отличительной чертой которого выступает системное рассмотрение объекта [2]. Сегодня такой тип моделирования весьма актуален.

Экономисты используют, как мы уже отмечали, модели разных типов. Одной из наиболее дискурсивных сегодня является модель экономического человека. Она разрабатывается в целях описания, объяснения и предсказания поведения индивидов, особенно связанного с потребительским выбором. Данная модель в согласии с принципом методологического индивидуализма также применяется для анализа поведения фирмы, государства и даже экономических показателей [10, с. 97]. В случае модели экономического человека особенно интересна проблема предметности, т.е. связи модели и реального поведения людей. С нашей точки зрения, чрезмерно абстрактная модель экономического поведения человека (фирмы, государства) точно так же неоперациональна, как и слишком конкретная его модель. Баланс между абстрактностью и предметностью модели человека в экономике может быть достигнут с использованием принципа удобства, когда экономист-теоретик применяет ту модель, которую он считает наиболее удобной в данной исследовательской ситуации.

Системное представление о роли моделирования в науке дают **функции моделирования**: 1) *дескриптивная* — модель описывает важные для исследователя свойства объекта и происходящие в нем процессы; 2) *прогностическая* — на основании изучения модели ученый может делать прогнозы о состоянии и поведении объекта или о развитии процесса; 3) *нормативная* — означает, что по итогам анализа модели могут быть выработаны определенные рекомендации в отношении моделируемых объектов. Например, современная модель человека в экономике основывается на предположении, что «поведение экономического агента — индивида — в той или иной степени рационально, эгоистично и ориентировано на максимизацию выгоды и минимизацию затрат; позволяет ожидать от поведения экономических агентов ориентации на их собственный интерес и предлагает использовать эти предпосылки в маркетинге и рекламе» [10, с. 97–98]; 4) *методологическая* — выполняется в случае, когда модель используется как инструмент анализа экономической реальности на различных уровнях последней. **Создание экономико-математической модели** подразумевает выполнение нескольких **условий**: а) возможность выделить упрощенные исходные предпосылки модели; б) наличие четко определенных критериев, по которым ученый производит отбор абстрагируемых характеристик исследуемого объекта; в) наличие связи модели и реального объекта — если такая связь отсутствует или является слишком проблематичной, неустойчивой и т.д.,

использование модели вряд ли приведет к существенным результатам в познании объекта; г) выделенные ученым характеристики объекта должны поддаваться формализации на языке математики [10, с. 98].

Математические модели в экономике **классифицируют** в основном **по следующим критериям**: а) характер связей между экономическими объектами (детерминированные и стохастические); б) использование в модели фактора времени (статистические и динамические); в) характер значений переменных (дискретные, непрерывные, смешанные); г) зависимость или независимость описываемых отношений и функций от переменных (линейные и нелинейные) [10, с. 98].

В современной экономической науке экономико-математическое моделирование используется и в области организации бизнес-процессов: для разработки путей укрупнения предприятий и повышения эффективности производства (не только в промышленности, но также в науке, образовании, медицине); для решения логистических задач; в применении к проблемам аллокации ресурсов и др. Эти разработки характеризуются определенными трудностями — природа информации в экономике такова, что исследователь должен задумываться об идеологической нагруженности информации, о том, что информация из разных источников может оказаться несовместимой, ненадежной или ее может не быть совсем. Другая проблема — это многоаспектность экономических явлений [7, с. 97]. Не случайно выше мы говорили о модели человека в экономике — это также одна из существенных проблем применения математического моделирования в экономике. Можно рассматривать эту проблему в ракурсе воздействия человека на экономические процессы, явления и объекты [7]; это также проблема человека в экономике (см. гл. 15).

Использование математических методов анализа экономической действительности нельзя рассматривать как универсальный методологический прием. Универсальность в этом случае подразумевает возможность применять данный метод в решении любой экономической проблемы; однако мы убедились в том, что такой подход к пониманию взаимодействия экономики и математики не является операциональным, так как не учитывает специфику экономической науки. Таким образом, применение математических методов в экономике является необходимой, но ни в коем случае не достаточной частью методологического инструментария экономической науки. Экономист с необходимостью должен применять также и качественные методы познания экономической действительности. Только сочетание этих двух типов методов позволит исследователю и практику достичь адекватного результата в своих исследованиях. Отечественный экономист

В.С. Немчинов выделял следующие основные разделы математических методов анализа экономики: математическую экономику, исследование операций и эконометрику. Эти дисциплины, возникшие в результате взаимодействия математики и экономики, «с одной стороны, помогают упростить и ускорить анализ множества переменных, необходимых для разработки практических рекомендаций, принятия решений (в том числе управленческих), построения моделей, прогнозирования экономических процессов и т.д.; с другой стороны, они подразумевают качественную интерпретацию своих формул и моделей» [10, с. 99]. Мы не ошибемся, если скажем, что проблема применения математических методов в экономической науке — часть философской проблемы соотношения теоретического и практического, объективного и субъективного.

В современной экономике (в частности, *mainstream*) господствует идея все большей математизации экономики, когда утверждается якобы объективная возможность сведения содержания экономического знания к его формальной, поддающейся математизации части. В результате усугубляется специализация экономистов, которые не получают достаточного образования в области «социально-гуманитарного и общекультурного содержания экономических знаний, провалы прогнозирования и объяснения экономических процессов и явлений (например, причин мирового финансового кризиса)» [10, с. 99]. Такое положение дел в масштабах экономической науки послужило, на наш взгляд, одной из причин системного кризиса последней.

Выводы

1. Математика — не только универсальный язык, позволяющий формализовать и осуществлять количественное моделирование сложных процессов и явлений в естественных и социальных науках. Математика, кроме того, является самостоятельной наукой, а также может использоваться в качестве метода получения нового знания.
2. Методология естествознания послужила своеобразным «проводником» математики в экономическую науку, поскольку классическая экономическая теория во многом опиралась на естественнонаучные идеалы в области методологии познания. И сегодня одним из критериев научности и в естествознании, и в экономике выступает использование математики, однако не следует ставить знак равенства между естественными науками и математикой.
3. Взаимодействие экономики и математики привело к изменению характера отношений между фундаментальной и прикладной наукой. Роль прикладных исследований стала настолько

существенной, что развитие последних оказывает сегодня определяющее воздействие не только на экономическую науку. В свою очередь, методологический инструментарий, сформировавшийся благодаря решению прикладных задач, способствовал возникновению новых направлений экономической теории.

4. Сложная и многоаспектная проблема взаимодействия математики и экономики обуславливает необходимость переосмысления методологических предпосылок современной экономической науки. Экономика и экономическая наука должны быть рассмотрены прежде всего как часть культуры определенного общества и определенной эпохи; также важнейшее значение обретает сегодня философский анализ экономической проблематики.

Проблемный блок

1. Границы, трудности и перспективы математизации экономического знания.
2. Математика как язык экономической науки.
3. Идея «чистой» науки в математике и экономике.
4. Отношение математики к действительности. Абстракции и идеальные объекты в математике. Проблема верифицируемости и фальсифицируемости.
5. Границы применимости вероятностно-статистических методов в экономике.
6. Математические модели: выбор критериев адекватности и проблема интерпретации.
7. Применение математических методов при управлении сложными социально-экономическими системами.
8. Роль современных концепций математики в развитии экономической теории.
9. Противоречие между простотой и объясняющей силой математических моделей.
10. Что первично: задачи или инструменты?
11. Отличия между прогнозированием поведения людей и физических объектов.
12. Зависимость возможностей эмпирического анализа в разных областях экономики от качества данных.
13. «Большие данные» и новые возможности их обработки как инновация математической экономики.

Приложение 14.1

Таблица П14.1

Направления в экономической науке и математике, развившиеся вследствие тесного взаимодействия двух наук

Воздействие	Новые области в математике	Новые методы и области исследования в экономике
Экономика воздействует на математику	Математическое (в том числе стохастическое) программирование; теория игр; теория нейронных сетей; теория массового обслуживания; теория многомерного статистического анализа и проч.	
Математика воздействует на экономику		Область принятия управленческих решений; принципы целеполагания в исследовании и практике управления; балансовые и сетевые методы исследования; корреляционно-регрессионный анализ и др.; финансовая математика

Источники: [7, с. 96; 2].

Л.В. Канторович о применении математических методов в плановой советской экономике: «Рассмотрение экономики как единой системы, управляемое единой администрацией и подчиненной единой цели, дало средство эффективной организации гигантского информационного материала, содержательного его анализа и обоснованного выбора решений... Наиболее широко используется многомерная линейная оптимизационная модель... Эти модели базируются на описании экономической системы как совокупности основных производственных способов... характеризующихся затратой или производством тех или иных продуктов или ресурсов» [2, с. 286–287].

А. Маршалл «Использование абстрактных рассуждений в экономической науке»: «подготовка в области математики полезна тем, что она позволяет овладеть максимально сжатым и точным языком для ясного

выражения некоторых общих отношений и некоторых коротких процессов экономических рассуждений, которые действительно могут быть выражены обычным языком» [8, с. 225–226].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. Информационное моделирование [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ido.rudn.ru/nfprk/inf/inf9.html> (дата обращения: 14.07.2014).
2. Канторович Л.В. Математика в экономике: достижения, трудности, перспективы (лекция в Шведской Академии наук в связи с присуждением Нобелевской премии за 1975 год) [Текст] / Л.В. Канторович // Канторович Л.В. Экономика и математика: Избранное. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 364 с.
3. Канторович Л.В. Математика и экономика — взаимопроникновение наук [Текст] / Л.В. Канторович // Канторович Л.В. Экономика и математика: Избранное. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 364 с.
4. Количественные методы в экономических исследованиях [Текст]: учебник / под ред. М.В. Грачевой, Ю.Н. Черемных, Е.А. Тумановой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — 687 с.
5. Кратчфилд Дж.П. Хаос [Электронный ресурс] / Дж.П. Кратчфилд // Scientific American. — 1987. — № 2. — С. 16–28. — URL: <http://www.egamath.narod.ru/Nquant/Chaos.htm>
6. Кутателадзе С.С. Математика и экономика Л.В. Канторовича [Текст] / С.С. Кутателадзе // Сибирский математический журнал. — 2012. — Январь — февраль. — Т. 53. — № 1. — С. 5–19.
7. Ливандовская А.Д. Экономика и математика: их взаимодействие [Текст] / А.Д. Ливандовская // Вестник ТГЭУ. — 2008. — № 4. — С. 90–98.
8. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3 т. Т. III [Текст] / А. Маршалл. — М.: Прогресс, 1984. — 351с.
9. Стройк Д.Я. Краткий очерк истории математики [Текст]: пер. с нем. / Д.Я. Стройк. — 5-е изд., испр. — М.: Наука. Гл. ред. физ.мат. лит., 1990. — 256 с.
10. Экономика. Толковый словарь [Электронный ресурс]. — М.: ИНФРА-М; Весь Мир. Дж. Блэк. Общая редакция: д.э.н. И.М. Осадчая. 2000. — URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 14.07.2014).

Дополнительная литература

Аллен Р. Дж. Математическая экономия [Текст] / Р.Дж. Аллен. — М.: Иностранная литература, 1963. — 670 с.

Баумоль У. Экономическая теория и исследование операций [Текст]: пер. с англ. / У. Баумоль. — М., 1965. — 496 с.

Воркуев Б.Л. Количественные методы исследования в микро- и макроэкономике [Текст] / Б.Л. Воркуев. — М.: ТЕИС, 2007. — 436 с.

Гутнер Г.Б. Моделирование [Электронный ресурс] / Г.Б. Гутнер // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (дата обращения: 14.07.2014).

Доугерти К. Введение в эконометрику [Текст]: пер. с англ. / К. Доугерти. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 402 с.

Интрилигатор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория [Текст] / М. Интрилигатор. — М.: Айрис-Пресс, 2002. — 553 с.

Канторович Л.В. Математико-экономические работы [Текст] / Л.В. Канторович. — Новосибирск: Наука, 2011. — 760 с.

Лопатников Л.И. Экономический и математический словарь: Словарь современной экономической науки [Текст] / Л.И. Лопатников. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Дело, 2003. — 520 с.

Математические методы анализа экономики [Текст] / под ред. А.Я. Боярского. — М.: Изд-во МГУ, 1983.

Моделирование экономических процессов [Текст]: учебник / под ред. М.В. Грачевой, Ю.Н. Черемных, Е.А. Тумановой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — 543 с.

Нейман Дж. фон Теория игр и экономическое поведение [Текст] / Дж. фон Нейман, О. Morgenstern. — М.: Наука, 1970.

Тутов Л.А. Модели человека в институциональной экономической теории [Текст] / Л.А. Тутов, А.Е. Шаститко. — М.: МАКС Пресс, 2012. — 104 с.

Тутов Л.А. Философия и методология экономики: предметная идентификация [Текст] / Л.А. Тутов // Экономика и управления: проблемы, решения. — 2013. — № 11. — С. 4–20.

Экономико-математические модели и методы [Текст]: сборник научных трудов, посвященный памяти Л. В. Канторовича. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989.

Ellerman D.P. Intellectual Trespassing is a Way of Life. Essays in Philosophy, Economics, and Mathematics [Text] / D.P. Ellerman. — US: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1995.

Enke S. More on the Misuse of Mathematics in Economics: A Rejoinder [Text] / S. Enke // The Review of Economics and Statistics. 1955. — Vol. 37. — No. 2. — P. 131–133.

Erdem T. Econometric Modeling of Competition: A Multi-category Choice-Based Mapping Approach [Text] / T. Erdem, R.S. Winer // Journal of Econometrics. — 1999. — March–April. — Vol. 89. — Iss. 1–2. — Pp. 159–175.

Grubel H.G. On the Efficient Use of Mathematics in Economics: Some Theory, Facts and Results of an Opinion Survey [Text] / H.G. Grubel, A.B. Lawrence // Kyklos. — 1989. — Vol. 39. — Iss. 3. — Pp. 419–442.

Hildebrand W. The Role of Mathematics in Economics [Text] / W. Hildebrand // Logic, Methodology and Philosophy of Science. — VI.

Kmenta J. Econometrics: A Failed Science? [Text] / J. Kmenta // International Encyclopedia of Statistical Science. — 2014. — Pp. 412–415.

Luptáčík M. Mathematical Optimization and Economic Analysis [Text] / M. Luptáčík. Vol.36. — New York: Springer, 2010.

Russian Contributions to Game Theory and Equilibrium Theory. Theory and Decision Library C. Vol. 39 [Text]. — Berlin Heidelberg: Springer, 2006.

Spanos A. On Theory Testing in Econometrics: Modeling with Nonexperimental Data [Text] / A. Spanos // Journal of Econometrics. — 1995. — May. — Vol. 67. — Iss. 1. — Pp. 189–226.

ЧАСТЬ V

ЭКОНОМИКА И ЧЕЛОВЕК

ГЛАВА 15

ЧЕЛОВЕК В ЭКОНОМИКЕ. МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА

Термины: экономическая антропология, модель человека, экономический человек, экономическая рациональность, максимизация полезности, потребности, полезность, потребление, выбор, предпочтения, ограничения принятий решений.

15.1. ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ЭКОНОМИКЕ. СПЕЦИФИКА ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Экономическая наука занимает особое место среди социально-гуманитарных наук. (Подробнее об этом см. гл. 1.) По специфике своего предмета экономическая наука находится ближе к социальным наукам, но в ней также присутствуют элементы гуманитарного знания. Кроме того, экономическая наука использует методы естественных наук. В качестве социальной науки экономика изучает общество и человека как часть общества. Поскольку и человек, и общество являются объектом других наук, следует определить специфику экономического подхода к рассмотрению этих предметных областей.

Экономическая наука изучает общество с точки зрения его хозяйственной организации и деятельности; таким образом, человек в экономической науке рассматривается как часть хозяйственной структуры общества и часто носит название «экономический агент». Однако экономическим агентом может быть и фирма, и государство.

Человек в экономике есть субъект, вступающий в экономические отношения с другими людьми на основе формальных и неформальных правил, которые благодаря наличию механизма принуждения

приобретают статус институтов. Но человека исследует не только экономика. Среди наук, чьим объектом также является человек, нам интересны прежде всего существующие в социальных науках пограничные с экономической дисциплины. Речь идет о междисциплинарных направлениях — экономической антропологии и экономической социологии.

Можно выделить узкое и широкое определения экономической антропологии. Согласно узкому пониманию экономическая антропология, будучи частью культурной (социальной) антропологии, изучает «особенности хозяйственной (экономической) жизнедеятельности в традиционных, доиндустриальных обществах» [2, с. 1]. В широком смысле слова экономическая антропология понимается как «направление в экономической мысли, ставящее перед собой задачу изучения человека как экономического субъекта и разрабатывающее модели различных типов *homo economicus*» [9, с. 17]. К данному подходу можно отнести и точку зрения авторов книги «Очерки экономической антропологии», понимающих под этой наукой «осмысление экономических, социоэкономических явлений, исходя из данных антропологии и антропобиологии, с учетом особенностей природы человека» [10, с. 3].

С нашей точки зрения, оба подхода к определению места антропологической проблематики в экономической науке различаются между собой, но не являются противостоящими друг другу. Так, узкое определение экономической антропологии указывает на последнюю как на специфическое направление в экономической теории, в то время как широкое определение акцентирует антропологический аспект любой экономической теории на протяжении всего развития экономической науки. Таким образом, экономическая антропология может быть использована в качестве инструмента для выяснения генезиса современного представления о человеке в экономике. Кроме того, экономическая антропология связана с феноменом дорыночной и внерыночной экономики (подробнее об этом см. гл. 16), на основании которой можно прояснить многие черты современного экономического человека, а также разработать рекомендации по реформированию модели человека в современной экономике.

Отдельно следует остановиться на **теоретико-методологических проблемах экономической антропологии**. Среди таких проблем можно назвать следующие.

1. Выяснение соотношения между экономической деятельностью и социальной сферой — по мнению *Н.А. Розинской* [см.: 15], в традиционных обществах последняя подчиняет первую. Существует и противоположная точка зрения, отстаиваемая известным немецко-американским философом *Х. Арендт*: она полагает,

что именно сегодня социальная сфера определяет все процессы, происходящие в экономике, что проявляется, в частности, в поглощении общественного частным [21]. В любом случае, если социальная сфера господствует, инструментарий современной экономической теории оказывается существенно ограничен в анализе экономических процессов, происходящих в традиционном, а по мнению Х. Арендт, — и в современном обществе.

2. Ключевой проблемой является создание такого инструментария на стыке экономики, социологии и антропологии, который позволил бы изучать традиционные общества с учетом их специфики, т.е. аутентично. Примером разработки такой методологии можно назвать субстантивистский метод К. Поланьи. Интересно, что данный метод может быть применен не только к анализу традиционных обществ, но и к изучению современных обществ, сформировавшихся, например, в Японии или России, поскольку он позволяет определить качественные отличия определенных обществ, особенно тех, в которых сильна традиционная культура.
3. Проблема интеграции традиционных обществ в современную экономическую действительность разделяется на две подпроблемы: первая заключается в выявлении определенных черт социальной организации традиционного общества, обуславливающих принятие либо отторжение новаций — технологических, экономических, культурных [11, с. 7]. Вторая подпроблема рассматривает влияние данных новаций на традиционное общество.

В целом можно заключить, что основная проблематика экономической антропологии сосредоточена на попытках формирования таких методологических подходов, которые действительно позволили бы изучать различные — традиционные, современные и будущие — общества с точки зрения сочетания их индивидуальных антропологических (и социальных) характеристик и экономических процессов, разрывающих границы любого общества.

В рамках экономической антропологии выделяют **экономическую социологию** — направление, изучающее экономическую действительность с помощью социологических категорий. В отечественной науке экономическая социология наиболее полно исследована в работах *В.В. Радаева* [11; 12]. Сравнивая экономическую теорию и экономическую социологию, ученый так сформулировал основное различие между ними: оно состоит «в общеметодологических предпосылках анализа, в подходах к моделированию человеческого действия, проистекающих из разнородных оснований» [11, с. 13]. Экономическая теория и экономическая социология ставят разные типы задач. Предмет экономической

социологии — «экономическое действие как форма социального действия... осуществление контроля над ограниченными ресурсами ненасильственными методами в целях удовлетворения своих потребностей» [11, с. 14]. Фактически В.В. Радаев, сосредоточиваясь на понятии экономического действия, трактует предмет экономической социологии как своего рода дополнение, расширение предмета экономической теории. С нашей точки зрения, такой подход не отражает специфику экономической социологии, изучающей скорее фундаментальные причины и механизмы, обуславливающие взаимодействие экономической и социальной сфер общественной жизни [8].

Несмотря на значимость экономической антропологии в целом и экономической социологии в частности для изучения проблемы человека в экономике, эта проблема не может быть решена только в рамках этих дисциплин или одной из них. Специфика проблемы человека в экономике заключается не только в том, что экономическая наука исследует человека в качестве субъекта хозяйственной деятельности, но также и в том, что представления о человеке в экономике образуют особый методологический инструмент — модель экономического человека — необходимый для понимания поведения и динамики развития неиндивидуальных экономических агентов — фирм, государств и даже экономических показателей. Признанный авторитет в данной области В.С. Автономов считает, что проблема человека в экономике и есть по преимуществу проблема *эпистемологической модели* человека в экономике [см.: 1, с. 40]. На наш взгляд, инструментальный подход к экономическому человеку предполагает изучение не только методологических, гносеологических, но и онтологических оснований антропологической проблематики в экономике.

Среди таких оснований назовем прежде всего место человека как индивида и как социального существа в социальной, а значит, и экономической реальности. Человек является ее неотъемлемой частью. Человек также выступает и субъектом экономического познания, и его объектом. Это означает, что экономическая наука не может не опираться на определенное представление о человеке, которое она использует в качестве модели для понимания поведения людей — потребителей продукции и услуг, поведения фирм и государств на рынке, динамики экономических институтов и показателей. Экономика также должна учитывать влияние человека как субъекта познания на постановку целей и задач экономической науки и экономической политики, на решение экономических и социальных проблем, на формирование экономической картины мира.

Все перечисленные выше особенности проблемы человека в экономической науке создают сложное, по сути своей междисциплинарное пространство формирования представлений о человеке в экономике, в частности модели экономического человека.

В этом контексте важно обратить внимание на такие понятия, как абстрактность и реалистичность модели человека в экономике. Абстрактность модели подразумевает ее простоту, строгость, отвлеченность от не имеющих значения для экономической науки характеристик человека. В то же время модель человека в экономике не должна быть слишком узкой и оторванной от реальности, в противном случае снижается ее объяснительный и прогностический потенциал. Вместе с тем чрезмерная размытость модели человека может привести к выхолащиванию собственно экономического ее содержания, что также негативно сказывается на способности экономики объяснить и предсказать экономические и социальные явления и процессы. Поэтому серьезной проблемой является отбор критериев, на основании которых строится модель человека; в свою очередь, критерии выделения тех или иных характеристик, образующих структуру модели человека, зависят от того, каких мировоззренческих и методологических оснований придерживается ученый в процессе создания такой модели.

15.2. ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Модель человека в экономической теории — это упрощенное представление об экономическом поведении человека с точки зрения таких его характеристик, как мотивы, цели, способы данного поведения.

Эволюция модели экономического человека представляет собой ретроспективу развития этой модели в мировой экономической мысли от возникновения понятия «экономический человек» до наших дней. Следует отметить, что эволюция представлений о человеке в экономике в рамках неоклассической парадигмы (*mainstream*) является относительной, поскольку основные предпосылки модели человека остаются, в сущности, неизменными, варьируется в целом лишь степень их «интенсивности».

Проблема человека в экономике обсуждалась уже среди предшественников классической политической экономии (меркантилистов, физиократов, философов, занимавшихся проблемой происхождения государства, британских философов-моралистов), об этом подробно пишет в своей работе К. Лаваль [7].

Зарождение концепции экономического человека (*homo economicus*) можно обнаружить у классиков политической экономии (А. Смита, Д. Рикардо, Дж.С. Милля, И. Бентама). Создание модели экономического человека, по мысли В.С. Автономова, позволило политической экономии отделиться от моральной философии и сформулировать — в первом приближении — свой предмет как изучение «деятельности экономического человека» [1, с. 104]. Можно назвать следующие основные черты первой модели экономического человека: 1) в мотивации его поведения определяющую роль играет собственный интерес; 2) экономический субъект компетентен в своих делах (информирован и сообразителен); 3) анализ поведения экономического человека весьма конкретен и учитывает различные тонкости, например классовые различия и неэкономические мотивы.

Как пишет В.С. Автономов, «эти свойства экономического субъекта (особенно развитые у капиталистов) А. Смит и Д. Рикардо считали изначально присущими каждому человеческому существу» [1, с. 104]. Таким образом, модель экономического человека находится в прямой связи с типом экономического человека, который классиками экономической теории полагался реально существующим. Ту же самую мысль мы находим у М. Вебера в его размышлениях о «духе капитализма» [см.: 3].

В дальнейшем модель экономического человека развивалась в марксизме. К. Маркс не оставил специальных трудов по антропологии; размышления о человеке он основывал на собственной экономической философии и социологии. В основании представлений К. Маркса о человеке лежала концепция товарного фетишизма — двустороннего процесса: с одной стороны, по овеществлению человека и человеческих отношений; с другой — по одушевлению вещей в процессе осуществления обмена. В такой системе человек и его действия не могут быть полностью свободными, но человек действует в соответствии с той логикой, которая реализуется в отношениях между вещами. Таким образом, по К. Марксу, человек в его сущности есть «воплощение определенной социальной или классовой функции и его моральные принципы и соответствие им его поведения значения не имеют» [9, с. 21]. Интересно, что немецкий мыслитель предполагал, что процесс овеществления общественных отношений присущ не экономической действительности самой по себе, а лишь определенному этапу развития этой действительности — капиталистическому обществу. К. Маркс считал, что с осуществлением социалистической революции и впоследствии в новом, коммунистическом обществе экономический базис не будет определять духовную надстройку. Человек будущего, по мнению К. Маркса, является всесторонне развитой, свободной личностью.

Маржиналистская революция, произошедшая в последней трети XIX в., ознаменовала наступление следующего этапа в развитии представлений о человеке в экономике. В частности, австрийская школа маржинализма (*Э. фон Бём-Баверк, К. Менгер, Ф. фон Визер, Л. Вальрас, У. Джевонс*) полагает, что *homo economicus* — это прежде всего человек, нацеленный на удовлетворение своих потребностей. Природа человека универсальна, а значит, неизменна, следовательно, неизменны и его потребности. Такой подход позволял уйти от неопределенности в экономической науке, направив последнюю на формулировку универсальных экономических законов по образцу законов естественных наук. Это означало возможность активно использовать математические методы для анализа экономической действительности, поскольку неизменные «первичные элементы», лежащие в ее основе, легко поддавались калькуляции. Для обоснования такого подхода к пониманию экономической реальности в австрийской школе использовался принцип методологического индивидуализма, согласно которому социальные явления и процессы можно объяснить только с точки зрения поведения индивида. Данному подходу противостояла немецкая историческая школа; представители этой школы, в частности *Г. Шмоллер*, понимали экономику как историческую и эмпирическую науку, чьи законы не могут быть универсальными, но должны учитывать специфику того общества, об экономическом строе которого идет речь. Следовательно, и в анализе человеческого поведения основное внимание необходимо уделять социально-культурным факторам, обуславливающим индивидуальное поведение. В этом споре, получившем название «спор о методах» (подробнее об этом см. гл. 10), историческую победу одержала австрийская школа, которая еще более рационализировала экономического человека, сделала его человеком оценивающим и выбирающим.

Таким образом, классическую модель экономического человека можно охарактеризовать следующим образом:

- человек — атомистический индивид, принимающий решения и осуществляющий выбор самостоятельно, на основании личного интереса;
- действие на основании личного интереса означает эгоистичность человека, ориентированного на возможно более полное (максимальное) удовлетворение своих потребностей (достижение выгоды или пользы);
- человек является рациональным существом, он способен точно просчитывать сравнительные издержки своих действий для наилучшего использования находящихся в его распоряжении ограниченных ресурсов;

- для осуществления рационального выбора человек обладает полнотой информации о собственных потребностях и средствах их удовлетворения.

Впервые о различии модели человека и реального человека заговорили в рамках методологических дискуссий ученых-экономистов XIX в. Это различие было связано с критикой существовавшей на тот момент модели экономического человека. По итогам дискуссии были сформулированы два подхода к пониманию человека в экономической науке: антропологический (*Н. Сениор*) и методологический (*Дж.С. Милль*) (рис. 15.1).

Рис. 15.1. Два подхода к пониманию человека в экономической науке

Попытавшись синтезировать экономическую антропологию маржинализма и классики, *А. Маршалл* и *Дж.М. Кейнс* подвергли пересмотру классическое представление об экономическом человеке. У *А. Маршалла* трактовка человека является более психологической и практической, что несколько подорвало представление об эгоистичности экономического человека и его рациональности, так как на практике человек часто действует непредсказуемо и импульсивно. Согласимся с *В.С. Автономовым*, что *Дж.М. Кейнс* описывал экономического человека как обладающего неполной информацией, рационального, периодически (в экстремальных ситуациях) иррационального, подвластного влиянию множества психологических факторов при расчете своего поведения и выбора (например, Кейнс обосновал принцип убывания склонности к потреблению по мере роста доходов). Такая трактовка человека была обусловлена не в последнюю очередь обстоятельствами того времени, в котором разрабатывал свою теорию *Дж.М. Кейнс*. В США это был период Великой депрессии, когда от экономистов требовалось осмысление неравновесных экономических процессов, а это было трудно сделать средствами неоклассической экономической теории, основывающейся на предпосылке о стремлении экономической системы к равновесному состоянию.

Разделение на антропологический и методологический подходы к пониманию модели экономического человека продолжается в рамках универсалистского направления экономической теории (*Ф.Г. Уикстид*, *Л. Роббинс* и *Л. Мизес*). Различие трактовок модели человека было обусловлено прежде всего тем или иным пониманием предмета самой экономической науки. Так, первая группа — «методологи» (*Л. Мизес*) важнейшим элементом экономической науки считали теорию рационального выбора, с помощью которой можно объяснять, но не предсказывать человеческое поведение. Вторая группа — «антропологи» (например, *Ф.Г. Уикстид*) полагали, что априорные абстракции только затрудняют функционирование экономической науки, ее применимость на практике; они считали, что «исследуемый экономической наукой реальный аспект человеческой деятельности носит универсальный характер. Именно такой подход к модели экономического человека укрепился... в современной экономической теории» [1, с. 147]. Универсализм, пишет В.С. Автономов, сегодня особенно популярен в связи с экономическим империализмом, распространяющим методы экономической науки на смежные социально-гуманитарные дисциплины.

Представляют интерес взаимоотношения неоклассического синтеза и неоинституционализма по вопросу о человеке. Неоклассический синтез, известный также как «экономикс» (*Дж. Хикс*, *П. Самуэльсон*), систематизировал все предыдущее знание о человеке экономическом. Для последнего свойственны: рациональность (полная или ограниченная), занимающая центральное место; эгоцентризм; стремление к максимизирующему выбору между благами и ресурсами. Конечный пункт выбора — интерес, измеряемый в системе «издержки — выгоды». Неоинституционалисты (*Р. Коуз*, *Д. Норт*) применили эволюционный подход к экономическому человеку. Последний действует под влиянием институтов и сам оказывает влияние на их динамику. Неоинституционалисты упрекали неоклассику за недостаточное внимание, уделяемое коллективному, социальному в человеческом поведении, за переоценку настоящего в ущерб прошлому, недооценку биологического и иррационального в природе человека. Отсюда — обращение неоинституционалистов к другим социальным и даже естественным наукам.

В настоящее время рабочей моделью человека в экономике является экономический человек неоклассической экономической теории. Предпосылки этой модели в ходе исторического развития экономической науки не были существенно изменены, но лишь уточнялись в сторону их меньшей жесткости.

15.3. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАБОЧЕЙ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

В современной экономической науке рабочая модель человека часто обозначается с использованием акронима *REMM* (*rational, evaluating, maximizing man* — рациональный, оценивающий, максимизирующий человек). Выделим и раскроем сущность следующих основных черт современного экономического человека.

1. В силу *ограниченности ресурсов* человек вынужден постоянно делать *выбор*, при этом его предпочтения являются необходимыми и устойчивыми. В этом контексте выбор определяется как «совокупность действий, которые выполняет человек для достижения целей (удовлетворения потребностей) в условиях ограниченности ресурсов, допускающих альтернативные варианты использования» [14, с. 7]. В сущности, выбор в экономической науке является основным элементом человеческого поведения, поскольку оно понимается именно как осуществление выбора между альтернативными ресурсами и потребностями.
2. *Неограниченность потребностей* придает экономический смысл предпосылке ограниченных ресурсов. Потребности — это атрибут живых существ, испытывающих нужду в чем-либо. Потребности находят свое *выражение в предпочтениях* индивида или группы; удовлетворение потребностей связано с разного рода ограничениями, задающими объективные границы возможностей реализации потребностей. Примерами ограничений являются цены и доход, потребности других людей, а также правила, при соблюдении которых потребности могут быть удовлетворены. Поскольку предпочтения и ограничения являются теми переменными, которые необходимо учитывать, анализируя процесс выбора, важно понять, насколько устойчивы эти переменные. В современной неоклассической экономической теории более устойчивыми считаются предпочтения.
3. В процессе выбора экономический человек сравнивает и оценивает различные альтернативы (*оценивающий человек*). Процедура оценки в экономической теории предполагает обладание информацией о потребностях того, кто совершает выбор, а также способность выбирающего анализировать выгоды и издержки выбора той или иной альтернативы. Сама оценка означает, что человек связывает свои предпочтения и представления о ценности той или иной альтернативы. Здесь важно отметить, что процедура

оценивания носит субъективный характер и не всегда поддается формализации на языке математики.

4. Человек меняется под воздействием институтов и сам их меняет (*эволюционирующий человек*). Такое понимание человека в экономической теории обусловлено необходимостью определить соотношение индивидуального и социального как в экономической действительности в целом, так и в поведении человека (особенно в ситуации выбора) в частности.
5. Человек *является эгоцентриком*, который предпочитает свои интересы и оценки чужим и соблюдает общественные нормы лишь постольку, поскольку они не противоречат его (индивида) интересам. Данная характеристика человеческого поведения выступает одним из вариантов решения вопроса об отношении личного и общественного интереса. В рамках этого подхода появилось понятие оппортунистического поведения как поведения, направленного на одностороннее удовлетворение интересов только одного участника экономических (и не только) отношений, зачастую в ущерб интересам других участников [14]. В экономической теории оппортунистическое поведение напрямую связывается с обманом ради собственной выгоды [18].
6. Человек *обладает ограниченной (неполной) информацией*. Ограниченность информации может также означать ограниченность человеческой способности к ее обработке, в то время как сама информация может быть в избытке. Информация не является данностью — для ее получения человек должен затратить некоторые ресурсы (например, время). Определить информацию мы можем посредством соотнесения этого понятия с понятием знания. Так, если информация есть некие сведения об объекте, процессе, явлении, то знание — те же сведения, представленные в системном виде. Интересно в этой связи определение информации, данное автором математической теории информации К. Шенноном, как сообщений, в процессе обмена которыми уменьшается доля неопределенности в отношении объекта сообщения [19, с. 259–263]. Фактически процесс уменьшения неопределенности и есть процесс превращения информации в знание. Знание также можно определить как результат ценностно-смысловой переработки информации.
7. Человек *ведет себя целерационально*, т.е. ставит рациональные цели и реализует их максимально полно (иррациональные элементы в его поведении встречаются случайно). С одной стороны, экономическая трактовка рациональности сужает ее

философский смысл, трактуя рациональность как максимальное соответствие выбранных средств поставленной цели (максимизация целевой функции). С другой стороны, такое понимание рациональности является чрезмерно широким, что позволяет, в частности, распространять данный подход на анализ поведения человека в неэкономических сферах жизни общества, осуществляя таким образом редукцию социального к экономическому.

Несмотря на ясно определяемую господствующую тенденцию в формулировке черт экономического человека, можно сказать, что сегодня развивается и альтернативная тенденция к определению модели и типа экономического человека как в рамках *mainstream*, так и на границе других школ экономической теории (в рамках так называемой гетеродоксии). К ним можно отнести концепции *Ф. Хайека* и *И. Кирицнера* в рамках неоавстрийского подхода, теорию ограниченной рациональности *Г. Саймона*, радикально субъективистскую концепцию *Дж. Шэкла*, концепцию переменной рациональности *Х. Лейбенштейна* и *П.-Л. Рейно*.

Но на данный момент эти альтернативные теории предлагают нам больше критику, чем новые концепции экономического человека.

15.4. ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА

Критический анализ рабочей модели экономического человека сегодня ведется как в современной экономической теории, так и в смежных дисциплинах (социологии (в том числе экономической социологии), экономической психологии, философии экономики). В качестве объекта критики можно выделить следующие основополагающие черты модели экономического человека:

- принцип методологического индивидуализма и его применение к объяснению социальных явлений;
- принцип оптимизации (максимизации полезности);
- равновесная модель экономики;
- теория экономического выбора как результата человеческой деятельности;
- отсутствие качественного психологического анализа человеческого поведения;
- установка на принципиальную рациональность экономического агента;
- экономический империализм и игнорирование неэкономических мотивов человеческого поведения.

Критика модели человека внутри экономической теории представлена рядом концепций, школ и направлений, которые принято называть *гетеродоксией* (в отношении к ортодоксии — экономическому *mainstream* в лице неоклассической экономики), или альтернативными направлениями экономической теории.

Перечислим общие *отличия альтернативного подхода от неоклассического*.

1. Для неоклассического подхода характерна большая операциональность и универсальность в ущерб реалистичности, а для гетеродоксальных теорий — большая конкретность (реалистичность) модели, основанная на понимании человеческой природы как несовершенной, а экономической системы — как неравновесной. К таким теориям относятся: неоавстрийская школа (*Ф. Хайек, Л. Мизес, И. Кирцнер*), традиционный институционализм (*Т. Веблен, К. Боулдинг, Дж. Гэлбрейт, Р. Хайлбронер, Дж. Коммонс*).
2. Различия касаются процесса и результата выбора. В неоклассике альтернативы уже заданы. В альтернативных моделях объектом анализа становится процесс выявления альтернатив и, соответственно, процесс принятия решения. Таким образом, выбор трактуется здесь не как результат, а как процесс «практической познавательной деятельности» [1, с. 208] человека. Здесь можно упомянуть неоинституционализм (*Д. Норт, Р. Коуз, Дж. Уоллис, А. Алчиан, В. Вайнгаст, Э. Фуруботн, Р. Познер*).
3. В альтернативных теориях, например в новой институциональной экономической теории (*О. Уильямсон*), а также в радикальном субъективизме, или теории экономического воображения (*Дж. Шэкл, австрийская школа — Л. Лахман, Дж. О’Дрисколл*), прослеживается больший психологизм в объяснении поведения человека, т.е. акцент на анализе психологических особенностей, определяющих деятельность человека (в противоположность ситуационному подходу, ставящему поведение человека в зависимость от внешних условий, ситуации).
4. В альтернативных теориях не предполагается возможность полного преодоления неопределенности. Более того, выделяют ее различные типы. Спорят о том, что считается «истинной неопределенностью» [1, с. 209]. К этому пункту мы относим поведенческую экономику (*Г. Саймон, К. Левин, Р. Хайнер, Р. Зельтен*).
5. Иное понимание в рамках альтернативных теорий сопряжено со способностью человека обрабатывать информацию для принятия гарантированно лучшего решения. Эта проблематика разрабатывается в рамках концепции переменной рациональности

- (акцент — на процедуре сбора и анализа информации) — *Х. Лейбенштейн, П.-Л. Рейно*, в экономике соглашений (новый французский институционализм) — *Л. Тевено, Л. Болтянски, О. Фаворо, Ф. Эмар-Дюверне*, а также в эволюционной экономической теории (*С. Уинтер, Р. Нельсон*).
6. В альтернативных теориях функция полезности трансформируется, в ней появляются дополнительные факторы, происходит усложнение цели.
 7. В неоклассике вопросы методологии оказываются за рамками рассмотрения, в то время как в альтернативных теориях им отводится значительное место. Акцент на методологическом анализе модели человека в экономике позволяет формулировать данную модель более конкретно и продуманно, что осуществляется, в частности, в теории социального выбора (*А. Сен, Ю. Эльстер, Дж. Ремер*).
 8. Для альтернативных экономических теорий характерно принятие во внимание неэкономических мотивов человеческого поведения, например в рамках посткейнсианства (*Р. Кауэр, П. Девидсон, А. Лейонхуфвуд, Х. Мински, Дж. Робинсон, С. Вайнтрауб, Н. Калдор, А. Айхнер*).

Выводы

1. Антропологическая проблематика актуальна для экономической науки постольку, поскольку человек является не только субъектом, но и объектом экономического познания. Именно поэтому любая претендующая на универсальность экономическая теория должна также сформулировать свой взгляд на экономического человека.
2. Представление о человеке в экономической теории является комплексом теоретико-методологических подходов, рассматривающих человека и как объект изучения экономической науки, и как модель экономического человека — инструмент для анализа экономической действительности на микро- и макроуровне. В этом смысле представления о человеке в экономической теории необходимо изучать как с точки зрения их философско-методологических оснований, так и в контексте междисциплинарных связей экономики.
3. Модель экономического человека в результате своего развития в экономической мысли может быть представлена, с одной

стороны, как рабочая модель экономического человека (используется в неоклассике), а с другой — как комплекс альтернативных, отличающихся от ортодоксальной, моделей человека.

4. Сегодня критика рабочей модели человека и разработка новых подходов к представлению о человеке в экономической теории идут не только внутри самой экономической науки, но и в пространстве междисциплинарных взаимодействий. Так, представляется естественной и необходимой разработка модели человека на стыке экономики, социологии, психологии и философии.

Проблемный блок

1. Экономическая антропология как направление (школа) экономической мысли и как раздел экономической науки.
2. Научный статус модели человека.
3. *РЕММ* — универсальная формула модели экономического человека.
4. *Ното economicus* — монстр социальных наук?
5. Методологические предпосылки гибридной модели экономического человека.
6. Взаимодополняемость и противоречия между параметрами рабочей модели экономического человека.
7. Будущее рабочей модели человека.
8. Рациональность, ограниченная рациональность, нерациональное поведение экономического человека.
9. Модель человека как инструмент экономического империализма.
10. Связь модели человека с реальной экономической политикой.

Приложение 15.1

Вернер Зомбарт «Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека»: «Если говорить образно, то можно относиться к хозяйственной жизни как к организму и утверждать о нем, что он состоит из тела и души. Хозяйственное тело образуют не внешние формы, в которых функционирует хозяйственная жизнь: хозяйственные и технические формы, многообразные организации, в среде которых и с помощью которых осуществляется хозяйствование. Однако и внешние условия, при наличии которых происходит хозяйственный процесс, можно также причислить к хозяйственному

телу, которому именно и противопоставляется хозяйственный дух. Хозяйственный дух — это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование. Это все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека» [5, с. 5–6].

«Кажется почти шуткой, когда в истории духа современного экономического человека в качестве одного из источников, которым питался капиталистический дух, указывают философию. И все же она, без сомнения, принимала участие в построении этого духа, хотя, конечно... учения, воздействовавшие на души капиталистических предпринимателей, и были неудавшимися детьми великой матери. Это “философия здравого человеческого смысла” и утилитаризм во всех его оттенках» [5, с. 167–168].

Вклад Е.Е. Слуцкого в теорию экономического поведения человека. Евгений Евгеньевич Слуцкий (1880–1948) признан мировым экономическим сообществом (в том числе представителями современного экономического *mainstream*) одним из основателей стандартной теории потребительского выбора. В частности, он анализировал (с использованием математических методов) механизм влияния изменения цены товара на потребительский выбор этого товара; для описания этого механизма ученый использовал сформулированные им эффекты замещения (изменение спроса на товар вследствие изменения цены одного из конкурирующих товаров) и дохода — «изменение спроса вследствие изменения покупательной способности» [16]. В случае действия первого эффекта уровень полезности не меняется; когда имеет место второй эффект, потребитель изменяет свою функцию полезности [6, с. 1125]. Не менее интересными являются разработки Е.Е. Слуцкого в области формально-праксеологических¹ основ человеческого поведения. Человек (или потребитель) в терминах Е.Е. Слуцкого есть система, параметры которой отражают ее состояния. Последние определяются обстоятельствами двух видов — теми, что описывают область возможных состояний системы, или «область свободы» [16, с. 554], и теми, что однозначно определяют состояния системы. Каждое действительное проявление системы описывается понятием «оптимум свободы» [16, с. 554]; и пока система находится в оптимальном состоянии, она не будет стремиться его изменить (или будет бороться с возможным его изменением). Система осуществляет выбор, который зависит от действия направляющих сил самой системы, определяющих действительное

¹ Праксеология — наука об эффективной организации деятельности.

состояние последней. Таким образом, поведение человека (и не только) Е.Е. Слуцкий описал в терминах чистой (абстрактной) экономической науки [16, с. 553], которую он считал сродни геометрии или формальной физике.

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке [Текст] / В.С. Автономов // Автономов В.С. В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки / под ред. Е.А. Рязанцевой. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. — С. 39–244.
2. *Белик А.А.* Экономическая антропология: взаимодействие экономики и культуры [Электронный ресурс] / А.А. Белик // Экономический журнал. — 2010. — № 4(20). — URL: <http://economicarggu.ru/>
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; пер. с нем. и общ. ред. Ю.Н. Давыдов. — М.: Прогресс, 1990. — С. 44–271.
4. *Вэриан Х.Р.* Микроэкономика. Промежуточный уровень: современный подход [Электронный ресурс] / Х.Р. Вэриан. — М.: Юнити, 1997. — 767 с. — URL: <http://freakonomics.ru/>
5. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека [Электронный ресурс] / В. Зомбарт. — М.: Наука, 1994. — 443 с. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Zomb/index.php
6. *Конюс А.А.* Евгений Слуцкий [Текст] / А.А. Конюс // Слуцкий Е.Е. Экономические и статистические произведения: Избранное. — М.: Эксмо, 2010. — С. 1125–1127.
7. *Лаваль К.* Человек экономический. Эссе о происхождении неолитизма [Текст] / К. Лаваль. — М.: НЛО, 2010.
8. Новейший философский словарь [Текст] / гл. ред. и сост. А. Грицанов. — Минск, 1999. — URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=149350>.
9. *Орехов А.М.* Методы экономических исследований [Текст]: учеб. пособие / А.М. Орехов. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 392 с.
10. Очерки экономической антропологии [Текст]. — М.: Наука, 1999. — 127 с.
11. *Радаев В.В.* Еще раз о предмете экономической социологии [Электронный ресурс] / В.В. Радаев // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 3–14. — URL: <http://ecosman.hse.ru/>
12. *Радаев В.В.* Экономическая социология [Текст] / В.В. Радаев. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. — 603 с.
13. *Розмаинский И.* О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX — начала XXI века [Электронный

- ресурс] / И. Розмаинский // Вопросы экономики. — 2008. — № 7. — С. 89–99. — URL: <http://instituteconomics.com/theories/1073-o-metodologicheskikh-osnovaniyah-mejnstrima-i-geterodoksii-v-ekonomicheskoy-teorii.html>
14. Словарь основных понятий стратегического планирования [Электронный ресурс] / под общ. ред. Г.Б. Клейнера. — М.: КОНСЭКО, 2002. — URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/89/word/opportunistic-povedenie>
 15. Слудковская М.А. Развитие западной экономической мысли в социально-политическом контексте [Текст] / М.А. Слудковская, Н.А. Розинская. — М.: Проспект, 2016. — 220 с.
 16. Слуцкий Е.Е. К формально-праксеологическому основанию экономической науки [Текст] Е.Е. Слуцкий // Слуцкий Е.Е. Экономические и статистические произведения: Избранное. — М.: Эксмо, 2010. — С. 552–566.
 17. Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию [Текст] / А.А. Сусоколов. — М.: SPSL — «Русская панорама», 2006.
 18. Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа [Текст] / О.И. Уильямсон // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 39–49.
 19. Шеннон К. Работы по теории информатики и кибернетики [Текст] / К. Шеннон. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. — 827 с.
 20. Экономический словарь [Электронный ресурс]. — URL: <http://abc.informbureau.com/>
 21. Arendt H. The Human Condition [Text] / H. Arendt. — 2nd edition. — USA; UK: The University of Chicago Press, 1998. — 349 p.

Дополнительная литература

Автономов В.С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках [Текст] / В.С. Автономов // Истоки. — 1998. Вып. 3. — С. 24–71.

Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории [Текст] / В.С. Автономов. — М.: Наука, 1993.

Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов американской школы [Текст] / М. Алле // THESIS. — 1994. — № 5.

Кирчик О. Экономика конвенций, экономическая гетеродоксия и социальная онтология [Текст] / О. Кирчик // Вопросы экономики. — 2010. — № 7. — С. 4–11.

Лезурн Ж. Основные элементы теории полезности [Текст] / Ж. Лезурн // THESIS. — 1993. — Т. 1. — № 3. — С. 10–15.

Маевский В.И. О рациональном поведении реального потребителя [Текст] / В.И. Маевский, Д. Чернавский // Избранные статьи. 2005–2009 гг.: сб. статей сотрудников ИЭ РАН / под ред. Р.С. Гринберга. — М.: ЗАО «Изд-во “Экономика”», 2010. — С. 116–135.

Михеева С.А. Рациональность и экономическое поведение: междисциплинарный подход [Электронный ресурс] / С.А. Михеева. — URL: <https://sites.google.com/site/konfep/Home/1-sekcia/miheeva>

Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления [Текст] / Г. Саймон // THESIS. — 1993. — Т. 1. — № 3. — С. 16–38.

Трубицын А.В. Принцип рационального экономического поведения [Текст] / А.В. Трубицын. — М.: ИЭ РАН, 2006. — 225 с.

Тутов Л.А. Модели человека в институциональной экономической теории [Текст] / Л.А. Тутов, А. Шаститко. — М., 2012.

Уильямсон О. Человеческое поведение и экономические организации [Текст] / О. Уильямсон. — Доклад на Второй международной конференции по Новой институциональной экономике, 1998.

Человек в экономике и других социальных средах [Текст]: коллективная монография / отв. ред. В.Г. Федотова. — М.: ИФ РАН, 2008. — 195 с.

Conlisk J. Why Bounded Rationality [Text] / J. Conlisk // Journal of Economic Literature. — 1996. — Vol. XXXIV. — P. 669–700.

Homo Institutus — Человек институциональный [Текст] / под ред. О.В. Иншакова. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.

Libby R. Man versus Model of Man: Some Conflicting Evidence [Text] / R. Libby // Organizational Behavior and Human Performance. — 1976. — No. 16. — P. 1–12.

Zafirovski M. Classical and neoclassical conceptions of rationality — Findings of an exploratory survey [Text] / M. Zafirovski // The Journal of Socio-Economics. — 2008. — No. 37. — P. 789–820.

ГЛАВА 16

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Термины: *homo economicus* (человек экономический), *homo sociologicus* (человек социологический), *SRSM*, *OSRM*, *REMM*, *RREEM*, методологический индивидуализм, методологический холизм, социологический реализм, максимизация полезности, альтруизм, социальные нормы, социальные роли, социальный контроль, социальные санкции, социализация, первобытный коммунизм, дар, церемониально-престижная экономика, реципрокция, редистрибуция, трансдетерминирование, внеэкономическое принуждение, азиатский способ производства, политаризм, неополитаризм, дорыночные типы экономики, модели человека в дорыночных экономиках, периферийный капитализм, глобализация.

Модель экономического человека, созданная Адамом Смитом, стала с момента своего появления объектом обсуждения и критики различных философских и научных школ. Дискуссии о человеке экономическом и о возникших чуть позже его научных антиподах (человеке социологическом, человеке психологическом и др.) продолжались на протяжении всех последующих этапов развития общественной мысли. Яростные столкновения сторонников разных моделей человека сменялись периодами затишья либо попытками найти компромиссы, даже создать гибридные конструкции, например, модели человека экономико-психологического или социоэкономического.

Общую линию развития дискуссий можно наметить следующим образом: от проблемы нравственной сущности человека (эгоистической или коллективистической-альтруистической), волновавшей мыслителей в XVIII — начале XIX в., фокус рассмотрения в конце XIX и в XX в. переместился в сторону обсуждения соотношения свободно-рационального-максимизирующего и социально-нормативно-принудительного аспектов поведения, роли институтов и регулирующих систем, ценностно-символических и властных структур, соотношения социальных и биологических факторов в

поведении человека, наконец, социально-исторической обусловленности или «спонтанности» социального порядка. Особое значение в XX в. приобрело сравнительно-историческое исследование моделей рыночного и дорыночного экономического поведения, причем внимание исследователей привлекли специфические, практически утраченные в современных обществах, формы собственности и распределения: в первобытных обществах — феномены реципрокции, взаимопомощи, равного распределения пищи, дарообмена, «церемониально-престижной» экономики, и в раннеклассовых обществах — феномены редистрибуции, власти-собственности, азиатского способа производства, политаризма, внеэкономического принуждения (Б. Малиновский, К. Поланьи, Дж. Дальтон, М. Салинз, К. Витт-фогель, Л.С. Васильев, Ю.И. Семенов, Д. Норт и др.).

Важно подчеркнуть, что модели человека как в экономической, так и в социологической науках не оставались неизменными, они претерпевали определенные изменения — в одних случаях более существенные, в других менее. Ретроспективно оглядывая этапы формирования модели человека в экономической науке, можно выделить как минимум две версии *homo economicus*, пусть и тесно связанные, но тем не менее обладающие своей спецификой: 1) ранняя модель Адама Смита, которую можно условно назвать «эгоистическо-индивидуалистической»; и 2) более поздняя — маргиналистская, формально-экономическая, которую можно назвать «рационально-оптимизационной». Поздняя эволюция модели экономического человека была связана с обсуждением проблем возможности/невозможности осуществить полноценный рациональный выбор и максимизировать полезность в связи с целым рядом объективных факторов: 1) с всегда существующей ограниченностью и недоступностью полной информации о свойствах товаров и услуг (тезис о неполноте информации); 2) ограниченности ресурса времени и самой способности индивида к длительному поиску и анализу информации (принцип ограниченности ресурса времени и удовлетворенности актора не лучшим, а первым приемлемым решением); 3) значимости транзакционных издержек, связанных с ведением переговоров, преодолением конфликтов и принятием совместных решений; и др. (Подробнее об этом см. гл. 12, 15, 17, 18.)

Эволюция модели *homo sociologicus* происходила под влиянием как собственных открытий в социологии (в первую очередь выявления общественно-нормативной природы человеческого поведения), так и под влиянием достижений в смежных областях знания — этнологии, социальной и культурной антропологии, исторической науке. Главной проблемой, которую пришлось решать в этой связи, стала проблема

принципиальных различий в поведении представителей разных эпох и разных культур, особенно различий в поведении людей в рыночно-капиталистических и докапиталистических обществ.

16.1. РАННИЕ МОДЕЛИ *НОМО ECONOMICUS* И *НОМО SOCIOLOGICUS*. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ

Первые дискуссии в общественных науках вокруг смитовской модели экономического человека велись вокруг оппозиций: «альтруизм» «эгоизм», «общественное» — «индивидуальное». Линии обсуждения были заданы во многом самим Адамом Смитом, который в книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» пытался реабилитировать в глазах общества и представить как социально конструктивную силу широко распространявшееся в то время вместе с развитием капитализма стремление к прибыли, наживе и индивидуальной пользе. Эгоизм и поиск выгоды, по мнению А. Смита, «невидимой рукой» рынка ведут в итоге к росту благосостояния всего общества: каждый капиталист «преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» [25, с. 332]. При этом мысль об объективности экономических законов сочетается у А. Смита с признанием врожденного характера «определенной склонности человеческой природы» — «склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой» [25, с. 27].

В основании ранней «смитовской» версии человека экономического лежали определенные социально-философские, идеологические и политические идеи, получившие распространение в Англии в середине и второй половине XVIII в. Речь идет о знаменитом английском либерализме, одним из основоположников которого считают Адама Смита (наравне с создателем утилитаризма философом *И. Бентамом* и известным английским философом и экономистом *Дж.С. Миллем*). Отличительными особенностями английского либерализма (в сравнении, например, с французским — возлагающим гораздо больше надежд на просвещенное государство) считают: ценность личной свободы, минимизацию роли государства, активную самодеятельность индивида.

Методологию анализа экономических процессов и поведения человека в экономике, предложенную А. Смитом и Дж.С. Миллем, принято сегодня обозначать термином «методологический индивидуализм»: 1) примат отдельной человеческой личности, индивидуального поведения и мотивации по отношению к обществу как целому и любым социальным группам; 2) признание базовой характеристикой человека стремление к выгоде, пользе, к «максимизации полезности», к поиску наиболее эффективных средств для достижения поставленных целей (так называемый экономический рационализм); 3) социальный атонизм, т.е. рассмотрение индивида в качестве самодостаточной единицы, исключение из рассмотрения моментов социального взаимодействия, взаимозависимости индивидов, проявлений коллективизма и альтруизма; трактовка общества как суммы индивидов. Как подчеркивал В.С. Автономов, «принцип методологического индивидуализма в экономической науке представляет собой нечто большее, чем рабочую гипотезу: отчасти это составная часть либерального символа веры, унаследованного от английской классической школы, в котором огромная ценность придается личной свободе и независимости от внешних воздействий» [1, с. 32].

Модель «экономического человека», созданная Адамом Смитом, была существенно развита и доработана в XIX и XX вв. в маржинализме (К. Менгер, У. Джевонс, Л. Вальрас, Э. Бем-Баверк и др.) и неоклассической экономической ветви (А. Маршалл, Дж.Б. Кларк, В. Парето, Л. фон Мизес, Ф. Хайек и др.). Эгоистическая мотивация рыночного поведения на этом этапе ушла на второй или даже третий план, зато непосредственный интерес стало представлять так называемое экономически рациональное, максимизирующее полезность («оптимизационное») поведение человека. В результате «маржиналистской революции» (70-е гг. XIX в.) внимание экономистов было переориентировано с вопросов производства общественных благ (так называемый продуктовый подход в классической политэкономии) на проблемы потребительского выбора («субъективная школа», «формальная экономическая теория»). (Подробнее об этом см. гл. 12, 13.)

Маржиналисты отказались от политэкономического понятия «стоимость» и сфокусировали интерес на формировании «цены», которая вытекала, по их мнению, не из объективных затрат труда и других ресурсов на производство продукта, а из субъективно определяемой потребности в продукте со стороны покупателя, которая в свою очередь меняется в зависимости от количества имеющегося блага и смены предпочтений. Расчет ценности блага делается каждый раз для отдельного человека — индивидуального потребителя. *Homo economicus* в новой

интерпретации — это уже не равнодушный к чужим страданиям эгоист, не индивидуалист, стремящийся только к личной выгоде, а морально и эмоционально нейтральный агент, «максимизатор целевой функции», рационально мыслящий и взвешенно принимающий решения индивид, ставящий перед собой цели и ищущий оптимальный вариант решения. Произошли и значимые терминологические замены: вместо «выгоды», «прибыли», «пользы» стали использоваться понятия «максимизация целевой функции», «экономическая рациональность», «принятие решений», «оптимизация» и др. Маржиналистское направление базировалось на методологическом индивидуализме, стало воплощением «субъективного» подхода в экономической науке. Групповые интересы, в том числе интересы общества в целом, в таком подходе вообще никак не учитывались. Маржиналистская революция кардинально изменила не только содержание экономических исследований, но и название самой науки: вместо «политической экономии» появился *Economics*.

В общественных науках в течение XVIII и XIX вв. параллельно с развитием классической политической экономии вызревал иной подход к анализу социальных и социально-экономических процессов, иной взгляд на человека и общество — социологический. Несмотря на то что социологическая и экономическая науки возникали приблизительно в одни и те же исторические сроки, причем из общего интеллектуального корня (социальной философии XVII — XVIII вв., и в первую очередь — из английского и французского Просвещения), методологические подходы и теоретические принципы, на которых базировались эти две науки, оказались принципиально разными, во многих отношениях диаметрально противоположными. В социологии с момента ее появления в 30-е гг. XIX в. исходным пунктом рассуждений стал тезис о первичности общества и общественных интересов по отношению к индивиду и частному интересу. Под влиянием набравших в XIX в. авторитет биологии, физиологии и теории эволюции, в социологической науке сложилось устойчивое представление о том, что общество — сложноорганизованный социальный организм, обладающий своими особыми объективными законами развития. Классическими для ранней социологии стали аналогии между обществом и механизмом, обществом и биологическим организмом, имеющим свои «органы» и «отделы» (для общества — это социальные институты), каждый со своими функциями. Даже первые названия, которые давались новой науке об обществе, говорят сами за себя — «социальная физика», «социальная механика».

Рождавшаяся в конце XVIII — начале XIX в. социологическая наука усилиями крупнейшего французского философа социалиста-утописта А. Сен-Симона, а также непосредственных основателей социологии

как отдельной науки французского ученого О. Конта (ученика-секретаря А. Сен-Симона) и английского мыслителя Г. Спенсера, выдвинула следующие основополагающие принципы: 1) «методологический холизм» (греч. *holos* — целый) — подход, согласно которому целое первично и всегда обладает свойствами, несводимыми к свойствам отдельных элементов, другими словами, целое всегда больше суммы своих частей; 2) «социологический объективизм» — подход, согласно которому развитие общества выступает как объективный процесс, законы которого ученые могут раскрыть; 3) «социологический реализм» (в противоположность «социологическому номинализму») — утверждение, что общества и социальные группы реально существуют, а не выступают в качестве «ноуменов», т.е. мыслительных конструкций; 4) «социологический коллективизм» — подход, ставящий в центр изучения не отдельных индивидов, а социальные группы, классы, общество в целом; 5) «прогрессизм» — идею социальной эволюции и социального прогресса; 6) представление о первичности альтруизма и солидарности (как врожденных и естественных свойств человека) по отношению к эгоизму, индивидуализму и преследованию частного интереса. На базе именно такой методологии стала формироваться первоначальная модель «человека социологического» (*homo sociologicus*).

Таким образом, вместе с возникновением в 1830-е гг. социологии в европейской общественной мысли утвердились концепции, идеологически и методологически противостоящие утилитаризму Бентама, методологическому индивидуализму А. Смита и Дж.Ст. Милля, принципам максимизации индивидуальной полезности маржиналистов. Социологов в XIX — начале XX в. в первую очередь волновали проблемы общественного прогресса, социального единства, солидарности и альтруизма. С самого своего возникновения эта новая дисциплина была нацелена не только на строгий научный поиск, но и на открытие действенных рецептов по улучшению общества, на решение так называемого социального вопроса (проблем нищеты, социального неравенства, использования детского труда, угнетения).

Обоснование не «экономической», а так называемой социальной точки зрения¹ на общество и социальные процессы, теоретическое обоснование проекта преодоления индивидуального, группового, классового, этнического и национального эгоизма и неравенства

¹ С тех пор в сфере так называемого социального («социальной политики», «социальной работы») до настоящего времени включают прежде всего вопросы компенсации социального неравенства, защиты обездоленных, помощи нуждающимся членам общества.

рассматривались социальными мыслителями того времени в качестве научной цели и моральной обязанности. Не случайно Огюст Конт (ученик и секретарь А. Сен-Симона) не только изобрел название для новой научной дисциплины — «социология», но и придумал термин «альтруизм» в целях обоснования фундаментальных основ социального взаимодействия; другой ученик А. Сен-Симона *П. Леру* ввел в научный оборот понятия «солидарность» и «социализм». «Понятия солидарности, морали и альтруизма, — подчеркивает историк социологии А.Б. Гофман, — изначально шли рука об руку с понятиями общества, социальной и социального и, таким образом, занимали в социологии привилегированное место», поэтому утверждение, будто “западная” традиция является заведомо индивидуалистической и либеральной, не соответствует действительности» [7, с. 98–99]. Идеи солидарности и альтруизма продолжали развиваться и в XX в. в трудах крупных социальных философов и социологов¹.

В социальных концепциях середины XIX в. особое место отводится так называемым общественным благам, которые являются достижениями предшествующих поколений, нередко результатом труда всего общества. Так, выдающийся теоретик либерализма и солидаризма, экономист *Ф. Бастиа* в «Экономических гармониях» (1850) писал о невозможности функционирования общества исключительно на принципах равного и взаимовыгодного обмена. Столяр, рассуждал он, делает столы и ящики, но в обмен за свой труд получает от общества огромное множество благ, которые созданы не им: одежду, еду, вымощенную и освещенную улицу, услуги юристов, возможность посещать церковь и библиотеку, пользоваться транспортом и т.д., другими словами, «...в один день он потребляет такое количество предметов, которое сам не смог бы произвести и в 10 столетий»; или другой пример *Ф. Бастиа*: живущий в Париже студент потребляет множество предметов и услуг, предоставляемых обществом, но сам при этом в обмен еще не оказывает обществу и другим людям никаких услуг [цит. по: 7, с. 111]. Как только рождается ребенок, — рассуждает другой французский философ и юрист *Л. Буржуа* в работе «Солидарность» (1986), — он, еще ничего не создав сам, не сможет удовлетворить ни одну из своих потребностей,

¹ Например, у Э. Дюркгейма (идеи «механической» и «органической» солидарности), П. Сорокина (теория «креативного альтруизма»), П.А. Кропоткина («Взаимопомощь как фактор эволюции»), М. Мосса («Очерк о даре») и др. В наши дни представители «анти-утилитаристского движения» в социальных науках (А. Кайе, Ж. Годбу и др.) предлагают идею «дара», а не рыночного обмена, рассматривать в качестве квинтэссенции социальной жизни, «третьей парадигмы» в дилемме холизма и индивидуализма.

«не черпая из громадного резервуара благ, накопленных человечеством» [цит. по: 7, с. 102].

Проблема «коллективных» или «общественных» благ, поднятая мыслителями XVIII — XIX вв., в следующем столетии потребовала уже от экономистов серьезного изучения (А. Пигу, К. Виксель, Э. Лидаль, П. Самуэльсон, Р. Масгрейв и др.). Рассматривались вопросы определения стоимости общественных благ, их экономической и социальной эффективности, ценности для отдельных индивидов.

Критику «альтруистической» версии модели «социологического человека» в середине — второй половине XX в. предпринял идеолог «экономического империализма» Г. Беккер, получивший в 1992 г. Нобелевскую премию за «распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение». Согласно его позиции, альтруизм, наряду с эгоизмом и завистью, — не противоположные явления, а звенья одной и той же цепи, которые можно описать функциями полезности. Альтруистическое поведение в семье (включая вступление в брак), к примеру, экономист решил представить не как моральное в своей основе, а как аналог взаимовыгодной рыночной сделки: «Эффективный брачный рынок присваивает всем участникам вмененные доходы или “цены”, которые служат стимулами для вступления в полигамные или моногамные браки. Вмененные цены используются при заключении брачных союзов между партнерами разного “качества”: некоторые участники рынка выбирают себе партнеров “более низкого качества”, поскольку полагают, что партнеры “высокого качества” слишком дороги» [3, с. 12–36]. Экономический инструментарий теории максимизации полезности и ее ключевые понятия — «редкость», «цена», «альтернативные издержки» и т.п. — были применены Г. Беккером и другими представителями этого течения (Дж. Стиглер, Р. Познер, Т. Шульц, С. Эззи, Р. Эрнберг, Д. Хамермеш, Н. Сосс) к анализу институтов и явлений, которые ранее были исключительно объектами изучения социологов: преступность, брак, планирование семьи, дискриминация, образование, религия, спорт, суицид, сексуальная жизнь и др. Обновленная модель «человека экономического» благодаря усилиям сторонников «экономического империализма» Г. Беккера стала претендовать в конце XX в. на статус универсальной для всех социальных наук, стремясь вытеснить полностью социологический подход и модель «человека социологического». Однако далеко не все социологи и экономисты с этим согласились, более того, немалая доля экономистов уже давно призвала ученых идти в противоположном направлении — отойти от формально-экономических схем и активнее использовать достижения

социологических и исторических наук в понимании поведения человека и исторической эволюции общества (*Т. Веблен, Дж. Коммонс, Э. Селлигмен, Р. Хайлбронер, Д. Норт, П. Вайзе* и др.).

16.2. *HOMO SOCIOLOGICUS*: СУЩНОСТЬ КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Классические черты модель «человека социологического» приобрела в начале и середине XX в. в трудах *Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертонна*. Акцент в этой «зрелой» версии модели «человека социологического» делался не на врожденных моральных свойствах человека, а на значимости социального регулирования человеческого поведения, социального порядка и социальных норм. На основании большого количества фактов социологами и социальными антропологами было осознано, что в разных типах обществ конкретное наполнение социальных требований может меняться, что непосредственно влияет на поведение людей: в первобытных обществах важнейшим требованием была щедрость, взаимопомощь, дарение, альтруизм; в так называемых восточных, «этатистских» — подчинение государству, конформизм, выполнение многочисленных государственных повинностей, минимизация индивидуального интереса; в современных западных обществах именно нормативная и ценностно-идеологическая системы ориентирует человека на эгоистическое поведение, на стремление к прибыли и максимизацию полезности.

Основной линией в развитии социологии, внутри которой развивалась и модель *Homo sociologicus*, стала разработка принципа системности применительно к обществу, что привело в XX в. к созданию системно-функционального подхода в социологии (*О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, Т. Парсонс, Р. Мертон* и др.). В самом общем виде системный подход базируется на идее о том, что человеческое общество представляет собой социальную систему, выступающую как иерархизированное целое, имеющую свою структуру и механизмы взаимодействия элементов, каждый элемент выполняет свою собственную функцию. В качестве элементов в структуру общества входят не только индивиды, но и их объединения (социальные группы), разнообразные социальные связи и отношения, социальные нормы, ценности, идеалы, социальные роли, позиции, социальные санкции, символические формы, идеологические построения, системы власти и многое другое.

Огромный вклад в разработку системного принципа рассмотрения общества внесли немецкие мыслители *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, именно

поэтому в истории науки их считают не только крупными философами и экономистами, но и выдающимися социологами. В марксизме системное исследование общества сочеталось с историческим подходом к анализу экономических систем. Маркс критиковал мысль о вневременной, внеисторической, некоей «родовой» сущности человека, независимой от конкретной системы социальных отношений, утверждая в «Тезисах о Фейербахе», что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [13, с. 3].

В марксизме впервые было найдено общетеоретическое решение проблемы различия человека и животного через понятие труда, производства и общественно-исторической практики, выдвинута идея возникновения человека и общества на основе появления трудовой деятельности (так называемая трудовая теория антропосоциогенеза). Под влиянием первых значимых историко-этнографических обобщений (*Л. Морган* «Древнее общество», 1877) основоположниками марксизма была обоснована идея изначального отсутствия частной собственности и классов (то, что получило наименование «первобытного коммунизма»), была предложена концепция зарождения частной собственности и государства (*Ф. Энгельс* «Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1884). Было разработано материалистическое понимание истории и создана масштабная историко-эволюционная концепция смены способов производства и общественно-экономических формаций (так называемый формационный подход).

Заняв крайне критические позиции в отношении сущности и перспектив развития капитализма, Маркс в «Капитале» и ряде других работ исследовал буржуазный способ производства, разработал теорию прибавочной стоимости и эксплуатации, существенно обогатив тем самым научное понимание проблем социального неравенства, власти, социального отчуждения, социальных конфликтов. Маркс критически относился к фигуре основателя социологии *О. Конта* (особенно к его поздним работам, в которых Конт стал склоняться к религиозному мировоззрению) и к числу социологов себя не причислял, понимая под социологией проект *О. Конта*. Тем не менее именно Маркс оказал колоссальное воздействие на последующее развитие социологии, на социологическое понимание человека, именно поэтому социологи единодушно включают *К. Маркса* в число классиков социологии.

Следующий этап в развитии системного подхода в социологии и в создании модели человека социологического связан с творчеством французского социолога *Эмиля Дюркгейма* (1858–1917). В своих важнейших работах «О разделении общественного труда» (1893), «Правила

социологического метода» (1895), и «Самоубийство» (1897) Э. Дюркгейм обозначил своей целью создание точного научного метода для исследования социальных феноменов. Дюркгейм настаивал на принципе методологического холизма и объективизма, утверждал, что общество представляет собой величину бо́льшую, чем сумма его частей. Дюркгейм первым последовательно объяснил существование социальных институтов и свойств различных элементов общества в связи с теми функциями, которые они исполняют по отношению к целому, обеспечивая интеграцию социальной системы (так называемый структурно-функциональный метод) [10; 11].

В противоположность сторонникам методологического индивидуализма в социологии (*Ф. Тённис, М. Вебер*), Дюркгейм концентрировал внимание не на субъективных мотивациях действий индивидов, пусть и закрепленных в ценностях, но на строго научном изучении «социальных фактов» (понятие, введенное Дюркгеймом для описания социальных явлений). Социальные факты существуют сами по себе и не зависят от действий индивидов, однако оказывают на них принудительное воздействие посредством либо формального правового регулирования, либо с помощью неформальных, религиозных или семейных норм. Социальные факты, считает Дюркгейм, оказываются в некотором смысле более объективными, чем действия составляющих общество индивидов, а изучаемые социологами социальные феномены (социальные факты) необходимо объяснять без обращения к индивиду и его психике, но только с помощью других социальных фактов (принцип объяснения социального социальным).

Центральными категориями социологии Дюркгейма стали понятия «коллективных представлений», социальной регуляции и социальной нормы. Правовые, нравственные и религиозные нормы представляют собой не просто идеи, но, что гораздо важнее, общественные требования, элементы системы социальной регуляции. Социальная регуляция включает два основных элемента: 1) правила, нормы и ценности, которые уже сложились в обществе, закрепились и приобрели характер традиции; 2) нормы и ценности, которые только формируются и являются частью идеалов — высших социальных целей, которые, подчеркивает социолог, даже не будучи реализованными, играют важную регулируемую роль, выстраивая общую иерархию социальных смыслов и определяя индивидуальное целеполагание. Регулятивная роль традиций и идеалов чрезвычайно важна — они выступают двумя составляющими единого механизма социального регулирования, частями нормативного порядка. Соответственно, «*аномия*» (важнейший термин, введенный Дюркгеймом), т.е. «безнормие», отсутствие или предельное ослабление

авторитета социальных правил, оказывается фактором дезинтеграции и разрушения общества как такового.

И здесь мы сталкиваемся с принципиальным различием в подходах социологов и экономистов к проблеме нормирования. Если свобода от внешних социальных и особенно государственных ограничений, по мнению сторонников экономического либерализма, расчищает путь естественному проявлению экономической инициативы и ведет к экономическому процветанию, то в социологической теории Дюркгейма размывание социальных норм и социального контроля, аномия оказываются проявлениями болезненного, кризисного состояния общества. Безнормие социально опасно, поскольку все, что связано с биопсихической природой человека (его потребностями, желаниями, страстями, импульсами, эмоциями и т.п.), не находя вне себя никакого регулирующего, ограничивающего, обуздывающего начала, окажет разрушительное воздействие и на индивидов, и на общество. Не случайно одним из важнейших открытий Дюркгейма стало выявление статистической положительной связи между ростом аномии в обществе и увеличением количества самоубийств [11]. Аномия и кризис в современных европейских обществах заключаются, по мнению социолога, не в переходе от традиционализма (который нежизнеспособен) к рационализму и индустриализму (сам по себе этот переход необходим, «нормален» и плодотворен), а в затянувшейся пустоте, неопределенности регулятивной сферы, отсутствии эффективной замены традиционных норм и ценностей иными, заключенными в социальном идеале [7; 10; 11].

Концепция аномии, разработанная Дюркгеймом, получила развитие в работах американского социолога Р. Мертона («Социальная теория и социальная структура» (1949) [14] и др.) в связи с проблемами «девиации», «девиантного поведения», «преступности», «социальных дисфункций». Эта тема до сих пор занимает важное место в социологии, а также в других социальных науках¹.

¹ Вплоть до 1970-х гг. проблемы девиации и преступности оставались исключительно предметом изучения социологов, однако с появлением работ Г. Беккера и его последователей появилась альтернативная «экономическая теория преступлений и наказаний» (Г. Беккер, А. Эрлих, Дж. Хейнеке, Дж. Бьюкенен, У. Ландес и др.). Сущность экономического подхода к преступности, заявлял Г. Беккер, заключается в утверждении, что преступник — не душевнобольной и не асоциальная личность, а обычный рациональный индивид, который решает, совершать ли ему преступление или нет, сравнивая свои ожидаемые выгоды и издержки от преступления [4].

Влияние идей Дюркгейма испытали практически все крупные представители социологической мысли, особенно сторонники структурно-функционального направления в социологии и социальной антропологии — Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Леви-Стросс, К. Гирц, М. Мосс, Э. Гидденс и др. Принцип методологического «социологизма» и системный подход к анализу общества Дюркгейм и многие его последователи считали необходимым распространить на все социальные науки, в том числе и на экономическую теорию, что дало основание говорить о «социологическом империализме». Наибольшее влияние в экономической науке подходы социологов оказали на представителей американского институционализма — Т. Веблена, Дж. Коммонса, Дж. Гэлбрейта, Р. Хайлбронера и др.

Таким образом, системообразующей категорией социологической науки и центральным компонентом *homo sociologicus* стала рассматриваться социальная норма. П. Вайзе, реконструируя социологический подход к человеку, пишет: «Обычно под нормой понимают: общепризнанное правило, имеющее обязательную силу; привычное, отвечающее ожиданиям состояние; требуемое действие или бездействие. С помощью норм определенные действия из множества возможных становятся обязательными для исполнения или неисполнения всеми членами общества, эти действия нормируют и стандартизируют общественные отношения. Благодаря этому и обеспечивается гарантия порядка: во-первых, как уверенность в ориентации: каждый знает, на что имеет право он сам и другие люди; во-вторых, уверенность в результатах: каждый знает, во что обойдется нарушение нормы ему и во что обойдется это другим. ...Зная нормы, каждый член общества может судить о возможном поведении других членов общества в определенной ситуации и благодаря этому планировать свои действия с учетом стабильно ожидаемой реакции других и чувствовать себя уверенно перед ней. Нормы задают параметры поведения людей; знание норм координирует это поведение» [6, с. 116].

Нормы включают и санкции. «Для члена общества на микроуровне, — пишет Вайзе, — это означает, что норма обязывает его вести себя определенным образом. Предписывая это, норма ставит индивида перед альтернативой: соблюдать требования нормы или идти на риск подвергнуться санкциям. Поскольку перед этой альтернативой стоят все индивиды, то в случае полного применения нормы каждый индивид будет вести себя одинаково и *a priori* будет знать, как поведет себя другой. Таким образом, люди уравниваются в своем поведении.

Но благодаря этому они приобретают все же некоторую автономию, состоящую не в том, что они могут свободно действовать — это как раз

не допускается, а в том, что они имеют защиту от произвольных действий других. Такие действия предотвращаются угрозой санкций, которые должны обладать достаточной устрашающей силой» [6, с. 117].

Крупнейший представитель структурно-функционального подхода Т. Парсонс, развивая системный подход к обществу и концепцию нормативного поведения, ввел в социологический анализ новую понятийную пару — «статус — роль». Концепт социальной роли стал с этого момента рассматриваться в модели *homo sociologicus* в качестве второго по значимости после понятия социальной нормы. Согласно Т. Парсонсу, «статус — роль» аналогично элементарной частице в механике выступает элементарной категориальной парой, характеризующей положение человека в социальной системе [17].

Основными понятийными наборами современного социологического анализа, ставящего перед собой задачу описания человеческого поведения, утверждал крупный немецкий социолог Р. Дарендорф, являются категории: «социальная норма», «социальная позиция», «социальная роль», «ролевые ожидания» и «социальная санкция». Каждое общество, пишет Дарендорф, представляет собой «многомерное поле социальных отношений и социальных позиций», при этом «с каждой позицией соотносится некоторая социальная роль, то есть множество способов поведения, заданных обладателю определенной позиции в определенном обществе». «Поле отношений, где позиции нас располагают, и связывающий нас с ними набор ожиданий обязывают нас с момента, когда мы становимся обладателями позиций и исполнителями ролей. За тем, чтобы мы не уклонялись от этих обязанностей, следит система социальных санкций, то есть значимых вознаграждений за конформное и наказаний за отклоняющееся от конформного поведение». Дарендорф подчеркивает, что «о человеке в социологических анализах речь идет, в первую очередь, лишь так, словно он соответствует всем ожиданиям, которые связываются с его социальной позицией. Эту абстракцию — научную модель социологии — мы можем назвать *Homo sociologicus*». «То, что человек — существо общественное — больше, чем метафора, его роли — больше, чем маски, которые можно снять, его социальное поведение — больше, чем просто комедия или трагедия, откуда и актера отпускают в “подлинную” действительность» [9, с. 270–271].

Социологи всегда подчеркивали, что социальные нормы и роли не выступают как чисто внешние по отношению к человеку, как результат чистого социального принуждения. Социальные требования интериоризируются (или интернализируются), становятся важной частью человеческого самосознания и саморегулирования. Процесс освоения и принятия норм происходит в процессе социализации. Социологи также

подчеркивают, что сохранение определенного социального единства и социального порядка является условием выживания и успешного функционирования людей в долгосрочной перспективе, именно поэтому они не воспринимают социальные нормы как абсолютно навязанные извне. Люди добровольно соблюдают социальные нормы, видят в социальноодобренном поведении свой долг. Девиантное, отклоняющееся от норм поведение объясняется в структурно-функциональном подходе, как правило, социопсихологическими патологиями самих девиантов, и компенсируется в обществе наличием системы социальных санкций.

Обобщая социально-философские и собственно социологические поиски последних двух столетий в отношении общества и поведения человека, подчеркнем значение некоторых основополагающих идей. Общество присутствует в сознании каждого человека, как показали философы и социологи еще в XIX в. — не только в виде разделяемых всеми идей, т.е. «коллективных представлений» и «общественного сознания» — общих ценностей, моральных представлений, правовых положений, религиозных убеждений, научных идей и других форм мировоззрения. Собственное открытие социологии — это открытие соционормативной природы человеческого сознания и поведения. Социологами впервые было обосновано, что человеческое поведение — не просто разумное и сознательное (целерациональное, в терминах М. Вебера), но оно, и это не менее важно — поведение морально-волевое, социально регулируемое и, одновременно, саморегулируемое, «самоограничивающее», подчиненное общественным требованиям и идеалам.

Важнейшими механизмами, обеспечивающими поддержание и воспроизводство социального порядка, оказываются: 1) система социальных санкций, т.е. поощрений и наказаний; и 2) социализация — процесс превращения родившегося человека посредством воспитания и образования из биологического существа в социальное существо, процесс постепенного включения человека в систему существующих социальных отношений, освоение социальных правил и накопленного опыта новыми поколениями. В процессе социализации, как показали социологи и антропологи, происходит усвоение не только общественно значимых идей, языка, многочисленных навыков и умений, но и формирование механизмов саморегуляции, индивидуальной воли, самоконтроля. Как доказывает «эффект Маугли», без специального социального воздействия в период от 0 до 6 лет ребенок практически остается животным и не в состоянии позже освоить членораздельную речь и язык, элементарных навыков гигиены и самообслуживания, не говоря уже о более сложных моделях поведения. Никаких врожденных

операций мышления и рациональности глубоко депривированный ребенок не обнаруживает и не может развить.

Самые первые социальные нормы, как выяснили социологи и антропологи, возникли в человеческом обществе в процессе антропосоциогенеза (начался 1,6–1,8 млн лет назад, закончился 35–40 тыс. лет назад появлением *Homo sapiens* — «человека разумного»). Носили они специфический характер табу. Табу — это абсолютные запреты, источник которых для людей остается неизвестным, но нарушение норм воспринималось обществом как страшнейшее преступление, грозившее бедами не только нарушителю, но и всему обществу. Нарушителей первобытных табу жестоко карали. Табуированные действия вызывали у людей иррациональный страх, поскольку причины запретов и сила возмездия были для них неизвестны [21].

Первобытные табу охватывали две важнейшие сферы — регулирование полового инстинкта (половые запреты) и распределение пищи (пищевые распределительные нормы), т.е. первые социальные нормы жестко регулировали проявление двух мощнейших биологических инстинктов человека — полового и пищевого. Только после подчинения социальному контролю, коллективной воле биологической природы в полной мере человек стал человеком, т.е. превратился не просто в «человека разумного», но и, что не менее важно — в человека морального, человека, подчиняющегося нормам, т.е. в полной мере в «социальное существо». Если пищевой инстинкт был социально подчинен первыми нормами равного распределения пищи (так называемый первобытный коммунизм), то половой инстинкт был введен в социальные рамки благодаря возникновению агамии (акойтии), института экзогамии и группового дуально-родового брака [21]. Не случайно антропологами и социологами такое пристальное внимание всегда уделялось системам брака и родства, системам запретов и процессам социализации.

В зависимости от характера и типа общества, в зависимости от его объективных потребностей и исторических особенностей содержательное наполнение социальных норм оказывается совершенно разным. Представители обществ, живущих в разных типах общества, иногда ведут себя в глазах друг друга как инопланетяне — их мотивы могут казаться абсурдными и иррациональными для внешнего наблюдателя и вполне логичными для одноплеменников. Важнейший вопрос, который в связи с этим возникает: что определяет содержание норм, почему в различных обществах социальные требования различны? Однако есть основополагающий для социологов вывод: не может быть общества без социального регулирования, без социальных норм, без целенаправленного формирования человека как социального существа.

16.3. ЧЕЛОВЕК В ДОРЫНОЧНЫХ ЭКОНОМИКАХ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ ЧЕЛОВЕКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО

Каждый исторический тип общества, каждая социально-экономическая система, базирующая на специфических социально-экономических отношениях (первобытно-коммунистических, «первобытно-престижных», азиатско-политарных, серварно-рабовладельческих, феодальных, капиталистических и др.) создает свои производственно-распределительные модели, свои механизмы производства и распределения общественного продукта, а также формирующиеся под их влиянием ценностно-нормативные и мотивационные системы, определяющие в итоге типичное поведение человека в конкретном обществе. Несмотря на колоссальное многообразие реальных обществ, существовавших в истории и существующих сегодня, социологами выделяются определенные исторические типы обществ, типы социально-экономических систем. Общества, относящиеся к одному и тому же типу, демонстрируют сходство и в социально-экономической организации, и в базовых социальных институтах, и в формируемых на этой основе мотивационных моделях поведения человека.

В социологии разработано несколько типологий социально-исторических организмов. В зависимости от основного фактора, лежащего в основе конкретной социологической типологии обществ, выделяют различные исторические типы обществ. Вопрос о типологии обществ непосредственно связан с идеями о детерминации социально-исторического развития и принципами детерминизма в истории (см. об этом подробнее гл. 9). Наиболее фундированными в современных социальных науках применительно к исторической типологии обществ считают два подхода — «технологический детерминизм» (подход, согласно которому технологии определяют развитие общества, а уровень развития технологии определяет этап развития и тип общества), и марксистский формационный подход (подход, согласно которому тип общества определяется способом производства, т.е. уровнем развития технологий и характером социально-экономических отношений, отношений собственности на средства производства). В рамках технологического детерминизма выделяют три основных типа общества: аграрное, индустриальное и постиндустриальное. В рамках марксистского подхода выделяют пять (или в современных подходах шесть) типов общества или «общественно-экономических формаций»: первобытно-общинную (или первобытно-коммунистическую), азиатскую (или политарную), рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и будущую

коммунистическую. Марксистский историко-экономический подход, особенно в его современных вариантах [24], позволяет сформировать развернутую картину исторического процесса с учетом разнообразия обществ, сохраняя при этом методологическое единство. В каждом историческом типе обществ социально-нормативная система возникает под воздействием системы социально-экономических отношений (базиса), а также приобретает специфические черты под влиянием накопленного социально-значимого опыта деятельности, т.е. культуры, которая оказывается после системы социально-экономических отношений вторичным детерминантом, определяющим специфику того или иного конкретного общества (см.: Муравьев Ю. Истина, культура, идеал, 1995). В каждой конкретной культуре и в каждой конкретно-исторической модели человека обязательно отражаются фундаментальные социально-экономические отношения. Попытаемся выделить и описать несколько исторических типов обществ и соответствующих им социально-нормативных систем, и тем самым исторических моделей человека — своеобразных исторических инвариантов человека социологического.

При изучении неевропейских дорыночных обществ внимание социологов привлекли нормативные системы и соответствующие им модели человека, которые по содержанию и по форме существенно отличались от современных западных вариантов. В докапиталистических обществах иными, как выяснилось, были принципы распределения благ, мотивация труда, система социальных ценностей. Одной из главных особенностей было то, что во всех докапиталистических обществах рынок не был системообразующим элементом экономики, максимизация индивидуальной полезности не определяла поведение людей, а нередко вообще осуждалась или была строжайше запрещена. Экономические взаимодействия носили, как правило, не краткосрочный и формальный (рыночная сделка), а длительный и личностно-ориентированный характер. Эти свойства наиболее ярко представлены в системах экономики коллективизма, реципрокности (взаимности), дара в доклассовых первобытных обществах, а также в специфической экономической модели так называемых восточных («азиатских», «политарных», «редистрибутивных») обществ. Попробуем разобраться в особенностях этих обществ и описать социально-исторические модели человека, формируемых в этих обществах.

Положение о принципиальном, качественном отличии дорыночных типов экономики от экономики рыночной на широком сравнительно-историческом материале убедительно обосновал в XX в. известный историк и методолог экономики *Карл Полаanyi* (1886–1964), опираясь на

достижения своих предшественников в этих исследованиях — *Л. Моргана, К. Маркса, Ф. Энгельса, Б. Малиновского* и некоторых других.

Специфические модели поведения и социальной интеграции в первобытных обществах К. Поланьи предложил именовать специальным термином *reciprocity* («реципрокция» или «реципрокация»), что на русский язык переводят как «взаимность». Реципрокность в ранних обществах проявлялась в обязанности всех членов родовой общины делиться пищей и одеждой, всемерно оказывать друг другу помощь, дарить ритуальные предметы, продукты, одежду, инвентарь. Авторитет и престиж человека в доклассовых обществах напрямую зависел от той пользы, которую он приносил членам общины (вопреки своим личным потребностям и интересам), от его щедрости в помощи и дарениях, от его активности в церемониальном дарообмене.

В раннепервобытном обществе, в котором практически весь добываемый продукт был жизнеобеспечивающим, господствовал принцип равного распределения пищи между всеми членами рода-коммуны. Этот принцип был единственно возможным на этой стадии, поскольку обеспечивал выживание всех членов рода. Раннепервобытную экономику называют поэтому «первобытно-коммунистической» (или «первобытно-коммуналистической») благодаря полному господству принципа равного распределения пищи и общественной собственности на орудия труда и предметы потребления. Совместно или индивидуально произведенный продукт делился между всеми членами общины в порядке «разбора пищи» или «даче-дележа» [23].

С развитием производства и переходом к позднепервобытному обществу появился регулярный дополнительный («избыточный») продукт сверх жизнеобеспечивающего, который мог быть употреблен на другие цели. Запрет на неравенство и личное персональное накопительство привел к появлению очень своеобразной экономической формы — дарообмену. Избыточный продукт, произведенный отдельным человеком, мог быть передан за пределы общины в дар представителям других общин. Обмен дарами носил взаимный характер: каждый дар в идеале подвигал «получателя» к тому, чтобы сделать не менее ценный отдар. Отношениями дарообмена были связаны практически все взрослые представители общин, а дарообменные сети охватывали огромное количество позднепервобытных общин. Стремление повысить престиж через дарения мотивировало людей позднепервобытного общества увеличивать трудовые усилия, чтобы создать не только продукты для непосредственного потребления, но и для престижного дарообмена.

Картину церемониального дарообмена впервые подробно описал крупнейший этнограф и социолог *Б. Малиновский* в книге «Аргонавты

западной части Тихого океана» (1922) по результатам полевых исследований на территории Новой Гвинеи и Тробриановых островах. Ученый показал, что дарообменное кольцо кулы простиралось на сотни километров и объединяло жителей общин практически всех островов. Дары двигались в одном направлении, отдары в другом, замыкаясь в кольцо.

Показательно, что полученными в порядке дарообмена материальными ценностями человек в первобытном обществе никогда не может воспользоваться для личных целей, потребить полученную в дар вещь: либо предмет дара должен быть передан членам собственной общины и поступить в распределительный дежесный круг, либо как можно скорее передарен партнерам по дарообмену из других общин. Магические представления того времени, как показал М. Мосс в работе «Очерк о даре» (1925), приписывали дару, который не передаривался и долго задерживался, вредоносные свойства, которые могли вызвать болезнь и даже смерть владельца.

Классическим примером «престижной» экономики стал обычай «потлача» индейцев тихоокеанского побережья на северо-западе США, предполагавший дарения членам других общин огромного количества пищи и вещей, создаваемых тяжелым трудом в течение нескольких месяцев (или даже лет), и также в ряде церемоний публичное соревновательное уничтожение вещей ради повышения своего престижа.

В первобытном обществе, таким образом, функционировали механизмы, не похожие на капиталистические, противоположные принципам эгоизма, индивидуализма и максимизации индивидуальной полезности. Этнолог Н. Миллер писал об этом в 1937 г.: «Отсутствие того, что может быть названо “страстью к приобретательству”, и высокой оценки индивидуально накопленного богатства является поражающим. Своекорыстные чувства или совсем отсутствуют, или быстро перевешиваются давлением коллективных требований через обращение к личному тщеславию индивида. “Богатство”, как думается, состоит не столько в обладании, сколько в даче и отдаче, в постоянном распределении или циркуляции ценностей от человека к человеку. Так как побуждение к активному распределению проистекает из социальных чувств личного достоинства и престижа, то отсюда следует, что “экономическая” жизнь не управляется простой рассчитанной количественной выгодой. Этот тип обмена скорее характеризуется этикетом и формализмом. Тот экономический рационализм, который лежит в основе современной коммерции и торговли, практически отсутствует» [цит. по: 23, с.111].

Позднепервобытную экономику обозначают термином «престижная», поскольку основным фактором повышения авторитета и престижа человека становилась активность в дарообмене. Крупнейший

специалист по первобытному обществу и первобытной экономике Ю.И. Семенов в книге «Происхождение и развитие экономики» [23] подробно описывает на огромном этнографическом материале особенности отношений распределения в первобытных обществах, предлагая считать раннепервобытную и позднепервобытную экономику отдельными стадиями, отдельными способами производства. При этом предклассовые общества, характеризующиеся большим разнообразием, историк относит к межформационному периоду.

Обобщив экономико-антропологические данные о дорыночных типах обществ, попробуем выделить несколько исторических модификаций *homo sociologicus*. С определенной долей условности можно говорить, например, о возникновении в первобытных обществах нормативной модели «человека реципрокного» (в терминах К. Поланьи), другими словами, «человека дающего, помогающего и дарящего». Эту модель в ее двух вариантах — «первобытно-коммунистической» и «первобытно-престижной» — можно рассматривать как одну из самых ранних конкретно-исторических социальных нормативно-мотивационных моделей поведения человека. Главная особенность «человека реципрокного» заключается в отсутствии у индивидов стремления к материальной выгоде, к удовлетворению частного интереса — в пользу интересов коллектива, общины, рода. «Вознаграждение» человека реципрокного за проявляемую им щедрость и взаимопомощь носит сугубо моральный характер: растет его авторитет, престиж, уважение в глазах членов его коллектива.

Многие принципы и паттерны социального и экономического поведения, возникшие на ранних стадиях развития общества, не исчезают полностью с переходом общества на следующие стадии развития. Многие архаические формы дорыночного поведения воспроизводятся в теневой и неформальной экономике в наши дни [15]. В современном обществе элементы «человека реципрокного» можно наблюдать во взаимоотношениях родственников в семьях как иждивенческо-потребительских ячейках (распределение пищи и других благ в семье осуществляется «по потребностям» вне зависимости от трудового вклада), в группах друзей (обычай дарить подарки друзьям на праздники, оказывать безвозмездную помощь, в том числе давать деньги взаймы без процентов и др.). Благодаря развитию цифровых коммуникаций в последние десятилетия растут частная благотворительность, социальная солидарность и взаимопомощь посредством интернета, становясь значимой частью так называемой *sharing-economy* («экономики совместного потребления»). В новой, опосредованной цифровыми технологиями социальной солидарности проступают нередко черты архаического «человека реципрокного» [15].

Таким образом, в поведении «человека реципрокного» отсутствуют классические экономические стимулы, его поведение всецело определено социальными нормами, в первую очередь, нормами морали. При этом за требованиями делиться и дарить стоит, как выясняется, строгая историко-экономическая логика, правда, совсем не рыночная. Поступать именно таким образом человека принуждает мораль и социальные нормы, господствующие в этом обществе, которые отражают в конечном счете экономическую необходимость и социально-экономическую организацию этого общества.

Другой исторической модификацией «человека социологического» можно считать социальный тип, сформированный в классовых докапиталистических обществах «восточного» («азиатского») типа. Речь идет об обществах, возникших в VI—I тыс. до н.э. в Древнем Египте, Месопотамии, Древнем Китае и ряде других исторических зон. В историко-экономической литературе такие общества приобрели наименование «восточных» обществ или обществ с «азиатским способом производства» (К. Маркс), а также «гидравлических государств» (К. Виттфогель), «политарных обществ» (Ю.И. Семенов), «редистрибутивных» обществ (К. Поланьи), «естественных государств» или «государств закрытого доступа» (Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст) и др. В социологической и политологической литературе древние и современные варианты обществ такого типа обычно называют «тоталитарными» (от лат. *totalis* — «весь, целый, полный») (Х. Арендт, К. Фридрих, З. Бжежинский). Главной особенностью «восточных», «азиатских», «тоталитарных» обществ выступает полное (тотальное) господство государства во всех сферах жизни — экономической, политической, властно-правовой, идеологической, религиозной, нравственной, художественной и др.

Термин «азиатский способ производства» ввел К. Маркс. В XX в. среди марксистских историков не раз возникали дискуссии о специфике «азиатского способа производства», в СССР эти споры несколько раз насильно прерывались властями (сначала Сталиным в 1930-е гг., затем, после перерыва, в 1960-х гг., вторично в 1970-е гг.). Среди современных концепций наиболее фундированной представляется теория «политаризма» историка Ю.И. Семенова [22]. Основой политаризма, т.е. азиатского способа производства, выступает верховная общеклассовая частная собственность государства на основные средства производства (в первую очередь на землю), а также верховная собственность государства на личности непосредственных производителей («государственное рабство»). Основным механизмом господства государственного аппарата оказывается регулярное внеэкономическое принуждение — насилие, репрессии, причем направленные как по отношению

к непосредственным работникам-производителям, так и к членам государственного аппарата, проявляющим реальную (или потенциальную) нелояльность к верховному правителю. Фундаментом политаризма, по мнению Семенова, выступает общеклассовая корпоративная частная собственность, принимающая форму государственной.

Главными признаками модели человека, живущего в условиях «азиатского» типа общества и которого можно назвать условно «человеком *этатистским*» (от фр. *état* — «государство»), выступают следующие: отсутствие автономности индивида; полное подчинение человека воле государства; примат общественного, понимаемого как синоним государственного, перед личным; согласие на выполнение тяжелых трудовых повинностей перед государством; страх репрессий; конформизм; отказ от инициативы; восприимчивость к идеологическим построениям. Ряд историков и обществоведов проводит аналогии между древними азиатскими («этатистскими») обществами и так называемыми тоталитарными обществами XX в. Ю.И. Семенов, например, разрабатывает концепцию «неополитаризма» («индустрополитаризма») применительно к социально-экономическому строю, возникшему в СССР и других странах «советского» типа [22].

Неоазиатское, неополитарное общество также базировалось на экономическом и политическом всевластии государства, имело основу в виде общеклассовой частной собственности, формировало чиновничью перераспределительную систему, а также моделировало человека и мотивы его поведения. Применительно к «советскому» типу человека в свое время появилась полуироническая метафора *homo soveticus*, отражающая типичные свойства человека в условиях советского тоталитаризма. Выражение было популяризировано писателем А. Зиновьевым в книге «Гомо советикус» (1982), затем оно стало предметом исследования социологов. По мнению российского социолога Юрия Левады и ряда его коллег, основными отрицательными свойствами *homo soveticus* оказываются: безразличие к качеству своего труда, отсутствие инициативы, заниженные амбиции, безропотное подчинение требованиям властей, приспособленчество, патернализм и др. Метафора активно используется в социолого-политическом дискурсе.

Модель человека в тоталитарном обществе описали также в свое время немецкие социальные философы фрейдомарксистского направления Г. Маркузе («одномерный человек») и Т. Адорно («авторитарная личность»). В литературных антиутопиях XX в. художественными средствами описывается взаимоотношения личности и тоталитарного государства. (Дж. Оруэлл, О. Хаксли, Е. Замятин и др.).

Однако справедливости ради надо заметить, что модель «человека коммунистического» имела в своем первоначальном виде совсем иное содержание. «Новый человек», который должен был появиться в грядущем коммунистическом обществе, по мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, становился носителем массы положительных свойств: свобода, равносторонность интересов (в противоположность «специализированному» человеку), альтруизм, коллективизм, любовь к труду, романтизация труда, творческое начало, приоритет общественных интересов перед личными, беззаветная преданность гуманистическим идеалам и т.д. Такой «новый человек» коммунистического будущего противопоставлялся в первую очередь реальному экономическому человеку современной капиталистической эпохи. По мысли идеологов СССР, такой человек уже начал возникать в советском социалистическом обществе, и именно такой идеальный образ формировался в советской литературе и искусстве 30–50-х гг. XX в. (роман «Как закалялась сталь» Н.А. Островского (1932); фильм «Коммунист» режиссера Ю. Райзмана с Е. Урбанским в главной роли; скульптурная группа «Рабочий и колхозница» (1937) Веры Мухиной и др.).

Сегодня нет нужды подчеркивать, что рисуемый советской пропагандой идеальный образ человека — свободного труженика — не просто не соответствовал реальному советскому человеку (среди советских людей было немало искренне преданных идеалам коммунизма, пытающихся реализовать в жизни советские идеалы), но главное — этот образ противоречил социально-экономическим реалиям сложившегося вовсе не социалистического, а совсем иного (тоталитарного, неоазиатского, «неополитарного») общества, базирующегося на системе тотального подчинения личности государству. Советское общество, как мы теперь понимаем, было глубоко идеологизированным, людей пронизывал не только энтузиазм, но и страх перед репрессиями, реальные масштабы которых только сегодня становятся обозримыми.

Сущность азиатского способа производства, («политаризма», в терминах Ю.И. Семенова) — в его древней и современной формах — заключается в том, что собственником средств производства и одновременно верховным собственником личностей непосредственных производителей выступает государство в лице чиновников государственного аппарата. Коллективная, общеклассовая частная собственность определяет характер взаимоотношений государственного аппарата как корпоративного частного собственника и производителей материальных благ: весь избыточный продукт присваивается государством и распределяется между членами госаппарата согласно их месту в чиновничьей иерархии [22]. Личность работника в таких обществах полностью подчинена

государству, никакое преследование личного интереса невозможно. Более того, жесткому контролю подчиняется и поведение членов самого государственного аппарата.

Сосредоточение одновременно функций политической и правовой власти, прав верховного собственника на землю и реального организатора производства и распределителя (и перераспределителя, редистрибьютора) благ превращает государство в мощнейшую силу — «монстра». Общеклассовая частная собственность *с необходимостью* предполагает регулярное насилие как по отношению к непосредственным производителям, так и по отношению к самим представителям государственного аппарата, склонным к превращению общеклассовой частной собственности в собственность персональную. Террор, расправы, запугивание — обычные методы укрепления общеклассового господства и поддержания внутриклассовой монолитности. И тем самым внеэкономическое понятие оказывается в самой сердцевине именно экономической теории: без систематического насилия невозможна именно экономика соответствующих обществ, в этом систематическом насилии проявляются, собственно, политарные производственные отношения [22, с. 58–59, 318–319].

Проблема внеэкономического принуждения в докапиталистических обществах привлекает внимание историков и экономистов (*К. Виттфогель, Дж. Хикс, Д. Норт, Ю.И. Семенов, В.А. Шнирельман* и др.). Одновременно изучаются процессы воспроизводства экономической архаики, в том числе элементов неополитаризма, в современном российском обществе [15; 16].

Как мы видим, нормативные модели поведения человека в дорыночных, докапиталистических обществах кардинально отличаются от модели «человека экономического», т.е. типичной модели поведения в рыночном капиталистическом обществе. Попробуем разобраться в том, в чем заключается сущность этого различия, какова специфика детерминации поведения в рыночных и дорыночных обществах?

16.4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОРТО- И ТРАНСДЕТЕРМИНИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РЫНОЧНЫХ И ДОРЫНОЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Социологи и антропологи довольно рано обнаружили, что механизмы детерминации поведения людей в рыночно-капиталистических и дорыночных обществах различаются. Дюркгейм это различие описал

в работе «О разделении общественного труда» (1893) в терминах «механическая» и «органическая» солидарность: в дорыночных обществах поведение людей и социальная солидарность обеспечиваются низкой степенью дифференциации и внешним принуждением со стороны специальных морально-правовых институтов, жестких социальных норм и законов, а в рыночно-буржуазных обществах социальная солидарность обеспечивается взаимным согласованием интересов индивидов в условиях высокой степени разделения труда и специализации деятельности без обращения к внешнему принуждению [10].

Нобелевский лауреат по экономике Дж. Хикс в книге «Теория экономической истории» (1969) подчеркивает важность изучения экономической истории и нерыночных типов экономической организации, высоко оценивает теоретические достижения К. Маркса в этой области и сокрушается из-за недостаточности изучения этого вопроса сегодня: «и через сто лет после выхода “Капитала”, после столетия чрезвычайно успешного развития общественных наук в столь важной области было сделано так мало» [29, с. 20]. Экономист пишет о нерыночном характере огромного числа обществ — первобытных, восточных, греческих, средневековых, и выделяет среди них традиционные экономики («экономики обычая») и бюрократические («экономики приказа», «податные экономики») (*revenue economy*). Организация экономики и поведение человека в этих экономиках, по Хиксу, определяются не рынком, а внеэкономическими факторами (обычаями или государственным принуждением [29, с. 44].

Экономист Р. Хайлбронер считал, что в дорыночных обществах экономики и экономического поведения вообще нет в том смысле, который ей придается в западной экономической теории [27].

Положение о качественном отличии экономики капиталистической от докапиталистической выдвигал и К. Поланьи, полагая, что в дорыночных обществах экономика «встроена» в общества, поведение индивида определяется внеэкономическими — родственными, моральными, религиозными, правовыми и другими факторами. В работе «Великая трансформация» (1944) [18] Поланьи подчеркивает историческую ограниченность рыночной экономической системы и рыночного общества, а следовательно, и модели человека, максимизирующего полезность. Рыночный тип общества и соответствующий ему массовый рыночный тип поведения, считает Поланьи, возникли не ранее конца XVIII — начала XIX в. в Европе, а анализ истории экономических систем и рынков свидетельствует, «что во все эпохи, предшествующие нынешней, рынки были не более чем вспомогательным инструментом экономической жизни». «Саморегулирующий рынок изначально не

существовал, — пишет К. Поланьи, — и даже само возникновение идеи саморегулирования в корне противоречило основным тенденциям развития общества» [19, с. 11].

В докапиталистических обществах, подчеркивает К. Поланьи, не было рыночной экономики, т.е. системы, в которой рынок был бы главным регулятором экономики, а процесс производства специфически организовывался бы в форме купли и продажи; не было саморегулирования, экономика не была выделена в отдельную сферу из широкой ткани социальной и культурной жизни; наконец, ни труд, ни земля, ни деньги — не были товарами. Отказ от регулирования в пользу саморегулирующихся рынков в конце XVIII в. представлял собой коренное изменение всей структуры общества, пишет К. Поланьи, при этом проявившийся почти сразу саморазрушительный характер ничем не ограниченного рынка потребовал от общества введения различного рода ограничительных институтов и норм. То есть в чистом виде, без социального и политического регулирования ни саморегулирующийся рынок, ни модель *Homo economicus* существовать не могут [19, с. 10—18].

Утверждение рыночной капиталистической системы, подчеркивает К. Поланьи, сопровождалось чудовищными социальными последствиями, наиболее трагическими из которых были опустошения и социальная катастрофа вследствие огораживаний в Англии, и социальная катастрофа, последовавшая после промышленного переворота и отказа от ручного труда. «Влияние этих процессов на жизнь народа было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действие этого саморазрушающегося механизма» [19, с. 17].

Наиболее глубоко эту проблему разработал крупнейший историк экономики Ю.И. Семенов в книге «Происхождение и развитие экономики» (2014), предложив концепцию «ортодетерминирования» и «трансдетерминирования» для характеристики влияния экономики на поведение людей в рыночных и дорыночных обществах. Он подчеркивает, что социально-экономические отношения существовали на всех стадиях развития общества, были объективными и детерминирующими по отношению ко всем внеэкономическим связям. Однако способ детерминации со стороны социально-экономических отношений был различным: «один из них — прямое определение воли и тем самым поведения, действий людей, *ортодетерминация*, *ортодетерминирование* (от греч. «орто» — прямой)», «второй способ — определение воли и тем самым действий людей через посредство промежуточных звеньев, прежде всего через посредство той или иной формы социальной воли, *трансдетерминирование* (от лат. *trans* — через) [23, с. 92].

Специфика капитализма, пишет Семенов, заключается в наличии экономического принуждения, которое проявляется в том, что сам капиталистический рынок и рыночные отношения выступают как некая объективная, существующая вне и независимо от сознания и воли людей сила, которая прямо, непосредственно определяет волю индивидов и тем самым их поведение, по крайней мере, в области экономической деятельности. Экономические отношения определяют волю людей, формируя у них определенные желания, намерения, стремления. Капиталиста рыночные отношения принуждают гнаться за прибылью, а рабочего — наниматься на работу, чтобы получить средства к существованию. Другого способа получить долю общественного продукта в рыночном обществе нет. «Экономическая рациональность», таким образом, оказывается не универсальным свойством человеческих индивидов, а сугубо историческим явлением, связанным с возникновением и развитием капитализма.

Семенов: «При капитализме в сфере экономической деятельности волю того или иного действующего лица определяет в первую очередь не воля других лиц, не проявляющаяся в тех или иных общественных нормах поведения та или иная форма социальной воли (воля общества в целом или отдельных групп людей, прежде всего классов), а прямо, непосредственно безликая сила экономических отношений, в системе которых он живет. Капиталист должен гнаться за прибылью, иначе он перестанет быть капиталистом. Пролетарию не остается ничего другого, как наниматься на работу. Заставляет его это делать не принуждение со стороны капиталиста и не закон, а нужда» [23, с. 90].

Специфика докапиталистических социально-экономических связей, по мнению Семенова, заключается в том, что они «могут определять волю и тем самым действия только через посредствующие звенья, прежде всего через ту или иную форму социальной воли», и это имеет место как в сфере экономического поведения (производства и распределения), так и во всех других областях человеческой деятельности одинаково, т.е. «происходит трансдетерминирование», а ортодоминирования в докапиталистических обществах нет. Мораль в первобытных обществах и право в классовых докапиталистических обществах выступают теми формами социальной воли, посредством которых социально-экономические (базисные) отношения воздействуют на поведение людей. [23, с. 89–93] Так, раб трудится потому, что его заставляет это делать либо сам рабовладелец, либо лица, уполномоченные последним, и если он попытается уклониться, то его накажут. За рабовладельцем стоит государство, по законам которого один человек может быть полным собственником другого человека. В рабовладельческом обществе

воля раба определяется волей его хозяина и стоящего за ним общества с его законами. В обществе с крепостным правом крестьянин вынужден работать на помещика потому, что государство и формируемое государством право прикрепило его к данному поместью и обязало отдавать часть своего труда его хозяину. В раннем первобытном обществе, в котором частной собственности, государства и права не было, существовала социальная воля в форме морали, и каждого трудоспособного члена общества моральные нормы обязывали делиться добытой им пищей и другими продуктами своего труда с остальными его членами [23, с. 90].

Таким образом, мы видим, что *homo economicus* — не выдумка экономистов, а объективно формируемая капиталистической экономикой модель мотивации и поведения человека в экономической сфере. Поскольку рынок определяет производство и распределение общественного продукта, соответственно, получение доли общественного продукта каждым человеком, то рыночные отношения и принципы максимизации полезности оказывают мощнейшее воздействие на индивида и постепенно распространяются и на внеэкономические сферы — брака и семьи, религии, преступности, политики, искусства. Поэтому и возникает иллюзия универсальности *homo economicus*, всеобщности максимизирующего полезность поведения и, одновременно, вторичности, производности моральных и иных социальных норм. Однако перспектива полного подчинения всех сфер общественной жизни рынку и рыночной психологии рассматривается большинством мыслителей как величайшая опасность для общества.

В докапиталистических (дорыночных) обществах поведение в экономической и внеэкономической сферах определялось «внеэкономическим» принуждением, было «трансдетерминированным», опосредовалось социальной волей, действием социальных норм, закрепленных в морали или в праве. Другими словами, господствовала модель *homo sociologicus*. Однако это не означает, что в этих обществах не было экономики и экономической детерминации — содержание социальных норм, общественной воли определялась системой социально-экономических отношений (отношений собственности на средства производства). Конкретные системы социально-экономических отношений (социально-экономические уклады) порождали соответствующие системы социальных отношений, правил и норм. И несмотря на значительные внешние культурные отличия, внешнюю непохожесть нормативных систем многих доклассовых обществ, при сходстве социально-экономического фундамента обнаруживалось и сходство в основополагающих структурах. Так, в частности, в раннепервобытной экономике господствовал принцип «первобытного коммунизма», пусть и осознанный в

форме иллюзии тотемного единства рода (хотя сами тотемные животные-прародители у каждого коллектива были свои). На стадии позднепервобытного общества при всем многообразии обрядов и традиций центром общественной жизни всех обществ были дарообмен и престижная экономика. В политарных обществах, которые были распространены не только в Азии, но и далеко за ее пределами, и всегда в этих обществах при всем внешнем разнообразии обнаруживаются насилие, репрессии, внеэкономическое принуждение со стороны государства.

Таким образом, современный анализ моделей *homo economicus* и *homo sociologicus* невозможен без использования междисциплинарного знания и опоры на сравнительно-исторический анализ.

16.5. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ МОДЕЛЕЙ *HOMO ECONOMICUS* И *HOMO SOCIOLOGICUS*. СОВРЕМЕННЫЕ ВЕРСИИ МОДЕЛЕЙ: *REMM*, *SRSM*, *RREEMM* И *OSAM*

Различия общетеоретических и методологических подходов в экономической науке и в социологии (см. табл. 16.1), а также различия в моделях человека приводили к ситуации, когда в течение многих десятилетий между двумя науками существовало «устойчивое разделение труда» [1], взаимовлияния двух наук носили крайне ограниченный характер, а изучаемая реальность была поделена между общественными науками на относительно замкнутые сферы (принцип дисциплинарных «ящиков», по К. Бруннеру).

Экономический человек, преследующий эгоистические цели и свободно выбирающий наилучший способ реализации своих предпочтений, противостоял социологическому человеку, придерживавшемуся установленных обществом норм и правил, следующий внутренним императивам (интериоризованным социальным требованиям), боящимся санкций. Экономический человек «обращен в будущее», социологический — «укоренен в настоящем» [1].

Если для неоклассической экономической теории исходной клеткой, мельчайшим элементом оказываются индивидуальные предпочтения, причем их происхождение не подлежит исследованию, то в структурно-функционалистской социологической теории аналогичным исходным элементом выступают, как мы уже говорили, социальные нормы и социальные роли, а их необходимость вытекает из самого факта существования общества как системы. «Если, по мнению социологов, все, что не нормируется, является неупорядоченным и

дисфункциональным, — пишет П. Вайзе, — то экономисты утверждают, что все организованное нерыночным способом — неэффективно и малопроизводительно». Различию во взглядах на социальный порядок соответствуют лежащие в основе этих наук различные образы человека, которые П. Вайзе иронично называет «монстрами» социальных наук: «*homo sociologicus* разучивает, интернализирует и играет свои роли с тихой радостью субъекта, для которого нет большего удовольствия, чем минимизировать разницу между должным и существующим; *homo economicus* с превеликим удовольствием максимизирует свою полезность и изыскивает все новые возможности для удовлетворения своих потребностей» [6, с. 115–116].

Язвительно противоположность подходов экономистов и социологов американский экономист Дж. Дьюзенберри сформулировал в 1960 г. следующим образом: «Вся экономическая теория посвящена тому, как люди делают выбор, а вся социология посвящена тому, почему люди не имеют никакого выбора» [цит. по: 8, с. 47].

Если социологический человек включен в общество по определению как носитель социальных ролей, то «асоциальность» экономического человека, подчеркивает В.С. Автономов, порождает немало теоретических трудностей при решении проблемы координации поведения индивидов в рамках человеческого общества: совокупность самостоятельных «экономических человеков» может удержать вместе лишь специальный механизм, метафорически названный А. Смитом «невидимой рукой», а Ф. Хайеком исследуемый в концепции «спонтанного порядка», возникающего из взаимодействия индивидов без какого-либо плана [1, с. 53].

Основные черты человека социологического голландский социолог С. Линденберг представил в модели *SRSM* (*socialized, role-playing, sanctioned man* — «социализированный человек, человек, исполняющий роль, человек, который может быть подвергнут санкциям») [33]. Модель человека экономического К. Бруннером и У. Меклингом была раскрыта аббревиатурой *REMM* (*resourceful, evaluative, maximizing man* — «изобретательный, оценивающий, максимизирующий человек»). Обе модели подвергались критике за узость, ограниченность. Стремясь преодолеть недостатки *SRSM* С. Линденберг предложил усовершенствованную модель «человека социологического» — *OSAM* (*opinionated, sensitive, acting man* — «имеющий собственное мнение, восприимчивый, действующий человек»). Объясняя соотношение и существенную разницу между *REMM* и *SRSM*, С. Линденберг утверждал, что модель *SRSM* годится для описания стационарного, стабильного общества, однако она не способна объяснить явления, вызванные изменениями условий жизнедеятельности общества. Одновременно была предложена

и усовершенствованная модель человека экономического — *RREEMM* (*resourceful, restricted, evaluating, expecting, maximizing-man*).

Таким образом, если в экономической науке возникла «недосоциализированная» (*undersocialized* по Т. Парсонсу), модель человека, то в социологии вызрела «пересоциализированная» (*oversocialized* по Д. Ронгу) концепция человека. И обе эти «крайности» сегодня подвергаются критике. Например, М. Грановеттер подчеркивает, что и в модели недо-, и в пересоциализированной модели «акторы отделены от своего непосредственного социального контекста». «Даже если экономисты, — пишет М. Грановеттер, — ...принимают социальные отношения всерьез, они неизменно абстрагируются от истории этих отношений и их связи с другими отношениями, т.е. от их исторической и структурной укорененности». В действительности, подчеркивает М. Грановеттер, «акторы не действуют и не принимают решения вне социального контекста, подобно разрозненным атомам, они и не подчиняются рабски предписаниям, определенным тем особым пересечением социальных позиций, которое им случилось занять. Вместо этого их попытки целенаправленного действия укоренены в конкретных системах длящихся социальных отношений» [8, с. 48–50]. Немало социологов подчеркивали внутреннюю непоследовательность модели экономического человека версии *REMM*.

Акроним *REMM* для фиксации основных черт экономического человека был предложен Уильямом Меклингом и Карлом Бруннером в конце 1970-х гг. Первая составляющая модели — *resourceful* (изобретательность, изобретательное экспериментирование), как считает К. Бруннер, связана с биологической наследственностью человека и проявляется, как и у первобытного человека, отбирающего съедобные растения и создающего орудия труда, так и у современного банкира, экспериментирующего с финансовыми инструментами. «Человек ищет, решает задачи и экспериментирует. Он не является пассивным существом. Проводимые им эксперименты сильно разнятся — от тривиальных до грандиозных» [5, с. 55]. Правда, признается К. Бруннер, «понятие изобретательности пока не удалось адекватно формализовать» [5, с. 56].

Социологи несколько иначе интерпретируют сущность и происхождение такого свойства человеческого поведения как изобретательность. Свое происхождение изобретательность как сугубо человеческое свойство ведет из трудовой практической деятельности. Человек, в отличие от животных, способен не только отражать и использовать, но и преобразовывать в соответствии с заранее намеченной целью предметы природы с помощью сделанных орудий труда, превращая тем

самым объекты в блага, в ценности, в стоимости. Полурефлекторная праорудийная деятельность формирующихся людей в процессе антропосоциогенеза превратилась в свободную целесообразную трудовую деятельность. Однако с самого начала эта формирующаяся трудовая деятельность имела коллективный, общественный характер, что проявлялось не только в процессуальных ее характеристиках, но и в необходимости закрепления и передачи трудового опыта от поколения к поколению в виде умений, навыков, образцов (паттернов), символических знаков, языка. Объективное развитие общественного производства создают саму возможность изобретений, в том числе формируют социальную потребность в изобретательности.

Вторая черта человека экономического модели *REMM* — «оценивание», трактуется К. Бруннером, в сущности, экономически, а вовсе не универсально: «Человеку свойственно оценивать. Его нельзя считать равнодушным. Ему небезразличен окружающий мир. Он дифференцирует, сортирует и упорядочивает состояния мира и в процессе этой деятельности редуцирует все объекты, с которыми сталкивается, до соразмерной величины. Он предпочитает большее количество благ, имеющих положительную оценку. Кроме того, оценка зависит от контекста. Любое фиксированное приращение положительно оцениваемого блага оценивается все ниже, по мере того как растет его общее количество, доступное для индивидов. Человек стремится вступать в обмен по всем направлениям. Он всегда готов поступиться некоторым количеством любого имеющего ценность блага в обмен на некоторое количество альтернативного блага, которое он ценит выше. Его оценки тяготеют к тому, чтобы быть транзитивными, что является выражением непротиворечивости системы этих оценок» [5, с. 56].

Экономический человек версии *REMM*, по мнению К. Бруннера, может быть принят всеми общественными науками, поскольку не имеет специфически экономической узости: «Предположение о возможности замещения всех положительно оцениваемых благ, событий или состояний подразумевает, что традиционное разделение между экономическими и неэкономическими мотивами некорректно... Сфера аллокационного поведения выходит далеко за рамки максимизации материального благосостояния, она может включать удовольствие от чтения книг, посещения театров, концертов, футбольных матчей, потребления мороженого, пива, вина и т.д.» [5, с. 56–57]. Принцип замещения применим, на взгляд Бруннера, и к «наслаждению общественным положением, влиянием и дружбой», и следовательно, это должно стать основанием для отказа от неплодотворного, априорного отделения «экономического» от «неэкономического» [5, с. 57].

Однако оценивание, как возражают социологи, вовсе необязательно сопряжено у человека с максимизацией персональной целевой функции и аллокационным поведением. Если К. Бруннер утверждает, что оценивание у человека происходит исключительно на индивидуальном уровне, «оценки формируются в соответствии с собственными суждениями, пониманием и интерпретацией индивида», поскольку «именно он в конечном итоге является источником оценок», то социологи настоятельно напоминают, что сами основания для оценивания формируются в процессе социализации, имеют чисто социальную природу. Любое оценивание начинается с формирования в сознании человека образца, правила, эталона, по отношению к которому вообще становится возможна процедура оценивания. Даже наслаждение от приращения единиц блага, как делают вывод специалисты по социологии эмоций, тоже социально определены: только в определенной системе социальных координат запрещенного и дозволенного, возвышенного и низменного, одобряемого или осуждаемого, желаемого и отвергаемого, акты потребления в современном обществе приобретают свойства приносить удовольствие. Современное общество потребления «принуждает» человека быть счастливым [П. Брюкнер]. Социологи, таким образом, ставят вопрос о социальных источниках и содержании индивидуальных предпочтений.

Социологи не принимают утверждения К. Бруннера, согласно которым преследование индивидом собственного интереса определено генетически, а «нормы и правила, управляющие поведением членов социальной группы, возникают из взаимодействия эгоистичных индивидов» [5, с. 68]. Если было именно так, если бы не было социального регулирования и морали, парируют социологи, мы получили бы не человеческое общество, а зоологическое стадо с системой доминирования физически сильных над физически слабыми, как это было в реальности у животных предков человека [21].

Таблица 16.1

**Сравнительная характеристика
моделей *homo economicus* и *homo sociologicus***

Вопросы и темы	<i>Homo economicus</i>	<i>Homo sociologicus</i>
В какой науке и научных направлениях модель получила наибольшее распространение?	Экономическая наука (маржинализм, неоклассическая экономическая теория)	Социологическая наука (структурно-функциональное направление, марксистское направление). Экономическая наука: институционализм (частично)

Продолжение табл. 16.1

Вопросы и темы	<i>Homo economicus</i>	<i>Homo sociologicus</i>
Методологические основания	Методологический индивидуализм (субъективизм)	Методологический холизм (объективизм)
Мыслители и направления, внесшие наибольший вклад в разработку соответствующей модели	А. Смит, У. Джевонс, К. Менгер, А. Маршалл, К. Бруннер, Г. Беккер, Э. Даунс	О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон, Р. Дарендорф, С. Линденберг
Морально-психологические основания	Эгоизм, индивидуализм, стремление к персональной выгоде, к максимизации личной полезности	Альтруизм, солидарность, взаимопомощь, конформизм, подчинение общественным требованиям, страх перед социальными санкциями
Основные черты модели	Максимизация полезности (целевой функции) в условиях ограниченности ресурсов	Следование общественным требованиям (нормам), выполнение социальных обязательств, исполнение социальных ролей
Источник индивидуальных предпочтений	Природная, врожденная склонность к эгоизму, к максимизации индивидуальной полезности	Предпочтения социально обусловлены, определяются господствующей системой норм и ценностей, формируются в процессе социализации
Ограничения	Незначительны (неполнота информации, ориентация на ожидаемую полезность)	Социальный контроль
Связь с биологической природой	Непосредственная	Социальное господствует над биологическим
Приоритетная форма сознания	Рациональное калькулирование	Регулятивно-волевая, подчинение поведения общественным требованиям
Соотношение личного и общественного	Приоритет личного интереса и субъективно понимаемой полезности	Приоритет интересов общества и коллектива, ориентация на общественную полезность
Понимание функциональности	В рамках обеспечения максимизации индивидуальной целевой функции	Полезность и функциональность для общества в целом
Локализация сферы «экономического»	Сфера рационального поведения в смысле максимизации целевой функции	Технологическая сфера взаимодействия с природой (Т. Парсонс); создание средств для существования (К. Поланы); система социально-экономических, производственных отношений собственности, распределения и обмена (К. Маркс)

Окончание табл. 16.1

Вопросы и темы	<i>Homo economicus</i>	<i>Homo sociologicus</i>
Роль биологического начала	Признание важности и естественности влияния биологического начала в смысле стремления к удовлетворению индивидуальных потребностей	Подавление, подчинение биологического начала социальному регулированию посредством социальных норм, запретов, морали, долга, совести, права
Исторические типы экономического взаимодействия, в которые включены субъекты	Рыночный обмен как универсальный тип экономических отношений, одинаковый, в сущности, для всех исторических эпох	Существенное различие исторических типов: реципрокция, редистрибуция, рыночный обмен (К. Поланьи); пять или шесть общественно-экономических формаций (первобытно-коммунистическая, азиатская, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая) (К. Маркс); «механическая» и «органическая» типы солидарности (Э. Дюркгейм)
Проявление свойств модели в различных динамических состояниях общества (стабильное / неустойчивое)	Работает эффективно в ситуации экономического равновесия, дает сбой в условиях нестабильности и нарушения прав собственности	Эффективен лишь в условиях социальной стабильности и определенности
Варианты моделей	Базовая — <i>REMM</i> . Усовершенствованная — <i>RREEMM</i>	Базовая — <i>SRSM</i> . Усовершенствованная — <i>OSAM</i>

Источник: составлена автором (У.Г. Николаевой).

Попытки преодолеть пропасть между экономической теорией и социологией предпринимались неоднократно. Еще Макс Вебер призывал экономистов обратить внимание на социальные аспекты поведения человека и создать единую науку — «социальную экономику». Й. Шумпетер также писал о необходимости перейти от противостояния к взаимному обогащению двух наук. Однако «мир» в научном противостоянии социологов и экономистов так и не наступил.

Под влиянием «экономического империализма» наметилась тенденция к распространению модели человека экономического на внеэкономические области. С помощью экономических категорий «ресурсы», «ограничения», «капитал», «инвестиции», «альтернативные издержки», «внешние эффекты» и др. — сторонники «экономического

империализма» постарались описать многие социальные явления, а социальные нормы были интерпретированы ими как результат целенаправленного, рационального поведения отдельных индивидов или как результат возникновения спонтанного порядка. Поведение «социологического человека», с их точки зрения, тоже может быть описано максимизацией целевой функции, поскольку минимизация санкций со стороны общества в краткосрочной перспективе сопрягается с повышением своего социального статуса и увеличением возможностей для максимизации индивидуальной полезности в долгосрочной перспективе [4].

Различие подходов социологов и экономических империалистов иллюстрирует на примере проблемы преступности и борьбы с ней В.С. Автономов: «С точки зрения социолога, причины преступности заложены в самом обществе и бороться с ней можно лишь преобразовывая общество. Наказание или угроза наказания сами по себе не могут быть эффективным средством борьбы с преступностью, если только они не приведут к перевоспитанию преступника... С точки зрения экономиста, индивид, раздумывая о том, совершить ему преступление или нет, взвешивает плюсы и минусы (полезность и издержки), с ним связанные. Полезностью обладают, например, удовольствия, которые можно будет получить, тратя украденные деньги. В издержки входит, в частности, страх перед возможным тюремным заключением. Поэтому чем больший срок заключения ожидает потенциального вора в случае поимки, тем выше издержки совершения кражи и тем больше вероятность, что они превысят ожидаемые удовольствия и вор откажется от своего намерения» [1, с. 53–54].

Но если Беккер и его последователи непосредственно применяют модель экономического человека к поведению индивидов в самых различных областях, то виднейший представитель нового институционализма О. Уильямсон исходит из того, что поведение индивидов в значительной мере определяется институтами, однако сами институты обязаны своим существованием тому, что они минимизируют трансакционные издержки и поэтому выживают в ходе эволюционного процесса (объяснение, свойственное скорее структурно-функциональному подходу) [26].

Но в целом, в последние десятилетия, в борьбе между социологическим и экономическим подходами к человеку обозначилась «тенденция к экономизации социологического знания на базе экспансии экономического человека на сопредельную область знания» [1, с. 58]. Эпоха разделения труда между двумя науками, как стало представляться многим экономистам, подошла к концу, и наступает «эра единой социо-экономической теории», в основании которой будет лежать несколько

усовершенствованная экономическая модель человека, получившая название RREEMM [1, с. 57–58].

Социологи, в противовес экономистам, указывали на то, что содержательно цели, к которым стремится человек, да и сами критерии их достижения, включая индикаторы социальной успешности/неуспешности, удовольствия/неудовольствия, во многом продиктованы обществом, т.е. заданы человеку извне. В ответ на экспансию экономических империалистов социологи пытались представить модель «человека экономического» в качестве частного случая более общей модели «человека социологического», полагая, что и стремление к максимизации полезности, и само формулирование «индивидуального интереса», «выгоды», «экономической рациональности» — не естественно возникающие мотивы и представления, а результат длительной социально-исторической эволюции и целенаправленного воспитания в рыночном обществе. При этом подчеркивалось, что аналогии между «естественным» поведение человека и поведением животных не проясняют сути дела, поскольку «эгоистическое» или «индивидуалистическое» поведение животных ограничивается лишь удовлетворением основных инстинктов — пищевого, полового и самосохранения. Стремление же к выгоде в современном смысле, т.е. к обладанию определенными вещами и денежными знаками, собственностью, стремление к высокому социальному статусу и т.д., — все это социально сконструированные желания и мотивы.

Рыночное общество пронизано рыночной идеологией, которая формирует определенные типы личности, определенные жизненные приоритеты, ценности, модели, поведенческие стратегии, подчеркивают социологи. Усвоение же этих рыночных моделей поведения и социальных ролей происходит в процессе социализации (активное обучение детей в современном западном обществе через специальные игры предпринимательству, расчету, составлению бизнес-стратегий и т.д.), а затем закрепляется реальной практикой в рыночном обществе. Принудительность рыночных механизмов определяется тем, что в рыночном обществе каждый человек может получить долю общественного продукта только через акт обмена, причем обмена рыночного. Поэтому в современном рыночном обществе индивид фактически принуждаем к жизни по рыночным правилам и, в том числе, к воспроизводству «символов успешности». В современном западном обществе господствует «символическая власть» (П. Бурдьё), массовое производство подталкивает к избыточному и демонстративному потреблению (Т. Веблен), к сверхпотреблению, к всеобщей «макдоналдизации» (Дж. Ритцер), в результате чего создается «мир гнетущего псевдо-наслаждения» (Г. Дебор), принудительного счастья (П. Брюкнер).

Не случайно критика Р. Дарендорфом моделей *Homo sociologicus* и *Homo economicus* далеко не ограничивается проблемой нереалистичности, наличия многообразных фактов отхода людей от ролевого поведения, недоучетом конфликтности и социальных изменений. Р. Дарендорф призывает к «кантовскому» взгляду на проблему, к признанию того, что человеческую природу, по его мнению, невозможно описать правильно с помощью моделей. «Чего мы ни в коем случае не узнаем о человеке из социологической теории, так это о его моральных качествах, а значит — мы не узнаем человека так, как узнаем его в мире поступков... с моральной, точки зрения, решающей для нас является возможность для индивида самоутвердиться против социальных требований». Р. Дарендорф призывает к тому, чтобы «разработать образ человека, в котором человек предстает в качестве непрестанной возможности упразднения всех видов отчуждения, характерных для представлений от общества и для его реальности» [9, с. 284–285].

Питер Вайзе называл модели человека в экономической и социологической дисциплинах «монстрами» социальных наук. По его мнению, «*Homo economicus* и *homo sociologicus* — могут действовать и эффективно существовать только в идеальном равновесном мире (либо в мире равновесных цен, или в мире стабильных норм)... Но в условиях неравновесия остается нерешенной проблема надежности порядка: все соглашения могут быть разрушены, а все запрещенные виды поведения будут сохранять свою притягательность, не говоря уже о том, что, имея в виду будущее, не все можно упорядочить а priori». П. Вайзе предлагает разработать новую универсальную модель — «человека социальных наук», т.е. «человеческий тип, охватывающий оба этих крайних типа в качестве специальных случаев», а именно *homo socioeconomicus*, который «согласует поведение со своими согражданами, а не просто уступает давлению со стороны системы или занимается эгоцентристским сравнением альтернатив» [6, с. 120–125].

Социологический подход к поведению человека в сфере экономики получил развитие в исследованиях организационного поведения и в социологии труда. Ориентация на авторитет в социально-профессиональной группе и на другие чисто социальные мотивы (возможность реализовать свой творческий потенциал, социальный престиж, уважение коллег, стабильность, наличие социальных гарантий и др.) — как выяснилось, играют немаловажную роль в мотивации человека в современном капиталистическом обществе. Значительный вклад в развитие модели социологического человека в рамках социологии управления и индустриальной социологии внесли исследования американского экономиста Э. Мэйо (например, его Хоторнский эксперимент в Вестерн

Электрик Комнани близ Чикаго (1927–1932 гг.). Изучая влияние различных факторов (условия и организация труда, заработная плата, межличностные отношения и стиль руководства) на повышение производительности труда на промышленном предприятии, Мэйо показал особую роль человеческого и группового фактора. Эти исследования заложили основу так называемой социальной экономики и доктрины «человеческих отношений» (Э. Мейо, Г. Селингер и др.), повлияли на формирование теории социально-рыночной экономики (Л. Эрхард, А. Мюллер-Армак, Ф. Бём, В. Ойкен, Ф. Оппенгеймер и др.).

Доктрина «человеческих отношений» предлагала замену принципа индивидуального вознаграждения — групповым (коллективным), чисто экономических мер, например, персонального повышения заработной платы хорошим работникам — социально-психологическим стимулированием (благоприятный моральный климат, повышение удовлетворенности трудом, практика демократического стиля руководства); разработку новых средств повышения производительности труда: «паритетное управление», «гуманизация труда», «групповые решения», «просвещение служащих» и т.д. Профсоюзы стали рассматриваться не как враги (вопреки принципам тейлоризма), а как партнеры в деловых отношениях на предприятии. В этой доктрине, таким образом, представления о социальной сущности человека находят свое яркое воплощение.

М. Грановеттер подчеркивал «укорененность» экономического поведения в социальных институтах и сети существующих социальных отношений [8]. Й. Бекерт в книге «За пределами рынка: Социальные основания экономической эффективности» (Beyond the Market: The Social Foundations of Economic Efficiency, 2002) писал, что «социальная включенность» экономического поведения и экономических структур является важнейшим условием их эффективности.

Большинство исследователей современного западного общества подчеркивают, что возникшая в последние десятилетия глобальная капиталистическая экономика и глобальное общество в целом испытывают серьезный кризис. Негативными проявлениями глобализации стали: рост бедности и неравенства, истощение мировых природных ресурсов, ухудшение экологии, возрастание агрессивности, недоверия, международной преступности, теневой экономики, религиозного фундаментализма и др. З. Бауман пишет, что растущая «текучесть» и индивидуализация в обществе достигли слишком высокой степени и провоцируют социально-психологическое отчуждение и центробежные тенденции, грозящие ростом психологической фрустрации и потенциальным откатом к тоталитарным утопиям [2]. Противоречивые

результаты неолиберального реформирования в постсоветских странах — мощный взрыв коррупции, теневой экономики, рост бедности и неудовлетворенности жизнью — также поставили под сомнение универсальность рецептов в русле неоклассической экономической теории и моделей *Homo economicus* [15; 16; 27].

Таким образом, исследования социологов выявили, что современное общество оказывается сложноорганизованной гетерогенной системой, в которой действуют как рыночные, так и внерыночные институты, проявляют себя разнообразные внутренние (эндогенные) и внешние (экзогенные) тенденции, сосуществуют и конкурируют в поведении людей как мотивы, характерные для модели *homo economicus*, так и свойства, характерные для *homo sociologicus*. Широкий междисциплинарный взгляд и сравнительно-исторический подход в исследовании поведения человека позволяют рассматривать подобное моделирование в качестве значимой составляющей современного обществоведческого знания.

Выводы

1. Созданные в экономической и социологической науках модели человека базируются на различных теоретико-методологических основаниях: модель *Homo economicus* — на принципе методологического индивидуализма, идее первичности индивида и его потребностей по отношению к обществу; модель *Homo sociologicus* — на принципах методологического холизма и объективизма, признании первичности социума и надындивидуальных структур социальных групп, коллективных представлений, социальных отношений.
2. Если «человек экономический» руководствуется эгоистическим интересом (А. Смит) и стремлением максимизировать полезность, оптимизировать целевую функцию (К. Менгер, У. Джевонс и др.), то «человек социологический» руководствуется в своем поведении требованиями общества, закрепленными в социальных нормах (моральных, правовых, религиозных, культурных), социальных ролях, ценностях, традициях, идеалах (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.).
3. Ограниченность и негибкость ортодоксальных версий *Homo economicus* и *Homo sociologicus* позволили П. Вайзе иронически называть эти модели «монстрами» социальных наук. Недостатками *Homo economicus* считают: «недосоциализированность», изолированность от общества, игнорирование потребностей других людей, отсутствие моральных ограничений. Недостатки *Homo sociologicus*:

«пересоциализированность», ограничение свободы и инициативы человека, конформизм, неспособность действовать в условиях социальных изменений (П. Вайзе, Дж. Урри), ущербность модели в морально-экзистенциальном смысле (Р. Дарендорф).

4. Преодоление недостатков ортодоксальных версий *homo economicus* и *homo sociologicus* осуществлялось по следующим направлениям: 1) разработка обновленных моделей *homo sociologicus*, например, *OSAM* (*opinionated, sensitive, acting man* — «имеющий собственное мнение, восприимчивый, действующий человек»); и *homo economicus*, например, *RREEMM* (*resourceful, restricted, evaluating, expecting, maximizing, man*) (С. Линденберг); 2) разработка смешанной модели *Homo socioeconomics* (человека социально-экономического) (П. Вайзе).
5. Особое значение в современных социальных науках, особенно в социологии и социальной антропологии, приобретает историческое измерение при подходе к моделированию человеческого поведения.
6. Современные дискуссии о моделях человека в социальных науках базируются на широком социально-философском, экономико-историческом и социально-антропологическом материале и носят междисциплинарный характер.

Проблемный блок

1. Формально-экономическое и субстантивистское понимание экономики: выводы для современного понимания человека.
2. Общественное мнение и социальный престиж как регуляторы человеческого поведения. Свободен ли человек от влияния общественного мнения в современном рыночном обществе?
3. «Престижное потребление» и консьюмеризм в обществе массового потребления: экономические и социокультурные механизмы.
4. Альтруизм в ранних обществах «первобытного коммунизма» и дискуссии о возможности коммунизма в будущем?
5. Рациональность (М. Вебер), унификация и «макдоналдизация» (Дж. Ритцер) в современном капиталистическом обществе.
6. Логика «дара» и престижная «церемониальная» экономика позднпервобытных обществ. Дар в современной культуре и его символический смысл. Дарообмен как часть современной неформальной экономики блага.

7. Может ли насилие иметь экономическую природу? Дискуссии о тоталитарных обществах, власти-собственности и азиатском способе производства в современной историко-экономической мысли (Д. Норт, К. Виттфогель, Ю.И. Семенов, Л.С. Васильев и др.).
8. Модели *OSAM* и *RREEMM* — что предпочтительнее?
9. Российский человек в пространстве российской экономики.

Приложение 16.1

Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом исторической и теоретической ограниченности модели человека экономического. Цитата из работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»: «Политическая экономия в более узком смысле, хотя и возникла в головах гениальных людей в конце XVII века, однако в своей положительной формулировке, которую ей дали физиократы и Адам Смит, по существу представляет собой детище XVIII века... Новая наука была для них не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы экономической деятельности, а вечными законами природы: их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что этот человек был просто средним бюргером того времени, находившимся в процессе своего превращения в буржуа, а его природа заключалась в том, что он занимался производством и торговлей на почве тогдашних, исторически определенных отношений» [31, с. 155].

Карл Поланьи об исторической неуниверсальности рыночной экономики и опасности нерегулируемого рынка: «Действительно, ни одно общество не может обойтись без какой-нибудь системы, обеспечивающей порядок в сфере производства и распределения благ. Однако это еще не означает, что во всяком обществе существуют самостоятельные экономические институты, независимые от институтов социальных: экономический порядок обычно является функцией от социального, причем второй обеспечивает первый. ...Общество XIX в., в котором экономическая деятельность была впервые обособлена и увязана с явно выраженными экономическими мотивами, стало, по существу, исключением» [19, с. 13]. «Рыночная экономика с необходимостью должна включать в себя все элементы производства, в том числе труд, землю и деньги... Но труд, земля и деньги по своей природе — явно не товар... характеристика труда, земли и денег как товаров является чисто фиктивной... Если допустить, чтобы рыночный механизм был единственной направляющей силой, определяющей судьбу человеческих существ, и их естественной средой обитания, или даже хотя бы управлял величиной и использованием

покупательной силы, т.е. денег, — это приведет к гибели общества. Дело в том, что мнимый товар “рабочая сила” нельзя отбросить, использовать без разбора или даже не использовать вообще без того, чтобы не повлиять при этом на человеческий индивид, который, помимо всего остального, является носителем этого особого товара. Используя человеческую рабочую силу, система, между прочим, будет использовать некое физическое, психологическое и моральное целое, именуемое “человек” и прикрепленное к этому ярлыку. Будучи лишенными защитного панциря культурных институтов, человеческие существа погибнут от социальной обнаженности; они умрут как жертвы этого социального сдвига от своих пороков, извращений, преступлений и истощения» [19, с. 13–15].

Питер Вайзе о «монстрах» социальных наук и перспективах создания комплексной модели «социально-экономического» человека: «...экономический анализ, основанный на фигуре *homo economicus*, и социологический анализ, который исходит из существования *homo sociologicus*, действительно являются двумя противоположными точками зрения. В то время как первая сводит все социальные явления к действиям как бы изолированных индивидов и не учитывает других социальных взаимосвязей, вторая объясняет индивидуальные действия давлением социальной взаимозависимости, не допуская, что последняя, в свою очередь, возникает из общения между отдельными людьми». «Экстремальный человеческий тип (ред. — *homo economicus*) как бы изолирован от остальных людей, поддерживает с ними только отношения обмена и располагает совершенно независимой от других людей функцией полезности, но все ограничительные моменты сводятся для него к издержкам, которые он сравнивает со своей личной выгодой. Он подсчитывает ожидаемые стоимостные значения соответствующих показателей и принимает рациональные решения: совершать или не совершать такие действия, как нарушение обязательств, обман, воровство, развод, уклонение от налогов, оскорбление, убийство и т.д. ...он не имеет никаких внутренних оценок, возникающих из социальной взаимозависимости: чувства стыда и страдания чужды ему. Мораль — фетиш, проповедуемый философами; этика — ограничение, налагаемое на простофилю; социализация в детстве — осталась в далеком прошлом; мир — огромный универмаг. Однако, стоп! Как оценивает *homo economicus* действия других людей? “Все наносящие ущерб действия других людей не должны иметь места”! А как этого достичь? “Все товары и действия должны быть защищены точно сформулированными правами собственности, чтобы всегда было гарантировано полное возмещение ущерба”! Но оба эти тезиса справедливы только тогда, когда каждый полностью придерживается прав собственности, читай — норм, т.е. не видит никакого увеличения выгоды в убийстве и воровстве» [6, с. 120–125].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке [Текст] / В.С. Автономов. — СПб.: Экономическая школа, 1998. — 230 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2005. — 390 с.
3. Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках [Текст] / Г. Беккер // THESIS. — 1994. — Вып. 6. — С. 12–36.
4. Человеческое поведение: Экон. подход [Текст]: пер. с англ. / Эри С. Беккер; сост., науч. ред. пер., авт. послесл. Р. И. Капелюшников]. М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 670 с.
5. Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества [Текст] / К. Бруннер // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 51–72.
6. Вайзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук [Текст] / П. Вайзе // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 115–130.
7. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции [Текст] / А.Б. Гофман // Социологический ежегодник. 2012: сб. науч. тр. — М., 2013. — С. 97–167.
8. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности [Текст] / М. Грановеттер // Экономическая социология. — 2002. — № 3. — С. 44–58.
9. Дарендорф Р. Тропы из утопии [Текст]: пер. с нем. / Р. Дарендорф. — М.: Праксис, 2002. — 536 с.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм. — М.: Наука, 1991. — 575 с.
11. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд [Текст]: пер. с фр. / Э. Дюркгейм; под ред. В.А. Базарова. — М.: Мысль, 1994. — 399 с.
12. Козловски П. Принципы этической экономии [Текст] / П. Козловски; пер. с нем. В.Н. Белова; под ред. В.С. Автономова. — СПб.: Экономическая школа, 1999. — 344 с.
13. Маркс К. Тезисы о Фейербахе [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 1–4.
14. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р.К. Мертон; пер. с англ. Е.Н. Егоровой, З.В. Кагановой [и др.]. — М.: АСТ: Хранитель, 2006. — 874 с.
15. Николаева У.Г. Vita puova архаических экономических отношений: загадки современной российской неформальной экономики [Текст] / У.Г. Николаева. — М.: Дашков и К°, 2005. — 175 с.
16. Николаева У.Г. Экономическая архаика и современность [Текст] / У.Г. Николаева. — М.: Дашков и К°, 2005. — 224 с.
17. Парсонс Т. Социальная система [Текст]: пер. с англ. / Т. Парсонс. — М.: Академический проект, 2018. — 530 с.

18. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Текст] / К. Поланьи; пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова и А.П. Шурбелева; под общ. ред. С.Е. Федорова. — СПб.: Алетей, 2002. — 320 с.
19. *Поланьи К.* Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги [Текст] / К. Поланьи // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — С. 10–18.
20. *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными [Текст] / Э.С. Райнерт; пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011 — 384 с.
21. *Семёнов Ю.И.* Как возникло человечество [Текст] / Ю.И. Семёнов. — 2-е изд., с нов. предисл. и прилож. — М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2002. — 790 с.
22. *Семёнов Ю.И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России [Текст] / Ю.И. Семёнов. — М.: УРРС, 2014. — 382 с.
23. *Семёнов Ю.И.* Происхождение и развитие экономики. От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному) [Текст] / Ю.И. Семёнов. — М.: Красанд, 2014. — 720 с.
24. *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса [Текст] / Ю.И. Семенов. — М.: Академический проект; Трикста, 2013. — 615 с.
25. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст]: монография / А. Смит. — М.: Эксмо, 2009. — 956 с.
26. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма [Текст]: пер. с англ. / О.И. Уильямсон; науч. ред. и вступит. ст. В.С. Каткало. — СПб.: Лениздат: SEV Press, 1996. — 702 с.
27. *Хайлбронер Р.Л.* Экономическая теория как универсальная наука [Текст] / Р.Л. Хайлбронер // THESIS. — 1993. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 41–55.
28. *Хедлунд С.* Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала [Текст]: пер. с англ. / С. Хедлунд. — М.: НИУ ВШЭ, 2015. — 423 с.
29. *Хикс Дж.* Теория экономической истории [Текст]: пер. с англ. / Дж. Хикс; общ. ред. и вступ. ст. Р.М. Нуреева. — 2-е стереотип. изд. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2006. — 224 с.
30. *Эльстер Ю.* Социальные нормы и экономическая теория [Текст] / Ю. Эльстер // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 73–91.
31. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 1–338.
32. *Beckert J.* Beyond the Market: The Social Foundations of Economic Efficiency [Text] / J. Beckert. — Princeton University Press, 2002.
33. *Lindenberg S.* An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular [Text] / S. Lindenberg // Sociological Theory. — 1985. — Spring. — P. 99–113.

Дополнительная литература

Beckert J. Beyond the Market: The Social Foundations of Economic Efficiency [Электронный ресурс] / J. Beckert, B. Harshav. — URL: <https://www.questia.com/library/120073619/beyond-the-market-the-social-foundations-of-economic>

Адорно Т. Исследование авторитарной личности [Текст] / Т. Адорно. — М.: Серебряные нити, 2001. — 350 с.

Болтански Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов [Текст] / Л. Болтански, Л. Тевено; пер. с фр. О.В. Ковеневой; под ред. Н.Е. Копосова. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 576 с.

Брюкнер П. Вечная эйфория. Эссе о принудительном счастье [Текст]: пер. с нем. / П. Брюкнер. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007. — 230 с.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики [Текст]: пер. с фр. / П. Бурдые; сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя: Ин-т эксперимент. социологии, 2005. — 576 с.

Бурдые П. Социология политики: пер. с фр./ П. Бурдые; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта [Текст] / Р. Дарендорф // СоцИс. — 1994. — № 5. — С. 142–147.

Дебор Г. Общество спектакля [Текст] / Г. Дебор; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. — М.: Логос, 1999. — 224 с.

Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора [Текст] / Дж. Коулман // Экономическая социология. — 2004. — Т. 5. — № 3. — С. 35–44.

Коулман Дж. Введение социальной структуры в экономический анализ [Текст] / Дж.Коулман // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10. — № 3. — С. 33–41.

Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана = Argonauts of the Western Pacific [Текст] / Б. Малиновский; пер. с англ. В.Н. Поруса. — М.: РОССПЭН, 2004. — 584 с.

Маркузе Т. Одномерный человек [Текст] / Т. Маркузе. — М.: АСТ, 2003. — 528 с.

Мид Дж.Г. Избр. [Текст]: сб. переводов / Дж.Г. Мид; сост. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. — М.: ИНИОН РАН, 2009. — 290 с.

Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории [Текст] / Л. Мизес. — Челябинск: Социум, 2005. — 878 с.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии [Текст] / М. Мосс. — М.: КДУ, 2011. — 416 с.

Муравьев Ю. Истина, культура, идеал [Текст] / Ю. Муравьев. — М.: Прометей, 1994. — 194 с.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия [Текст]: пер. с англ. / Р. Нозик. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 424 с.

Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? [Текст] / Р. Пребиш. — М.: ИЛА РАН, 1992. — 337 с.

Радаев В.В. Что такое «экономическое действие»? [Текст] / В.В. Радаев // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 18–25.

Радаев В.В. Экономическая социология [Текст]: учебник для вузов / В.В. Радаев. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. — 603 с.

Ролз Дж. Теория справедливости [Текст]: пер. с англ. / Дж. Ролз. — М.: Едиториал УРСС, 2010. — 536 с.

Слезингер Г.Э. Социальная экономика [Текст]: учебник / Г.Э. Слезингер. — М.: Дело и сервис, 2001. — 368 с.

Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию [Текст] / А.А. Сусоколов. — М.: Русская панорама, 2006. — 96 с.

Уайт У. Организационный человек [Текст] / У. Уайт // Личность. Культура. Общество. — 2002. — Вып. 3. — С. 281–302.

Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма [Текст]: пер. с англ. / О.И. Уильямсон; науч. ред. и вступит. ст. В.С. Катькало. — СПб.: Лениздат: SEV Press, 1996. — 702 с.

Филатов В.П. Модели человека в социальных науках [Текст] / В.П. Филатов // Эпистемология и философия науки. — 2012. — Т. 31. — № 1. — С. 125–140.

Фуруботн Э.Г. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории [Текст] / Э.Г. Фуруботн, Р. Рихтер; пер. с англ. под ред. В.С. Катькало, Н.П. Дроздовой. — СПб.: ИД СПбГУ, 2005. — 702 с.

Abell P. Homo sociologicus: Do we need him/her? [Text] / P. Abell // Sociological Theory. — 1991. — No. 9 (2). — P. 195–198.

Beckert J. Economic Sociology and Political Economy: A Programmatic Perspective [Text] / J. Beckert, W. Streeck // MPIfG Working Paper 08/4 Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung, Köln Max Planck Institute for the Study of Societies, Cologne September 2008.

Boudon R. “Homo sociologicus” neither a rational nor a irrational idiot [Text] / R. Boudon // Papers: revista de sociología. — 2006. — No. 80. — P. 149–169.

Ng I.C.L. Learning to be Sociable: The Evolution of Homo Economicus [Text] / I.C.L. Ng, L.-M. Tseng // American Journal of Economics and Sociology. — 2008. — Vol. 67. — P. 265–286.

Opp K.-D. Sociology and Economic Man [Text] / K.-D. Opp // Journal of Institutional and Theoretical Economics. — 1985. — Vol. 141. — P. 213–243.

Šubrt J. Homo sociologicus and the Society of Individuals [Text] / J. Šubrt // HISTORICKÁ SOCIOLOGIE. — 2017. — December. — P. 9–22.

The Handbook of economic sociology [Text] / ed. By Neil J. Smelser and Richard Swedberg. — New York: Princeton University Press; Russell Sage Foundation, 1994. — 752 p.

Theory in Economic Anthropology [Text] / ed. by J. Enslinger. — New York; Oxford: Alta Mira Press, 2002. — 23 p.

Wrong D.H. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology [Text] / D.H. Wrong // American Economic Review. — 1961. — Vol. 26. — No. 2. — P. 183–193.

ГЛАВА 17

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Термины: психология, поведение, бихевиоризм, стимул и реакция, теория рефлексивности, экономическая психология, психологический человек, поведенческая экономика, экономическое сознание.

В данной главе мы рассмотрим историю взаимодействия экономики и психологии, основания различия и взаимосвязи этих наук, основные психологические проблемы экономики, экономическую психологию и поведенческую экономику как пример научных исследований на стыке двух дисциплин, а также сформулируем понятие психологического человека в сравнении с экономическим человеком и представим несколько основных моделей психологического человека.

17.1. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

История взаимодействия экономической и психологической наук насчитывает примерно 150 лет. Но и до того, как психология и экономика обрели статус науки, существовала экономическая действительность, а ученые и философы размышляли о душе и психической жизни.

Элементы психологического подхода к анализу экономических явлений присутствуют уже в Античности — в трудах *Ксенофонта*, *Платона* и *Аристотеля*. Так, анализируя науку домоводства, Ксенофонт обращается к проблеме управления, которая не может быть решена без знания психологических особенностей управляющих и управляемых [см.: 13]. Платон, рассматривая проблему собственности в идеальном государстве, связывает владение чем-либо с такими чертами психологии человека, как зависть, стяжательство и предвзятость. Кроме того, добродетели души — мудрость, мужество и воздержанность, лежащие в основании определенного склада характера, античный философ ассоциирует с социальным строем идеального государства [см.: 18]. Аристотель, различая экономику и хрематистику, пишет о чувстве меры как основополагающем при определении сущности экономической деятельности

[см.: 2]. В целом в античной философии взаимосвязь экономики и психологии осуществляется через посредство этических категорий.

На классическом этапе развития экономической науки размышления о психологических основаниях экономического поведения были связаны с представлениями об «экономическом человеке» в работах *А. Смита*, *А. Маршалла*, *И. Бентама*, *К. Маркса*, *М. Вебера*, *Дж.М. Кейнса*. Употреблявшиеся этими мыслителями понятия эгоизма, рациональности, удовольствия, страдания, склонностей являются психологическими по своему содержанию. До начала XX в. экономическая психология ориентировалась именно на концепцию «экономического человека». Однако в XX в. инициатива развития экономической психологии переходит в руки ученых-психологов.

Рассматривая историю психологии в контексте ее взаимосвязи с экономикой, нам следует обратиться к понятию экономической психологии. Это понятие ввел в своем одноименном труде (1902) французский мыслитель *Г. Тард* (1843–1904). Он писал о «важности социальной сущности человека в экономике... рассматривал взаимовлияние социальных законов и стоимости, денег и капитала, роль желаний и веры, взаимосвязь потребностей, труда, денег, капитала, проблемы ценообразования, конкуренции и т.д.» [цит. по: 28]. По Г. Тарду, экономическая психология «имеет дело с психологическими основами экономики или, говоря другими словами, с психологическими положениями, на которых основывается экономическая теория» [цит. по: 32, с. 11]. (К сожалению, основополагающая для экономической психологии того периода работа Г. Тарда до сих пор не переведена на русский язык.)

Если теоретические основания экономической психологии разрабатывал Г. Тард, то ее эмпирическим аспектом занимался немецкий психолог *Г. Мюнстерберг* (1863–1916), изучавший психологические основания труда и рекламной деятельности, а также организационную психологию. Его работа «Психология и экономическая жизнь» (1912) вышла и на русском языке. Психологию макроэкономической деятельности развивал в своих трудах *Дж.М. Кейнс* (1883–1946). Он ставил в прямую зависимость рост или снижение склонности к потреблению от динамики доходов населения, отмечая, что снижение склонности к потреблению происходит медленнее, чем ее рост, поскольку этот процесс тормозится воздействием на общество социально-психологических факторов [32, с. 9–10]. Среди таких факторов можно назвать традиции и привычки, для изменения которых должен пройти большой период времени.

В 1920–1930-х гг. получила развитие школа человеческих отношений американского ученого *Э. Мэйо* (1880–1949). Он работал на стыке

социологии и индустриальной психологии, а впоследствии — менеджмента; основные его идеи изложены в книгах: «Демократия и свобода» (1919), «Человеческие проблемы индустриальной цивилизации» (1933) и «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» (1945). Э. Мэйо интересовался такими проблемами, как «усталость, монотонность труда и мотивация» [15, с. 467], изучая их на практике, например, в цехах текстильных фабрик. Эти исследования он проводил вместе со своими коллегами из Гарвардского университета, в том числе в рамках известных Хоторнских экспериментов (1927–1932) на заводе *Western Electric Company* недалеко от Чикаго. Итогом данных экспериментов явилась формулировка нескольких принципов управления для любой компании; их суть такова: каждый человек является личностью со своими «уникальными нуждами, потребностями, целями и мотивами» [15, с. 468]; не следует игнорировать сложность проблем, с которыми сталкивается человек в своей жизни; эти проблемы, какой бы личный характер они ни носили, могут сказываться на производительности труда работника; в процессе работы любому человеку важно обладать эффективной информацией. Интересно, что Э. Мэйо подчеркивал решающую роль социума в реализации человеческих качеств и талантов: в плохо организованном, разобщенном обществе человек превращается в «несчастливого индивидуума» [15, с. 469].

Идеи Э. Мэйо получили развитие в работах *Д. Макгрегора*, *К. Арджириса*, *Р. Ликерта*, *Ф. Херцбергера*.

Следующий этап развития экономической психологии разворачивается в 1940–1950-е гг. в США и Франции. Представителями этого периода являются *Дж. Катона*, *П. Рейно*, *П. Альбу*.

Джордж Катона изучал реакции потребителей на экономические стимулы, «делил экономическое поведение на импульсивное и привычное и ввел понятие “подлинного”, фактического решения, которое зависит от ожиданий» [цит. по: 28]. По просьбе американского правительства Катона исследовал психологические возможности борьбы с инфляцией, вызванной Второй мировой войной; благодаря этой работе он пришел к концепции психологических принципов макроэкономики. Это открытие позволило американскому ученому разработать и применить «индекс потребительского чувства», который характеризует «психологическое состояние масс и групп людей и помогает предвидеть действия в экономике» [28]. На основании проведенных исследований он смог предсказать послевоенный экономический бум в США, в то время как эконометрические исследования, напротив, предвещали спад. *Consumer Sentiment Index* (индекс потребительского чувства) и сегодня применяется сотрудниками Мичиганского университета.

Ученый полагал, что «главная задача в использовании психологии для экономических исследований состоит... в выявлении и анализе внутренних тенденций, лежащих в основе экономических процессов и ответственных за экономические поступки, решения и выборы» [цит. по: 32, с. 12]. В свою очередь, экономические аспекты человеческого поведения также важны для психологии, поскольку их изучение позволяет расширить представление о человеческом поведении в целом.

В этот период в рамках неоклассической экономической теории господствовало понимание человеческих решений как «подлинных», т.е. основанных на полной рациональности, в то время как представители эволюционной экономики полагали, что человек ведет себя в соответствии с привычками и обычаями. В защиту позиции эволюционной экономики выступил *Дж. Катона*. Сегодня он считается основателем экономической психологии в США. Экономическая теория обязана ему такими понятиями, как «отношение к чему-либо», «настроение» и «ожидания».

Поль Рейно занимался в основном общеэкономической проблематикой и психологией предпринимательства. Свои взгляды французский экономист основывал на идеологии либерализма, предполагавшего свободу экономики от государственного вмешательства. Рейно полагал, что в капиталистической системе, какой являлась современная ему Франция, для успеха предпринимательской деятельности необходимо соблюдать основные законы: «выгоды, индивидуального риска, свободного рынка и роста через конкуренцию» [35, с. 505]. П. Альбу включал в экономическую психологию организационную и промышленную психологию, т.е. представлял экономико-психологическую реальность более многообразно и целостно: не только потребление, но и производство.

В 60–70-е гг. XX в. появились работы немецких психологов **Б. Штрюмпеля** и **Г. Шмельдερса** по психологии финансов и денег. К этому же времени относится двухфакторная теория *Ф. Херцберга*. Американский социальный психолог, представитель поведенческого подхода в индустриальной социологии, последователь А. Маслоу, он изучал проблему мотивации труда. Он выделил две основные группы факторов, влияющие на трудовое поведение людей, — гигиенические и мотивационные. К первым относятся условия труда, эти факторы не оказывают существенного влияния на трудовую деятельность человека. Напротив, мотивационные факторы, к которым относятся «достижение успеха, признание заслуг, служебное продвижение, интерес к работе, возможности для профессионального роста, ответственность» [25], оказывают определяющее воздействие как на чувство удовлетворенности работой, так и на дальнейшую трудовую активность. Каждую группу факторов

Херцберг относил или к коллективным, или к индивидуальным методам стимулирования труда, отмечая, что руководитель должен обращать внимание прежде всего на индивидуальные методы, поскольку именно с их помощью можно обеспечить людям, занятым монотонной и однообразной работой, большую степень внутренней свободы и психологического комфорта. Теория Херцберга актуальна и в наше время, когда монотонная работа перестала быть «привилегией» заводского труда и стала сопровождать нас в офисах обычных фирм.

Начало третьего этапа развития экономической психологии традиционно относят к 1980-м гг. Важной вехой этого периода является основание в 1982 г. Международной ассоциации исследований в области экономической психологии (*International Association for Research in Economic Psychology (IAREP)*) и выход *Journal of Economic Psychology*.

В 1988 г. появился первый учебник по экономической психологии на базе Тилбургского университета в Нидерландах. Авторами учебника были Ф. ван Райя, Г. Вельдховен, К.-Э. Варнерид [28].

Взаимодействие экономики и психологии в России. Элементы психологической трактовки экономической действительности и деятельности обнаруживаются и в отечественной религиозной философии XV в., в частности в произведениях Иосифа Волоцкого и Нила Сорского (участников спора о нестяжательстве). Основная тематика их размышлений касалась православного понимания труда, который определялся не только как физическая, но и как духовная работа, способствующая «укреплению плоти и разума». В XVI в. священник Сильвестр редактирует известный «Домострой», где затрагивает вопросы ведения домашнего хозяйства, планирования, жизни по средствам — словом, предлагает целый свод правил поведения в различных сферах жизни.

В 1724 г. выходит «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова (1652–1726), стоившая своему автору свободы и жизни. Основная мысль этого произведения — необходимость установления экономического равенства среди граждан монархической России. В основе социально-экономической жизни, а значит, и поведения людей И. Т. Посошков видел принципы православной нравственности; такими принципами он, в частности, считал воздержанность, скромность, бережливость [см.: 19].

С 1815 г. академик А. К. Шторх (1766–1835) читал в Санкт-Петербурге курс политической экономии, куда включал «теорию цивилизации» (знание о духовных ценностях народов). Эти лекции в 1816–1823 гг. были переведены на немецкий и французский языки. Мыслитель считал, что нематериальный капитал важен так же, как и материальный достаток, поэтому политическая экономия должна изучать не только причины богатства, но и благосостояние в целом, а оно не исчерпывается

материальным своим аспектом. Особое внимание академик уделил категории экономического интереса, трактуя ее с точки зрения гармонии интересов всех слоев населения. Он также критиковал абсолютизацию эгоистических мотивов поведения человека.

Аналогичной точки зрения на мотивы экономического поведения человека придерживался и русский экономист, профессор *Т.Ф. Степанов* (1795–1847), в 1844 г. выпустивший «Записки о политической экономии». Он писал, что свобода, а не эгоизм является важнейшим условием развития человека и государства. Другой представитель отечественной экономической науки *А.А. Бутковский* в своей книге «Опыт о народном хозяйстве, или О началах политической экономии» (1847) отмечал, что основаниями хозяйственной деятельности выступают нравственные законы [см.: 4].

В XX в. *А.В. Чаянов* (1888–1937) в работе «Организация крестьянского хозяйства» представил свои выводы относительно мотивационных механизмов в деятельности семейных крестьянских хозяйств. Он писал, что в отличие от капиталистической фирмы крестьянское хозяйство стремится не максимизировать прибыль, а удовлетворить потребности своих членов [см.: 31].

Советская экономическая психология основывалась на идеологии марксизма и выступала против психологизаторства в экономике. Ведущую роль в рамках этой науки в то время играли потребности промышленного развития, управления производством (отсюда — промышленная и инженерная психология, возникшая на Западе и получившая обоснование в работах *Ф. Тейлора*, *Д. Макгрегора*, *Г. Форда*, *Э. Мэйо*, *Ф. Херцберга*). В известном смысле слова экономическая психология в советский период своего развития переживала застойные времена; возрождению данной проблематики положил начало процесс перестройки конца 1980-х гг. У истоков новой экономической психологии стояли такие видные представители экономической науки, как *Л.И. Абалкин*, *А.Г. Аганбегян*, *Т.И. Заславская*, *В.В. Куликов*, а также психологи *А.И. Китов*, *В.Д. Лопов*, *А.В. Филишов* и др. [32, с. 13]. Акцент в исследованиях этих ученых в основном ставился на психологии производителя и производства, проблеме человеческого фактора в производстве, проблеме управления. Однако, как подчеркивает *А.А. Никитин*, «специфика... экономической психологии в отличие от психологии труда, промышленной психологии и других отраслей психологического знания, исследующих производителя, состоит в том, что она изучает производителя и потребителя в единстве. Это единство выражают категории заработной платы, цены, налогов, доходов и другие экономические категории, имеющие психологический смысл» [цит. по: 32, с. 13].

17.2. ЭКОНОМИКА И ПСИХОЛОГИЯ: РАЗЛИЧИЯ И ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Основываясь на приведенном выше экскурсе в историю психологии в целом и экономической психологии в частности, можно предложить следующую схему, демонстрирующую черты как различия, так и сходства экономики и психологии (табл. 17.1).

Таблица 17.1

Черты различия и сходства экономики и психологии

Наука		
Критерии	Экономика	Психология
Предмет	Человеческое поведение в его внешних проявлениях, среда, в которой оно осуществляется. Результат выбора, а не процесс принятия решений	Индивид, его психические феномены и поведение [1]. Внутренние состояния индивида. Процесс принятия решений, а не результат выбора
Метод	Гипотетико-дедуктивный метод, наличие <i>mainstream</i>	Индуктивный метод, эмпиризм, отсутствие <i>mainstream</i> , более спокойное отношение к аномалиям
	Плюрализм методологии и категориального аппарата, наличие множества школ	
Основания	Пограничное положение между социальным и естественно-научным знанием; существенная ориентация на методы естествознания как методологический эталон научного исследования (правда, основания такой ориентации у экономики и психологии различались); развитие экономики и психологии происходило первоначально в рамках философии	
Современное состояние	Кризис методологических предпосылок	

Источник: составлена по: [1; 10; 27].

Начало сотрудничества экономики и психологии обычно относят к концу XIX — началу XX в. Это взаимодействие было обусловлено двумя факторами — становлением психологии как самостоятельной науки и маржиналистской революцией в экономике. Вследствие последней экономическая наука обретает новый предмет — поведение индивида, его выбор и потребление, что сделает возможным непосредственное применение методов психологии в экономике. Тем не менее тесного сотрудничества двух наук сразу не получилось, и не только из-за различия подходов экономики и психологии к поведению индивида. Свою роль сыграли здесь и особенности двух дисциплин.

Основными категориями маржинализма являются полезность (посредством этой категории маржиналисты интерпретировали теорию стоимости) и равновесие как основной принцип экономической системы. Важнейшими методами экономической теории для маржиналистов были математические методы, применение которых требовало возможности формализации основных экономических показателей. Присутствие психологии в такой экономической теории было обусловлено прежде всего необходимостью обосновать поведение, максимизирующее полезность. Это обоснование маржиналисты нашли в утилитаристской психологии И. Бентама.

Маржинализм воспринял методологию позитивизма с ее стремлением к точности и объективности социальных наук по образцу наук естественных. Следствием переосмысления методологии в экономике стал отказ от рассмотрения явлений и процессов в координатах причинно-следственных связей, переход к анализу функциональных взаимосвязей. Требование формализации основных переменных экономического анализа для психологии оказалось невыполнимым; потребовалось уточнение маржиналистской модели человека. Оно шло в нескольких направлениях: а) создание новых методов и технических приемов, которые давали бы объективный научный результат, не опираясь на концепцию человеческой природы вообще (например, в рамках теории кривых безразличия, теории выявленных предпочтений П. Самуэльсона), — итогом этих разработок стала более «плоская», чисто логическая модель человека в экономике, а также элиминация из сферы экономики проблемы мотивации человеческого поведения; б) основанная на маржиналистском принципе максимизации полезности и психологии У. Джеймса теория активного, совершающего импульсивный (а не рациональный) выбор человека (Ф. Феттер); в) теория институтов Т. Веблена, согласно которой человеческое поведение управляется социокультурными инстинктами (институтами).

Понять основания взаимосвязи экономики и психологии можно, изучив такие психологические проблемы экономической науки, как: происхождение и характеристика предпочтений (в том числе их зависимость от ограничений, а также воздействие индивидов и социальных групп на предпочтения); когнитивные основания процесса сбора информации и принятия решений; соотношение поведения субъекта и его предпочтений (в частности, проблема расхождения поведения и предпочтений); «способы обучения людей на собственных ошибках»; проблема ограничений рациональности экономического субъекта [1, с. 59].

К сожалению, как отмечает В.А. Автономов, большинство перечисленных выше проблем не привлекает внимание современных

экономистов. Возможность непосредственного соприкосновения исследований в экономике и психологии ученые видят в изучении поведения фирм в рамках экономического микроанализа и бихевиористской психологии, изучающей, например, взаимодействие организма со средой сквозь призму «стимул — реакция» [1, с. 65]. С нашей точки зрения, бихевиористский подход к поведению экономических агентов является слишком узким, поскольку сосредоточен в основном на наблюдаемых явлениях, в то время как психология изучает также ненаблюдаемые феномены сознания.

Еще одной сферой взаимодействия экономики и психологии является сегодня сфера принятия решений в условиях неопределенности. Примерами сотрудничества двух дисциплин здесь служат модель ограниченной рациональности (*Г. Саймон*) и теория перспектив (*А. Тверски, Д. Канеман*); скрепляющим фундаментом этих теорий послужили «категории когнитивной и мотивационной психологии» [1, с. 59]. Именно психологическая трактовка рациональности как характеристики самого процесса принятия решений, а не его результата может способствовать формированию концепций, альтернативных традиционной модели экономического человека. Однако и модель Г. Саймона, и теория А. Тверски и Д. Канемана не смогли исключить редукцию неопределенности к ситуациям риска, в которых индивид все-таки обладает знанием альтернативных последствий своих решений и может просчитать их вероятность. Эта редукция делает возможным сохранение предпосылки о максимизации ожидаемой полезности, а значит, сохраняет традиционный смысл понятия экономической рациональности [1, с. 59].

В целом современные экономисты — представители *mainstream* возражают против анализа экономического поведения с точки зрения его психологических оснований, поскольку данный подход предполагает, что человеческое поведение скорее иррационально и непредсказуемо, а такой вывод ставит под сомнение инструментальную ценность рабочей модели человека в экономике — слишком неопределенными становятся границы той меры, которую накладывает экономист на поведение фирм, государств и показателей.

Описывая кризисную ситуацию в современной экономике, многие исследователи отмечают, что альтернативу неоклассической парадигме, в рамках которой данный кризис преодолеть невозможно, представляет институционально-эволюционная парадигма, расширяющая границы экономического анализа и опирающаяся на междисциплинарные исследования на границе экономики, социологии и психологии [27, с. 293–294]. Реализацию этой новой парадигмы ученые связывают именно с поведенческой экономикой.

Важно отметить, что на этом пути стоит избегать опасности, противоположной депсихологизации экономики. К. Поппер называет эту опасность методологическим психологизмом — сведением экономики к психологии. В модели человека эта тенденция может проявиться как чрезмерная психологизация внешних параметров модели, когда последняя строится как полностью обусловленная логикой ситуации. Как пишет В.А. Автономов, в данном случае выхолащивается не только экономическое, но и психологическое содержание модели, поскольку логика ситуации не учитывает индивидуальных мотивов экономических агентов, т.е. собственно психологического содержания экономического поведения [1, с. 65–66]. Еще одним перспективным направлением в области сотрудничества экономики и психологии, согласно В.А. Автономову, выступает социальная психология как наиболее близкая к экономической теории, поскольку ее принципы анализа можно применить к макроэкономическим феноменам [1, с. 67–68]. Отечественный исследователь подчеркивает сходство понятия аттитюда (*attitude*) — «готовность человека к определенной реакции, сформировавшейся на основе предшествующего опыта» [цит. по: 1, с. 68], как понимает этот термин Г.Г. Дилигенский, — используемого в социальной психологии, и экономического понятия предпочтений. С нашей точки зрения, это утверждение нуждается в дополнительном анализе, поскольку в экономической теории предпочтение определяется как «предрасположение к данной альтернативе в сравнении с другими в силу ее преимуществ» [21, с. 325]. Таким образом, если аттитюд складывается на основании индивидуального опыта человека, то предпочтения имеют объективную основу, зависят от характеристик альтернативы. Даже если предположить, что определение преимуществ той или иной альтернативы может зависеть также и от личного опыта человека, остается непроясненным механизм реакции как основа экономического выбора.

И психология, и экономическая наука сегодня находятся в кризисе. В психологии кризисные явления связаны прежде всего с необходимостью разработки новой методологии, которая позволила бы адекватно исследовать такую специфическую реальность, как человеческое сознание во всем многообразии его проявлений. Для изучения последнего недостаточно естественно-научной методологии, поскольку сознание человека тесно связано с социальными и культурными факторами. В экономической науке кризис господствующей парадигмы также связан с необходимостью критического осмысления методологических установок естествознания. Необходимость взаимодействия экономики и психологии вызвана не только

увеличением роли человеческого фактора в процессе познания хозяйственной реальности и осуществления хозяйственных процессов, но прежде всего тем, что человек, общество — это существенная часть предмета экономической науки, требующая особого подхода к своему анализу.

Если экономическая наука изучает хозяйственную деятельность человека, то психология изучает поведение человека в его отношении к другим людям. Это отношение также является основой экономической деятельности человека, поэтому область соприкосновения экономики и психологии — не только мотивы хозяйственного поведения, структура и сущность процесса принятия решений, но и отношение экономического агента к другим игрокам экономической действительности. В психологии существует точка зрения, согласно которой психологическое здоровье личности обеспечивается бескорыстным отношением к другим людям (а мы можем добавить — к природе и воспроизводимому миру вещей), а эгоизм является основой для возникновения неврозов. Напротив, согласно господствующей в современной экономической науке парадигме (*mainstream*) эгоизм — это наиболее существенная характеристика экономического человека, именно эгоизм лежит в основе оппортунистического поведения экономического агента. Но такое понимание природы человека делает затруднительным развитие нормативного аспекта экономической науки; напротив, психология могла бы способствовать укреплению взаимосвязи экономической теории и экономической политики, переосмыслению тех начал, на которых должна строиться последняя. Понятие нормы, ее критерии (пришедшие в психологию и экономику из биологии и физиологии), способы достижения нормального состояния, понятие идеала — в этом, по мнению Б.С. Братуся, психология может разобратся совместно с этикой [3]. Такой процесс уже происходит в рамках поведенческой экономики (Р. Талер).

Психология может объяснить причины расхождения ожиданий по поводу поведения экономических агентов, как и причины реального поведения последних. Это особенно актуально в современной экономической науке, которая, с одной стороны, чрезмерно математизирована (формализована) и в силу этого абстрактна, а с другой — по-прежнему является основанием для разработки экономической политики и набором инструментов (А. Маршалл, Дж. Робертсон) анализа экономической действительности. Следовательно, психология позволяет навести мостик между экономической теорией, экономической политикой и экономической действительностью.

17.3. МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В ПСИХОЛОГИИ. ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ЦЕЛОМ

Традиционно экономисты понимают под психологическим человеком модели, представленные в трудах Зигмунда Фрейда и Абрахама Маслоу. Это наиболее разработанные, теоретически зрелые модели человека в психологии. Более подробно познакомиться с ними можно в книге В.С. Автономова [1].

Модель психологического человека 3. Фрейда характеризуется акцентом на эмоциональной стороне человеческого поведения, когда оно обусловлено не рациональным расчетом, а психическими силами самой личности, которые неподвластны человеку и не осознаются им, вследствие чего поведение становится «противоречивым и непредсказуемым» [1, с. 55]. Такое поведение обусловлено тем, что в психике человека можно выделить три уровня: бессознательное — оно (*id*); сознание — я (*ego*); сверхсознание — сверх-я (*super-ego*) [см.29]. Бессознательное является доминирующим началом. Оно наполнено *libido* — это то, что отличает живое от неживого. Оно нематериально, но реализуется в процессах, происходящих в живой материи. В *id* также находятся влечения, заряженные либидозной энергией. Влечения соответствуют инстинктам, накопленным за время существования вида, и восходят к совокупительным стремлениям древних одноклеточных. Это прежде всего влечения, связанные с сексуальностью. Впоследствии 3. Фрейд объединяет сексуальные влечения с другими естественными влечениями, давая им название *eros* (влечение к жизни).

Сознание (*ego*) — центр человеческой психики. Оно формируется в процессе онтогенеза, т.е. в течение индивидуального развития индивида; *ego* вычленяется из *id*, однако находится в постоянной связи с ним. *Ego* — вместилище сознания, которое выделяется из *id* с помощью системы восприятия.

Благодаря принципу реальности восприятие совершает попытки обуздать влечения, идущие из *id*, путем канализации бьющей оттуда энергии. Либидозная энергия впоследствии частично перемещается в *ego*, заряжая его этой энергией и давая ему силы. Сформировавшееся *ego* отделено от *id* границей, получившей название «цензура», которая защищает сознание от вторжения бессознательного.

Сверх-я — это система запретов, включающих нормы поведения, которая держит под контролем поведение человека. Запреты не являются врожденными, но в то же время они необязательны и отрефлектированы.

Такое понимание психики человека у 3. Фрейда близко к концепции «черного ящика», распространенной в рамках современной

экономической теории. Отличие заключается в том, что в психоанализе при объяснении поведения человека невозможно не учитывать те процессы, которые протекают в сфере бессознательного. **Модель психологического человека А. Маслоу** построена как иерархия потребностей и мотиваций [см.: 16]. С точки зрения Маслоу, потребности взаимосвязаны определенным образом, составляя систему из пяти уровней; потребности не могут переходить с уровня на уровень и замещать друг друга; потребности удовлетворяются также в соответствии с определенным порядком — так, первичными потребностями являются потребности тела. Цель данной теории — объяснить мотивы человеческих действий; основным мотивом поведения человека выступает стремление к удовлетворению потребностей различного уровня; взаимодействие этих потребностей способствует формированию других мотивов нашей деятельности, однако мотивация в целом не выходит за рамки системы потребностей.

Модель А. Маслоу ближе экономистам, чем модель З. Фрейда, в частности потому, что система предпочтений в этой модели понимается как неизменная. Но невозможность заменять одни потребности другими выводит модель Маслоу из поля интересов экономической науки.

Существует также и более широкая типология моделей психологического человека; в рамках этой типологии выделяют следующие модели человека.

1. Ощущающий человек. Эта модель восходит к пониманию человека в рамках механистического, наивно-материалистического мировоззрения эпохи Просвещения. Примером такой модели может служить «ощущающая статуя» Э.Б. де Кондильяка. Основные характеристики ощущающего человека: а) ощущение есть источник всего нашего знания; б) все развитие человека зависит от опыта, формируемого в процессе воспитания и столкновения с внешними обстоятельствами; в) привычки вырабатываются практическим использованием наших органов чувств; г) основа желания — приятные и неприятные ощущения и память о них; д) ощущая, человек пассивен, поскольку причина ощущений находится вне него; е) вспоминая, человек активен, так как причина воспоминания — в самом человеке; ж) сознание возникает благодаря изменениям, происходящим в органах тела, — причина последних находится во внешнем мире. Модель ощущающего человека послужила основой для формирования психологии сознания; сегодня некоторые положения этой концепции используются также в когнитивной психологии.

2. Потребляющий человек — данную модель принято соотносить как с учением З. Фрейда, так и с «пирамидой Маслоу». Человек потребляющий есть «нуждающийся человек как система инстинктов и

потребностей» [33]. Человек понимается как субъект, стремящийся к удовлетворению своих потребностей (сексуальных, информационных и проч.); при этом он находится в конфликте с самим собой и окружающим миром (обществом). Однако в теории З. Фрейда в случае невозможности прямого удовлетворения потребностей начинает действовать психологический механизм сублимации как перенаправления, в частности, сексуальной энергии на цели созидания. Эта модель активно используется в индивидуальной и аналитической психологии, а также в неопсихоанализе. Такой взгляд на человека близок и экономической науке, но потребности в ней понимаются иначе.

3. Запрограммированный человек — используется в бихевиоризме и необихевиоризме. Это пассивный субъект, действия которого являются механической реакцией на стимулы или реализуют усвоенные ранее «ролевые программы и сценарии жизни» [33].

4. Деятельностный человек. Модель предполагает активность субъекта, обладающего свободой и ответственностью, в рамках которых он совершает выбор, имеющий определенную цель. Важно, что в действиях такого человека реализуется тот или иной образ жизни, характеризующийся системой смыслов и ценностей. Используется, в частности, в гуманистическом социальном психоанализе. В экономической науке деятельностный подход также востребован. Трудности вызывает необходимость учитывать ценностные ориентиры человека в качестве предпосылки его поведения.

5. Социализированный человек. Модель, по сути, уточняет модель деятельностного человека. Применяется в социальной психологии, этнопсихологии, исторической психологии. Человек в этой модели рассматривается сквозь призму процессов социализации; человеческое поведение здесь обусловлено «нормами, ценностями, ролями, церемониями» [33]. Человеческая деятельность есть деятельность совместно с другими людьми; только через так понимаемую деятельность человек становится личностью. Например, в работе Э. Фромма «Иметь или быть?» ученый вводит понятие социального характера, отражающее «взаимосвязь между характером среднего индивида и социально-экономической структурой общества» [30]. С точки зрения влияния общества на индивида социальный характер воплощает в себе совпадение индивидуальных желаний и того, что в данном обществе считается должным; обратная зависимость (влияние социального характера на общество) выражается, по словам Э. Фромма, в том, что социальный характер может либо цементировать, либо взрывать существующий социально-экономический порядок. Взаимовлияние человека и общества делает сомнительными такие крайности социальных

теорий, как убежденность в достаточности коренных перемен либо в строе общества, либо в человеческом сознании (природе) [30].

Сформулируем основные черты модели психологического человека в целом:

- 1) в зависимости от школы или направления в психологии выделяют различные основополагающие принципы человеческого поведения: стимулирование определенных реакций; социальные нормы и роли; систему ценностей; необходимость удовлетворения потребностей; особенности обработки информации индивидом и проч.;
- 2) для психологии большее значение имеют индивидуальные особенности поведения человека; в свою очередь, эти особенности могут зависеть как от внутренних (потребности, инстинкты, неосознанные мотивы, ценности), так и от внешних (социальная среда) факторов;
- 3) изменчивость человеческих предпочтений под влиянием внешних ограничений;
- 4) человек понимает и объясняет мир по-разному в зависимости от своего положения в мире и отношений с миром;
- 5) выбор, совершаемый человеком, зависит от меняющихся факторов, таких как состояние среды, время, внутреннее состояние индивида, смена предпочтений или социальных ролей и проч.;
- 6) поведение человека во многом определяется его внутренним опытом — теми психологическими феноменами, которые даны человеку как его индивидуальное сознание (а социальной группе — как сознание социальное, групповое, общественное) во всем разнообразии его проявлений — в виде процесса представления, переживания и понятийного мышления [17].

Психологического человека, таким образом, можно определить как субъекта многообразной индивидуальной и социальной деятельности, которая строится на основании и с учетом данных нам в нашем внутреннем (индивидуальном и социальном) опыте психических феноменов — представлений, душевных переживаний, мышления. В этом смысле психологический человек есть представляющий, переживающий, мыслящий человек.

Для сравнения приведем также характеристики модели человека в экономике (в частности, в неоклассической экономической теории):

- 1) поведение человека рационально;
- 2) предпочтения индивида постоянны (неизменны) и выстроены иерархически, однако могут заменять друг друга;
- 3) индивид стремится реализовать свои потребности и предпочтения наилучшим способом;

- 4) нормы выполняют роль внешних ограничителей, а не внутренних принципов;
- 5) внимание экономистов направлено на поведение экономических показателей, а не на индивидуальные особенности поведения экономических агентов. В этом смысле модель экономического человека является инструментом для «объяснения логики рыночных и социальных структур» [1, с. 64];
- 6) экономисты используют различные допущения в анализе поведения экономических агентов, например «о виде функции полезности... о способе формирования ожиданий, о том, на какие факты люди обращают внимание, а на какие нет» [1, с. 65];
- 7) реалистичность гипотезы о поведении индивида не так важна, как в психологии;
- 8) экономический человек познает мир единообразно и так же формирует свои ожидания. Эти параметры заданы экзогенно.

Подводя итог сравнению моделей человека в двух науках, отметим, что, изучая один и тот же объект — поведение человека, экономика и психология рассматривают его с разных предметных и методологических позиций. Так, психология более реалистично и комплексно подходит к анализу поведения человека не в последнюю очередь потому, что рассматривает его как биосоциальное существо, не считая этот аспект человеческой природы данностью (в отличие от экономики). Этим вызвано использование в психологии таких методов естествознания, как наблюдение и эксперимент. В экономике эксперимент затруднен в силу специфики ее предмета. Общим для психологии и экономики является метод моделирования, однако математический вариант данного метода должен быть подвержен критике в обеих дисциплинах. В целом можно сказать, что для психологии поведение человека является частью предмета, а для экономики — в основном частью метода.

17.4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

В ситуации методологической значимости междисциплинарных исследований в области социальных наук сотрудничество экономической науки и психологии следует понимать как серьезный шаг в развитии такого рода исследований. Долгое время экономика изучала поведение индивида, игнорируя его психологические особенности, в то время как психология с интересом присматривалась к другим, не только социально-гуманитарным дисциплинам (например, инженерная психология).

Сегодня экономическая наука, переживающая кризис своих методологических предпосылок, может найти в психологии основания для пересмотра как предмета, так и метода экономики, в частности проблемы экономического человека. Так, О.С. Сухарев отмечает важность психологии для институционального анализа, управления экономическими системами, разработки экономической политики, создания моделей поведения человека. Он приводит интересный пример новой междисциплинарной концепции — экотехнологии, в рамках которой решается проблема «интеграции новой технологии с культурой» [26, с. 227], в том числе на основе изучения общественной психологии.

Основной категорией в сфере взаимодействия экономики и психологии является категория **экономического сознания**, понимаемого как способ существования знания о хозяйственной реальности. Понятие сознания в философии трактуется достаточно широко и связывается с категорией материи. Здесь можно выделить две позиции — идеалистическую и материалистическую. Согласно первой точке зрения сознание является самостоятельным началом, первичным по отношению к материи; материалистические теории понимают сознание как свойство высокоорганизованной материи — человеческого мозга.

В отличие от философского, более широкого понимания сознания в психологии последнее трактуется не только как часть психики, высшая ступень ее развития, но и, что является более качественным определением, как внутренняя, системно организованная модель внешнего мира и самого человека. Эта модель представлена в таких своих структурных составляющих, как психические процессы и феномены (представление, переживание, мышление), уровни психики (сознание, индивидуальное и коллективное бессознательное). На уровне общества сознание существует в следующих основных формах — философия, религия, художественное творчество, наука, идеология, политика, правосознание, экономика. На динамику форм общественного сознания влияют все процессы, происходящие в обществе, поскольку формы общественного сознания тесно взаимосвязаны. Категория экономического сознания связана с понятием **экономического поведения**, определяемого как «образ, способ, характер экономических действий граждан, работников, руководителей, производственных коллективов в тех или иных складывающихся условиях экономической деятельности, жизни» [21, с. 311].

Одним из первых ученых, обративших внимание на психологические основания экономического поведения, был немецкий мыслитель **Макс Вебер** (1864—1920), последователь немецкой исторической школы в экономике. Вебер изучал психологические основания того поведения,

которое считается свойственным капитализму и капиталистам, но распространено широко помимо этого явления. Он назвал капиталистическим «такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, т.е. мирного (формально) приобретательства» [6, с. 48]. Разные типы капитализма существовали и ранее, и в других, не западных странах, но на Западе сформировалась особая форма капитализма — «рациональная капиталистическая организация свободного (формально) труда» [6, с. 51].

Капиталистическую рациональность Вебер понимал в ее связи с идеалом научности, принятым в западном естествознании; основными принципами данного идеала выступают математическое обоснование и экспериментальная проверяемость теории. Анализируя экономическую рациональность, Вебер отмечал ее зависимость от «способности и предрасположенности людей к определенным видам практически-рационального жизненного поведения и мышления» [6, с. 55–56]. Такую предрасположенность в случае капитализма, по мнению Вебера, сформировал на Западе протестантизм, этику которого мыслитель характеризует как рациональную. Именно религиозные учения (а не национальный характер, который мог и не быть единым для жителей одной страны) являются основой для формирования нового мышления (но не хозяйственного строя). Эта позиция критикуется другим исследователем проблематики генезиса капитализма В. Зомбартом. Немецкий ученый полагал, что религия (протестантизм в данном случае) является лишь одним из проявлений «духа капитализма» [8, с. 5–6, 311–323]. Особенности психического склада, сформировавшегося под влиянием в основном религиозного воспитания, обуславливают выбор профессии. Вебер делает парадоксальное заключение, прямо связывая мировоззрение религиозного аскетизма и профессию предпринимателя. Эта связь реализуется в принципах определенного этоса, иллюстрацией которого выступает у Вебера фигура Бенджамина Франклина. Последний стоял на позициях психологии утилитаризма, считая добродетелями только полезные качества. При этом прибыль «в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к “счастью” или “пользе” отдельного человека. Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни» [6, с. 75].

Этот нормативный в данной системе вид поведения является фактически мироощущением определенного слоя людей. Вебер так характеризует этот тип людей: «не отважные и беспринципные спекулянты или

авантюристы... не обладатели “больших денег”, а люди, прошедшие суровую жизненную школу, осмотрительные и решительные одновременно, люди сдержанные, умеренные и упорные по своей природе, полностью преданные своему делу, со строго буржуазными воззрениями и “принципами» [6, с. 89]. В противоположность капиталистическому, Вебер выделяет традиционалистское поведение, понимаемое в духе аристотелевской трактовки экономики.

Следует отметить, что, по Веберу, современный капитализм существует без этической поддержки протестантизма или любой другой религии; в сущности, он живет и развивается вне целостного мировоззрения и соотносится теперь с «интересами торговой или социальной политики» [6, с. 91].

Интересны также рассуждения М. Вебера об аффективном типе социального действия. Такого рода действия обусловлены исключительно душевным состоянием или настроением индивида. Будучи неосознанным, аффективное действие не является поэтому рациональным; если же аффективное действие осознается, по мнению М. Вебера, речь идет о сублимации (творческого акта) [5]. В психологии аффективное поведение также связывается с эмоциональным состоянием человека. В экономике аффективное действие может учитываться в теориях потребительского выбора и принятия решений.

Примером современного взаимодействия экономики и психологии сегодня являются экономическая психология и поведенческая экономика.

Дисциплинарный статус **экономической психологии** в научной литературе определяется по-разному. Как пишет О.С. Посыпанова, экономическая психология является одной из прикладных отраслей социальной психологии [20]. Она занимается анализом психологических факторов, влияющих на процесс принятия решений и экономический выбор. Согласно И.В. Троицкой, современная экономическая психология развивается как на микро-, так и на макроуровне: во-первых, она изучает «поведение потребителя на микроэкономическом уровне деятельности — индивидум, домашнее хозяйство, фирма» [28], а во-вторых, предметом экономической психологии являются «агрегированные экономические явления — деньги, налоги, инфляция, безработица, бедность, богатство» [28]. Кроме того, экономическая психология изучает «психологические установки, стереотипы экономического мышления людей, семей, социальных групп и слоев населения, оказывающие значительное влияние на восприятие ими экономической действительности и экономическое поведение» [21, с. 495].

Наиболее общим является понимание экономической психологии как науки, «занимающейся исследованием поведения людей в условиях

экономических отношений, т.е. в условиях производства, распределения, обмена, потребления, владения и управления» [32, с. 5]. Поскольку предметом данной науки являются как индивиды, так и социальные группы, экономическая психология тесно связана с экономической социологией, что способствует расширению пространства междисциплинарного взаимодействия всех трех наук.

Другое направление взаимодействия экономики и психологии — это **поведенческая (бихевиористская) экономика** — более узкая, чем экономическая психология, отрасль экономического знания, изучающая психологические предпосылки экономического поведения человека с целью более точного описания данного поведения на основе концепций ограниченной рациональности и неопределенности как преимущественного контекста процесса принятия решений.

Сформировавшееся в 1970-х гг., данное направление является одновременно продолжением и теоретической основой экспериментальной экономики. При выяснении истоков поведенческой экономики мы сталкиваемся с определенного рода парадоксом: называемая бихевиористской поведенческая экономика не имеет отношения к известному в психологии направлению — бихевиоризму, но связана скорее с когнитивной психологией [10]. Как пишет Р.И. Капелюшников, если бихевиоризм считал предметом психологии только наблюдаемое поведение, то поведенческая экономика изучает «влияние различных ментальных (а значит, непосредственно ненаблюдаемых) состояний, испытываемых индивидами, на принимаемые ими решения» [10]. Когнитивная психология (*Д. Миллер, У. Найссер*), возникшая в 1960-х гг., пусть и связана с бихевиоризмом некоторыми категориями (например, понятием реакции), однако противостоит ему в определении предмета психологии, которым считает сознание и его составляющие¹. Этим составляющим в когнитивной психологии придается равное с внешними стимулами значение в определении развития психики человека. Наряду с этим естественно-научный подход к анализу психики сохраняется и даже усиливается в рамках аналогии человеческой психики с компьютером, в связи с чем основными когнитивными процессами считаются процессы обработки информации. Отмечая такие плюсы метода когнитивной психологии, как объективность, достигаемая за счет «точности

¹ Бихевиористы отрицали возможность изучения сознания методами позитивной психологии. Поведение в рамках бихевиоризма рассматривалось с точки зрения его социогенетической обусловленности, т.е. в зависимости от социальной среды. Базисными элементами психики считались простейшие рефлексы (например, хватательный), а процесс развития психики отождествлялся с научением [14, с. 297] и основывался на положениях теории эволюции.

и конкретности полученных данных» [14, с. 409], Т.Д. Марцинковская указывает и на недостаток данного метода, заключающийся в упрощенном подходе к определению человеческой психики.

Интересно, что в то же самое время — в 1960–1970-х гг. — возникает популярное сегодня, паранаучное по своей сути направление (точнее, практика) в психологии и психиатрии — нейролингвистическое программирование (НЛП). Методы НЛП активно используются в экономике, образовании, спорте и других сферах человеческой деятельности для манипуляции поведением человека. Междисциплинарное по происхождению нейролингвистическое программирование ориентировано не на достижение истины, а на осуществление максимально эффективного сценария поведения, что позволяет говорить об экономической (в широком смысле слова) ангажированности данной практики. Интересный современный научный вариант такого рода исследований развивается в нейроэкономике на стыке экономики, психологии и нейробиологии. Предметом нейроэкономике в том числе является влияние «рекламы, пропаганды, слов и поступков других людей» [12] на поведение человека и принятие им решений. Основа нейроэкономических исследований — биологические представления об эволюции человеческого поведения.

Кроме когнитивной психологии, на оформление поведенческой экономики определенное влияние оказали работы Г. Саймона и Дж. Катона (последний является автором термина «поведенческая экономика»). Напомним, что Г. Саймон ввел в экономическую теорию понятие ограниченной рациональности; и Саймон, и Катона акцентировали внимание экономистов на анализе поведения и эмпирической проверке такого рода теорий. Они полагали, что экономическая наука должна ориентироваться на практическое применение своих теорий в социально-экономической и политической жизни общества [10].

Идеи поведенческой экономики нашли отклик в неоклассической теории во всем разнообразии ее школ. Среди отличительных особенностей данного направления Р.И. Капелюшников называет следующие: а) использование экспериментальных методов, а также категорий психологии; б) трактовка человеческого поведения в целом и его когнитивных способностей как ограниченно рациональных или иррациональных; в) сочетание позитивного и нормативного аспектов экономической науки, обоснование государственного вмешательства в экономику и даже частную жизнь человека; г) изучение процесса принятия решений в условиях неопределенности [10].

Основными представителями поведенческой экономики являются *Д. Канеман, А. Тверски, К. Саншитайн, Р. Талер*; ее идеи также разделяют *Дж. Акерлоф, А. Шляйфер, Д. Ариели* и др.

Авторскую теорию взаимодействия экономики и психологии предложил в своей работе «Психологические основы экономического поведения» *Ю.Я. Ольсевич*. В качестве психологического основания данной теории ученый использовал концепцию психогеномики В.З. Тарантула, выявляющую взаимосвязь генов и поведения. Как отмечает Ю.В. Ольсевич, «социально-экономическая эволюция и современное общество есть результат развертывания во времени и пространстве генетических основ человеческой психики» [7, с. 149]. Ученый предлагает выделить три группы потребностей и инстинктов: индивидуалистические (выживание индивида), социэтарные (выживание рода), развивающие. В зависимости от преобладания тех или иных инстинктов можно говорить о нескольких типах капиталистов-предпринимателей: хищник, новатор, рутинер, оппортунист. От того, какой психотип предпринимателя господствует на данном историческом этапе развития нации, зависит характер этого развития; оно прогрессивно, если доминирует тип новатора. В то же время для нормального функционирования неформальных и формальных институтов необходимо взаимодействие экономических агентов с разным типом психики. Психогенетические различия экономических агентов обуславливают относительность равновесия рыночной системы.

Перспективность исследований на границе экономики и психологии трудно переоценить: в таких исследованиях осуществляется работа по созданию целостной, социоэкономико-психологической модели человека. Новая модель может способствовать появлению более реалистичных экономических и социальных прогнозов, а также созданию обстоятельных и всесторонних теорий в области антропологических исследований на стыке экономики, социологии, психологии и философии. Примером эффективной работы на стыке экономики и психологии является научная деятельность лауреата Нобелевской премии 2013 г. *Роберта Джеймса Шиллера*. Используя методологический и понятийный аппарат поведенческой экономики, социологии и эконометрики, американский экономист изучает такие проблемы, как критика рациональных ожиданий, избыточная волатильность (изменчивость цен), динамика и структура финансовых рынков, «кризисы и ценовые пузыри на финансовых рынках». Область исследований, в которой работает ученый, получила название поведенческих финансов [22, с. 188]. Основным трудом Р. Шиллера является книга «Иррациональный оптимизм» (2009), переведенная на русский язык в 2013 г. Известна также другая работа Р. Шиллера, написанная в соавторстве с одним из основателей поведенческой экономики *Дж. Акерлофом* — «*Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это

важно для мирового капитализма» (2009). Исследуя происходящие на финансовых рынках процессы, американский экономист пришел к выводу о том, что на поведение экономических агентов влияют так называемые моды и общественные предубеждения; интересно, что аналогичное влияние эти социальные феномены имеют и на экономистов-теоретиков, которые склонны защищать свои научные гипотезы в силу определенных нерациональных факторов [22, с. 196].

В 2017 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена другому представителю поведенческой экономики, коллеге Р. Шиллера — **Ричарду Талеру**, основателю теории поведенческих финансов. С точки зрения Талера, человек не является ни полностью рациональным, ни совершенно иррациональным существом; но поскольку люди не всегда способны принимать верные решения, государство может «подтолкнуть» их к более выигрышному поведению. Концепция *nudge* (подталкивания) была принята на вооружение правительством Великобритании, президентом США Барак Обамой и некоторыми компаниями в Силиконовой долине; однако концепция вызывает ряд критических замечаний, в частности, со стороны противников социальной инженерии [37].

17.5. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЭФФЕКТЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В заключение главы обратимся к психологическим предпосылкам и эффектам, используемым в экономической теории. Первая из них — это **оппортунистическое поведение**: «поведение участника экономических отношений, направленное на одностороннее получение преимуществ за счет другого (других) участников этих отношений» [23]. Подробнее об этом типе поведения можно прочесть в гл. 17.

Оппортунизму обычно противопоставляется **альтруизм** — поведение, чьей целью являются интересы другого человека; бескорыстное поведение.

Вторая психологическая предпосылка экономической трактовки поведения человека получила название **эффект якоря (эффект привязки)**. Это психологический феномен, оказывающий влияние на принятие решений; наличие данного феномена можно констатировать в случае, когда, при оценке вероятности того или иного события, человек ориентируется на ту оценку, которую предлагает ему «эксперт». Данный эффект используется в маркетинге. С этим эффектом можно связать и сформулированный Р. Талером эффект владения, означающий, что люди больше ценят то, чем владеют.

Третий психологический эффект в экономике — это **демонстративное поведение**: «выразительные действия и поступки, в которых прослеживается целенаправленное желание привлечь внимание к себе, невзирая на потребности окружающих» [33]. Такое поведение в большей или меньшей степени присуще каждому человеку; обычно различают демонстративное поведение в рамках нормы и за ее пределами. Можно говорить о сходстве демонстративного поведения и оппортунистического поведения, но отождествлять их не стоит, поскольку оппортунизм чаще всего не предполагает «свидетелей». В экономической теории демонстративное поведение получило название «эффект Веблена» по имени американского экономиста, писавшего об этом типе поведения.

В научной литературе также существует понятие «эффект Дидро», который заключается в том, что приобретение любого предмета может породить стратегию поиска соответствия между окружающими предметами и создать бесконечный поток потребления. Попадая в этот поток, люди устойчиво заменяют объекты, поскольку каждое новое приобретение будет требовать внесения изменений в окружающую реальность из-за постоянного несоответствия объектов друг другу.

Феномен незнания — еще один интересный психологический феномен, описываемый в психологической литературе, в частности, как эффект Даннинга — Крюгера. **Дэвид Даннинг** и **Джастин Крюгер** обратили внимание на взаимосвязь незнания и психологического состояния уверенности, проиллюстрировав эту зависимость на примере принятия решений некомпетентными людьми [см.: 36]. На ряде экспериментов ученые показали, что в процессе принятия решений люди, чья компетенция в вопросе ниже среднего, обычно проявляют большую уверенность в своих действиях, но принимаемые ими решения чаще являются ошибочными. При этом такой человек далеко не всегда способен осознать ошибочность своего решения. Справедливость утверждения о существовании строгой зависимости между некомпетентностью (незнанием) и поведением человека, на наш взгляд, относительна, поскольку такое утверждение не учитывает индивидуальных психологических особенностей человека — например, способности к самокритике, но в целом описанный Даннингом и Крюгером эффект имеет существенное значение, например, для процесса отбора топ-менеджеров компании, специалистов, которые должны уметь принимать компетентные и ответственные решения в короткие сроки.

Наконец, последняя психологическая предпосылка, о которой следует упомянуть, это **эффект контекста** — «если предъявлению слова предшествует семантически связанный с ним материал (картинка, предложение, изолированное слово), восприятие этого слова облегчается» [11,

с. 147]. В экономике (в частности, в интернет-маркетинге) используется *контекстная реклама*, появляющаяся на сайтах, представляющих интерес для определенного потребителя, в виде текста или ролика с возможностью получения более подробной информации о товаре при нажатии на гиперссылку. Такая реклама строится на выявлении предпочтений потребителя на основании ключевых слов, с помощью которых потребитель осуществляет поиск нужной ему информации в интернете.

Одной из интересных теорий на стыке психологии и экономики является теория рефлексивности американского финансиста **Дж. Сороса**. Эту теорию он изложил в книге «Алхимия финансов» (1988), посвященной проблемам технического анализа в области финансов. Основная идея Сороса заключается в утверждении «взаимосвязи между мышлением участников и ситуаций, в которой они участвуют» [24]. Взаимодействие ситуации и взглядов ее участников (или фактов и их восприятия) Дж. Сорос и называет рефлексивностью. Данная теория, по мнению ее автора, «показывает, как складывающиеся котировки могут повлиять на реальную ценность» [24], поскольку любые изменения на финансовых рынках воспринимаются по-разному разными экономическими агентами, участвующими в ситуации, что естественно влечет за собой изменения в представлении, например, о ценности тех или иных ценных бумаг.

Выводы

1. Экономика и психология — науки, необходимость сотрудничества которых определена общностью их объекта (человек и общество), а также историей обеих наук. Однако расхождение в предметной области данных наук привело к разрыву этих дисциплин.
2. Сотрудничество двух дисциплин осуществляется сегодня на основе двух междисциплинарных направлений исследований — экономической психологии и поведенческой экономики.
3. В основе взаимосвязи экономики и психологии лежат разработки в области модели человеческого поведения. Психология помогает экономике создать более реалистичную модель экономического человека, поскольку имеет дело с биологическими, а значит, объективными предпосылками поведения человека, а также изучает обуславливающие это поведение различные психологические закономерности и эффекты. Экономика дает психологии богатый материал для изучения человеческого поведения в сфере хозяйствования.

КЕЙС. Компании *Snack Inc.* необходимо повысить продажи своего основного продукта — мюсли *Snack Break*. Для этого нужно провести маркетинговое исследование влияния рекламы на поведение потребителей. В исследовании принимают участие три команды маркетологов. Одна команда поместила в магазине рядом со стеллажом, на котором выставлены мюсли, плакат с текстом: «Купи три батончика, порадуешь домашних». Другая команда встроила стеллаж с мюсли в рисованные декорации спортивного зала. Третья команда наклеила на стеллажи с мюсли яркие ярлычки, оповещающие потенциальных покупателей о скидке на товар.

1. Определите, какие эффекты использовала каждая команда в своем исследовании.
 2. Как вы думаете, на какой тип потребителя рассчитывает каждая из команд?
 3. Опишите возможный процесс принятия решений для каждого типа потребителя.
-

Проблемный блок

1. Поведение человека в условиях действия эффекта контекста.
2. Оппортунизм и альтруизм: возможно ли сосуществование?
3. Предпосылки демонстративного поведения.
4. Роль незнания в психологической модели человека.
5. Возможность построения универсальной модели психологического человека.
6. Научный статус поведенческой экономики.
7. Взаимоотношения поведенческой и экспериментальной экономики.
8. Роль поведенческой экономики в решении проблем антимонопольного регулирования.

Приложение 17.1

Даниэль Канеман, Амос Тверски о двух подходах к изучению процесса принятия решений: «Принятие решений является, возможно, одним из основных видов деятельности, характерных для живых существ. Поэтому попытка понять, объяснить и предсказать поведение делающего выбор индивида стала главной задачей поведенческих и социальных наук. Действительно, экономическая теория, психология, социология и политические науки имеют дело с решениями, принимаемыми покупателями, пациентами, избирателями и государственными деятелями. При изучении решений

возникают как нормативные вопросы, так и задачи описания процессов. Нормативный анализ используется при исследовании природы рациональности и логики процесса принятия решений. Описательный анализ, напротив, рассматривает человеческие убеждения и предпочтения таковыми, какие они есть в реальности, а не какими они должны быть. Конфликт между нормативным и описательным взглядами определяет многое в исследованиях решений и выбора» [9, с. 31].

Иеремия Бентам о двух силах, управляющих человеком: «Природа поместила человечество под власть двух верховных правителей, боли и удовольствия. Лишь они указывают нам, что следует делать, а также определяют то, что мы должны делать. С одной стороны — мера правильного и неправильного, с другой — цепь причин и следствий, и обе они укрепляют трон этих правителей. Последние управляют нами во всех наших поступках, словах и мыслях: каждое усилие, совершаемое нами для освобождения от этой власти, служит лишь демонстрацией и подтверждением нашего подчинения. На словах человек может притворяться, будто он не является подданным империи этих двух сил, но в реальности он остается подчиненным им все время. Принцип полезности признает это подчинение и принимает его в качестве основы той системы, чья цель — плести ткань счастья с помощью разума и закона. Другие системы могут ставить все это под сомнение, но в таком случае они будут иметь дело с догадками вместо смысла, с капризом вместо разума, с тьмой вместо света» [цит. по: 33].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке [Текст] / В.С. Автономов // Автономов В.С. В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки / под ред. Е.А. Рязанцевой. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. — С. 39–244.
2. *Аристотель.* Политика [Электронный ресурс] / Аристотель // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1983. — С. 376–644. — URL: <http://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=5703>
3. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии [Электронный ресурс] / Б.С. Братусь // Вопросы философии. — 1997. — № 5. — URL: http://psylib.ukrweb.net/books/_bratu01.htm
4. *Бутовский А.И.* Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии [Текст] / А.И. Бутовский. — СПб.: Типография Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1847. — Т. 1. — 567 с.

5. Вебер М. Основные социологические понятия [Электронный ресурс] / М. Вебер // Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. — М., 1996. — С. 455—491. — URL: <http://www.gumer.info/>
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
7. Гловели Г. Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения [Текст] / Г. Гловели // Вопросы экономики. — 2010. — № 6. — С. 149—151.
8. Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека [Текст] / В. Зомбарт // Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. — СПб.: Владимир Даль, 2005. — 637 с.
9. Канеман Д. Рациональный выбор, ценности и фреймы [Текст] / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. № 4. — С. 31—42.
10. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I [Текст] / Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2013. — № 9. — С. 66—90.
11. Каптелинин В.Н. Экспериментальные исследования зрительного восприятия слов [Текст] / В.Н. Каптелинин // Вопросы психологии. — 1983. — № 1. — С. 147—152.
12. Константинов А. Кто боится нейроэкономики? [Текст] / А. Константинов // Русский репортер. — 2013. — № 18—19. — URL: <http://rusrep.ru/article/2013/05/15/neiro>
13. Ксенофонт. Домострой [Текст] / Ксенофонт // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. — М.: Наука, 1993. — С. 197—262.
14. Марцинковская Т.Д. История психологии [Текст] / Т.Д. Марцинковская. — 4-е изд., стереотип. — М.: ИЦ «Академия», 2004. — 544 с.
15. Маршев Б. История управленческой мысли [Текст]: учебник / Б. Маршев. — М.: ИНФРА-М, 2012.
16. Маслоу А. Мотивация и личность [Электронный ресурс] / А. Маслоу. — СПб.: Евразия, 1999. — URL: <http://psylib.org.ua/books/masla01/index.htm>
17. Молчанов В. Две лекции о Брентано [Электронный ресурс] / В. Молчанов. — URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_01/04.htm
18. Платон. Государство [Текст] / Платон // Платон. Сочинения в 4 т. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. — С. 97—493.
19. Посошков И.Т. Книга о богатстве и другие сочинения [Текст] / И.П. Посошков. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. — С. 11—244.
20. Посыпанова О.С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей [Текст]: монография / О.С. Посыпанова. — Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. — 296 с.
21. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь [Текст] / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2011.

22. Румянцев Н.А. Научные достижения Р. Дж. Шиллера (лауреата Нобелевской премии по экономике 2013 г.) [Текст] / Н.А. Румянцев // Нобелевские лауреаты по экономике в XXI веке: Д. Канеман (2002 г.), Р. Ауманн (2005 г.), К. Писсаридес (2010 г.), Ю. Фама (2013 г.), Р. Шиллер (2013 г.) / под ред. А.Г. Худокормова. — М.: ИНФРА-М, 2017. — 207 с.
23. Словарь основных понятий стратегического планирования [Электронный ресурс] / под общ. ред. Г.Б. Клейнера. М.: КОНСЭКО, 2002. — URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/89>
24. Сорос Дж. Алхимия финансов [Электронный ресурс] / Дж. Сорос. — М.: ИНФРА-М, 2001. — URL: http://reflectthinking.ru/wp-content/uploads/2014/11/alhimia_finansov.pdf
25. Социология управления [Текст]: учебник / под ред. В.И. Башмакова, В.Н. Князева, Р.В. Ленкова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2014. — 409 с.
26. Сухарев О.С. Методология и возможности экономической науки [Текст]: монография / О.С. Сухарев. — М.: КУРС: ИНФРА-М, 2016. — 368с.
27. Сухарев О.С. Экономическая психология как фундамент современной экономической науки [Текст] / О.С. Сухарев // Экономическая психология в современном мире: сборник научных статей / отв. ред. д. пс. н. А.Н. Лебедев. — М.: Экон-информ, 2012. — С. 291–327.
28. Троицкая И.В. Психология предпринимательской деятельности и основы экономической психологии [Электронный ресурс]: курс лекций / И.В. Троицкая. — URL: <http://eclib.net/50/>
29. Фрейд З. «Я» и «ОНО». Труды разных лет. Книга 1 [Электронный ресурс] / З. Фрейд. — Тбилиси: Мерани, 1991. — С. 351–392. — URL: <https://freudproject.ru/?p=1115>
30. Фромм Э. Иметь или быть? [Текст] / Э. Фромм // Фромм Э. Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? — Киев, Ника-Центр, 1998. — С.189–389.
31. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства [Текст] / А.В. Чаянов // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. — М.: Экономика, 1989. — С. 194–491.
32. Экономическая психология [Текст]: учеб.-метод. пособие / сост. А.А. Никитин; Перм. гос.ун-т. — Пермь, 2009. — 130 с.
33. Психологос. Энциклопедия практической психологии [Электронный ресурс]. 2020. — URL: <http://www.psychologos.ru>
34. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation [Electronic resource] / J. Bentham. — Oxford: Clarendon Press, 1907. — URL: <http://www.econlib.org>
35. Imlay T.C. Paul Reynaud & France's Response to Nazi Germany, 1938–1940 [Text] / T.C. Imlay // French Historical Studies. — 2003. — Summer. — Vol. 26. — No. 3 — P. 497–538.
36. Kruger J. Unskilled and unaware of it: How difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments [Text] / J. Kruger, D. Dunning // Journal of Personality and Social Psychology. — 1999. — Dec. — Vol. 77(6). — P. 1121–1134.

37. *Tapson M.* The soft totalitarianism of nudging [Electronic resource]. 13.08.2013. — URL: <https://archives.frontpagemag.com/fpm/soft-totalitarianism-nudging-mark-tapson/>

Дополнительная литература

Акерлоф Дж. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма [Текст] / Дж. Акерлоф, Р. Шиллер. — М.: Юнайтед Пресс, 2010. — 273 с.

Ариели Д. Поведенческая экономика [Текст] / Д. Ариели. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 296 с.

Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избр. произв. [Текст]: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

Лукьяненко В.И. Homo consumens — человек потребляющий [Текст] / В.И. Лукьяненко, М.В. Хабаров, А.В. Лукьяненко // Век глобализации. — 2009. — № 2. — С. 149–159.

Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения [Текст] / Ю.Я. Ольсевич. — М.: ИНФРА-М, 2014. — 413 с.

Павлов И.А. Поведенческая экономическая теория — позитивный подход к исследованию человеческого поведения [Текст]: науч. доклад / И.А. Павлов. — М.: ИЭ РАН, 2007. — 62 с.

Сверчков Р. Эффективность финансовых рынков (Нобелевская премия по экономике 2013 года) [Текст] / Р. Сверчков, К. Сонин // Вопросы экономики. — 2014. — № 1. — С. 4–21.

Теплых Д.А. Концепции предметности психологии в контексте типов научной рациональности [Текст] / Д.А. Теплых // Методология и история психологии. — 2006. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 85–99.

Шиллер Р. Иррациональный оптимизм. Как безрассудное поведение управляет рынками [Текст] / Р. Шиллер. — М.: Альпина Паблишерз, 2013. — 422 с.

Ярошевский М.Г. История психологии [Текст] / М.Г. Ярошевский. — М.: Мысль, 1985. — 575 с.

Economic Psychology and Experimental Economics [Text] / ed. by S. Kemp, G. Wall. — London: Taylor & Francis, 2013. — 216 p.

Economic Psychology in Everyday Life [Text] / P. Webley, C. Burgoyne, S. Lea, B. Young. — London: Psychology Press, 2000. — 224 p.

Kimmel A.J. Psychological Foundations of Marketing [Text] / A.J. Kimmel. — New York; London: Routledge, 2013. — 286 p.

Kunkel J.H. A Behavioral Model of Man: Propositions and Implications [Text] / J.H. Kunkel, R.H. Nagasawa // American Sociological Review. — 1973. — Vol. 38. — P. 530–543.

Levinson H. Psychological man [Text] / H. Levinson. — Oxford: Levinson Inst., 1976. — 147 p.

Montero B. Economics and the Mind [Text] / B. Montero, M.D. White. — Routledge, 2008. — 226 p.

Psychological Man [Text] / ed. by R. Boyers. — New York: Harper & Row, 1975. — 61 p.

ГЛАВА 18

МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Термины: достоверные обязательства, институты, институции, культурно-рациональный индивид, механизм управления трансакциями или институциональные соглашения, неявное знание, ограниченная рациональность, оппортунистическое поведение, понимающий человек, привычки, престижное потребление, рутины, специфический актив, техноструктура, трансакционные издержки, фундаментальная трансформация, частный порядок улаживания конфликтов.

Модель институционального человека занимает особое место в ряду моделей человека в социальных науках, поскольку, с одной стороны, включает элементы экономического человека [1; 2], а с другой стороны, содержательно пересекается с социологическим и психологическим человеком и в целом дает более полное знание о человеке.

Институционализм не является однородным учением. В нем выделяют по крайней мере три направления: традиционный, или «старый» институционализм; неоинституционализм; новую институциональную экономическую теорию.

Поскольку неоинституционализм лишь модифицировал традиционную неоклассику, оставаясь в ее пределах и отказываясь лишь от некоторых наиболее нереалистических предпосылок (совершенной конкуренции, ценового механизма как основы рыночного равновесия, сильной формы рациональности экономических агентов, полной информированности и др.), то можно говорить лишь о двух моделях институционального человека.

Изначально институционализм рассматривался как альтернативное неоклассике направление в экономической теории. Это было связано во многом с неопределенностью понятия «институт». В настоящее время сохраняется понимание «традиционного» институционализма и отчасти новой институциональной экономической теории как альтернативных направлений по отношению к доминирующему подходу.

Традиционный или «старый» институционализм берет свои истоки из немецкой исторической школы, несмотря на то, что построен на критике ее эмпирического подхода. Его символический отсчет принято вести от работы Т. Веблена «Почему экономика не является эволюционной наукой?» (1898).

Несмотря на неоднородность традиционного институционализма и отсутствие единой школы, к данному направлению экономической мысли принято относить таких мыслителей, как *Т. Веблен, У. Митчелл, Дж. Кларк и Дж. Коммонс*. Они являются родоначальниками старого институционализма. *У. Сэмюэльс, Дж. Ходжсон, Дж. Стенфилд* олицетворяют собой современный этап традиционного институционализма. Во Франции во второй половине XX в. институциональное направление было представлено *Ф. Перру, П. Массэнэ, Ж. Маршалем, Ж. Фурастье*.

Институт в традиционном институционализме понимается как совокупность правил и принципов поведения, которыми руководствуются люди в своих действиях. Т. Веблен использовал два понятия: институции (обычай, сложившийся порядок) и институты (порядок, установленный в форме закона).

В традиционном институционализме понятие «институт» трактуется достаточно широко, начиная от стереотипов мышления и заканчивая формами организации производства. Особое внимание следует обратить на культурный контекст данного понятия.

Институты и индивиды находятся в неразрывной связи друг с другом. Институты влияют на поведение человека. А индивиды посредством коллективных действий изменяют институты.

18.1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАДИЦИОННОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Методологическими основаниями традиционного институционализма выступают междисциплинарный подход и принцип историзма.

Междисциплинарный подход обусловлен системным методом, согласно которому общество есть целостный организм, состоящий из частей, законы функционирования которых нельзя просто суммировать, когда речь идет о законах функционирования всей системы. Междисциплинарность противостоит идее «чистой экономической науки», лежащей в основе неоклассического подхода, который позволяет вывести свойства экономической системы в целом из ее отдельных частей и не учитывает синергетический эффект внутри и межсистемного взаимодействия.

Исторический подход выражается в изучении динамики институтов с момента их возникновения до зрелого состояния и исчезновения. Движущая сила развития возникает из-за несоответствия между существующими институтами и внешними условиями. Появляется необходимость изменения существующих институтов, которое, в свою очередь, приводит к изменению внешней среды. Изменение институтов происходит в соответствии с эволюционным принципом. Поэтому исторический подход тесно связан с эволюционной концепцией экономического развития.

Представители институционализма пытались расширить предметные рамки экономической теории, используя идеи и методы других социально-гуманитарных наук для того, чтобы содействовать более глубокому анализу институтов и поведения человека, поскольку поведение экономического человека и соответствующая модель человека формируются под воздействием социальных общностей.

При построении модели человека в рамках традиционного институционализма необходимо учитывать следующие факторы.

1. Экономика — это лишь часть социальной системы наряду с наукой, политикой, культурой, поэтому ценовой механизм — не единственный регулятор поведения человека.
2. Человек рассматривается не как максимизатор, а как действующий на основе привычек, сложившихся под влиянием социальных норм и правил поведения. Цели и предпочтения формируются обществом.
3. Отрицается принцип методологического индивидуализма, так как цели индивида определяются обществом.
4. Поведение человека полностью предсказать невозможно, так как он не является рациональным индивидом и наряду с экономическими факторами огромное влияние на него оказывают неэкономические факторы.
5. Природу человека нельзя рассматривать как нечто заданное и неизменное. Она меняется в зависимости от изменения окружающей среды. Этот процесс является кумулятивным.
6. Экономическое развитие определяется взаимодействием различных факторов, которые усиливают друг друга, и данный процесс имеет кумулятивный характер.
7. В традиционном институционализме речь идет прежде всего о «понимающем» человеке; надо отказаться от анализа экономических отношений с позиции так называемого экономического человека. Дж. Ходжсон писал: «Прощай, “экономический человек!”» Человек не должен рассматриваться как инструмент прогнозирования и предсказания. Задача экономической науки

сводится к пониманию функционирования хозяйства. Нужно исследовать не разрозненные действия отдельных членов общества, а совместные, скоординированные действия организаций против диктата предпринимателей.

18.2. РЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ТОРСТЕЙНА ВЕБЛЕНА

Торстейн Веблен в своих работах «Теория праздного класса», «Теория делового предпринимательства», «Инстинкт мастерства и уровень развития технологии производства», «Крупные предприниматели и простой человек», «Инженеры и система ценностей», «Абсентеистская собственность и предпринимательство в Новое время» рассматривал не абстрактного рационального индивида, а живого человека, представляющего собой единство природного и социального начал.

Движущими мотивами поведения человека является не максимизация прибыли, а набор социальных инстинктов. Например, родительское чувство или чистая любознательность. Все инстинкты взаимосвязаны между собой. Инстинкт мастерства понимается как заложенное в человеке стремление к творчеству. Оно возможно благодаря тому, что у человека присутствует инстинкт праздного любопытства или чистой любознательности, который, в свою очередь, есть продолжение инстинкта игры как формы познания мира; и наконец, родительский инстинкт, проявляющийся в заботе о родных и близких. Поэтому основная задача институционализма при объяснении поведения человека состоит в том, чтобы учитывать наряду с экономическими факторами внеэкономические, в том числе психологические, факторы. Т. Веблен даже возникновение частной собственности связывает со склонностью к соперничеству. Таким образом, действия человека невозможно объяснить с позиции экономических моделей, основанных на принципах утилитаризма и гедонизма. Человек часто принимает на первый взгляд неразумные решения под влиянием различных обстоятельств, имеющих социально-психологическую природу. Примером является престижное, или демонстративное, потребление. Под престижным потреблением понимают потребление товаров не в связи с их функциональными свойствами как предметов потребления, а потому, насколько потребление данных товаров является подтверждением общественной значимости и успеха. Склонность к престижному потреблению Т. Веблен осуждает, поскольку она ведет к потере общественного богатства.

Уэсли Клар Митчелл продолжил критику Т. Вебленом модели рационального гедониста. Он считал ошибочным принятие классической школой жесткой поведенческой модели человека — рационального максимизатора.

Он предложил перейти от так называемой нормальной модели к действительности и подтвердить отличие реального поведения в экономике от гедонического нормотипа посредством статистического анализа.

Экономические взгляды *Дж. Коммонса* представляли собой соединение положений маржинализма с экономикой права. Его интересовала не сама модель поведения человека, а то, как коллективные институты, к которым он относил профсоюзы, политические партии, выражают интересы социальных общностей. Ценность для построения институциональной модели человека представляет идея о том, что преодоление конфликтных ситуаций возможно с помощью усовершенствования юридических норм и правовых механизмов.

Как и другие традиционные институционалисты, *Дж. Кларк* объяснял человеческое поведение привычками, а не подсчетами выгод и издержек. Но он продвинулся в этой области дальше других старых институционалистов, показав большую роль информационных издержек для принятия оптимального решения. Он обратил внимание на психологические издержки, необходимые для принятия решения, которые создают барьеры на пути принятия максимизирующего выбора. Таким образом, Дж. Кларк создал идейные основания для концепций современного институционализма. Речь идет о теории ограниченной рациональности Г. Саймона и концепции поиска информации Дж. Стиглера.

18.3. МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНО-РАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА В ТРАДИЦИОННОМ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

Институционализм возвращает понятию «рациональность» широкий общефилософский смысл и развивает его, в том числе при характеристике человека. Для его представителей человек — это «культурно-рациональный индивид». Более того, индивид не рассматривается только как самостоятельная единица. Он есть неотъемлемая часть культуры как целого.

Поэтому рациональность в институционализме — скорее не индивидуальное, а общественно-институционально-культурное свойство человека, которое присутствует в любом индивиде.

Взаимоотношения культурного и рационального начал в человеке были предметом исследования у представителя современного традиционного институционализма *Дж. Ходжсона*, который предложил модель человека на основе синтеза подхода Т. Веблена и положений философии и психологии прагматизма. По его мнению, «нужно изучать коэволюцию индивидов и институтов, не накладывая их друг на друга и

не смешивая друг с другом. Такой эволюционный анализ оказывается важнейшим средством, с помощью которого социальная теория может избежать нежизнеспособных дихотомий и успешно развиваться дальше» [14, с. 55].

Критикуя рационалистический подход неоклассики к пониманию человека, Дж. Ходжсон утверждает, что институты жизнеспособны только потому, что в правилах, на которых они основываются, содержатся привычки мышления и поведения. При этом множество привычек имеет бессознательный характер. «Условием формирования привычки является повторяющееся поведение, которое часто связано со стремлением подражать другим» [14, с. 56]. Привычки на уровне групп получили название «рутина», однако их не стоит понимать как наиболее распространенные привычки в той или иной социальной группе. Они имеют глубинные методологические основания. Такое понимание можно объяснить с точки зрения системного подхода, когда целое (организация) обладает свойствами, которых нет у частей (отдельных индивидов).

Джеффри Ходжсон критически относится к исследовательской программе методологического индивидуализма, которая, на его взгляд, создает жесткие и догматические перегородки между объектами изучения. В то же время Дж. Ходжсон не считает, что все побуждения к действию можно объяснить с позиции социальных целостностей.

В действительности он утверждает, что социально-экономическая среда оказывает существенное влияние на тип получаемой информации, на возможности ее осмысления, на предпочтения и на поведение в целом. По его мнению, «если бы действия человека являлись исключительно результатом его в чем-то ограниченного, но в целом свободного выбора, то можно было бы прийти к выводу, что многие люди глупы, нерациональны, злы или безумны» [14, с. 46]. Напротив, институциональный подход показывает, что многое в поведении индивида определяется внешними факторами, что порождает более сложное объяснение его действий. Для Дж. Ходжсона существует дуализм методологического индивидуализма и холизма.

18.4. ДИХОТОМИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО В ТРАКТОВКЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Характерной чертой институционального подхода является противопоставление или «дихотомизация» технологии и институтов. Решение данной проблемы предложил *Т. Веблен*, который постоянно подчеркивал,

что развитие индустрии подталкивает к необходимости институциональных преобразований, и предвидел установление в будущем власти технической интеллигенции — «технократии». По мнению Т. Веблена, основной целью «технократии» является улучшение работы промышленности, в отличие от бизнесменов, стремящихся к получению прибыли и являющихся «праздным классом». В будущем обществе технократия заставит бизнесменов отказаться от власти, и станет возможным справедливое распределение ресурсов и эффективное функционирование производства.

Джон Кеннет Гэлбрейт развил идеи Т. Веблена в работе «Новое индустриальное общество» [6]. Он ввел понятия «техноструктура». Речь идет о социальной прослойке, включающей ученых, инженеров, управленцев, финансистов, обеспечивающих нормальную работу огромных корпораций. Так же как и технократия, техноструктура не стремится к личной выгоде, ее цель — стабильность в обществе и рост благосостояния населения. Однако интересы экономического роста требуют роста потребления, поэтому возникает давление со стороны производителей на потребителей. Особое место занимает реклама. Как отмечал Дж. Гэлбрейт, значительно вырос аппарат внушения и убеждения, связанный с продажей товаров. Расходы на эту деятельность порой превышают расходы на производство самих товаров. Инвестиции в человеческий капитал снижаются за счет деформирования спроса. В результате цели развития общества и цели техноструктуры вступают в противоречие. Возникает необходимость вмешательства государства, которое должно регулировать формирование потребностей и планировать развитие структуры экономики, не допуская диспропорции.

Таким образом, в основе всех противоречий современного общества традиционные институционалисты видят несоответствие между развитием институтов, их отставанием и потребностями технологии. Складывается парадоксальная ситуация: институционалисты критикуют институты, в то время как институционалисты как школа мысли подчеркивают их значение.

Итак, модель человека, разрешающая дихотомию институционального и технологического в человеке, образуется следующими параметрами: многообразием видов деятельности, направленных на производство и трансформацию знания; ограниченной рациональностью, которая выражается в несовершенном предвидении относительно производимого знания и невозможности ставить элементы разных подмножеств знания в соответствие друг другу; эндогенностью предпочтений; гетерогенностью агентов — производителей знания.

18.5. МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА В НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Существует противостояние старого или «традиционного» институционализма и нового институционализма, к представителям последнего относят *Р. Рихтера, О. Уильямсона, Э. Фуруботна, Т. Эггертссона*.

Р.М. Нуреев справедливо отмечает: «“Старые” институционалисты шли к экономике от права и политики, пытаясь изучать проблемы современной экономической теории методами других наук об обществе. Новые институционалисты осуществляют встречное движение — изучают политологические и правовые проблемы методами неоклассической экономической теории, и прежде всего с применением аппарата современной микроэкономики и теории игр» [8, с. 3–4].

В традиционном институционализме применялся индуктивный метод (движение от общего к частному), что приводило к созданию вероятностного знания и является одной из причин, почему не сложилась универсальная институциональная теория. Напротив, в новом институционализме доминирует дедукция, применяющая общие постулаты неоклассики для объяснения конкретных явлений.

Традиционный институционализм фокусировал внимание на поведении коллективов. «Новый институционализм ставит во главу угла независимого индивида, который по своей воле и в соответствии со своими интересами решает, членом каких коллективов ему следует быть» [8, с. 3–4].

Несмотря на то что новая институциональная экономическая теория (НИЭТ) использует идеи старого институционализма, между ними больше содержательных расхождений, чем сходства.

Институты в рамках НИЭТ понимаются как набор правовых норм и неформальных правил, строго регулирующих экономическое поведение индивидов и организаций с помощью механизма санкций; как культурный или психологический феномен.

НИЭТ опирается на следующие постулаты.

1. «Институты имеют значение как с точки зрения эффективности размещения ресурсов, так и с точки зрения устойчивости экономического развития» [7, с. 42], которое, в свою очередь, также влияет на состояние институтов и направление институциональных изменений.
2. «Взаимосвязь между институтами и экономическим развитием видна непосредственно через трансакционные издержки, а опосредованно также через технологии и трансформационные издержки.

3. Институты имеют значение не сами по себе, а в связи с их влиянием на действия лиц, принимающих экономические решения» [7, с. 42]; соответственно, концепция индивидуального выбора вне зависимости от разнообразных модификаций — элемент несущей конструкции любой модели в рамках новой институциональной экономической теории.
4. «Все общественные явления рассматриваются на основе действий отдельных людей (презумпция методологического индивидуализма)» [7, с. 42].
5. «Все вопросы взаимодействия между людьми представлены в терминах контрактных отношений» [7, с. 42]; речь идет об отношениях контрактах, определяющих общие правила взаимодействия.
6. «Разные институты могут использоваться в одинаковых, при прочих равных, условиях выбора с различными результатами» [7, с. 43], что является основанием для сравнительного анализа данных институтов как дискретных структурных альтернатив («в теории прав собственности — способы интернализации внешних эффектов, в теории трансакционных издержек — различные механизмы управления транзакциями, в теории управления поведением исполнителя — стимулирующие контракты и механизмы сигнализирования о существенных для неинформированной стороны характеристиках») [7, с. 43].

Оливер Уильямсон предложил две основные предпосылки для модели человека в рамках НИЭТ: ограниченная рациональность и оппортунистическое поведение.

Ограниченная рациональность предполагает, что все люди стремятся действовать рационально, но в действительности обладают этой способностью лишь в малой степени [11, с. 41]. Это связано с наличием внешних и внутренних ограничений. Данное понятие расширяет предметное поле экономики, поскольку использует в качестве предпосылок психологические характеристики человека (интеллектуальные способности, внимание, память, талант воспринимать и обрабатывать информацию).

Оппортунистическое поведение — «следование своим интересам, в том числе обманным путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими. Намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную и пассивную форму, проявляться *ex ante* и *ex post*» [11, с. 43].

Коварство, будучи этической категорией, означающей несправедливое действие, связанное со злым умыслом и обманом, прикрытым

внешним доброжелательством, приобретает глубокий экономический смысл, поскольку может приводить к максимизации полезности.

Существует три основные формы оппортунистического поведения: грубый оппортунизм, стратегический оппортунизм и естественный оппортунизм [12]. Грубый оппортунизм, связываемый с именем Н. Макиавелли, изначально предполагает нарушение договоренности; стратегический — является результатом асимметрии информации и означает, что более информированная сторона использует свое положение в ущерб партнеру; естественный оппортунизм основан на нарушении обязательств вследствие изменившейся ситуации.

Оливер Уильямсон различает понятия «оппортунизм» и «субъективный риск» «по двум причинам. Первая из них та, что субъективный риск можно четко отделить от отбора рисков (*adverse selection*), и оба эти случая подпадают под понятие оппортунизма. Вторая, и более важная, та, что отсылка к субъективному риску зачастую препятствует более глубоким исследованиям» [11, с. 47]. Однако если субъективный риск понимать расширительно и распространять на все случаи, когда человек не проявляет должной заботы, то понятия «субъективный риск» и «оппортунизм» можно рассматривать как синонимы.

Формой оппортунистического поведения является ухудшающий отбор, понимаемый как замещение качественных товаров на товары низкого качества в результате асимметрии информации.

Оппортунизм — сильная форма мотивационной поведенческой предпосылки в отличие от простого следования собственным интересам и послушания.

Существуют сложности с реконструкцией универсальной модели человека в силу неоднородности объектов исследовательских программ. Выделяют следующие модели в рамках НИЭТ: модель человека в теории транзакционных издержек; человек в новой экономической истории; человек в теории управления поведением исполнителя.

18.6. МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА В ТЕОРИИ ТРАНЗАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК

Теория транзакционных издержек — одно из основных направлений исследований в рамках новой институциональной экономической теории. В рамках данного направления предполагается изучать человека таким, какой он есть. Реалистичность предпосылок имеет первостепенное значение.

Основными понятиями, которые используются в рамках теории транзакционных издержек и позволяют реконструировать модель

человека в рамках НИЭТ, являются: механизм управления транзакциями, или институциональные соглашения; специфический актив; фундаментальная трансформация; достоверные обязательства; частный порядок улаживания конфликтов.

Механизм управления транзакциями, или институциональные соглашения, — «совокупность договоров между людьми по поводу способов кооперации и конкуренции их друг с другом» [10, с. 76]. С позиции такого механизма все отношения между людьми могут рассматриваться как контрактные отношения. Поэтому рабочая модель в рамках НИЭТ воспринимается как модель контрактного человека.

Дополняет содержание понятия «транзакционные издержки» понятие **специфического актива** — «это вид актива, доход от использования которого в рамках одной конкретной транзакции устойчиво превышает доход от его использования в рамках любой другой транзакции» [10, с. 76–77]. Использование подобного актива накладывает ограничения на его владельца в плане выбора партнера в следующей сделке.

Фундаментальная трансформация — это процесс превращения отношений конкуренции *ex ante* в отношения двусторонней зависимости (или отношения с малым числом участников) *ex post* посредством вовлечения в транзакцию специфических активов [10, с. 77]. Фундаментальная трансформация приводит к издержкам переключения у владельца специфического актива.

Достоверные обязательства, или обещания, заслуживающие доверия, — действия, гарантированные стимулами их совершения в будущем. Достоверные обязательств возникают тогда, когда происходит обмен залогами.

Частный порядок улаживания конфликтов — «способ урегулирования спорных вопросов между сторонами контракта, который не предполагает участия в той или иной форме судов» [10, с. 77]. Он обусловлен неполнотой контрактов. Неустранимость неполноты контрактов связана с ограниченной рациональностью судов.

18.7. ЧЕЛОВЕК В НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Новая экономическая история — направление исследований, которое объясняет исторические явления на основе инструментария микроэкономики, дополняя его предпосылкой о положительных транзакционных издержках. Таким образом, мы имеем направление в рамках НИЭТ, которое принимает предпосылку рациональности индивидов и использует количественные методы при анализе исторических данных.

Такое определение новой экономической истории как направления исследований позволяет выявить важное измерение в комплексе вопросов о рабочей модели человека в экономической истории, которое неочевидно в рамках других направлений. Речь идет о соотношении рабочей модели человека с историческими особенностями людей, чье поведение было объектом исследования. Действительно, принцип методологического индивидуализма гораздо хуже корреспондирует с этическими принципами, отрицающими равенство, свободу принятия решений, чем с этическим принципом индивидуализма. Однако именно на этом объекте исследований становится ясно, что методологический индивидуализм, хотя и связан с этическими принципами, в том числе с учетом истории появления данной концепции, тем не менее, обладает собственной ценностью как способ исследования общественных явлений.

18.8. ЧЕЛОВЕК В ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ ИСПОЛНИТЕЛЯ

Теория управления поведением исполнителя изучает совокупность отношений, в которых информированная сторона (исполнитель/агент) своими действиями влияет на благосостояние неинформированной стороны (поручатель/принципал). В свою очередь, и у неинформированной стороны есть возможность настраивать стимулы информированной стороны посредством формулировки условий контрактов таким образом, чтобы действия агента (информированной стороны) в большей степени соответствовали интересам принципала (неинформированной стороны).

Набор вопросов, которые имеют ключевое значение для исследования значения институтов, можно представить следующим образом.

1. Асимметричное распределение информации, что как раз и дает возможность говорить о существовании информированной и неинформированной сторон. Причем в соглашениях вполне возможно, что обе стороны информированы и не информированы, но только относительно различного множества условий соглашений и способов их выполнения.
2. Стимулы в условиях асимметричного распределения информации участников экономического обмена приводят к тому, что возникает проблема оппортунизма либо в форме субъективного риска, либо в форме ухудшающего отбора.
3. Следствия асимметричного распределения информации в системе экономических обменов сводятся к тому, что либо обмены

вообще оказываются невозможными, либо их масштабы и, соответственно, суммарные выгоды меньше, чем могли бы быть.

4. Подходы к решению проблемы асимметричного распределения информации заключаются в создании институтов, которые позволяют настроить стимулы информированной стороны таким образом, чтобы ее поведение соответствовало, насколько это возможно, интересам неинформированной стороны.

Один из таких инструментов — стимулирующие контракты. Задача конструирования стимулирующего контракта состоит в том, чтобы исполнитель действовал в интересах принципала, но в рамках добровольного контракта. В связи с этим, реконструируя рабочую модель человека в рамках теории управления поведением исполнителя, можно выделить следующие ее характеристики.

1. Действующее лицо не является ни паталогически лживым, ни паталогически честным. Все зависит от баланса выгод и издержек того или иного способа поведения. С этой точки зрения поведенческая предпосылка, применяемая в теории управления поведением исполнителя, соответствует сильной форме мотивации, по О. Уильямсону, в теории транзакционных издержек.
2. Несмотря на асимметричность распределения информации, рациональность участников экономических обменов продолжает оставаться полной, так же как и контракты, которые также остаются полными. Именно с этим обстоятельством связана возможность применения в моделях управления поведением исполнителя целевых функций действующих лиц.
3. Данное направление исследований в наибольшей степени вобрало свойства моделей принятия индивидуальных решений и, соответственно, рабочих моделей человека в рамках неоклассической теории.

Вместе с тем и в рамках теории управления поведением исполнителя существуют различия, связанные с тем, насколько разнообразны транзакционные издержки, существование которых учитывается в моделях. В рамках нормативной теории управления поведением исполнителя, по сути, основным видом транзакционных издержек в стимулирующих контрактах являются остаточные чистые потери благосостояния. В то же время в позитивной теории общественного благосостояния наряду с данным видом транзакционных издержек существуют еще издержки мониторинга и разработки условий контрактов.

Вот почему в рамках позитивной теории управления поведением исполнителя больше шансов увидеть реконструированную модель человека, которая больше похожа на модель из теории транзакционных издержек.

Выводы

1. Основная функция институционализма — не создание универсального экономического учения, а критика теорий своих оппонентов. В частности, представителями этого течения были поставлены под сомнение основные постулаты неоклассической экономической теории.
2. Институционализм возвращает понятию «рациональность» широкий общефилософский смысл. Человек — это «культурно-рациональный индивид». Более того, индивид есть неотъемлемая часть культуры как целого. Поэтому рациональность в институционализме — скорее не индивидуальное, а общественно-институционально-культурное свойство человека, которое присутствует в любом индивиде. Такой подход лучше позволяет понять взаимосвязи между моделью человека и реальной экономической политикой, согласовывает индивидуальные и общественные цели, наполняет смыслом не только цель, к которой стремится человек, но и средства по ее достижению.
3. Для институциональной теории в целом характерна реалистичность предпосылок, поэтому она основывается на функциональном подходе.
4. Многообразие институционализма позволяет говорить по меньшей мере о двух видах моделей институционального человека соответственно в рамках традиционного институционализма и НИЭТ.
5. И в традиционном институционализме, и в НИЭТ существуют сложности с реконструкцией универсальной модели человека в силу неоднородных входящих в них исследовательских программ. Так, в НИЭТ мы имеем набор моделей, в которых по-разному решен вопрос между операциональностью и реалистичностью предденческих предпосылок.
6. Сложности в построении универсальной модели в НИЭТ связаны с наличием трех альтернатив в понимании методологического статуса институционализма как нормальной исследовательской программы; набора программ, объединенных по конфедеративному принципу; для обозначения нового *mainstream* в экономической теории.
7. Предпосылки в рамках НИЭТ — ограниченная рациональность и оппортунистическое поведение — являются величинами переменными; человек в НИЭТ — это контрактный и исторический человек, руководствующийся принципом удовлетворенности;

институты как набор правовых норм и неформальных правил есть всегда и эволюционируют, задают рамки восприятия интересов индивида.

8. Междисциплинарный подход институционалистов к анализу экономики способствует растворению проблем экономической теории в культурной антропологии, социальной философии и социологии.

Проблемный блок

1. Привычки и когнитивные ошибки.
2. Случаи использования привычек или правил: взаимодействие и взаимоисключение.
3. Методологические сложности в построении институциональной модели человека.
4. Описательный метод в институционализме: преимущества и недостатки.
5. Механизмы трансформации знания в экономическое развитие.
6. Ограниченная рациональность как признак функционализации экономической теории.

Приложение 18.1

Джеффри Ходжсон говорил: «Когда индивидуальные привычки разделяются обществом или группой и укрепляются в этих пределах, они принимают форму социально-экономических институтов». В соответствии с более широкой практикой, установившейся в социальных науках, институционалисты определяют институты не в узком смысле формальных организаций, а в более широком контексте социально обусловленного поведения как «распространенный и неизменный способ мышления или действия, который укоренен в привычках группы или в обычаях народа» [13, с. 55].

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. Автономов В.С. В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки [Текст] / В.С. Автономов. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук, 2020. — С. 39–244.

2. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке [Текст] / В.С. Автономов. — СПб.: Экономическая школа, 1998. — 230 с.
3. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение [Текст] / Г. Беккер // THESIS. — 1993. — Вып. 1. — С. 24–40.
4. Вайзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук [Текст] / П. Вайзе // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 115–130.
5. Веблен Т. Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен. — М.: Прогресс, 1984. — 183 с.
6. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество [Текст]: пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. — 602 с.
7. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [Текст] / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст; пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 480 с.
8. Олейник А.Н. Институциональная экономика [Текст]: учеб. пособие / А.Н. Олейник. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 416 с.
9. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления [Текст] / Г. Саймон // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 16–38.
10. Тутов Л.А. Модели человека в институциональной экономической теории [Текст] / Л.А. Тутов, А.Е. Шаститко. — М.: МАКС Пресс, 2012. — С. 104.
11. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа [Текст] / О. Уильямсон // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 39–49.
12. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация [Текст]: пер. с англ. / О.И. Уильямсон. — СПб.: Лениздат, 1996. — 702 с.
13. Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение [Текст]: пер. с англ. / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. — 2000. — № 1. — С. 39–55.
14. Ходжсон Дж. Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция [Текст] / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. — 2008. — № 8. — С. 45–61.
15. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория [Текст] / А.Е. Шаститко. — М.: ТЕИС, 2010. — 828 с.
16. Шаститко А.Е. Развитие институциональной экономической теории [Текст] / А.Е. Шаститко // Журнал экономической теории. — 2013. — № 4. — С. 36–47.

Дополнительная литература

Автономов В.С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках [Текст] / В.С. Автономов // Истоки. — 1998. — Вып. 3. — С. 24–71.

Сторчевой М. Новая модель человека для экономической науки [Текст] / М. Сторчевой // Вопросы экономики. — 2011. — № 4. — С. 78–98.

Розмаинский И.В. Посткейнсианский анализ характеристик человеческого поведения в условиях макроэкономических, технологических и институциональных изменений [Текст] / И.В. Розмаинский // Journal of Institutional Studies = Журнал институциональных исследований. — 2009. — Т. 1. — № 1. — С. 43–56.

Тутов Л.А. Экономический подход к проблемам организации знаний о человеке [Текст] / Л.А. Тутов, А.Е. Шаститко // Вопросы экономики. — 2002. — № 9. — С. 46–63.

Хейне П. Экономический образ мышления [Текст] / П. Хейне. — М.: Новости: Catallaxy, 1992. — 704 с.

Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты [Текст] / Т. Эггертссон; пер. с англ. М.Я. Каздана; науч. ред. пер. А.Н. Нестеренко. — М.: Дело, 2001. — 407 с.

ГЛАВА 19

ЭКОНОМИКА И ЭТИКА

Термины: этическая экономия, хозяйственная этика, мораль, нравственность, этический кодекс фирмы, справедливость, этическая рациональность, микро-, макроэтика.

19.1. ЭКОНОМИЯ, ЭКОНОМИКА И ЭТИКА: ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, РАЗРЫВ, ПОИСК ВЗАИМОСВЯЗИ

Мораль во все времена и у всех народов выступает как уникальный, всепроникающий феномен общественной, в том числе и хозяйственной, жизни. С античных времен и до наших дней не утихают научные дискуссии о взаимодействии этики, экономии и экономики, но не хрестоматистики, прочно вошедшие в контекст философско-хозяйственных, экономико-правовых дискуссий. Взаимодействие экономики и этики, их разрыв являются одной из основополагающих и актуальнейших проблем в современной философии, экономике, социологии и политике, в целом — общественном сознании.

Современные этические аспекты экономической теории (этическая экономия и (или) хозяйственная этика, нравственная экономика), а точнее, зачастую их отсутствие в реальной хозяйственно-экономической теории и практике заставляют нас обратиться к истории вопроса, прежде всего к аристотелевским трудам: «Никомаховой этике», «Большой этике» [3], а также к античной практической философии Аристотеля как триалектическому единству этики (учения о морали и нравственности), экономической теории — античной ойкономикос — экономии (учения о богатстве) и политики (учения о власти).

В рамках этой античной парадигмы средневековый философ Августин Блаженный, опираясь уже на Священное Писание, тесно связывал этику с природой государства и его возникновением. Согласно этой теории все исторические события определяются волей Бога, все же несовершенства общества, его безнравственность, аморальность можно объяснить исходя из первородного греха Адама и Евы, который явился

причиной изменения самой сущности природы человечества. Этическую сторону хозяйственной деятельности людей можно охарактеризовать только при анализе природы государства. Согласно Августину Блаженному в этом вопросе можно выделить два ключевых подхода.

Во-первых, государство по своей сущности является аморальным. Это связано с тем, что согласно Священному Писанию основателем государства (по Священному Писанию — города) является Каин, сын Адама и Евы, который по причине зависти и злобы убил своего брата Авеля. Таким образом, создателем государства явился братоубийца, который в силу своего греха не мог дать природе государства чистоты и добра. В саму суть государства не входит этика как совокупность высокой духовности, нравственности, направленности на благие дела.

Во-вторых, этику хозяйственной жизни людей можно разделить на две категории согласно природе человека и типу общества, к которому они принадлежат. Августин Блаженный писал: «Граждан земного града рождает испорченная грехом природа, а граждан Града Небесного рождает благодать, освобождающая природу от греха» [1, с. 601].

Анализ показывает, что, с одной стороны, мы видим людей, живущих по законам человека и являющихся гражданами града земного. Это люди, которые вечно борются за власть, материальные блага, ставят свои интересы выше интересов окружающих. Они образуют государство, в котором в ранг этических норм и нравственных воззрений возводятся воровство, эгоизм, убийство, ложь, жадность, враждебность и лицемерие. С другой стороны, Августин Блаженный показывает людей, живущих по Закону Божию и населяющих Град Небесный. Этика жителей этого государства основана на принципах добра, красоты и справедливости. Это праведники, которые составляют религиозные общины и Церковь. Поэтому только Церковь содержит в себе этические ценности, принципы и нормы и сохраняет мир и порядок. Рассматривая взаимоотношение экономики и этики с позиции Средневековья, заслуживает внимания концепция представленная Фомой Аквинским, который также отмечал, что экономика строится и подчиняется законам, нормам и ценностям, которые были установлены Богом. Все экономические отношения должны строиться на принципе справедливости. Стоимость товара должна соответствовать объему затраченного сырья и рабочей силы.

Аристотелевская парадигма единства трех частей практической философии была нарушена в эпоху Просвещения, когда появились три самостоятельные научные дисциплины: этика, политическая экономия как одна из «научных культур» экономической теории и политика (политология). Одно из нарушений единства античной

практической философии связано с деятельностью А. Смита как основоположника современной экономической науки. В 1759 г. Смит написал недостаточно известную среди экономистов работу «Теория нравственных чувств» [17] с нравственным человеком, а позже, в 1776 г. — знаменитое произведение «Исследование о природе и причинах богатства народов» с моделью так называемого *homo oeconomicus*, на самом деле *homo chrematisticus*, согласно трактовкам А.В. Аникина [2, с. 26], Д.В. Валового [6, с. 12–17] безнравственного человека, которым движет эгоизм. «Космополитическая» английская буржуазная политическая экономия А. Смита как самостоятельная экономическая наука с моделью *homo oeconomicus* — *homo chrematisticus*, а также прагматика и социальная этика, выведенные за границы моральной философии у И. Канта, — все это признаки нарушения единства аристотелевской практической философии. Это нарушение пытается преодолеть в своих трудах К. Маркс. Он является основоположником политической экономии капитализма, выросшей на основе трудовой теории А. Смита.

В марксистской теоретико-методологической, диалектико-материалистической парадигме способа производства и надстройки, т.е. в целом общественно-экономической формации, этика соединяется с экономикой в контексте главного принципа марксизма «материя первична, сознание вторично». В ней главными выступают производственные отношения и экономические интересы. Этические нормы, в свою очередь, — это один из элементов надстройки, результат экономического развития. Из всех сфер жизнедеятельности человека главной, по К. Марксу, является экономическая. Маркс не считал самостоятельными такие важные сферы жизнедеятельности людей, как идеология и религия, а следовательно, и этика. Он не анализировал их созидательного начала [10].

С выходом в свет трудов М. Вебера начался процесс восстановления единства этики и экономики. По Веберу, главную роль начинала играть этика, а не экономика. Именно этика считалась первичной в логическом и историческом смысле. При этом не отрицалось влияние экономических интересов и феноменов на этические нормы в экономике.

Они являются одновременно импульсом и препятствием социокультурно-экономическому развитию. При исследовании социокультурно-экономических отношений и институтов любой страны в контексте этико-экономического направления экономической мысли, а не рыночного фундаментализма и экономизма с «маммонизмом» необходимо учитывать «хозяйственный дух», проникнутый этико-культурными ценностями (протестантский дух, дух конфуцианства, «русский дух»

и др.). Так, М. Вебер выводил «хозяйственный дух» капитализма из одной ветви отпавшего от целостного христианства протестантизма, из протестантской этики, показывая тем самым хрематистический фундамент современной западной экономики.

О тесной связи экономики и этики писал в своих работах Г. Шмоллер. Он рассматривал политическую экономию как систему. Ядро этой системы составляет специальное экономическое знание, содержащее в себе чисто экономические науки. Оно включает вопросы, только связанные с определенными экономическими сферами жизнедеятельности индивида. Знания, которые находятся на границе системы (по Г. Шмоллеру — на периферии), имеют точки пересечения с другими науками. В результате такого соприкосновения происходит взаимообогащение наук. Из других наук в экономику переходят материалы и результаты исследований, методы, приемы, способы получения и обработки данных. Таким образом, экономическое знание пополняется, с одной стороны, данными из естественных наук, а с другой стороны, в него входят элементы этики, социологии, психологии, права.

В своих исследованиях Г. Шмоллер показывает, что народное хозяйство возникло в результате хозяйственной деятельности людей, общества. Оно тесно связано с историей народа и содержит в себе кроме знаний ведения хозяйства элементы культуры народа. Г. Шмоллер писал: «Народное хозяйство всегда и в каждый данный момент является отчасти продуктом естественного образования при посредстве людей, отчасти культурного при посредстве чувствующего, мыслящего и организованного общества» [18, с. 13].

В процессе взаимодействия хозяйственной деятельности народа и культуры этика становится неотъемлемой частью экономики. В основе экономических явлений находят свое выражение ценностные ориентиры, такие как добро, справедливость и т.д., как отдельного человека, так и народа в целом, а также традиции, правила и нормы поведения. Без изучения этих элементов мы не можем понять всю сущность экономического явления.

Густав фон Шмоллер проводил анализ понятия справедливости и его влияния на экономику. Он «пытался установить это понятие и на основании психологических и социологических данных показать, что чувства справедливости воплощаются в твердые масштабы и что они, в качестве таковых, получают законную долю господства, оказывая все больше и больше влияния на организацию народного хозяйства и преобразовывая его в духе своих требований» [18, с. 79].

В свою очередь, Дж. Ролз в своей «Теории справедливости» также указывал на тесное взаимодействие между экономикой и этикой.

При этом этические элементы рассматриваются как неотъемлемые и существенные составляющие хозяйственной деятельности. В своем исследовании Дж. Ролз проводит сравнение истины и справедливости как двух ключевых добродетелей, на которых строится взаимоотношение человека с окружающим миром, природой и обществом. Как указывает Дж. Ролз, «справедливость — это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина — первая добродетель систем мысли» [16, с. 19]. Вместе с тем отмечается сходство действий при обнаружении ложной теории в научном знании и возникающей несправедливости со стороны институтов. Так, в науке если теория является ложной, то она либо не должна приниматься научным сообществом, либо должна быть изменена в соответствии с критериями истинности. Сходную ситуацию мы видим в обществе: если институты не отвечают правилам справедливости, то они должны быть либо изменены, либо отменены. Справедливость подразумевает под собой свободу. Человек по своей сущности и по природе должен быть свободным. Общество не должно ущемлять свободу одних ради благополучия других, иначе оно потеряет статус справедливого общества.

Для любого общества характерен конфликт интересов, когда при распределении выгод и ресурсов каждый хозяйствующий субъект заинтересован в получении большей части распределяемых благ. Для сохранения справедливости необходима разработка системы правил (по Дж. Ролзу — принципов), при помощи которых общественные институты будут регулировать процесс распределения.

Концепция справедливости, разработанная Дж. Ролзом, основывается на свободном состоянии людей при заключении общественного договора. При этом ключевым моментом является тот факт, что человеку не дано знать о своем месте в обществе. Как пишет Дж. Ролз, «одна из существенных особенностей этой ситуации в том, что никто не знает своего места в обществе, своего классового положения, или социального статуса, а также того, что предназначено ему при распределении природных дарований, умственных способностей, силы и т.д.» [16, с. 26]. Это дает человеку возможность рационального и свободного выбора, так как он не знает ограничений, связанных с социальным положением, проявлением умственных способностей и талантов. Поэтому при определении принципов концепции справедливости и дальнейшем построении институтов, регулирующих воплощение этих принципов в хозяйственной деятельности, люди проявляют активность как свободные и равные личности.

Другим важным аспектом в теории справедливости, разработанной Дж. Ролзом, является то, что справедливое общество — это общество, в

котором благосостояние преуспевающих субъектов является стимулом для дальнейшего развития благосостояния менее успевающих. Дж. Ролз объясняет эту идею следующим образом: «Интуитивная идея здесь заключается в следующем: так как благосостояние каждого зависит от схемы сотрудничества, без которого никто бы не мог иметь удовлетворительной жизни, разделение преимуществ должно быть таким, чтобы вызвать желание к сотрудничеству у каждого, включая тех, чье положение ниже» [16, с. 28–29]. В контексте современного концепта экономики счастья заслуживает внимания и этическое учение, связывающее экономику и этику, разработанное И. Бентамом, определяющее основной ценностью человека счастье. Согласно этому учению человек находится под влиянием двух основных сил — удовольствия и страдания, которые определяют характер его жизнедеятельности, дают указания, что и как необходимо делать или не делать. В этом И. Бентам продолжает традицию гедонизма, которая берет свое начало от Эпикура. Человек по своей природе стремится к добру и красоте, к тому, что дает ему наслаждение, и инстинктивно стремится избежать всего, что может причинить ему вред или зло. И именно это стремление и делает человека счастливым. Таким образом, согласно И. Бентаму, под счастьем подразумевается все, что приносит человеку удовольствие. Исходя из этого можно заключить, что в основе хозяйственной деятельности лежит стремление к счастью, которое и определяет принцип полезности. Бентам писал: «Под принципом полезности понимается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью» [4, с. 10].

Этическое учение И. Бентама основывается на рациональном восприятии и отражении человеком окружающего мира. Именно рациональные принципы дают нам возможность судить о действии хозяйственного агента, о его соответствии достижению или увеличению счастья. Любое действие должно оцениваться по семи показателям (обстоятельствам, по И. Бентаму): интенсивности действия, его продолжительности, несомненности или сомнительности, близости или отдаленности, плодovitости, чистоте, распространению. Если действие по всем своим параметрам приносит удовольствие, т.е. приводит к счастью, то оно служит развитию и процветанию общества и государства. От действия, которое, по расчетам, приводит к убыткам, несчастьям, разорениям, необходимо отказаться и никогда впредь его не применять. Однако в современном мире внешние, а не вышеперечисленные

внутренние нормы и правила (справедливость, истина, добро, любовь, счастье), связанные с совестью, моралью, духовностью и нравственностью, являются формальными и неформальными институтами, регуляторами человеческого поведения хозяйствующих субъектов. Так, в своей социальной энциклике *Centessimus Annus* Папа Римский Иоанн Павел II писал о разрыве связи экономики и этики: «У современной деловой экономики есть положительные стороны. Основа ее — свобода человека (в контексте вседозволенности. — *Авт.*), осуществляемая в экономической сфере» [22, с. 46]. Папа Иоанн Павел II подчеркивает, что экономическая сфера жизнедеятельности людей выведена за пределы сферы действия христианских заповедей и этических норм. Согласно его утверждению, в «современной деловой экономике» католик позволил себе полностью «эмансипироваться» от Бога, «отдохнуть» от повиновения Его воле и следования Его Заповедям [12, с. 358].

В экономической науке в контексте неоклассической теории (экономикс), основанной на принципах рыночного фундаментализма, происходит стремительная математизация теории экономики, наблюдается отношение к экономике как механизму, а не как к организму. Так, позитивная экономическая теория отделена от этических проблем. Экономика оказалась без этики. Она показывает, что принимающий экономические решения человек реализует свой эгоцентрический индивидуалистический интерес. Экономический (по сути, хрематистический) человек на основе эго нацелен на максимизацию полезности, а также дохода в разных ипостасях: заработной платы, процентов, прибыли, ренты или квазиренты. Он абстрагируется от этики. Этические аспекты экономической теории характерны в некоторой степени для нормативного анализа, а также для разработки экономической политики. Об этике на службе экономической рациональности написано в учебнике «Истории экономических учений» под редакцией А.Г. Худокормова [8]. В рамках прикладных экономических наук, например менеджмента, курса предпринимательства выработан и читается курс «Этика бизнеса» [13]. История этики, этической экономии, история и философия предпринимательства, история экономических учений, в частности этико-социальное направление в отечественной экономической мысли, а также западные и восточные учения о нравственной экономике — этическая основа научно обоснованной оценки, разработки методики и механизмов регулирования современных хозяйственных конфликтов, их эффективного и справедливого разрешения. Это в целом теоретико-методологическая основа разработки современной этической экономии вслед за П. Козловски, опубликовавшим на русском языке книгу в 1999 г. «Принципы этической экономии» [12].

Последовательно и одновременно противоречиво, неоднозначно этическая экономия, фактически домострой (согласно ксенофоновско-аристотелевскому понятию и Новому Завету), воспроизводилась целостно в реальной жизни с 988 по 1917 г. в Государстве Российском (Древнерусском государстве — Киевской Руси, Московском царстве, Российской империи) в контексте своей российской матрицы. Закон Русский сменился Русской Правдой, затем Соборным уложением 1649 г. как аналогами современного Гражданского кодекса. Основами российской институциональной матрицы были домостроительство как экономическая система — в принципе этическая экономия, монархия как политический институт, православие как государственная идеология с атавизмами язычества и «родимыми пятнами» византизма [19, с. 112]. В Советской России социалистическое хозяйство вкупе с кодексом строителя коммунизма можно позиционировать так же, как этическую экономию в контексте социокультурно-экономических отношений, несмотря на весь спектр институционально-хозяйственных противоречий. События второй половины XX в. и 2000-х гг. показали примеры успешного ведения хозяйства с иным менталитетом, основанном на оригинальной философии хозяйства как своего рода мировоззрении по С.Н. Булгакову [10]. Такой философией хозяйства является конфуцианство. Именно конфуцианство на Востоке способствовало созданию двух экономических держав: Японии и Китая. Однако в Японии развивается капиталистическое рыночное хозяйство, где почитается эффективность, а в Китае — социалистическое рыночное хозяйство, где главный принцип — справедливость.

Условия постиндустриальной (информационной) экономики в эпоху постмодерна в принципе благоприятны для воссоединения этики, теории культуры и экономической науки. Хозяйственное развитие в условиях глобализации должно быть обусловлено новой парадигмой экономической теории и этической экономики. В настоящее время необходимо не чтение «проповедей», а теоретическое, философское осмысление происходящих в экономике и бизнесе реальных морально-нравственных, духовных процессов, отношений и конфликтов; «выращивание» институтов и освобождение от антиинститутов.

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ. Великий английский экономист Джон Мейнард Кейнс — автор знаменитого труда «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) так написал об экономических возможностях, а точнее, границах капиталистической рыночной системы для своих внуков: «Я предвижу, что мы будем иметь возможность вернуться к некоторым наиболее бесспорным и непреложным принципам религии и традиционной

добродетели, утверждающим, что скупость — это порок, что ростовщичество недостойно человека... Мы вновь будем ценить цели выше средств и предпочитать добро пользе...» [23, с. 371].

19.2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭТИКИ

Первый этап: ойкономикос — домострой — экономия — нехрематистика и этика во времена Античности. Анализируя хозяйственные и экономические проблемы, мыслители Античности стремились позиционировать их не только на микроуровне, т.е. в рамках домашних хозяйств, но и на общественном макроуровне (с позиций города-государства — полиса), определяя правила поведения людей в обществе на принципах макроэтики, нравственности и морали.

В трудах древнегреческих античных ученых (*Ксенофонта* и *Аристотеля*) об ойкономикос (домострое) как науке и искусстве экономии, именно как общественно полезном хозяйстве, развивающемся в гармонии с природой и душой, и о хрематистике как «науке о делании денег» [19, с. 44] можно выделить следующее:

- во-первых, материальное и даже нематериальное (у Ксенофонта) богатство представляли собой предмет экономии, однако материальное богатство по сравнению с «духовными совершенствами» позиционировалось ниже;
- во-вторых, учение о богатстве (в контексте аристотелевской хрематы, хрематистики) недостойно человеческого ума и несовместимо с нравственной чистотой человека;
- в-третьих, они подчеркивали относительность, а не абсолютность богатства.

Согласно древнегреческим мыслителям, философам, ученым, этика — результат «чистого» разума, добра и справедливости для гражданина греческого полиса — государства.

Аристотель не видел в принципе в самом хозяйственном развитии и его результатах никаких угроз для нравственного состояния общества. Он поставил проблему справедливой цены, которая в разные века различными мыслителями, экономистами решалась по-своему. Аристотель различал два пути развития хозяйства согласно их цели (подробнее см. в гл. 1):

- истинную конституирующую экономику (ойкономикос — домострой) как науку и искусство создавать блага для удовлетворения естественных общественных и личных потребностей;

- ложную неконституирующую экономику, или «хрематистику», — искусство наживать состояние путем перепродажи товаров и, главным образом, посредством ростовщичества в целях наживы, накопления денег (хрематы). Когда люди стремятся к приобретению денег как своей главной цели, тогда они преступают требования этики и законы природы. Осуждая хрематистику и ростовщичество, Аристотель пытался предупредить угрозу «религии денег» как духовно-религиозной основы капитализма [11, с. 12].

Постепенно освобождаясь от этики, внедряя «религию денег», человечество избирало для себя путь хрематистики [8, с. 15–17].

Второй этап — эпоха премодерна: взаимосвязь экономики-домостроев и этики в средневековом обществе, неприемлемость ростовщичества и хрематистики. В период Средневековья развивались западноевропейские домострои — итальянский, французский, чешский. Хрематистическая деятельность, ростовщичество рассматривались с отрицательным знаком, трактовались с позиций Священного Писания и Священного Предания. В религиозном понимании незаконно приобретенное богатство считается большим препятствием к спасению души. Только плоды справедливого физического и умственного труда считались естественными и законными. Существовал приоритет религиозной этики перед экономикой, осуждалась хрематистика. Средневековая экономическая мысль решала проблему справедливой цены (очень актуальная задача для современного общества). В таких условиях происходило созревание условий для изменения соотношения этики и экономики (нехрематистики), формирование новой, рыночно-капиталистической этики хозяйствования.

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ. Так, в итальянском образце западноевропейского домостроя *Dottrina o proverbi dello schiano di Bari* («Почуении заточника вь Бари») — итальянском домострое XIII в. — заложен следующий экономический порядок: «Всякое дело, которое предпринимаешь, хорошо начинать во имя Бога; ...по доходу и расходу; ...будь честен, не изменяй из-за денег; ...если хочешь вести торговлю, то веи ее честно и вежливо».

Третий этап — эпоха модерна: экономика-хрематистика и ее разрыв с этикой во времена капитализма. С течением исторического времени происходило постепенное развитие товарного производства и рыночного обмена, кредитно-денежных отношений, основанных на проценте, использование денег в качестве капитала. Это привело к трансформации социокультурно-экономической структуры общества. Следствием

стало более терпимое отношение к частной собственности, торговле, ростовщичеству и другим видам коммерческой деятельности.

Наступала эпоха капитализма. В.Ю. Катарсонов выделяет следующие духовно-религиозные причины становления капитализма: «протестантская этика» (согласно М. Веберу), этика Торы и «дух капитализма», смена экономических парадигм Церкви: социальная доктрина католицизма как курс на сближение с протестантизмом (согласно Фоме Аквинскому), «теология процветания» и культ потребления [11, с. 67–224].

Макс Вебер писал, что согласно протестантской этике человеку для спасения недостаточно ни его собственных усилий, ни помощи церкви, ибо Творец заранее predetermined, кто избран для Его милости, а кто обречен на вечные муки. Единственным поприщем, на котором человек мог достичь успеха, который давал ему надежду, свидетельство об избранности, оставалась профессиональная деятельность, накопление богатства как ее результат. Возрастание богатства трактуется как не только законное, но и угодное Богу занятие, как знак Божией милости. Напротив, лень, праздность, нежелание добиваться профессионального успеха, бедность — смертные грехи, знак проклятия. Стать богатым было престижно, если рост богатства совершался легальным путем, а легко добываемое богатство осуждалось.

Становление и развитие экономики рынка (по сути, хрематистики) подчиняет процесс воспроизводства благ и всю социальную жизнь рыночному порядку, влечет за собой превращение общества в придаток рынка. Теперь уже не экономика (ойкономикос — домострой) «встраивается» в систему социальных связей, а напротив, социальные связи — в экономическую систему. С этого момента экономика как хрематистика уже не подчиняется требованиям прежней этики и моральной философии.

Следует напомнить, что в рамках Государства Российского по-прежнему в XVIII в. развивается «государская экономия» — домостроительство как в принципе этическая экономия. В.Н. Татищев — автор домостроительного синтеза: микро- и макродомостроя — писал в своих трудах, положивших начало отечественной оригинальной незаимствованной у Запада экономической науке следующее.

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ. В.Н. Татищев о домостроительстве: все отрасли «доброй экономии или домостроительства»: «рукоделье, сельское хозяйство, добывающая промышленность, торговля, коммуникации, сфера кредита, транспорт» и др. — должны быть гармонично, оптимально уравновешены [19], гармонично развиваться «на основе этических, духовно-нравственных внутренних форм».

Однако А. Смит подчеркивал, что в повседневных жизненных делах человеку свойственно руководствоваться прежде всего личными эгоистическими интересами и желаниями. Именно они ведут общество к экономическому благосостоянию.

Сам автор «Теории нравственных чувств» А. Смит показывал, что эгоизм, стремление к личной выгоде и накоплению богатства не должны ассоциироваться с безнравственностью. Весь ход мыслей Смита свидетельствует, что для него главным нравственным критерием было в первую очередь то, что служит интересам общественного прогресса, экономического развития в контексте «богатства народов». Провозгласив доктрину «естественной свободы» на основе принципа *laissez faire* и направляющей роли «невидимой руки», тем не менее он задал политической экономии «антиэтическую» направленность и заложил рыночные основы позитивизма в экономической науке.

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ. Здесь можно процитировать В. Парето: «Политической экономии не следует обращать внимание на вопросы морали, — подчеркивал он, — а вот тот, кто дает советы по практическим мерам, должен учитывать не только возможные экономические последствия, но также нравственные, религиозные, политические и т.д.».

Четвертый этап — эпоха постмодерна: современный капитализм и этика. Современный капитализм связан с радикальной сменой всего устройства общества: экономики, политики, идеологии, морали, т.е. институциональной матрицы. Анализ показывает, что христианская цивилизация на Западе трансформируется в денежную цивилизацию.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. Один из главных идеологов либерализма, социал-дарвинизма английский философ и социолог Г. Спенсер отмечал: «Наша научная теория эволюции доказывает, что низшее социальное положение рабочих — столь же неизбежное явление, как падение тел, что оно необходимое следствие имманентных и неизменных законов природы. Мы доказываем, что привилегированные представители высших классов — наиболее одаренные, наилучше приспособленные к жизни люди, что они непрерывно совершенствуются и в конце концов образуют новую породу людей, ни в чем не сходных с человекоподобными скотами низших классов, которыми можно управлять не иначе, как только с бичом в руках».

Джон Мейнард Кейнс попытался восстановить союз экономики и этики. Его вывод о сохранении связи экономики с этикой является напоминанием о том, что вопросы этики всегда должны находиться в поле зрения как представителей экономической науки,

экономистов-практиков, так и политиков. Современная смешанная экономика с ее верой в свободный, так называемый саморегулируемый рынок, что в принципе нереально исходя из первого закона термодинамики (невозможен вечный двигатель первого рода с коэффициентом полезного действия более 100%, т.е. двигатель, производящий работу из ничего), в условиях глобализации гарантировала процветание. Она строила потребительское общество на основе все более полного удовлетворения разнообразных потребностей, но терпит уже в который раз неудачу — кризис 2008–2009 гг. Известно, что экономические кризисы берут свое начало с 1825 г. Нынешний вялотекущий экономический кризис называют даже апокалиптическим (Ю.М. Осипов). С течением времени начался отрыв современного капитализма от своих традиционных корней. В результате менеджериальной революции 1930-х гг. произошла трансформация самих экономических основ капиталистического общества: отделился капитал собственников от капитала менеджеров (капитал-собственность от капитала-функции). Трансформирующаяся рыночно-капиталистическая система, предпринимательский капитализм, основанный на корпоративной частной собственности, трудовой этике, прозрачности в распределении дохода, превратился в корпоративный, спекулятивный по своей природе капитализм — в «экономику обмана» согласно концепту Дж. Гэлбрейта.

Влияние рационализма на человеческое бытие и, соответственно, на хозяйственную деятельность индивида привело к трансформации классических этических ценностей, постановке их на службу расчетливому сознанию. В работе «Об этике и экономике» А. Сен указывает на то, что «методология так называемой “позитивной экономики” не только избегала нормативного анализа; она также привела к игнорированию множества сложных этических соображений, влияющих на реальное поведение людей, которое, с точки зрения экономистов, изучающих это поведение, является по преимуществу сферой фактов, а не нормативных суждений» [17, с. 22–23]. В свою очередь, М. Фридмен также указывал на то, что для хозяйственной деятельности индивида основными, и даже единственными, будут только те этические принципы (правила игры), которые приняты на рынке и «существует одна и только одна социальная ответственность бизнеса использовать свои ресурсы и участвовать в деятельности, направленной на увеличение его прибыли, пока он остается в пределах правил игры, т.е. участвует в открытой и свободной конкуренции без обмана или мошенничества» [24]. Продолжая традицию М. Фридмена, А. Карр уподобляет ведение хозяйственной деятельности игре в покер, где игрок действует в соответствии с принятыми этическими правилами, которые существенно отличаются

от общепринятых этических норм. При этом, как замечал А. Карр, «нарушения этических идеалов общества широко распространены в деловых кругах, но они не обязательно являются нарушения принципов ведения бизнеса» [21].

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ. Джон Богл писал в своей книге «Битва за душу капитализма», что «когда все, что имеет значение и важность, продается и покупается, когда люди могут нарушать обязательства потому, что они им более не выгодны, когда человеческое достоинство измеряется доходами и расходами людей, рынок разрушает те самые добродетели, от которых он в долгосрочной перспективе зависит» [5].

Логично предположить, что требуется выработка или новых общественных ценностей (хотя часто новыми бывают хорошо забытые старые), или ренессанс конституирующих духовно-нравственных начал, которые могут стать новым этическим стандартом современного этапа развития рыночного капиталистического общества.

Духовные, нематериальные ценности бытия человека постепенно все более уверенно заявляют о себе в качестве первоочередных на фоне кризиса «общества потребления».

Здесь затрагивается сам фундамент капиталистической рыночной экономики с его религией денег, новые тенденции в социально-экономическом развитии, поиск новой модели взаимосвязи экономики и этики.

Крах идеи потребительского общества поставил Запад перед проблемой поиска новой системы ценностей, что нашло свое выражение в концепции устойчивого, а точнее, «самоподдерживающегося» развития.

Отсюда вытекает необходимость изменения образа мышления и внесения коррективов в систему социально-экономических и этических культурных ценностей как основы менталитета.

Происходит обращение взоров людей как потребителей на духовные блага, связанные с совершенствованием личности, общественными деяниями, на основе нравственных начал, моральных ценностей как способ осознания собственного бытия, своей сущности.

Известно, что еще в 1724 г. первый представитель современной экономической науки И.Т. Посошков (а не А. Смит) в своем знаменитом труде «Книга о скудости и богатстве» создал два учения: первое — о вещественном богатстве народов и второе — о невещественном богатстве — правде как справедливости, духовности, истине во всем: деле, образе, благе [14].

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КИТАЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. В современном мире Китай строит не потребительское, а гармоническое общество, фундаментом которого является социалистическая рыночная экономика, не лишенная разного рода противоречий и провалов, на основе принципа сяокан. Согласно конфуцианству как философии хозяйства цель Китая может быть позиционирована как благо для всех — сяокан — со своими уровнями повышения благосостояния каждого социального слоя и в конечном итоге — каждого китайца [20, с. 58].

Заслуживают внимания этические аспекты экономической теории. В контексте разработанного Исследовательским институтом социального развития при ООН в качестве нового показателя оценки социально-экономического благосостояния стран мира используется индекс человеческого развития. Утверждение подобного рода показателей в качестве официальной статистической отчетности на международном и национальном уровнях может позволить по-новому взглянуть на социо-культурно-экономическое состояние и развитие стран.

Активное развитие в современном мире получила концепция «экономика счастья». С этой точки зрения этика должна определять векторы развития экономики. Как мысли, чувства, слова и дела нравственного человека совпадают, так и нравственные законы экономики должны совпадать с приоритетами экономической политики. Можно согласиться с А. Рихом, что хозяйственная этика и (или) этическая экономия по степени значимости и диапазону проблем — «самая важная и наисложнейшая составляющая социальной этики» [14, с. 79].

В принципе этика семейной жизни и политическая этика так же сложны и важны, как и хозяйственная этика. Этическая экономия — это та социокультурно-этико-экономическая область знаний, в которой отражается применение социально-этических воззрений и принципов в области экономики.

Выводы

1. У разных народов на различных исторических этапах развития хозяйства, экономической мысли и науки существовали разнообразные формы взаимосвязи этических и экономических проблем, разрабатывались начала и основы этической экономии.
2. XXI в. расширил кругозор исследователей в области взаимосвязи этики и экономики; предоставил широкое и глубокое знакомство с фундаментальными компонентами мировоззрения человека; показал

механизмы формирования этического отношения к фундаментальным экономическим отношениям: труду, собственности, богатству.

3. Этическая экономия — средство повышения эффективности экономической системы на микро-, мезо- и макроуровнях в целом. Этическая экономика — фактор снижения транзакционных издержек в контексте уменьшения фактов и размеров оппортунистического поведения.

Проблемный блок

1. Чем обусловлена трансформация взаимосвязи этики и экономики в разные исторические периоды в рамках различных экономических пространств?
2. Почему конфуцианство является одновременно философией хозяйства, этической основой экономики и в Японии, развивающей капиталистическую рыночную экономику, и в Китае, строящем социалистическое рыночное хозяйство?
3. Каковы точки ментального соприкосновения российского и китайского экономического сотрудничества?
4. Почему до сих пор нет однозначного определения справедливой цены и ее практического использования?
5. Почему ростовщичество неприемлемо для этической экономики?
6. Есть ли моральные принципы у *homo chrematisticus*?
7. Насколько этической является отечественная экономическая наука
И.Т. Посошкова, М.В. Ломоносова, С.Н. Булгакова, В.А. Кокорева?

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. *Августин Блаженный*. О граде Божием [Электронный ресурс] / Августин Блаженный. — URL: http://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem
2. *Аникин А.В.* Юность науки: жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса [Текст] / А.В. Аникин. — М.: Политиздат, 1975. — 384 с.
3. *Аристотель*. Никомахова этика. Большая этика [Текст] / Аристотель; пер. С.А. Жебелева // Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1984. — Т. 4. — 830 с.
4. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства [Текст]: монография / И. Бентам. — М.: РОССПЭН, 1998. — 415 с.
5. *Богл Д.К.* Битва за душу капитализма [Текст] / Д.К. Богл; пер. с англ. А. Калинина. — М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
6. *Валовой Д.В.* Блеск и нищета политэкономии [Текст] / Д.В. Валовой — М.: Экономическая газета, 2003. — 128 с.

7. История экономических учений [Текст]: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 784 с.
8. История экономических учений (современный этап) [Текст]: учебник / А.Г. Худокормов [и др.]; под общ. ред. А.Г. Худокормова. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 732 с.
9. Иохин В.Я. Экономическая теория [Текст]: учебник / В.Я. Иохин. — М.: Экономист, 2006. — 681 с.
10. История экономических учений: лекции проф. С.Н. Булгакова, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1911/12 г. — Третье издание. — М.: Типо-Литография Н.А. Яшкина, 1912.
11. Катасонов В.Ю. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма [Текст] / В.Ю. Катасонов. — М.: Кислород, 2014. — 408 с.
12. Козловски П. Принципы этической экономии [Текст] / П. Козловски; пер. с нем. В.Н. Белова; под ред. В.С. Автономова. — СПб.: Экономическая школа, 1999. — 344 с.
13. Петрунин Ю.Ю. Этика бизнеса [Текст]: учеб. пособие / Ю.Ю. Петрунин, В.К. Борисов. — М.: ТК Велби: Проспект, 2010. — 352 с.
14. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения [Текст] / И.Т. Посошков; ред. и комм. проф. Б.Б. Кафенгауза. — Репринт. изд. 1951. — СПб.: Изд-во АН СССР, 2004. — 415 с.
15. Рих А. Хозяйственная этика [Текст]: пер. с нем. / А. Рих; под общ. ред. В.В. Сапова. — М.: Посев, 1996. — 810 с.
16. Ролз Дж. Теория справедливости [Текст]: пер. с англ. / Дж. Ролз. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. — 500 с.
17. Смит А. Теория нравственных чувств [Текст]: пер. с англ. / А. Смит. — М.: Республика, 1997. — 351 с.
18. Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда [Текст] / Г. Шмоллер; пер. В.М. Нечаева; вступ. ст. А.А. Мануилова. — Репринт. изд. 1902. — М.: Либроком, 2014. — 386 с.
19. Юдина Т.Н. Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России [Текст]: монография / Т.Н. Юдина. — М.: ТЕИС, 2014. — 448 с.
20. Юдина Т.Н. Конфуцианство как философия хозяйства и эволюция китайской экономической мысли в ходе модернизации (конец 1970-х гг. — по наст. время) [Текст] / Т.Н. Юдина, Г.Б. Арутюнов // Философия хозяйства. — 2011. — № 5. — С. 51–61.
21. Albert Z. Carr. Is Business Bluffing Ethical? [Electronic resource] / Albert Z. Carr. — URL: <https://hbr.org/1968/01/is-business-bluffing-ethical#>
22. Centesimus Annus [Текст] // 100 лет христианского социального учения. — М.: Дом Марии, 1991. — С. 25–64.
23. Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren (1930) [Text] / J.M. Keynes. — New York: W.W. Norton & Co., 1963. — P. 358–373.
24. Milton Friedman. The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits [Electronic resource] / Milton Friedman // The New York Times Magazine. — 1970. — September 13. — URL: <http://umich.edu/~thecore/doc/Friedman.pdf>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вы познакомились с переработанной версией учебного пособия «Философия и методология экономики» и теперь можете судить о его достоинствах и недостатках. Надеемся, что нам удалось достигнуть поставленной цели и показать место экономической науки среди социально-гуманитарных дисциплин, раскрыть многоаспектную природу экономического знания, продемонстрировать возможность философской рефлексии в постижении сущности экономических событий и процессов и представить системный взгляд на новое научное направление.

К числу результатов, представленных в работе и заслуживающих специального внимания, относим следующие положения:

- экономика — это наука, изучающая формы хозяйственной деятельности, направленной на повышение благосостояния индивида и общества; это неоднаправленное, многовариантное движение к истине, ключ к пониманию хозяйственной жизни;
- первой научно-исследовательской программой в экономике является классическая политическая экономия, в рамках которой формируются различные течения и школы, отличающиеся своим видением предметной области экономики, методами исследования и объяснения явлений хозяйственной жизни и принципов построения теоретической системы. Политическая экономия ориентировалась на ту картину мира, которую формировала наука и философия классического периода, и методы исследования, которые предлагали естественные науки, особенно механика;
- современная экономическая наука слабо соответствует основным принципам науки в целом, что может означать необходимость революционного переосмысления предмета и метода экономической теории: или сами принципы научного знания потеряли универсальный характер, или мы имеем дело с новым этапом взаимоотношений экономической теории и современной парадигмой научного знания;
- в связи с этим необходимо отказаться от заблуждения, что неоклассика настолько гибка и открыта для дополнений, что ее можно трансформировать до бесконечности, вводя новые

предпосылки, часто взаимоисключающие друг друга, сохраняя при этом ее «жесткое» ядро. Пришло время для кардинального пересмотра основных теоретических постулатов экономической науки;

- один из объектов, который необходимо подвергнуть критике, — принцип методологического индивидуализма в связи с тем, что: его эмпирические основания ограничивают прогностические возможности теории; отсутствует подлинное внимание к поведению индивида, что проявляется в элиминации психологии из объяснительной части социально-экономической теории; невозможно описать реальность, в которой существуют только индивиды, вне каких-либо взаимосвязей между ними и вне образуемых ими структур;
- другой объект критики — детерминизм продолжает оставаться основным атрибутом современной экономической теории и принимает различные формы: это и детерминизм чистой экономической теории, свободной от влияния внеэкономических факторов; и институциональный детерминизм, полагающий нормы и правила поведения человека объективным фактором, направляющим развитие общества и не подверженным влиянию самого человека; и математический детерминизм, задающий количественный подход к анализу экономических и социальных явлений; и наконец, технологический детерминизм, понимаемый как господство технологий, работающих на капитал и определяющих социальную жизнь;
- в настоящее время невозможно проводить исследования хозяйственной деятельности, используя только рациональные методы научного познания или опираясь только на практический опыт. С одной стороны, излишний рационализм приводит к упрощенному представлению об изучаемом предмете, превращая экономику в «абстрактную» науку; с другой стороны, излишний практицизм, обладающий слабым методологическим аппаратом, не дает возможности создать реалистичную модель того, как событие развивается. Поэтому симбиоз экономики как искусства и экономики как науки позволит получить целостную картину хозяйственной деятельности и даст возможность создать реалистичный прогноз дальнейшего ее развития;
- экономическая наука, наряду с общепhilософскими и общенаучными методами, применяет специфические методы исследования, на формирование которых значительное влияние

оказывают методы доминирующего экономического направления *mainstream*;

- необходимо преодолеть заблуждение, что использование математики в качестве основного инструмента познания является главной особенностью экономической методологии. Математический аппарат активно используется и в других социальных науках, например в социологии;
- формирование экономических методов представляет собой непрерывный процесс, который связан с экономической картиной мира и ее изменением;
- современную экономическую реальность невозможно познать только с помощью инструментов экономической науки, необходимо развитие сотрудничества как между различными отраслями самой экономической науки, так и с другими социальными науками (социологией, психологией, философией). Модель человека является таким инструментом, поскольку интегрирует положения различных дисциплин и помогает устанавливать междисциплинарные взаимодействия;
- философия и методология экономики — это научное направление, представляющее собой синтез философии, методологии, экономической теории и истории экономической мысли;
- философия хозяйства и философия экономики не являются синонимами и характеризуют разные направления исследований. Философию хозяйства интересует хозяйство во всем его многообразии, а философия экономики направлена на постижение сущности экономических явлений и процессов;
- принципиальное различие философии хозяйства и философии экономики заключено в их целевых причинах. Философия хозяйства исследует реальность, в которой хозяйственная жизнедеятельность человека выступает самоцелью и средством естественного саморазвития, самореализации человека. Философия экономики изучает действительность, в которой эксплуатация хозяйства, человека, природы обеспечивает максимально рациональный и эффективный рост богатства.

Авторы учебного пособия будут признательны за рекомендации по совершенствованию работы.

ГЛОССАРИЙ

Азиатский способ производства — предложенный К. Марксом термин, характеризующий особые социально-экономические отношения на Древнем Востоке. Главная особенность — государственная собственность на землю, большая роль государственного аппарата в организации производства, постоянное использование насилия по отношению как к основным производителями, так и к представителям чиновничьего аппарата (гл. 16)¹.

Альтруизм, альтруистическое поведение (фр. *altruisme* от лат. *alter* — другой) — нравственный принцип, предписывающий бескорыстные действия, направленные на благо (удовлетворение интересов) других людей, помощь другим без вознаграждения, ограничение личного интереса ради общего блага. Введен О. Контom в противоположность понятию «эгоизм» (гл. 16).

Аномия (фр. *anomie* — беззаконие, безнормность) — понятие, введенное Э. Дюркгеймом для характеристики кризисных, предраспандных состояний общества, проявляющихся в дезинтеграции, разложении системы ценностей, в массовом нарушении социальных норм. Разрабатывалось Р. Мертонem в связи с проблемами социальных дисфункций, девиации и преступности» (гл. 16).

Антитеоретизм — характеристика методологической установки крайнего эмпиризма, согласно которой факты являются единственным предметом научного познания, а само познание выражается только в описании, но не в интерпретации фактов; в данном случае научная теория носит вторичный, служебный характер (гл. 13).

Антихозяйство — хозяйство без любви и мудрости, когда человек механически создает мир искусственного, что приводит к смерти хозяйства (гл. 6).

Античная экономическая наука — практическая философия, изучающая жизнедеятельность человека и человечества в сфере хозяйства (гл. 1).

Бихевиоризм — направление в психологии начала XX в., представители которого полагали, что изучать можно не внутренние, психические процессы, происходящие в сознании и бессознательном человека, а только их внешние проявления, т.е. поведение человека, которое определяется рамками «стимул — реакция» (гл. 17).

Блага общественные — ценности и блага, которые потребляются коллективно всеми гражданами независимо от того, платят они за них или нет. В отличие от частных благ, которые можно индивидуально купить и которые приносят пользу только владельцу, общественные блага приносят пользу сразу всем и не поддаются простому распределению или купле-продаже (гл. 16).

¹ Номер главы, в которой данное понятие вводится и является основным понятием темы.

Вероятность — степень возможности какого-либо события (гл. 9).

Внеэкономическое принуждение — термин, описывающий использование собственниками средств производства (или государством) прямого физического или правового принуждения лично зависимых работников к труду; характерно для докапиталистических классовых обществ (рабовладельческих, феодальных, «азиатских» политарных и др.). В широком смысле включает также и моральные стимулы к труду, стремление к повышению социального престижа и авторитета в реальных первобытных, а также идеальных коммунистических обществах (гл. 16).

Выбор — ситуация, допускающая альтернативные варианты использования (гл. 15).

Вынужденная рациональность — такое поведение человека, когда «из бесконечно большого числа возможных альтернатив люди в состоянии видеть лишь немногие, как и предсказывать лишь немногие последствия, допуская ошибки» [5, с. 16] (гл. 17).

Дар — безвозмездная передача вещей, предметов, благ, обмен подарками. В современных обществах — обычай, ритуал, культурная традиция. В позднепервобытных обществах — важнейшая форма движения продукта, основа дарообменной престижной экономики (гл. 16).

Девияция — в поведении людей отклонение от нормы, нарушение правил (гл. 16).

Детерминизм — концепция, согласно которой ничто не происходит беспричинно, случайности в мироздании исключены (гл. 9).

Детерминированные связи — такие связи между элементами экономической действительности, которые предлагают упрощенный характер этой действительности и делают возможным точное предсказание результатов экономических процессов и явлений (гл. 14).

Дискреционные действия — «действия человека, которые основаны на обдумывании, состоящем в выявлении и сопоставлении в явной форме доступных альтернатив и принятии на основе такого сопоставления решения» [5, с. 83] (гл. 12).

Дискурс — методологическая единица, которая, в отличие от формальных и аксиоматических понятий, отражает встроенность социально-ценностного подхода в научное мышление (гл. 5).

Дисциплинарные онтологии экономической науки — представленные в различных экономических теориях и концепциях картины экономической реальности (гл. 8).

Достоверные обязательства, или обещания, заслуживающие доверия — действия, гарантированные стимулами их совершения в будущем (гл. 18).

Зависимость от предшествующего развития — «зависимость принимаемых решений в настоящем от результатов решений, принятых в прошлом» [5, с. 90] (глава 12).

Индекс цитирования — система учета цитирования научных источников на основе ссылок, являющаяся показателем структурной интеграции научного знания, эффективная непрерывно пополняемая мировая система научной информации, облегчающая информационный поиск и в то же время дающая возможность оценки качества публикаций научным сообществом (гл. 4).

Индетерминизм — учение, не признающее объективный характер причинно-следственной связи между явлениями и процессами и (или) отрицающее методологическую ценность причинного объяснения событий (гл. 9).

Институты (в новой институциональной экономической теории) — это правило или совокупность правил, имеющих внешний механизм принуждения индивидов к их исполнению (гл. 13, 18).

Институты (в традиционном институционализме) — образ (способ) мышления и (или) действия, оформившийся в социальные привычки и обычаи (У. Гамильтон) (гл. 13); совокупность правил и принципов поведения, которыми руководствуются люди в своих действиях; реальные формы организации поведения экономических субъектов, которые сложились в данном обществе (гл. 18).

Институции (Т. Веблен) — обычаи, сложившийся порядок (гл. 18).

Институциональный детерминизм — «поведение человека всецело определяется существующими правилами, в то время как сами эти правила не зависят от воли отдельного человека (гл. 9).

Инструментальная или формальная рациональность — означает «максимизацию некоторой определенной заранее цели при существующих ограничениях вне зависимости от того, действительно ли рассматриваемый субъект также видит ситуацию выбора и принимает соответствующее решение или же нет» [6, с. 59] (гл. 12).

Интернализм — точка зрения, согласно которой каждая дисциплина развивается по своим внутренним законам (гл. 2).

Интроспекция — метод самопознания субъекта через наблюдение за его собственными психическими процессами без использования внешних по отношению к субъекту приемов и эталонов анализа (гл. 13).

Иррациональное — знание, которое не поддается рациональному объяснению, но факт его существования воспринимается как данность (гл. 12).

История экономических учений — последовательное на основе принципа историзма изложение взглядов различных направлений и школ (гл. 5).

Исходные посылы теории — общие положения, на которые опирается теория и использует как аксиомы (гл. 10).

Коллективизм (фр. *collectivisme*) — собирательный социально-психологический термин, характеризующий как свойства человеческой личности, так и социальную установку, социальную доктрину, утверждающие нацеленность на коллектив, первичность и ценность социальной группы, даже общества в целом, по отношению к индивидуальной человеческой личности и ее потребностям. Противоположными понятиями являются индивидуализм, эгоизм (гл. 16).

Коммунизм первобытный — характеристика общественного и экономического устройства раннепервобытного общества, основами которого была полная

общая собственность на средства производства и продукты питания, а также принцип равного распределения пищи и практика постоянной взаимопомощи (гл. 16).

Контроль социальный — система социальных санкций, обеспечивающих социальный порядок, выполнение социальных норм (гл. 16).

Конфликт социальный — обострение социальных и экономических противоречий, приводящее к непосредственным столкновениям социальных групп, имеющих противоположные интересы. Нарушает ситуацию социального и экономического равновесия, предполагает использование внеэкономических средств (силовых, политических, правовых) для разрешения или подавления конфликта. Одно из центральных понятий марксистской политэкономии и социальной теории (гл. 16).

Конформизм социальный — социально-психологический термин, означающий готовность человека и практическую реализацию склонности к компромиссу в ситуации социального конфликта, подчинение властным и нормативным требованиям, отказ от последовательного отстаивания собственных идеалов, интересов, ценностей (гл. 16).

Критерии научности знания — особые свойства, определяющие природу научного знания и выделяющие его среди других форм познания (гл. 3).

Культура — социально значимый опыт человеческой деятельности, передаваемый из поколения в поколение и фиксируемый с помощью образцов поведения (паттернов), культурных норм, обычаев, традиций, ценностей, идеалов (гл. 16).

Культурно-рациональный индивид — взаимозависимость культурной и рациональной сторон в человеке, который рассматривается не только как самостоятельная единица, а понимается как неотъемлемая часть культуры в целом (гл. 18).

Макропричинность — отношения причинности на уровне макроэкономических явлений (проблемы экономического развития и роста, экономических циклов, динамика цен, формирование государственного бюджета и т.д.) (гл. 9).

Макроэтика — часть этики бизнеса, посвященная проблемам моральных взаимоотношений между макросубъектами социальной и экономической структуры общества; глобальные этические регуляторы, выполняющие функцию нравственного координирующего начала (гл. 19).

Максимизация полезности — стремление к возможно более полному удовлетворению потребностей экономического агента в условиях ограниченных ресурсов (гл. 15).

Математическая статистика — наука, которая, основываясь на методах теории вероятностей, занимается систематизацией и обработкой статистических данных для получения научных и практических выводов (гл. 14).

Математическая экономика — наука, применяющая математический аппарат как метод для анализа экономических процессов и явлений (гл. 14).

Математические методы экономического анализа — научное направление, исследующее экономические системы и процессы с помощью математических моделей и включающее совокупность дисциплин: математическую экономику, эконометрику, исследование операций (гл. 14).

Математическое моделирование — применение математических методов для описания объектов реального мира, предсказания их будущих состояний и управления ими (гл. 14).

Математическое программирование — раздел математики, объединяющий различные математические методы и отдельные дисциплины в области исследования операций для решения задач нахождения экстремума функций при наличии ограничений, описываемых линейными и нелинейными уравнениями (гл. 14).

Мезопричинность — отношения причинности на уровне экономических процессов, происходящих в городах, районах, областях, в отдельных отраслях и проч.

Метод — систематическая процедура, состоящая из последовательности определенных операций, применение которых либо приводит к достижению поставленной цели, либо приближает к ней (гл. 11).

Методика — система правил проведения определенных действий для достижения поставленной цели (гл. 11).

Методологический индивидуализм — методологический принцип в экономическом анализе, основанный на объяснении социальных феноменов и процессов через поведение индивида; совокупность индивидуальных действий образует социальную реальность, не обладающую онтологической самостоятельностью (гл. 13).

Методологический холизм (методологический «коллективизм») — принцип первичности целого (общества) по отношению к части, элементу (индивиду); утверждение, что общество обладает собственной логикой развития, целое всегда больше суммы элементов (глава 16); методологический принцип в экономическом анализе, основанный на объяснении социальных изменений исходя из понимания общества как самостоятельной реальности, несводимой к поведению индивидов (гл. 13).

Методология — вписанная в мировоззрение исследователя система принципов построения научной теории и принципов связи данной теории с практикой; учение о методах, их сущности и видах, специфике применения в разных науках (гл. 11).

Методология экономики — учение о методах анализа существующего экономического знания, методах получения нового знания и способах изложения знания (гл. 5).

Механизм управления транзакциями или институциональные соглашения — «совокупность договоров между людьми по поводу способов кооперации и конкуренции их друг с другом» [10, с. 76] (гл. 18).

Микропричинность — отношения причинности на уровне микроэкономических явлений (поведение фирм и индивидов в ходе производства, распределения, обмена и потребления) (гл. 9).

Микроэтика делового общения на предприятии — уровень взаимодействия со своими сотрудниками, клиентами, партнерами и даже конкурентами (гл. 19).

Моделирование — представление процесса, явления или ситуации с помощью выделенных по определенному принципу и систематизированных характеристик рассматриваемого объекта (гл. 14).

Модель — упрощенный образ реального объекта, процесса, ситуации в той или иной знаковой системе, создаваемый в целях предсказания поведения данного объекта (развития процесса или ситуации) (гл. 14).

Модель человека — упрощенное представление об экономическом поведении человека с точки зрения таких его характеристик, как мотивы, цели, способы данного поведения (гл. 15).

Мораль (введен Цицероном, от лат. *morales* — нравственный, от *mos*, множественное число *mores* — обычаи, нравы, поведение) — форма общественного сознания, характеризующая внутренний мир человека с позиции добра и зла (гл. 19).

Нано-, микро-, мезо-, макро-, мега- и глобальная экономики — уровни познания экономики, в том числе: нано- (на уровне хозяйствующего человека), микро- (на уровне домашних хозяйств и фирм), мезо- (на отраслевом и региональном уровнях), макро- (на уровне национальной экономики), мега- (на уровне мировой экономики) (гл. 1).

Наука — деятельность, направленная на получение объективных знаний об окружающем мире, результаты которой выражаются в виде фактов, законов, теорий и парадигм (гл. 3).

Научная коммуникация — совокупность видов профессионального общения в научном сообществе: публикации в научных журналах, конференции, симпозиумы, конгрессы, различные системы научной информации, совместная исследовательская деятельность, неформальное личное общение (гл. 4).

Научная рациональность — «совокупность норм, правил, стандартов, эталонов, необходимых для достижения определенных целей» [6, с. 58] (гл. 12).

Научное экономическое сообщество — ученые-экономисты, профессионально занятые научной деятельностью в той или иной специализированной области экономических знаний; сообщество людей, не имеющих фиксированного членства, но объединенных общими целями и устойчивыми профессиональными традициями и принявших на себя ответственность за целостность экономики как профессии и эффективное ее функционирование (гл. 4).

Научно-исследовательская программа — понятие, введенное И. Лакатосом, понимается как набор конкурирующих исследовательских программ, объединенных совокупностью фундаментальных идей и методологических принципов (гл. 2).

Научные школы — форма кооперации научной деятельности ученых, разделяющих определенные взгляды, оформленные в систему, признаваемые научным сообществом и формирующиеся под влиянием лидера — ученого, объединяющего своим авторитетом различные поколения исследователей (гл. 5).

Невидимый колледж — неформальная группа ученых, работающая над общей проблематикой на основе личных контактов, как правило, представляющая элиту наиболее продуктивно работающих исследователей (гл. 4).

Необходимость — категория, выражающая принципиальную предсказуемость и заданность поведения систем и объектов действительности (гл. 9).

Неявное знание — информация в некодифицируемой или слабо кодифицируемой форме (гл. 17); дологическое или даже иррациональное знание, которое в дальнейшем может приобрести статус рационального (гл. 12).

Нормативная экономическая теория — теория, которая включает ценностные суждения, определяющие каноны научного исследования, которые могут иметь неэкономическую природу (гл. 10).

Нормы социальные — правила, образцы поведения, социальные требования к индивиду, предписывающие установленную обществом модель поведения в тех или иных ситуациях (моральные, правовые, политические и др.). Включает санкции социальные (гл. 16).

Объект хозяйства — Вселенная как единый объект с позиции космического коммунизма (гл. 7).

Объективность — то (свойства), как вещь существует сама по себе.

Ограничения (при принятии решений) — внешние и внутренние условия, задающие объективные границы возможностей реализации потребностей (гл. 15).

Ограниченная рациональность — предполагает, что все люди стремятся действовать рационально, но в действительности обладают этой способностью лишь в ограниченной степени [11, с. 41], вследствие внешних и внутренних факторов (гл. 12, 18).

Онтологические предпосылки экономической науки — базовые элементы научной теории и метода (понятия, установки, принципы, убеждения), на основании которых строится та или иная картина экономической реальности (гл. 8).

Онтология — учение о бытии в целом, о его основных свойствах и структуре (гл. 8).

Оппортунистическое поведение — «следование своим интересам, в том числе обманном путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими» [11, с. 43] (гл. 18).

Органическая рациональность — рациональность процесса при незнании целей (гл. 12).

Парадигма (научная матрица) — понятие, введенное Т. Куном для обозначения совокупности научных достижений, определенного набора проблем и методов для их решения, использующихся научным сообществом в качестве образца для научных исследований (гл. 2).

Поведение — действия, источником которых является индивид (гл. 17).

Поведенческая экономика — более узкая, чем экономическая психология, отрасль экономического знания, изучающая психологические предпосылки экономического поведения человека в целях более точного описания данного поведения на основе концепций ограниченной рациональности и неопределенности как преимущественного контекста процесса принятия решений (гл. 17).

Позитивная экономическая теория — теория, которая ограничивается положениями, подтверждаемыми фактами, поэтому позитивная экономическая теория свободна от ценностных суждений (гл. 10).

Полезность — способность удовлетворять потребности людей (гл. 15).

Политаризм — термин, введенный современным марксистом Ю.А. Семёновым для характеристики социально-экономической организации так называемых восточных обществ с азиатским способом производства. Основой политарного способа производства выступает государственная общеклассовая частная

собственность на средства производства и собственность государства на личности работников («государственное рабство»). Цементирующим началом политарного общественного строя выступает систематическое государственное насилие (репрессии) как по отношению к непосредственным производителям, так и по отношению к членам государственного чиновничьего аппарата. Имеет архаическую (агрополитаризм) и современную (неополитаризм, индустрополитаризм) форму (гл. 16).

Политическая экономия — название классической экономической науки до конца XIX в. (гл. 1).

Понимающий человек — методологический подход, предполагающий отказ от рабочей модели человека; человек не должен рассматриваться как инструмент прогнозирования и предсказания. Модель человека задает контекст, необходимый для понимания функционирования экономики (гл. 18).

Понятийный аппарат экономической теории — совокупность понятий, которые задают смысловой контекст и служат для обозначения основных элементов экономической реальности (гл. 10).

Потребление — использование материальных и нематериальных благ для удовлетворения потребностей (гл. 15).

Потребности — атрибут живых существ, испытывающих нужду в чем-либо (гл. 15).

Предпочтения — упорядочение благ с позиции степени удовлетворения потребностей (гл. 15).

Престижная (церемониальная) экономика — обобщенное название экономики позднепервобытного общества, основу которой составлял принцип зависимости социального престижа от «щедрости» в дарениях. Наиболее яркими примерами считают дарообменные сети Кольцо Кулы меланезийцев островов Соломонова моря (описано Б. Малиновским) и «пóтлач» у индейцев Тихоокеанского побережья на северо-западе Северной Америки. Выделяют персональный и межгрупповой (свиные, ореховые, банановые, пивные и другие праздники) престижный дарообмен (гл. 16).

Престижное потребление — потребление товаров не в связи с их функциональными свойствами как предметов потребления, а потому, насколько потребление данных товаров является подтверждением общественной значимости и успеха (гл. 18).

Привычки — приобретенная склонность к совершению определенных действий при соответствующих условиях; могут проявляться в поведении сильнее, чем действия под влиянием норм (гл. 18).

Прикладная экономика — совокупность экономических дисциплин, изучающих конкретную сторону экономических отношений в целях решения практических задач (гл. 6).

Причина — фактор, обуславливающий те или иные действие, процесс, явление (гл. 9).

Причинность — категория, обозначающая такой порядок происходящего в мироздании, при котором причина неизбежно порождает следствие, если для этого соблюдены определенные условия (гл. 9).

Пространственная экономика — направление в экономической науке, изучающее экономическую реальность с точки зрения ее структурной организации (гл. 8).

Психологический человек — субъект многообразной индивидуальной и социальной деятельности, которая строится на основании и с учетом данных нам в нашем внутреннем опыте психических феноменов — представлений, душевных переживаний, мышления (гл. 17).

Психология — наука о психических феноменах или о различных аспектах сознания, в том числе процессах представления, переживания, мышления, на индивидуальном и групповом уровнях (гл. 17).

Рациональность в широком смысле — синоним «разумного», т.е. основанного на разуме мировоззрения и познания, в отличие от мифологического, художественного и иного восприятия мира» [6, с. 58] (гл. 12).

Редистрибуция (лат. *redistributio* — перераспределяю) — один из центральных терминов субстантивизма, введенный для характеристики экономической организации дорыночных обществ. В самом общем виде: концентрация значительной части созданного в группе (семье, общине, государстве) продукта в руках главы с последующим его перераспределением внутри той же самой группы. К. Поланьи рассматривал Р. как одну из трех основных, наряду с реципрокцией и рыночным обменом, форм интеграции экономики. Современные исследователи призывают различать: одну из форм уравнительного распределения; совместное потребление внутри семьи; один из способов эксплуатации, характерный для «азиатских» типов обществ (гл. 16).

Реципрокция (реципрокация) (*Reziprokation; Reciprocity; Reciprocite*; лат. *reciproco* — возвращать назад, двигать взад и вперед) — взаимность, взаимообмен, взаимозависимость, взаимный обмен дарами, обмен помощью, услугами. Введенный Б. Малиновским и развитый субстантивистами (К. Поланьи, Дж. Дальтон, М. Салинз) термин, характеризующий основной принцип взаимоотношений в области экономики и социальной жизни на стадии доклассового примитивного, т.е. первобытного, общества. Под общим названием Р. объединяется несколько качественно отличных видов экономических отношений: 1) одна из форм уравнительного распределения; 2) дарообмен; 3) взаимопомощь (гл. 16).

Роли социальные — набор правил, поведенческих стереотипов и социальных ожиданий, связанных с занимаемым человеком социальным положением, социальным статусом (глава 16).

Рутины — привычки на уровне группы; их не стоит понимать как наиболее распространенные привычки в той или иной социальной группе (гл. 18).

Санкции социальные — реакции общества на поведение индивида, поощрения соответствующего социальным требованиям поведения, наказание отклоняющегося от норм поведения (гл. 16).

Свобода — возможность действовать в согласии с собственным разумением (гл. 9).

Сильная форма рациональности — «означает максимизации полезности, при этом не учитываются все издержки, фирмы представляются как производственные функции, потребители — как функции полезности, распределение деятельности между различными способами экономической организации рассматривается как данное, а оптимизация является повсеместной» [7, с. 40] (гл. 12).

Следствие — результат действия обуславливающего фактора (гл. 9).

Случайность — категория, выражающая отсутствие прямых закономерностей в мире и в связи с этим непредсказуемость происходящих в нем процессов (гл. 9).

Софийность хозяйства — означает, что «источник творческой деятельности субъекта хозяйства обусловлен причастностью человека к Божественной Софии» [2, с. 33] (гл. 7).

Социальные институты — исторически развивающиеся системы норм, правил и социальных ролей, управляющие поведением индивидов и сообществ (гл. 13).

Социальный детерминизм — совокупность представлений, согласно которым существуют определенные движущие силы (социальные стандарты и социальные нормы) исторического развития общества, которые, будучи нематериальными по своей природе, превращаются в материальную силу (гл. 9).

Социологический номинализм (в противоположность социологическому реализму) — методологическая позиция в социологии, утверждающая, что реальными субъектами социальной и экономической жизни выступают только отдельные индивиды, преследующие собственные цели; понятия «общество», «классы», «социальные группы» являются лишь «ноуменами», т.е. умозрительными конструктами, не имеющими реальных носителей (гл. 16).

Социологический реализм (в противоположность социологическому номинализму) — методологическая позиция в социологии, утверждающая, что общество в целом, а также социальные группы и общности реально существуют и имеют собственные законы развития. Наиболее яркие представители — О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм и др. (гл. 16).

Специфический актив — «вид актива, доход от использования которого в рамках одной конкретной транзакции устойчиво превышает доход от его использования в рамках любой другой транзакции» (гл. 18).

Спор о методе — методологическая дискуссия конца XIX в. между представителями немецкой исторической и австрийской школ, посвященная проблемам определения предмета и метода экономической науки, суть которой сводилась к противостоянию рационалистического и эмпирического подходов к трактовке экономических законов и человеческого поведения (гл. 13).

Справедливая цена — понятие, введенное Аристотелем. В российской традиции делается упор на то, что понятие «справедливая цена» «строится» государем и она не может быть изменена торговцем. Однако встречаются недоразумения, происходящие в рыночной экономике при попытке использовать справедливые цены. Проблема справедливой цены, оставаясь важнейшей основополагающей проблемой, до сих пор не нашла своего окончательного научного определения и практического применения (гл. 19).

Справедливость — понятие этики (этическая добродетель), предполагающая соответствие поступков закону (гл. 19).

Стимул и реакция — заимствованные бихевиоризмом изначально биологические понятия, обозначающие соответственно воздействие внешней среды на человека и ответ человека на это воздействие, проявляющийся в определенных действиях (поведении) (гл. 17).

Стохастические связи — такие связи между элементами экономической действительности, которые предполагают сложный, вероятностный, неопределенный характер этой действительности и не позволяют сделать точный прогноз относительно результата экономических процессов и явлений (гл. 14).

Структура экономического знания — совокупность экономических понятий, находящихся в определенной взаимосвязи (гл. 11).

Субъект хозяйства — «человечество как таковое, не коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» [2, с. 256] (гл. 7).

Теоретический уровень экономического знания — совокупность высказываний об идеальных объектах, их свойствах и отношениях применительно к сфере экономики (гл. 10).

Теоретическое знание — совокупность понятий, объединенных в систему (гл. 10).

Теория игр — раздел математической экономики, изучающий «ситуации конфликта, когда интересы участников социального взаимодействия не совпадают (в частном случае — являются диаметрально противоположными)» (гл. 14).

Технотекстура — социальная прослойка, включающая ученых, инженеров, управленцев, финансистов, обеспечивающих нормальную работу предприятия; главная функция — обеспечение стабильности в обществе и рост благосостояния населения (гл. 18).

Транзакционные издержки — издержки по совершению транзакций; могут быть связаны с оппортунистическим поведением (О. Уильямсон), издержками управления поведением исполнителя (М. Дженсен и У. Меклинг); издержки координации в процессе производства (А. Алчиан и Х. Демсетц); издержками измерения (Й. Барцель) (гл. 18).

Философия и методология экономики — междисциплинарное направление, представляющее собой философский синтез экономической науки, ее методологии и истории экономических учений; занимается анализом и объяснением закономерностей развития целого комплекса наук о хозяйственно-экономической деятельности человека и человечества (гл. 5).

Философия хозяйства — «направление, которое рассматривает хозяйство через призму онтологии, космологии и антропологии» [16, с. 17] (гл. 7).

Философия экономики — научное направление, связанное с осмыслением сущности, структуры и функций экономического знания, способами

обоснования и развития как экономического знания в целом, так и его отдельных дисциплин (гл. 5, 7).

Философские основания науки — «общие представления науки определенного периода или конкретной науки о характере научной реальности (ее наиболее общих свойствах, отношениях, законах), способах ее научного познания, структуре научного знания, закономерностях развития науки и научного знания, социальных и ценностных предпосылках деятельности научных сообществ и отдельного ученого» [11, с. 264] (гл. 2).

Фундаментальная трансформация — процесс превращения отношений конкуренции *ex ante* в отношении двусторонней зависимости (или отношений с малым числом участников) *ex post* посредством вовлечения в транзакцию специфических активов [10, с. 77] (гл. 18).

Функции философии и методология экономики — формы деятельности, направленные на исследование экономической реальности (гл. 5).

Функциональная рациональность — характеризует действия человека, которые осознанны с точки зрения целевой установки (гл. 13).

Хозяйство — «вся творческая деятельность человека, направленная на преобразование природы, воспроизводство и сохранение самого человека, создание духовных и материальных ценностей, формирование различных социальных институтов и отношений» [16, с. 84] (гл. 7).

Частный порядок улаживания конфликтов — способ урегулирования спорных вопросов между сторонами контракта, который не предполагает участия в той или иной форме судов [10, с. 77] (гл. 18).

Человек социологический (*homo sociologicus*) — условная теоретическая модель человека, разработанная в социологии (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон) и описывающая специально выделенные учеными-социологами важнейшие свойства индивидов, живущих в обществе и подчиняющихся социальным нормам, ролевым предписаниям, избегающих социальных санкций. Методологическим основанием модели служит методологический холизм и социологический объективизм. Значимые характеристики представлены в акронимах *SRSM*, *OSAM*. Противостоит модели *homo economicus* (гл. 16).

Эконометрика — наука, применяющая экономико-математические методы и модели для изучения количественных и качественных взаимосвязей между объектами, процессами, явлениями экономической действительности (гл. 14).

Экономика — наука, изучающая формы хозяйственной деятельности человека и вырабатывающая рекомендации, направленные на совершенствование правил хозяйственной деятельности и увеличение эффективности их применения в целях повышения материальных основ благосостояния (гл. 3).

Экономика — система жизнедеятельности человека и человечества, связанная с воспроизводством благ, решением проблемы богатства (гл. 1).

Экономика как искусство — приемы, методы и способы ведения дел в какой-либо области экономики, характеризующиеся углубленным знанием теории и практики и направленные на совершенствование этой области.

Экономикс — современная экономическая теория, представляющая собой неоклассический синтез микроэкономики и макроэкономики, реализованный в концепции П. Самуэльсона (гл. 1).

Экономическая антропология — междисциплинарное направление исследований на стыке экономики, культурологии, социологии и психологии, занимающееся, с одной стороны, изучением особенностей экономической деятельности в традиционных обществах, а с другой — акцентирующее антропологический аспект любой фундаментальной экономической теории на протяжении всего развития экономической науки (гл. 15).

Экономическая действительность — конкретная форма экономической реальности, обладающая специфическими пространственно-временными характеристиками (гл. 8).

Экономическая картина мира — совокупность взглядов на субъект и объект хозяйства, их место и способы взаимодействия, представления об определенных формах управления и типах хозяйственной деятельности (гл. 8).

Экономическая методология — совокупность принципов и методов исследования, применяемых в сфере экономики (гл. 11).

Экономическая модель — наглядная форма познания, при помощи которой теоретические понятия и экономическая реальность соотносятся между собой, в результате сопоставления корректируется модель и таким образом разрабатывается экономическая теория (гл. 10).

Экономическая мысль — совокупность идей, изначально не образующих самостоятельное учение; не выделяются устойчивые связи между хозяйственными явлениями (гл. 1).

Экономическая наука — дисциплина, изучающая формы хозяйственной деятельности, направленные на повышение благосостояния индивида и общества (гл. 1).

Экономическая психология — наука, изучающая поведение экономических агентов (как индивидов, так и социальных групп), в том числе обуславливающие это поведение психологические установки и стереотипы экономического мышления (гл. 17).

Экономическая рациональность — способность экономического агента точно просчитывать сравнительные издержки своих действий для наилучшего использования находящихся в его распоряжении ограниченных ресурсов (гл. 15).

Экономическая рациональность (М. Вебер) — точный расчет адекватных средств для данной цели [5, с. 15] (гл. 12).

Экономическая реальность — сфера человеческой деятельности, в которой под воздействием внешних и внутренних факторов осуществляются производство, распределение, обмен, потребление и воспроизводство ресурсов и товаров (гл. 8).

Экономическая теория — методологическая база экономических наук, дающая общее представление об экономике, координирующее экономическое знание и объединяющее его в единую систему (гл. 6, 10).

Экономические дискурсы — социально-культурная форма осмысления экономической реальности (гл. 5).

Экономические научно-исследовательские программы (ЭНИП) — модель развития экономического знания, представляющая историю борьбы и смены конкурирующих исследовательских программ, объединенных совокупностью фундаментальных идей и методологических принципов (гл. 5).

Экономические парадигмы (ЭП) — признанные в рамках научного сообщества положения как проблематизируемые и дающие ключ к решению экономических проблем (гл. 5).

Экономический детерминизм — концепция в социальных науках, согласно которой определяющим фактором социального развития выступают экономические процессы (гл. 9).

Экономический человек (*homo economicus*) — концепция человека в экономической науке, зародившаяся в классической политической экономии и вполне сформировавшаяся в неоклассической экономической теории; Э.ч. есть атомистический рациональный индивид, принимающий решения и осуществляющий выбор самостоятельно на основании личного интереса и в целях возможно более полного (максимального) удовлетворения своих потребностей (гл. 15).

Экономическое время — форма процессуальной организации хозяйственной системы и ее структурных элементов (гл. 8).

Экономическое поведение — обусловленные предпочтениями действия индивидуальных и социальных субъектов, связанные с процессами производства, распределения, обмена и потребления (гл. 17).

Экономическое пространство — форма структурной организации хозяйственной системы и ее внутренних и внешних взаимосвязей (гл. 8).

Экономическое сознание — способ, которым существует знание о хозяйственной реальности (гл. 17).

Экономия — практическая философия, изучающая жизнедеятельность человека и человечества в сфере хозяйства (гл. 1).

Экстернализм — точка зрения, согласно которой на развитие науки оказывают влияние как внутренние, так и социокультурные факторы (гл. 2).

Эмпирическое знание — множество высказываний об абстрактных эмпирических объектах; рациональное знание в отличие от множества чувственных образов (гл. 11).

Эмпирическое экономическое знание — знание о совокупности экономических явлений и процессов (гл. 10).

Эпистемология — учение о научном знании, его свойствах и структуре, способах анализа данного знания, социальных предпосылках возникновения и моделях развития (гл. 10).

Эпистемология экономического знания — учение, изучающее специфику и структуру экономического знания (гл. 10).

Этика (от др.-греч. *этнос* — нрав, обычай) — наука о морали и нравственности (гл. 19).

Этическая рациональность — единство знания и добродетели, стремление к реализации этого единства в жизни (гл. 19).

Этическая экономия — теория этических предпосылок хозяйства и хозяйственная этика; экономическая теория этического, пользующаяся

инструментарием экономической теории; материальное учение о благах и экономической теории культуры (гл. 19).

Этический или моральный кодекс — система правил или принципов, управляющих поведением членов определенного сообщества на микро-, макроуровнях, выражающих понимание достойного поведения в соответствии с этическими принципами, моралью данного сообщества (гл. 19).

OSAM (*opinionated, sensitive, acting man*) — «имеющий собственное мнение, восприимчивый, действующий человек» — акроним, призванный раскрыть основные характеристики «человека социологического». Введен С. Линденбергом в целях дополнения и расширения более ранней «классической» модели **SRSМ** (гл. 16).

SRSМ (*socialized, role-playing, sanctioned man*) — «социализированный; исполняющий социальные роли, подвергающийся санкциям человек». Введенный С. Линденбергом акроним, фиксирующий свойства модели «человека социологического» (гл. 16).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на русском языке

Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации [Текст] / Р.Ф. Абдеев. — М.: Владос, 1994. — 336 с.

Августин Блаженный. О граде Божием [Электронный ресурс] / Августин Блаженный. — URL: http://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem

Автономов В.С. Модель человека в экономической науке [Текст] / В.С. Автономов. — СПб.: Экономическая школа, 1998. — 230 с.

Автономов В.С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках [Текст] / В.С. Автономов // Истоки. — 1998. — Вып. 3. — С. 24–71.

Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории [Текст] / В.С. Автономов. — М.: Наука, 1993. — 176 с.

Агацци Э. Ответственность — подлинное основание для управления свободной наукой [Текст] / Э. Агацци // Вопросы философии. — 2015. — № 1. — С. 30–40.

Адорно Т. Исследование авторитарной личности [Текст] / Т. Адорно. — М.: Серебряные нити, 2001. — 350 с.

Акерлоф Дж. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма [Текст] / Дж. Акерлоф, Р. Шиллер. — М.: Юнайтед Пресс, 2010. — 273 с.

Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: Критика постулатов и аксиом американской школы [Текст] / М. Алле // THESIS. — 1994. — Вып. 5. — С. 217–241.

Алле М. Экономика как наука [Текст] / М. Алле; пер. с фр. И.А. Егорова. — М.: Наука для общества: РГГУ, 1995. — 168 с.

Аллен Р. Дж. Математическая экономия [Текст] / Р. Дж. Аллен. — М.: Инстр. лит., 1963. — 670 с.

Американская социология. Перспективы, проблемы, методы [Текст] / под ред. Г.В. Осиповой. — М.: Прогресс, 1972. — 390 с.

Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий [Текст] / О.И. Ананьин. — М.: ИЭ РАН, 2013. — 50 с.

Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ [Текст] / О.И. Ананьин. — М.: Наука, 2005. — 244 с.

Ананьин О.И. Экономическая наука в зеркале методологии [Текст] / О.И. Ананьин // Вопросы философии. — 1999. — № 10. — С. 135–151.

Аникин А.В. Юность науки: жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса [Текст] / А.В. Аникин. — М.: Политиздат, 1975. — 384 с.

Ариели Д. Поведенческая экономика [Текст] / Д. Ариели. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 296 с.

Аристотель. Никомахова этика. Большая этика [Текст] / Аристотель; пер. С.А. Жебелева // Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1984. — Т. 4. — 830 с.

Аристотель. Политика [Текст] / Аристотель; пер. С.А. Жебелева // Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1984. — Т. 4. — 830 с.

Артыков Т.А. О всеобщем и универсальном характере времени [Текст] / Т.А. Артыков, Ю.Б. Молчанов // Вопросы философии. — 1988. — № 7. — С. 134–140.

Бабаев Б.Д. К вопросу об экономическом и социальном детерминизме [Текст] / Б.Д. Бабаев, Е.Е. Николаева // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики: сб. науч. тр.; под ред. Б.Д. Бабаева. — 2011. — Вып. 1. — С. 49–56.

Балацкий Е.В. Эволюция понятия времени в экономической науке [Электронный ресурс] / Е.В. Балацкий. — URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/177289>

Барр Р. Политическая экономия [Текст]: в 2 т.: пер. с фр. / Р. Барр. — М.: Междунар. отношения, 1995. — Т. 1. — 608 с.

Бартнев С.А. История и философия экономической науки [Текст]: пособие к кандидатскому экзамену / С.А. Бартнев. — М.: Магистр, 2008. — 270 с.

Батай Ж. Проклятая часть [Текст] / Ж. Батай; сост., предисл. С. Зенкин, коммент. Е. Гальцовой. — М.: Ладомир, 2006. — 742 с.

Барулин В.С. Социальная философия [Текст]: учебник / В.С. Барулин. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — 560 с.

Баумоль У. Экономическая теория и исследование операций [Текст] / У. Баумоль. — М.: Прогресс, 1965. — 496 с.

25 ключевых книг по экономике [Текст]: пер. с фр. / А. Бейтон, А. Казорла, К. Долло, А.М. Дре. — Челябинск: Урал LTD, 1999. — 559 с.

Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение [Текст] / Г. Беккер // THESIS. — 1993. — Вып. 1. — С. 24–40.

Белик А.А. Экономическая антропология: взаимодействие экономики и культуры [Электронный ресурс] / А.А. Белик. — URL: <http://economicarggu.ru/>

Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства [Текст]: монография / И. Бентам. — М.: РОССПЭН, 1998. — 415 с.

Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты [Электронный ресурс] / О.А. Бияков. — URL: <http://vtit.kuzstu.ru/books/shelf/book7/index.html>

Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют [Текст]: пер. с англ. / М. Блауг; науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. — М.: Журнал Вопросы экономики, 2004. — 416 с.

Блауг М. Несложный урок экономической методологии [Текст] / М. Блауг // THESIS. — 1994. — Вып. 4. — С. 53–68.

Богл Дж.К. Битва за душу капитализма = The Battle for the Soul of Capitalism [Текст] / Дж.К. Богл. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 422 с.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака [Текст] / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. — М.: Академический проект, 2007. — 335 с.

Болдырев И.А. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации [Электронный ресурс] / И.А. Болдырев. — URL:

<http://institutiones.com/general/1076-ontologiya-ortodoksalnoj-ekonomicheskoy-nauki.html>

Болтански Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов [Текст] / Л. Болтански, Л. Тевено; пер. с фр. О.В. Ковеневой; под ред. Н.Е. Копосова. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 576 с.

Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии [Электронный ресурс] / В.С. Братусь. — URL: http://psylib.ukrweb.net/books/_bratu01.htm

Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества [Текст] / К. Бруннер // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 51–72.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства [Текст] / С.Н. Булгаков. — М.: Терра-Книжный клуб, 2008. — 352 с.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики [Текст]: пер. с фр./ П. Бурдые; сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя: Ин-т эксперимент. социологии, 2005. — 576 с.

Бурдые П. Социология политики [Текст]: пер. с фр./ П. Бурдые; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.

Бурдые П. Экономическая модель в социальных науках [Текст] / П. Бурдые // Экономика и общество. — 1998. — № 10.

Вайзе П. Номо есoponicus и homo sociologicus: монстры социальных наук [Текст] / П. Вайзе // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 115–130.

Валовой Д.В. Блеск и нищета политэкономии [Текст] / Д.В. Валовой — М.: Экономическая газета, 2003. — 128 с.

Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства [Текст] / Л. Вальрас. — М.: Изограф, 2000. — 448 с.

Вардомский Л.Б. Российское экономическое пространство: вопросы единства в условиях глобализации [Текст] / Л.Б. Вардомский. — М.: ИЭ РАН, 2006. — 212 с.

Вебер М. Избр. произв. [Текст]: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

Вебер М. Основные социологические понятия [Текст] / М. Вебер // Западно-европейская социология XIX — начала XX в. — М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996. — С. 455–491.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер // Избр. произв. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избр. произв. [Текст]: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

Веблен Т. Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен. — М.: Прогресс, 1984. — 183 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [Текст]: пер. с нем. / Л. Витгенштейн; общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. — М.: Наука, 1958 (2009). — 133 с.

Воркуев Б.Л. Количественные методы исследования в микро- и макроэкономике [Текст] / Б.Л. Воркуев. — М.: ТЕИС, 2007. — 436 с.

Гаврилов А.Н. Региональная экономика и управление [Электронный ресурс] / А.Н. Гаврилов, П.П. Мирошкин, В.А. Крапивин. — URL: http://vasilieva.narod.ru/ru/stat_rab/book/Reg_ek_upr_Gavrilov/Reg_ek_upr_Gavrilov.htm

Гегель Г.В.Ф. Соч. [Текст]: в 14 т. / Г.В.Ф. Гегель. — Т. 2. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — 679 с.

Гидденс Э. Социология [Текст] / Э. Гидденс. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.

Гловели Г. Психологические основы экономического поведения [Текст] / Г. Гловели, Ю.Я. Ольсевич // Вопросы экономики. — 2010. — № 6. — С. 149–151.

Гольбах П. Здравый смысл, или Естественные идеи, противопоставленные идеям сверхъестественным [Текст] / П. Гольбах // П. Гольбах. Письма к Евгении. Здравый смысл. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 456 с.

Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции [Текст] / А.Б. Гофман // Социологический ежегодник. 2012: сб. науч. тр. — М., 2013. — С. 97–167.

Гранберг А.Г. Основы региональной экономики [Текст]: учебник для вузов / А.Г. Гранберг. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2000. — 495 с.

Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности [Текст] / М. Грановеттер // Экономическая социология. — 2002. — № 3. — С. 44–58.

Гребнев Л.С. Философия экономики: старые истины и новое мышление [Текст] / Л.С. Гребнев. — М.: Луч, 1991. — 155 с.

Гутнер Г.Б. Причина и следствие [Электронный ресурс] / Г.Б. Гутнер. — URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm>

Гутнер Г.Б. Моделирование [Электронный ресурс] / Г.Б. Гутнер. — URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm>

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество [Текст]: пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. — 602 с.

Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества [Текст] / Дж. Гэлбрейт. — М.: Прогресс, 1976. — 408 с.

Дарендорф Р. Тропы из утопии [Текст]: пер. с нем. / Р. Дарендорф. — М.: Праксис, 2002. — 536 с.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта [Текст] / Р. Дарендорф // СоцИс. — 1994. — № 5. — С. 142–147.

Дебор Г. Общество спектакля [Текст] / Г. Дебор; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. — М.: Логос, 1999. — 224 с.

Демьяненко А.Н. Фернан Бродель и становление геоисторического метода в исследовании экономического пространства [Текст] / А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятлова, В.Н. Украинский // Пространственная экономика. — 2013. — № 3. — С. 161–177.

Долгова К.А. О качественных характеристиках глобального экономического пространства [Текст] / К.А. Долгова, Л.Л. Зобова // MODERN high technologies: материалы конф. — 2014. — № 7. — 2014. — С. 68–69.

Доугерти К. Введение в эконометрику [Текст] / К. Доугерти. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 402 с.

- Дугин А.Г. Конец экономики [Текст] / А.Г. Дугин. — М.: Амфора, 2012. — 179 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм. — М.: Наука, 1991. — 575 с.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд [Текст]: пер. с фр. / Э. Дюркгейм; под ред. В.А. Базарова. — М.: Мысль, 1994. — 399 с.
- Ефимов В.М. Спор о методах и институциональная экономика [Текст] / В.М. Ефимов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2007. — Т. 5. — № 3. — С. 18–36.
- Журавлева Г.П. Экономика [Текст]: учебник для вузов / Г.П. Журавлева. — М.: Омега-Л, 2006. — 656 с.
- Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека [Текст] / В. Зомбарт // Собр. соч.: в 3 т. — Т. 1. — СПб.: Владимир Даль, 2005. — 637 с.
- Иванов А.В. Об аскетическом идеале хозяйствования у С.Н. Булгакова [Текст] / А.В. Иванов // Экономическая теория на пороге XXI века. — М.: Юристъ, 2002. — С. 67–76.
- Ильин В.В. Критерии научности знания [Текст]: монография / В.В. Ильин. — М.: Высшая школа, 1989. — 129 с.
- Интрилигатор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория [Текст] / М. Интрилигатор. — М.: Айрис-Пресс, 2002. — 553 с.
- Информационное моделирование [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ido.rudn.ru/nfpk/inf/inf9.html>
- Иохин В.Я. Экономическая теория [Текст]: учебник / В.Я. Иохин. — М.: Экономист, 2006. — 681 с.
- Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли [Текст] / под ред. В.А. Жамин. — Вып. 1. — М.: Экономика, 1989. — 381 с.
- Исторія экономическихъ учений: лекції проф. С.Н. Булгакова, читанныя въ Московскомъ Коммерческомъ Институте въ 1912/13 г. Часть вторая. — Изданіе четвертое. — М.: Типо-литографія Н.А. Яшкина, 1914.
- Исторія экономическихъ учений: лекції проф. С.Н. Булгакова, читанныя въ Московскомъ Коммерческомъ Институте въ 1911/12 г. — Третье изданіе. — М.: Типо-Литографія Н.А. Яшкина, 1912.
- История экономических учений [Текст]: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 784 с.
- История экономических учений [Текст]: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — 2-е изд. — М.: ИНФРА-М, 2010. — 784 с.
- История экономических учений (современный этап) [Текст]: учебник / А.Г. Худокормов [и др.]; под общ. ред. А.Г. Худокормова. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 732 с.
- Калинин Э. Концепция постклассической экономической рациональности [Текст] / Э. Калинин, Е. Чиркова // Вопросы экономики. — 1998. — № 5. — С. 68–78.
- Канеман Д. Рациональный выбор, ценности и фреймы [Текст] / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. — № 4. — С. 31–42.
- Канке В.А. Философия экономической науки [Текст]: учеб. пособие / В.А. Канке. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 384 с.

Канторович Л.В. Математика в экономике: достижения, трудности, перспективы (лекция в Шведской Академии наук в связи с присуждением Нобелевской премии за 1975 год) [Электронный ресурс] / Л.В. Канторович. — URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/BIO/LVK/LVK06.HTM>

Канторович Л.В. Математико-экономические работы [Текст] / Л.В. Канторович. — Новосибирск: Наука, 2011. — 760 с.

Капелюшников Р. Поведенческая экономика и новый патернализм [Электронный ресурс] / Р. Капелюшников. — URL: <http://polit.ru/article/2013/11/12/paternalism/>

Каптелин В.Н. Экспериментальные исследования зрительного восприятия слов [Текст] / В.Н. Каптелин // Вопросы психологии. — 1983. — № 1. — С. 147–152.

Карамова О.В. Философия, история и методология экономической науки [Текст] / О.В. Карамова. — М.: Спутник, 2007. — 208 с.

Карамова О.В. Этапы развития и периодизация российской экономической науки [Текст] / О.В. Карамова // Экономические науки. — 2012. — № 3 (88). — С. 56–60.

Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Текст] / И.Т. Касавин. — М.: Реабилитация, 2009. — 1248 с.

Катасонов В.Ю. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма [Текст] / В.Ю. Катасонов. — М.: Кислород, 2014. — 408 с.

Кейнс Дж.Н. Предмет и метод политической экономии [Текст]: монография / Дж.Н. Кейнс; пер. А. Гуковского. — Репринт. изд. 1899. — М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. — 278 с.

Кирдина С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма [Текст] / С.Г. Кирдина. — М.: ИЭ РАН, 2013. — 54 с.

Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм [Текст] / С.Г. Кирдина // Вопросы экономики. — 2013. — № 10. — С. 66–89.

Кирдина С.Г. Преодолевая ограничения методологического индивидуализма [Текст] / С.Г. Кирдина // Журнал экономической теории. — 2013. — № 4. — С. 100–109.

Кирчик О. Экономика конвенций, экономическая гетеродоксия и социальная онтология [Текст] / О. Кирчик // Вопросы экономики. — 2010. — № 7. — С. 4–11.

Клейнер Г. Нанозкономика [Электронный ресурс] / Г. Клейнер. — URL: <http://kleiner.ru/argpab/nanon.html>

Клейнер Г.Б. День и ночь в экономической теории Фрэнка Найта [Текст] / Г.Б. Клейнер // Найт Ф. Этика конкуренции; пер. с англ. под ред. Г.Б. Клейнера. — М.: ЭКОМ Паблишерз, 2009. — С. 4–9.

Кожевников Н.Н. Перспективы формирования экономической картины мира [Текст] / Н.Н. Кожевников, В.С. Данилова // Вестник СВФУ. — 2011. — Т. 8. — № 2. — С. 80–85.

Козловски П. Принципы этической экономии [Текст] / П. Козловски; пер. с нем. В.Н. Белова; под ред. В.С. Автономова. — СПб.: Экономическая школа, 1999. — 344 с.

Колесников В.А. Метод аналогий и экономические аспекты проектирования информационно-измерительных систем [Текст] / В.А. Колесников, В.М. Юров // *Фундаментальные исследования*. — 2003. — № 6. — С. 837–839.

Количественные методы в экономических исследованиях [Текст]: учебник / под ред. М.В. Грачевой, Ю.Н. Черемных, Е.А. Тумановой. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — 687 с.

Колупаева В.А. Время и пространство: экономический аспект [Текст] / В.А. Колупаева // *Изв. Томск. политехн. ун-та*. — 2008. — № 6. — Т. 312. — С. 84–88.

Коммонс Дж. Институциональная экономика [Текст] / Дж. Коммонс // *Экономический вестник РГУ*. — 2007. — Т. 5. — № 4. — С. 59–70.

Константинов А. Кто боится нейроэкономики? [Электронный ресурс] / А. Константинов. — URL: <http://rusrep.ru/article/2013/05/15/neiro>

Корнилова Т.В. Методологические основы психологии [Электронный ресурс] / Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов. — URL: <http://www.irbis.vogu.ru/repos/8666/Html/index.htm>

Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора [Текст] / Дж. Коулман // *Экономическая социология*. — 2004. — Т. 5. — № 3. — С. 35–44.

Коутс А.У. Экономист как профессия [Текст] / А.У. Коутс // *Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т.; пер. с англ. под ред. В.С. Автомова, С.А. Афонцева*. — СПб.: Эконом. шк., 2002. — Т. 1. — С. 142–170.

Кошовец О.Б. Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки и возможность построения научно-реализуемой онтологии [Электронный ресурс] / О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов. — URL: <http://www.ecfor.ru>

Кратчфилд Дж.П. Хаос [Электронный ресурс] / Дж.П. Кратчфилд, Дж.Д. Фармер [и др.]. — URL: <http://www.scientificamerican.com/author/james-p-crutchfield/>

Ксенофонт. Домострой [Текст] / Ксенофонт // *Воспоминания о Сократе*. — М.: Наука, 1993. — 593 с.

Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы [Текст]: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек / Р. Кубедду. — М., Челябинск: ИРИСЭН: Мысль: Социум, 2008. — 406 с.

Кулиев Т. Экономическая логика [Текст] / Т. Кулиев. — М.: Экономика, 2013. — 223 с.

Куликов Б.Н. Гармония экономического пространства [Текст] / Б.Н. Куликов. — Теребушка, 2009. — 60 с.

Кун Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налетова; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с.

Курс экономики [Текст] / под ред. Б.А. Райзберга. — М.: ИНФРА-М, 1997. — 720 с.

Кутателадзе С.С. Математика и экономика Л.В. Канторовича [Текст] / С.С. Кутателадзе // *Сибирский математический журнал*. — 2012. — Т. 53. — № 1. — С. 5–19.

Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма [Текст] / К. Лаваль. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 432 с.

Лакатос И. Методология исследовательских программ [Текст] / И. Лакатос. — М.: Аст, 2003. — 380 с.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ [Электронный ресурс] / И. Лакатос. — URL: http://royallib.com/book/lakatos_i/falsifikatsiya_i_metodologiya_nauchno_issledovatelских_programm.html

Лапаева М.Г. Экономист как профессия [Текст] / М.Г. Лапаева // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 13 (132). — С. 321–337.

Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса [Электронный ресурс] / П. Лафарг. — URL: <http://urss.ru>

Леванов А.Д. Экономическая динамика: теоретический и практический аспекты [Электронный ресурс] / А.Д. Леванов. — URL: <http://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/33/510/>

Лезурн Ж. Основные элементы теории полезности [Текст] / Ж. Лезурн // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 10–15.

Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. — 5-е изд. — Т. 23. — С. 40–43.

Ливандовская А.Д. Экономика и математика: их взаимодействие [Текст] / А.Д. Ливандовская // Вестник ТГЭУ. — 2008. — № 4. — С. 90–98.

Ломоносов М.В. Соч. [Текст] / М.В. Ломоносов; сост., вступит. ст. и коммент. А.А. Морозова. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. — 592 с.

Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь [Текст]: слов. современ. экон. науки / Л.И. Лопатников. — М.: Дело, 2003. — 520 с.

Лукияненко В.И. Homo consumens — человек потребляющий [Текст] / В.И. Лукияненко, М.В. Хабаров, А.В. Лукияненко // Век глобализации. — 2009. — № 2. — С. 149–159.

Маевский В. О рациональном поведении реального потребителя [Текст] / В. Маевский, Д. Чернавский // Вопросы экономики. — 2007. — № 3. — С. 71–85.

Макеева Л.Б. Критический реализм [Электронный ресурс] / Л.Б. Макеева. — URL: <http://iph.ras.ru/elib/1555.html>.

МакКлоски Д.Н. Полезно ли прошлое для экономической науки? [Текст] / Д.Н. МакКлоски // THESIS. — 1993. — Вып. 1. — С. 107–136.

МакКлоски Д. Риторика экономической науки [Текст] / Д. МакКлоски. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара: Международные отношения, Фак-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. — 328 с.

Макконнелл К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика [Текст] / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 972 с.

Мангейм К. Идеология и утопия [Текст] / К. Мангейм // Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. — М.: Юрист, 1994. — 693 с.

Маркс К. Введение [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — Т. 46. — Ч. I. — 471 с.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — Т. 13. — С. 5–9.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — Т. 3. — М.: Издательство политической литературы, 1955. — С. 1–4.

Маркузе Т. Одномерный человек [Текст] / Т. Маркузе. — М.: АСТ, 2003. — 528 с.

Марцинковская Т.Д. История психологии [Текст] / Т.Д. Марцинковская. — М.: Академия, 2004. — 544 с.

Маршалл А. Принципы экономической науки [Текст]: пер. с англ. / А. Маршалл. — М.: Прогресс, 1994. — Т. 3. — 351 с.

Маршев Б. История управленческой мысли [Текст]: учебник / Б. Маршев. — М.: ИНФРА-М, 2012. — 731 с.

Математические методы анализа экономики [Текст] / под ред. А.Я. Боярского. — М.: Изд. группа URSS, 1983. — 152 с.

Менгер К. Избр. работы [Текст] / К. Менгер. — М.: Территория будущего, 2005. — 496 с.

Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности [Текст] / К. Менгер // Менгер К. Избр. работы. — М.: Территория будущего, 2005. — С. 393–420.

Менгер К. Основания политической экономии [Текст] / К. Менгер. — М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. — 495 с.

Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р.К. Мертон; пер. с англ. Е.Н. Егоровой, З.В. Кагановой [и др.]. — М.: АСТ: Хранитель, 2006. — 874 с.

Мертон Р. Эффект Матфея в науке: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности [Текст] / Р. Мертон // Thesis. — 1993. — Вып. 3. — С. 270–271.

Мид Дж.Г. Избр.: сб. переводов / Дж.Г. Мид; сост. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. — М.: ИНИОН РАН, 2009. — 290 с.

Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории [Текст] / Л. Мизес. — Челябинск: Социум, 2005. — 878 с.

Микешина Л.А. Методологический индивидуализм [Электронный ресурс] / Л.А. Микешина. — URL: <http://iph.ras.ru/page21070618.htm>

Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования [Текст]: учеб. пособие / Л.А. Микешина. — М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. — 464 с.

Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы [Текст] / Л.А. Микешина. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 624 с.

Милль Д.С. Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственном ей [Электронный документ] / Д.С. Милль // Философия экономики: антология / ред. Д. Хаусман; пер. Н. Автономова [и др.]. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. — URL: <http://knigi.link/filosofiya-ekonomiki/opredelenii-predmeta-politicheskoy-ekonomii-8177.html>

Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования [Текст]: пер. с англ. / Д.С. Милль; предисл. и прил. В.К. Финна. — М.: ЛЕНАНД, 2011. — 832 с.

Минакир П.А. Экономический анализ и измерения в пространстве [Текст] / П.А. Минакир // Пространственная экономика. — 2014. — № 1. — С. 12–39.

Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков [Текст]: в 5 т. / редкол.: А.Г. Худокормов, Г.Г. Фетисов. — М.: Мысль, 2004. — Т. 1. От зари цивилизации до капитализма / отв. ред. Г.Г. Фетисов. — 718 с.

Михеева С.А. Рациональность и экономическое поведение: междисциплинарный подход [Электронный ресурс] / С.А. Михеева. — URL: <https://sites.google.com/site/konfep/Home/1-sekcia/miheeva>

Моделирование экономических процессов [Текст]: учебник / под ред. М.В. Грачевой, Ю.Н. Черемных, Е.А. Тумановой. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — 543 с.

Молчанов В. Две лекции о Брентано [Электронный ресурс] / В. Молчанов. — URL: <http://it.mmc.sfsfdu.ru/files?func=startdown&id=2497>

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии [Текст] / М. Мосс. — М.: КДУ, 2011. — 416 с.

Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <https://lsf.hse.ru/>

Назар С. Путь к великой цели. История одной экономической идеи / С. Назар. — М.: АСТ, 2013. — 704 с.

Найт Ф. Экономика и человеческая деятельность [Текст] / Ф. Найт // Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. — С. 124–134.

Нейман Дж. Теория игр и экономическое поведение [Текст] / Дж. Нейман, О. Моргенштерн; пер. с англ. под ред. Н.Н. Воробьева. — М.: Наука, 1970. — 708 с.

Николаева У.Г. Vita nuova архаических экономических отношений: загадки современной российской неформальной экономики [Текст] / У.Г. Николаева. — М.: Дашков и К°, 2005. — 175 с.

Николаева У.Г. Экономическая архаика и современность [Текст] / У.Г. Николаева. — М.: Дашков и К°, 2005. — 224 с.

Новейший философский словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. и сост. А. Грицанов. — URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=149350>.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия [Текст]: пер. с англ. / Р. Нозик. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 424 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 190 с.

Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [Текст] / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст; пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 480 с.

Нуреев Р.М. Предпосылки новой экономической парадигмы: онтология и гносеология [Текст] / Р.М. Нуреев // Вопросы экономики. — 1993. — № 4. — С. 131–144.

Нуреев Р.М. Экономический детерминизм и его критика Карлом Поланьи [Текст] / Р.М. Нуреев // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Р.М. Нуреева. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. — 321 с. — С. 185–205.

О'Брайен Д. Теория и эмпирическое наблюдение [Текст] / Д. О'Брайен // Парнама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т. / под ред. Д. Гринзюэя, М. Блини, И. Стюарта. — СПб.: Эконом. школа, 2002. — Т. 1. — С. 59–80.

Огородников В.П. Теория детерминизма как методология мониторинга, моделирования и предупреждения конфликтов [Текст] / В.П. Огородников // Фундаментальные исследования. — 2005. — № 1. — С. 63–66.

Огурцов А.П. Индетерминизм [Электронный ресурс] / А.П. Огурцов. — URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm>

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Текст]: 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов. — М.: Азъ, 1994. — 928 с.

Олейник А.Н. Институциональная экономика [Текст]: учеб. пособие / А.Н. Олейник. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 416 с.

Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения [Текст] / Ю.Я. Ольсевич. — М.: ИНФРА-М, 2014. — 413 с.

Орехов А.М. Методы экономических исследований [Текст]: учеб. пособие / А.М. Орехов. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 392 с.

Осипов Ю.М. Время философии хозяйства [Текст]: в 3 кн. / Ю.М. Осипов. — М.: Экономистъ, 2003. — 654 с.

Осипов Ю.М. Очерки философии хозяйства [Текст] / Ю.М. Осипов. — М.: Юристъ, 2000. — 368 с.

Осипов Ю.М. Философия хозяйства: вчера, сегодня, завтра [Текст] / Ю.М. Осипов // Экономическая теория на пороге XXI века. — М.: Юристъ, 2002. — С. 9–16.

Осипов Ю.М. Философия хозяйства [Текст]: в 2 кн. / Ю.М. Осипов. — М.: Юристъ, 2001. — 624 с.

Осипова Е.В. Детерминизм в социальных науках [Электронный ресурс] / Е.В. Осипова, Ю.В. Олейников, С.В. Евдокимов. — URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm>

Очерки экономической антропологии [Текст] / отв. ред. В.С. Автономов, А.Г. Гаджиев. — М.: Наука, 1999. — 127 с.

Павлов И.А. Поведенческая экономическая теория — позитивный подход к исследованию человеческого поведения [Текст]: науч. доклад / И.А. Павлов. — М.: ИЭ РАН, 2007. — 62 с.

Паринов С.И. К теории сетевой экономики [Текст] / С.И. Паринов. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. — 168 с.

Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения [Текст] / Т. Парсонс // Теоретическая социология: Антология; под ред. С.П. Баньковской. — М.: Кн. дом «Университет», 2002. — С. 3–39.

Петрунин Ю.Ю. Этика бизнеса [Текст]: учеб. пособие / Ю.Ю. Петрунин, В.К. Борисов. — М.: ТК Велби: Проспект, 2010. — 352 с.

Певтиев В.И. К концепции экономического пространства [Текст] / В.И. Певтиев // Проблемы новой политэкономии. — 2001. — № 3. — С. 32–36.

Погребняк А.А. О тематическом горизонте современной философии хозяйства [Текст] / А.А. Погребняк // Философия хозяйства. — 2001. — № 5. — С. 51–63.

Покидченко М.Г. История экономических учений [Текст]: учеб. пособие / М.Г. Покидченко, И.Г. Чаплыгина. — М.: ИНФРА-М, 2013. — 271 с.

Поланьи К. Аристотель открывает экономику [Текст] / К. Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р.М. Нурсева. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. — С. 79–110.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Текст] / К. Поланьи; пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова и А.П. Шурбелева; под общ. ред. С.Е. Федорова. — СПб.: Алетейя, 2002. — 320 с.

Поланьи К. О вере в экономический детерминизм // Нуреев Р.М. Экономический детерминизм и его критика Карлом Поланьи [Текст] / Р.М. Нуреев // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Р.М. Нуреева. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. — 321 с. — С. 28–37.

Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги [Текст] / К. Поланьи // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — С. 10–18.

Полтерович В.М. Кризис экономической теории [Текст] / В.М. Полтерович, А.А. Фридман // Экономическая наука современной России. — 1998. — № 1. — С. 46–66.

Поппер К.Р. Логика и рост научного знания [Текст]: избр. работы: пер. с англ. / К.Р. Поппер. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.

Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения [Текст] / И.Т. Посошков; ред. и комм. проф. Б.Б. Кафенгауза. — Репринт. изд. 1951. — СПб.: Изд-во: АН СССР, 2004. — 415 с.

Посыпанова О.С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей [Текст]: монография / О.С. Посыпанова. — Калуга: Изд-во КГУ имени К.Э. Циолковского, 2012. — 296 с.

Прайс Д. Дж. де С. Сотрудничество в «невидимом колледже» [Текст] / Д. Дж. де С. Прайс, Д. де Б. Бивер // Коммуникация в современной науке: сб. пер. с англ. / сост., общ. ред. и вступит. ст. Э.М. Мирского и В.Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1976. — С. 335–350.

Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? [Текст] / Р. Пребиш. — М.: ИЛА РАН, 1992. — 337 с.

Преодоление времени (по материалам международной научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова) [Текст] / под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Кулькова, Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС, 1998. — 560 с.

Прикладная экономика [Текст]: учеб. пособие / Г.И. Журухин [и др.]; под ред. Г.И. Журухина, Т.К. Руткаускаса. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2009. — 139 с.

Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии [Текст] / В.В. Радаев // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 3–14.

Радаев В.В. Что такое «экономическое действие»? [Текст] / В.В. Радаев // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 18–25.

Радаев В.В. Экономическая социология [Текст]: учебник для вузов / В.В. Радаев. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. — 603 с.

Райзберг Б.А. Прикладная экономика [Текст]: учеб. пособие / Б.А. Райзберг. — М.: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2010. — 318 с.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь [Текст] / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. — М.: ИНФРА-М, 2011. — 479 с.

Рих А. Хозяйственная этика [Текст]: пер. с нем. / А. Рих; под общ. ред. В.В. Сапова. — М.: Посев, 1996. — 810 с.

Роббинс Л. История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики [Текст] / Л. Роббинс; пер. с англ. Н.В. Автономовой; под ред. В.С. Автономова. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. — 493 с.

Роббинс Л. Предмет экономической науки [Электронный ресурс] / Л. Роббинс. — URL: http://igiti.hse.ru/data/058/314/1234/1_1_1Robb.pdf.

Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции [Текст]: пер. с англ. / Дж. Робинсон. — М.: Прогресс, 1986. — 400 с.

Розмаинский И.В. Посткейнсианский анализ характеристик человеческого поведения в условиях макроэкономических, технологических и институциональных изменений [Текст] / И.В. Розмаинский // Journal of Institutional Studies = Журнал институциональных исследований. — 2009. — Т. 1. — № 1. — С. 43–56.

Розмаинский Я. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории [Электронный ресурс] / Я. Розмаинский. — URL: <http://instituteofeconomics.com/theories/1073-o-metodologicheskikh-osnovaniyah-mejnstrima-i-geterodoksii-vekonomicheskoy-teorii.html>

Ролз Дж. Теория справедливости [Текст]: пер. с англ. / Дж. Ролз. — М.: Едиториал УРСС, 2010. — 536 с.

Рузавин Г. К проблеме рационального выбора в экономике и других общественных науках [Текст] / Г. Рузавин // Вопросы экономики. — 2003. — № 8. — С. 102–116.

Нобелевские лауреаты по экономике в XXI веке: Д. Канеман (2002), Р. Ауманн (2005), К. Писсаридес (2010), Ю. Фама (2013), Р. Шиллер (2013) [Электронный ресурс] / под ред. А.Г. Худокормова. — URL: http://archive.econ.msu.ru/journal/issues/2014/2014_volume_6.issue_2/

Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления [Текст] / Г. Саймон // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 16–38.

Самсин А.И. Философия экономики [Текст] / А.И. Самсин // Философия хозяйства: Альманах Центра общ. наук и экон. фак-та МГУ имени М.В. Ломоносова. — 2002. — № 6 (24). — С. 41–59.

Самуэльсон П. Основания экономического анализа [Текст] / П. Самуэльсон. — СПб.: Экономическая школа, 2002. — 604 с.

Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе [Нобелевская лекция] [Текст] / П. Самуэльсон // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 184–202.

Сачков В.А. Эволюция учения о причинности [Текст] / Ю.В. Сачков // Вопросы философии. — 2003. — № 4. — С. 101–119.

Сверчков Р. Эффективность финансовых рынков (Нобелевская премия по экономике 2013 года) [Текст] / Р. Сверчков, К. Сонин // Вопросы экономики. — 2014. — № 1. — С. 4–21.

Селигмен Б. Фрэнк Найт и абстракционизм [Электронный ресурс] / Б. Селигмен. — URL: <http://gallery.economicus.ru/>

Семёнов Ю.И. Как возникло человечество [Текст] / Ю.И. Семёнов. — М.: Наука, 1966. — 576 с.

Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России [Текст] / Ю.И. Семёнов. — М.: УРСС, 2014. — 382 с.

Семёнов Ю.И. Происхождение и развитие экономики. От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному) [Текст] / Ю.И. Семёнов. — М.: Красанд, 2014. — 720 с.

Семёнов Ю.И. Философия истории [Текст] / Ю.И. Семёнов. — М.: Академический проект, 2014. — 777 с.

Скоробогатов А.С. Институциональная экономика [Электронный ресурс]: курс лекций / А.С. Скоробогатов. — URL: <http://institutional.narod.ru/>

Слезингер Г.Э. Социальная экономика [Текст]: учебник / Г.Э. Слезингер. — М.: Дело и сервис, 2001. — 368 с.

Словарь основных понятий стратегического планирования [Электронный ресурс] / под общ. ред. Г.Б. Клейнера. — URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/89>

Смирнов С.В. Онтологический анализ предметных областей моделирования [Текст] / С.В. Смирнов // Известия Самарского научного центра РАН. — 2001. — Т. 3. — № 1. — С. 62–70.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст]: монография / А. Смит. — М.: Эксмо, 2009. — 956 с.

Смит А. Теория нравственных чувств [Текст] / А. Смит. — М.: Республика, 1997. — 351 с.

Сорос Дж. Алхимия финансов [Электронный ресурс] / Дж. Сорос. — URL: http://reflectthinking.ru/wp-content/uploads/2014/11/alhimia_finansov.pdf

Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм [Текст]: пер. с англ. / Дж. Сорос. — М.: Некоммерческий фонд «Поддержки Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий», 2001. — 458 с.

Социальная философия [Текст] / под ред. И.А. Гобозова. — М.: Издатель Савин С.А., 2003. — 528 с.

Социология управления [Текст]: учебник / под ред. В.И. Башмакова, В.Н. Князева, Р.В. Ленькова. — М.: Юрайт, 2014. — 409 с.

Стёпин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения [Текст] / В.С. Стёпин // Постнеклассика: философия, наука, культура. — СПб.: Мирь, 2001. — С. 249–295.

Стёпин В.С. Научная картина мира [Электронный ресурс] / В.С. Стёпин. — URL: <http://iph.ras.ru/elib/2017.html>

Сторчевой М. Новая модель человека для экономической науки [Текст] / М. Сторчевой // Вопросы экономики. — 2011. — № 4. — С. 78–98.

Стрижак Е.О. Онтологические основания метода экономической науки [Текст] / Е.О. Стрижак // Теоретическая экономика. — 2013. — № 5. — С. 14–26.

Стройк Д.Я. Краткий очерк истории математики [Текст]: пер. с нем. / Д.Я. Стройк. — М.: Наука, 1990. — 256 с.

Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию [Текст] / А.А. Сусоколов. — М.: Русская панорама, 2006. — 96 с.

Сухарев О.С. Экономическая психология как фундамент современной экономической науки [Текст] / О.С. Сухарев // Экономическая психология в современном мире: сб. науч. ст. / отв. ред. А.Н. Лебедев. — М.: Экон-информ, 2012. — С. 291–327.

Тараров Я.В. Онтологические основания физического знания и современная экономическая теория [Текст] / Я.В. Тараров, Н.А. Иваненко // Вопросы философии. — 2012. — № 2. — С. 47–56.

Теоретическая экономика: онтологии и этика [Текст] / под ред. О.И. Ананьина. — М.: ИЭ РАН, 2013. — 235 с.

Теплых Д.А. Концепции предметности психологии в контексте типов научной рациональности [Текст] / Д.А. Теплых // Методология и история психологии. — 2006. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 85–99.

Томпсон М. Философия науки [Электронный ресурс] / М. Томпсон. — URL: <http://gumer.info>

Троицкая И.В. Психология предпринимательской деятельности и основы экономической психологии [Электронный ресурс] / И.В. Троицкая. — URL: <http://eclib.net/50>

Трубицын А.В. Принцип рационального экономического поведения [Текст] / А.В. Трубицын. — М.: ИЭ РАН, 2006. — 225 с.

Тулмин С. Человеческое понимание [Текст] / С. Тулмин. — М.: Прогресс, 1984. — 327 с.

Тутов Л.А. Философия и методология экономики: предметная идентификация [Текст] / Л.А. Тутов // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2013. — № 11. — С. 4–20.

Тутов Л.А. Философия хозяйства. Опыт духовного преображения [Текст] / Л.А. Тутов. — М.: ТЕИС, 2003. — 279 с.

Тутов Л.А. Философия хозяйства: пространственно-временной аспект [Текст] / Л.А. Тутов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2002. — № 5. — С. 105–117.

Тутов Л.А. Экономика и математика: возможности и границы взаимодействия [Текст] / Л.А. Тутов, В.Н. Рогожникова // Философия хозяйства. — 2015. — № 6. — С. 89–100.

Тутов Л.А. Модели человека в институциональной экономической теории [Текст] / Л.А. Тутов, А.Е. Шаститко. — М.: МАКС Пресс, 2012. — С. 104.

Тутов Л.А. Экономический подход к проблемам организации знаний о человеке [Текст] / Л.А. Тутов, А.Е. Шаститко // Вопросы экономики. — 2002. — № 9. — С. 46–63.

Уайт У. Организационный человек [Текст] / У. Уайт // Личность. Культура. Общество. — 2002. — Вып. 3. — С. 281–302.

Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа [Текст] / О. Уильямсон // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 39–49.

Уильямсон О. Человеческое поведение и экономические организации. Доклад на Второй международной конференции по Новой институциональной экономике, 1998 [Электронный ресурс] / О. Уильямсон. — URL: <http://www.markus.spb.ru/avtoritet/williamson.shtml>

Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация [Текст] / О.И. Уильямсон. — СПб.: Лениздат, 1996. — 702 с.

Фейерабенд П. Изб. тр. по методологии науки [Текст] / П. Фейерабенд. — М.: Прогресс, 1986. — 543 с.

Филатов В.П. Модели человека в социальных науках [Текст] / В.П. Филатов // Эпистемология и философия науки. — 2012. — Т. 31. — № 1. — С. 125–140.

Филатов И.В. Индивидуализм и холизм в экономическом знании [Текст] / И.В. Филатов // Государство, экономика, общество: аспекты взаимодействия. — М.: Фонд, 2000. — С. 69–83.

Философия науки. Общий курс [Текст]: учеб. пособие для вузов / под ред. С.А. Лебедева. — М.: Академический проект: Альма Матер, 2007. — 731 с.

Философия социальных и гуманитарных наук [Текст]: учеб. пособие / под ред. О.А. Лебедева. — М.: Академический проект, 2006. — 832 с.

Философия [Текст]: энцикл. слов. / под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.

Фридмен М. Капитализм и свобода [Текст]: пер. с англ. / М. Фридмен. — М.: Новое изд-во, 2006. — 240 с.

Фридмен М. Методология позитивной экономической науки [Текст] / М. Фридмен // THESIS. — 1994. — Вып. 4. — С. 20–52.

Фролов Д.П. Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии [Текст] / Д.П. Фролов // Пространственная экономика. — 2013. — № 4. — С. 122–150.

Фролов И. Размышления о применении экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях [Текст] / И. Фролов // Вопросы экономики. — 2009. — № 12. — С. 72–82.

Фромм Э. Иметь или быть? [Текст] / Э. Фромм // Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? — Киев: НикаЦентр, 1998. — С. 189–389.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма. — URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt

Фуруботн Э.Г. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории [Текст] / Э.Г. Фуруботн, Р. Рихтер; пер. с англ. под ред. В.С. Катькало, Н.П. Дроздовой. — СПб.: ИД СПбГУ, 2005. — 702 с.

Хагуров Т. «Человек потребляющий». Антропологическая девиантология массовой культуры [Текст] Т. Хагуров. — Berlin: Saarbrucken, 2011. — 297 с.

Хазова Ю.В. Экспликация онтологии социально-гуманитарных наук [Текст] / Ю.В. Хазова // Вестник Волгоградского ун-та. Серия 7. Философия, социология и социальные технологии. — 2011. — № 2 (4). — С. 149–154.

Хайек Ф. Дорога к рабству [Текст] / Ф. Хайек. — М.: Новое изд-во, 2005. — 264 с.

Хайек Ф.А. Судьбы либерализма [Электронный ресурс] / Ф.А. Хайек. — URL: <http://www.libertarium.ru/14000>, <http://schumpeter.ru/contents.php?book=indiv>

Хайлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука [Текст] / Р.Л. Хайлбронер // THESIS. — 1993. — Вып. 1. — С. 41–55.

Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала [Текст]: пер. с англ. / С. Хедлунд. — М.: НИУ ВШЭ, 2015. — 423 с.

Хейне П. Экономический образ мышления [Текст] / П. Хейне. — М.: Новості: Catallaxy, 1992. — 704 с.

Хикс Дж. Стоимость и капитал [Электронный ресурс] / Дж. Хикс. — URL: <http://ek-lit.narod.ru/hiks009.htm>

Ходжсон Дж. Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция [Текст] / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. — 2008. — № 8. — С. 45–61.

Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение [Текст] / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. — 2000. — № 1. — С. 39–55.

Худокормов А.Г. История экономических учений (современный этап) [Текст] / А.Г. Худокормов [и др.]. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 733 с.

Худокормов А.Г. Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке) [Текст] / А.Г. Худокормов. — М.: ИЭ РАН, 2012. — 38 с.

Чаплыгина И.Г. Виды экономических норм и ценностная нагруженность экономического знания [Электронный ресурс] / И.Г. Чаплыгина. — URL: <http://istina.msu.ru/collections/2499689/>

Чекмарев В.В. Книга об экономическом пространстве [Текст] / В.В. Чекмарев. — Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2001. — 341 с.

Чекмарев В.В. Экономическое пространство как понятие и категория экономической науки [Текст] / В.В. Чекмарев // Современные проблемы экономической теории: в 2 ч. — М.: Парад, 2004. Человек в экономике и других социальных средах: коллективная монография [Текст] / отв. ред. В.Г. Федотова. — М.: ИФ РАН, 2008. — 195 с.

Чернецова Н.С. Природа и структура экономического пространства и экономические интересы [Текст] / Н.С. Чернецова // Известия ПГПУ. Общественные науки. — 2006. — № 2 (6). — С. 64–68.

Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория [Текст] / А.Е. Шаститко. — М.: ТЕИС, 2010. — 828 с.

Шаститко А.Е. Модели рационального экономического поведения человека [Текст] / А.Е. Шаститко // Вопросы экономики. — 1998. — № 5. — С. 53–68.

Шаститко А.Е. Развитие институциональной экономической теории [Текст] / А.Е. Шаститко // Журнал экономической теории. — 2013. — № 4. — С. 36–47.

Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? [Текст] / Р. Швери // Вопросы экономики. — 1997. — № 7. — С. 35–40.

Швырев В.С. Метод // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <https://lsf.hse.ru/>

Шеннон К. Работы по теории информатики и кибернетики [Текст] / К. Шеннон. — М.: Изд-во иностран. лит., 1963. — 827 с.

Шиллер Р. Иррациональный оптимизм. Как безрассудное поведение управляет рынками [Текст] / Р. Шиллер. — М.: Альпина Паблишерз, 2013. — 422 с.

Шкуратов И.Н. Феноменологический метод [Электронный ресурс] / И.Н. Шкуратов. — URL: <http://lebenswelt.narod.ru/>

Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда [Текст] / Г. Шмоллер; пер. В.М. Нечаева; вступ. ст. А.А. Мануилова. — Репринт. изд. 1902. — М.: Либроком, 2014. — 386 с.

Шулевский Н.Б. Философия хозяйства как мудрость века сего [Текст] / Н.Б. Шулевский // Философия хозяйства. — 2006. —

№ 2. — С. 37–61.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Й. Шумпетер; предисл. В.С. Автономова. — М.: ЭКСМО, 2007. — 864 с.

Шумпетер Й. История экономического анализа [Текст]: в 3 т. / Й. Шумпетер; пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. — СПб.: Экономическая школа, 2001. — Т. 1. — 552 с.

Homo institutus — Человек институциональный: коллективная монография / под ред. О.В. Иншакова. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. — 854 с.

Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты [Текст] / Т. Эггертссон; пер. с англ. М.Я. Каздана; науч. ред. пер. А.Н. Нестеренко. — М.: Дело, 2001. — 407 с.

Экологический детерминизм [Электронный ресурс]. — URL: http://storyo.ru/filo/37_04.htm

Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / отв. ред. О.И. Ананьин. — М.: Наука, 2008. — 255 с.

Блэк Дж. Экономика [Текст]: толков. слов.: англ.-рус. / Дж. Блэк; пер. А.В. Щедрин [и др.]; общ. ред. И.М. Осадчей. — М.: ИНФРА-М: Весь Мир, 2000. — 829 с.

Экономико-математический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В.И. Данилова-Данильяна. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 688 с.

Экономическая психология [Текст]: учеб.-метод. пособие / сост. А.А. Никитин. — Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2009. — 130 с.

Экономический словарь [Электронный ресурс]. — URL: [http:// abc.informbureau.com/](http://abc.informbureau.com/)

Элиас Н. Общество индивидов [Текст] / Н. Элиас. — М.: Праксис, 2001. — 330 с.

Эльстер Ю. Социальные нормы и экономическая теория [Текст] / Ю. Эльстер // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 73–91.

Энциклопедия практической психологии [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.psychologos.ru>

Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов [Текст] / К. Эрроу // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — С. 53–68.

Юдина Т.Н. Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России [Текст]: монография / Т.Н. Юдина. — М.: ТЕИС, 2014. — 448 с.

Юдина Т.Н. Конфуцианство как философия хозяйства и эволюция китайской экономической мысли в ходе модернизации (конец 1970-х гг. — по наст. время) [Текст] / Т.Н. Юдина, Г.Б. Арутюнов // Философия хозяйства. — 2011. — № 5. — С. 51–61.

Ярошевский М.Г. История психологии [Текст] / М.Г. Ярошевский. — М.: Мысль, 1985. — 575 с.

Литература на иностранном языке

Arendt H. The Human Condition [Text] / H. Arendt. — Chicago: The University of Chicago Press, 1998. — 349 p.

Backhouse R. Methodology in Action [Text] / R. Backhouse // Journal of Economic Methodology. — 2010. — Vol. 17. — P. 3–15.

Batie S.S. Wicked Problems and Applied Economics [Text] / S.S. Batie // American Journal of Agricultural Economics. — 2008. — № 5. — P. 1176–1191.

Beckert J. Beyond the Market: The Social Foundations of Economic Efficiency [Electronic resource] / J. Beckert, B. Harshav. — URL: <https://www.questia.com/library/120073619/beyond-the-market-the-social-foundations-of-economic>

Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation [Text] / J. Bentham. — Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1996. — 343 p.

Boettke P.J. Methodological Individualism, Spontaneous Order and the Research Program of the Workshop in Political Theory and Policy Analysis [Text] / P.J. Boettke, Ch.J. Coyne // Journal of Economic Behavior and Organization. — 2005. — Vol. 57. — P. 145–158.

Branco M.C. Family, Religion and Economic Performance: A Critique of Cultural Determinism [Text] M.C. Branco // Review of Social Economy. — 2007. — Vol. 65. — P. 407–424.

Brown R. Understanding Industrial Organizations: theoretical perspectives in industrial sociology [Text] / R. Brown. — London: Routledge, 1992. — 280 p.

Centesimus Annus [Текст] // 100 лет христианского социального учения. — М.: Дом Марии, 1991. — С. 25–64.

Clark A. Methodological Individualism, Cognitive Homogeneity and Environmental Determinism [Text] / A. Clark // Journal of Economic Methodology. — 2003. — Vol. 10. — P. 79–85.

Conlisk J. Why Bounded Rationality [Text] / J. Conlisk // Journal of Economic Literature. — 1996. — Vol. 34. — P. 669–700.

Cramer C. Homo Economicus Goes to War: Methodological Individualism, Rational Choice and the Political Economy of War [Text] / C. Cramer // World Development. — 2002. — Vol. 30. — P. 1845–1864.

Colander D. The Lost Art of Economics [Text] / D. Colander // Journal of Economic Perspectives. — 1992. — Summer. — Vol. 6. — Is. 3. — P. 191–198.

Dinu M. Indirect determinism [Text] / M. Dinu // Theoretical & Applied Economics. — 2013. — Vol. 20. — P. 169–173.

Douglass B. Economic Methodology and Nobel Laureates: Confirmation of a Methodological Paradigm Shift [Text] / B. Douglass // American Journal of Economics & Sociology. — 2012. — Vol. 71 (5). P. 1205–1218.

Duppe T. How Economic Methodology Became a Separate Science [Text] / T. Duppe // Journal of Economic Methodology. — 2011. — Vol. 18. — P. 163–176.

Economic Psychology and Experimental Economics [Text] / ed. by S. Kemp, G. Wall. — London: Taylor & Francis, 2013. — 216 p.

Ellerman D.P. Intellectual Trespassing is a Way of Life. Essays in Philosophy, Economics, and Mathematics [Text] / D.P. Ellerman. — New York: Rowman & Littlefield Publishers, 1995. — 28 p.

Enke S. More on the Misuse of Mathematics in Economics: A Rejoinder [Text] / S. Enke // The Review of Economics and Statistics. — 1955. — Vol. 37. — № 2. — P. 131–133.

Erdem T. Econometric Modeling of Competition: A Multi-category Choice-Based Mapping Approach [Text] / T. Erdem, R.S. Winer // Journal of Econometrics. — 1999. — Vol. 89. — P. 159–175.

Grafstein R. Getting the whole to play its part [Text] / R. Grafstein // Social Choice and Welfare. — 1989. — Vol. 6. — P. 77–83.

Grubel H.G. On the Efficient Use of Mathematics in Economics: Some Theory, Facts and Results of an Opinion Survey [Text] / H.G. Grubel, A.B. Lawrence // Kyklos. — 1989. — Vol. 39. — P. 419–442.

Heertje A. Schumpeter and Methodological Individualism [Text] / A. Heertje // Journal of Evolutionary Economics. — 2004. — Vol. 14. — P. 153–156.

Hildebrand D. The Role of Economic Analysis in the EC Competition Rules [Text] / D. Hildebrand. — London: Kluwer, 2009. — 596 p.

Hodgson G.M. Meanings of Methodological Individualism [Text] / G.M. Hodgson // Journal of Economic Methodology. — 2007. — Vol. 14. — P. 211–226.

Hrubec M. Beyond the Civilizational Crisis: On Determinism emergence [Text] / M. Hrubec, M. Brabec // Perspectives on Global Development & Technology. — 2011. — Vol. 10. — S. 94–112.

FAQ: Аксиоматический метод [Электронный ресурс]. — URL: <http://postnauka.ru/>

Imlay T.C. Paul Reynaud & France's Response to Nazi Germany, 1938–1940 [Text] / T.C. Imlay // French Historical Studies. — 2003. — Vol. 26. — P. 497–538.

Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren (1930) [Text] / J.M. Keynes. — New York: W.W. Norton & Co., 1963. — P. 358–373.

Kimmel A.J. Psychological Foundations of Marketing [Text] / A.J. Kimmel. — New York; London: Routledge, 2013. — 286 p.

Kirzner I. Competititon and Entrepreneurship [Text] / I. Kirzner. — Chicago: The University of Chicago Press, 1973. — 256 p.

Kmenta J. Econometrics: A Failed Science? [Text] / J. Kmenta // International Encyclopedia of Statistical Science. — 2014. — P. 412–415.

Kruger J. Unskilled and unaware of it: How difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments [Text] / J. Kruger, D. Dunning // Journal of Personality and Social Psychology. — 1999. — Vol. 77 (6). — P. 1121–1134.

Kunkel J.H. A Behavioral Model of Man: Propositions and Implications [Text] / J.H. Kunkel, R.H. Nagasawa // American Sociological Review. — 1973. — Vol. 38. — P. 530–543.

Lawson T. Applied economics, contrast explanation and asymmetric information [Text] / T. Lawson // Cambridge Journal of Economics. — 2009. — № 33. — P. 405–419.

Lawson T. Economics and Reality [Text] / T. Lawson. — London: Routledge, 1997. — 364 p.

Levinson H. Psychological man [Text] / H. Levinson. — Oxford: Levinson Inst., 1976. — 147 p.

Libby R. Man versus Model of Man: Some Conflicting Evidence [Text] / R. Libby // *Organizational Behavior and Human Performance*. — 1976. — Vol. 16. — P. 1–12.

Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular [Text] / S. Lindenberg // *Sociological Theory*. — Spring. — 1985. — P. 99–113

Luptacik M. Mathematical Optimization and Economic Analysis [Text] / M. Luptacik. — New York: Springer, 2010. — 208 p.

Mittelhammer R. Applied Economics — Without Apolog [Text] / R. Mittelhammer // *American Journal of Agricultural Economics*. — 2009. — № 5. — P. 1161–1174.

Montero B. Economics and the Mind [Text] / B. Montero, M.D. White. — Routledge, 2008. — 226 p.

Ng I.C.L. Learning to be Sociable: The Evolution of Homo Economicus [Text] / I.C.L. Ng, L.-M. Tseng // *American Journal of Economics and Sociology*. — 2008. — Vol. 67. — P. 265–286.

Ontology in Economics: Tony Lawson and his critics [Text]. — London: Routledge, 2008. — 372 p.

Opp K. — D. Sociology and Economic Man [Text] / K. — D. Opp // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. — 1985. — Vol. 141. — P. 213–243.

Peterson J. Economics Education after the Crisis: Pluralism, History, and Institutions [Text] / J. Peterson // *Journal of Economic Issues*. — 2013. — Vol. 47. — P. 401–410.

Polanyi K. The Great Transformation [Text] / K. Polanyi. — New York: Farrar & Rinehart, 1944. — 270 p.

Psychological Man [Text] / ed. by R. Boyers. — New York: Harper & Row, 1975. — 61 p.

Reijonen S. Environmentally friendly consumer: from determinism to emergence [Text] / S. Reijonen // *International Journal of Consumer Studies*. — 2011. — Vol. 35. — № 4. — P. 403–409.

Rushton M. Methodological Individualism and Cultural Economics [Text] / M. Rushton // *Journal of Cultural Economics*. — 1999. — Vol. 23. — P. 137–146.

Russian Contributions to Game Theory and Equilibrium Theory [Text]. — Berlin: Heidelberg; Springer, 2006. — 264 p.

Shiller R.J. Is Economics a Science? [Электронный ресурс] / R.J. Shiller. — URL: <http://www.project-syndicantary/robert-jshilleron-whether-he-is-a-scientist>

Spanos A. On Theory Testing in Econometrics: Modeling with Nonexperimental Data [Text] / A. Spanos // *Journal of Econometrics*. — 1995. — Vol. 67. — P. 189–226.

Swedberg R. Economics and Sociology [Text] / R. Swedberg. — New York: Princeton University Press, 1990. — 361 p.

The Handbook of economic sociology [Text] / ed. By Neil J. Smelser and Richard Swedberg. — New York: Princeton University Press; Russell Sage Foundation, 1994. — 752 p.

Theory in Economic Anthropology [Text] / ed. by J. Enslinger. — New York; Oxford: Alta Mira Press, 2002. — 23 p.

Tolman E.C. Behavior and Psychological Man [Text] / E.C. Tolman. — California: University of California Press, 1961. — 463 p.

Economic Psychology in Everyday Life [Text] / P. Webley, C. Burgoyne, S. Lea, B. Young. — London: Psychology Press, 2000. — 224 p.

Witztum A. The Firm, Property Rights and Methodological Individualism: Some Lessons from J.S. Mill [Text] / A. Witztum // Journal of Economic Methodology. — 2012. — Vol. 19. — P. 339–555.

Wrong D.H. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology [Text] / D.H. Wrong // American Economic Review. — 1961. — Vol. 26. — № 2. — P. 183–193.

Zafirovski M. Classical and neoclassical conceptions of rationality — Findings of an exploratory survey [Text] / M. Zafirovski // The Journal of Socio-Economics. — 2008. — Vol. 37. — P. 789–820.

Интернет-источники

[Электронный ресурс]. — <http://journals.cambridge.org/action/displayJournal?jid=EAP>

[Электронный ресурс]. — [http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1088-4963](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1088-4963)

[Электронный ресурс]. — <http://www.eur.nl/fw/english/eipe>

[Электронный ресурс]. — <http://www.informaworld.com/smpp/title~db=all~content=t713704064>

[Электронный ресурс]. — http://www.sagepub.com/journalsProdDesc.nav?ct_p=aimsAndScope&prodId=Journal201490

[Электронный ресурс]. — <http://www.uclouvain.be/en-chaire-hoover.html>

[Электронный ресурс]. — <http://www2.lse.ac.uk/CPNSS/Home.aspx>

[Электронный ресурс]. — <http://www.znaytovar.ru>

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ

Учебное пособие

2-е издание, переработанное и дополненное

*Под редакцией
доктора философских наук Л.А. Тутова*

Электронное издание сетевого распространения.

Оригинал-макет — А.В. Плотников.

Оформление обложки — А.В. Плотников.

Опубликовано 01.10.2021.

ЭФ МГУ имени М. В. Ломоносова; www.econ.msu.ru;

+7 (495) 939-17-15

ISBN 978-5-906932-88-4

9 785906 932884